

ВОЕННО-МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Альфред Штенцель

ИСТОРИЯ ВОЙН НА МОРЕ

с древнейших времен
до конца XIX века

том первый

Альфред Штенцель

**История войн на море
с древнейших времен
до конца XIX века**

Штенцель А.

История войн на море с древнейших времен до конца XIX века /
А. Штенцель —

В основу данного издания положен пятитомный труд германского адмирала Альфреда Штенцеля «История войн на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики», вышедший в Петрограде (1916-1919 гг.). Первый том охватывает период с начала мореплавания в древности до первой англо-голландской войны (1652-1654 гг.) Он посвящен эпохе подавляющего господства на море гребных судов и зарождению первых парусных флотов. Читатель познакомится со всеми знаменитыми сражениями, от Саламина до знаменитой атаки Тромпа Старшего у Дувра. Яркие характеристики флотоводцев, живое описание боев и основных типов боевых кораблей обогатят представления читателя об ушедших эпохах морского соперничества. Второй том посвящен истории морских войн с 1660 г. до 1900 г. Это было время огромных боевых парусных кораблей, господства линейной тактики и появления судов нового типа, приводящихся в движение паром и защищенных броней. Данный период морской истории интересен тем, что наглядно демонстрирует факт ускорения человеческой мысли и тот перелом в истории человечества, который начался в двадцатом столетии и продолжается до сего дня. Рутинная и прогресс, практика и теория, случайность и закономерность являются основными дилеммами нашей эпохи.

Содержание

Том I	5
К читателю	5
Часть первая. Период господства гребных флотов	7
Глава I. История мореплавания и морской торговли в древности	7
Древний Египет	8
Крит	14
Финикия	15
Архаическая Греция	22
Держава Ахеменидов	35
Глава II. Морское могущество Афин	39
Возникновение и усиление афинской морской державы	39
Начало греко-персидских войн	42
Поход Ксеркса	48
Действия греческого флота у мыса Артемизий	53
Сражение при Саламине	56
Тактические приемы времен второй греко-персидской войны	62
Расцвет Афинского морского союза	64
Пелопоннесская война	84
Упадок морского могущества Афин	101
Сицилийская катастрофа	105
Поражение Афин	120
Глава III. Карфаген и Рим	121
События, предшествовавшие первой Пунической войне	121
Первая Пуническая война 264-241 гг. до н. э.	130
Вторая и третья Пунические войны 218-202 гг. до н. э.	151
Войны с Македонией и Сирией	156
Глава IV. Господство Рима на Средиземном море	166
Войны против пиратов	166
Деятельность Помпея	169
Глава V. Битва при Акциуме	172
Агриппа как морской вождь	172
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Альфред Штенцель

История войн на море с древнейших времен до конца XIX века

По порядку о разных несообразностях, связанных с этой книгой.

1) Судя по послесловию к третьей части, у Штенцеля имелось описание наполеоновских войн. Здесь же полностью отсутствуют описания событий между 1793 и 1853 гг.

2) Редакция, переиздававшая книгу в 2002 г., придерживается довольно оригинальных взглядов. Главы, относящиеся к древней истории, были исправлены и дополнены в соответствии с исследованиями XX века. Эти дополнения никак не выделены в тексте.

3) На сайте Enoth Design книга была размещена с оглавлением издания 1918 г. Здесь же оглавление исправлено в соответствии с бумажным изданием 2002 г. В оглавлении указаны номера страниц. Отдельные несовпадения текста все же могут присутствовать.

Андрей Мятишкин

Том I

К читателю

Выпуская данную книгу в серии «Военно-морская библиотека», мы попытались заполнить многие пробелы в ряду русскоязычных изданий, посвященных истории войн на море. Насколько эта задача была реализована, судить Вам. Однако, прежде чем обратиться к изложению фактического материала, следует оговорить ряд моментов, связанных с осуществлением этого проекта.

За основу издания был взят пятитомный труд германского адмирала Альфреда Штенцеля «История войн на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики», вышедший в Петрограде (1916-1919 гг.) в приложении к журналу «Морской сборник» и являющийся работой весьма основательной и наиболее полной, но обладающий рядом специфических черт.

Во-первых, А. Штенцель как, пожалуй, и любой немецкий автор начала XX в. является ярко выраженным германоцентристом. Поэтому редакция взяла на себя смелость сократить некоторые главы, посвященные частным вопросам (например, о попытках создания регулярного флота в Бранденбурге в XVII в.).

Во-вторых, попытка сделать книгу более компактной вынудила нас дать другую структуру труда А.Штенцеля и исключить устаревшую на сегодняшний день вводную теоретическую главу.

В-третьих, русский перевод был выполнен разными переводчиками и, к сожалению, разной квалификации. Поэтому редакция вынуждена была переработать данный текст и привести его к современным языковым нормам. Одновременно в той части, где автор касается проблем древнего и средневекового судостроения, потребовалась некоторая переработка текста. Комментировать устаревшие сведения было не оправдано, поэтому не следует удивляться «осведомленности» автора начала XX в. о новейших археологических находках (например, пунической галеры, обнаруженной в 1972 г.).

В заключении следует отметить один важный факт из биографии А. Штенцеля, делающий его книгу интересной с научной точки зрения. Будучи молодым лейтенантом, он в 1860-х гг. служил на Средиземном море и находился при штабе итальянского флота в качестве наблюдателя от Пруссии. Соответственно, его описание битвы при Лиссе (1866 г.) является свидетельством очевидца. К тому же молодой офицер занимался по заданию прусского генерального штаба картографией и лично посетил все места средиземноморских сражений. Его описание битв эпохи античности отличаются скрупулезными и точными характеристиками театров военных действий. Достоинство, коим не блещут современные авторы.

Часть первая. Период господства гребных флотов

Глава I. История мореплавания и морской торговли в древности

Леопольд фон Ранке, крупнейший немецкий историк XIX столетия, в своем последнем крупном сочинении, всеобщей истории, в котором проявилась конечная мудрость его продолжительной жизни, посвященной изучению истории, выразился так: «Единственное, пожалуй, назначение человечества заключалось в том, чтобы путем мореплавания и войн между соседними государствами достичь развития».

«Мореплавание и войны», по его мнению, были двумя факторами, содействовавшими развитию человечества, то есть повлиявшими на весь ход истории. Говоря о «войнах между соседними государствами» он подразумевает, вероятно, главным образом, «соседей на суше», хотя и «соседи на море», даже в очень отдаленные времена, вели между собою крупные войны. С развитием мореплавания вода, и, в частности, море, перестали быть разъединяющим элементом и превратились в связующий, как в мирном, так и в военном отношениях.

Если Ранке и сказал: «единственное, пожалуй, назначение», то эту фразу не следует понимать как выражение сожаления о том, что назначение человечества не было иным. Здесь речь идет не о случайном явлении, о котором можно было бы сожалеть, но о законе человеческого развития, неизменном и последовательном, чуждом случайных влияний. Мореплавание и войны были прямыми путями, назначенными Проведением для развития человечества. В настоящее время эти оба пути слились в один в военном флоте.

Военные флоты не раз решали судьбу народов и тем самым оказывали решительное влияние на ход мировой истории. Несмотря на сравнительно небольшое число военных действий на море, морские войны имели большее значение, чем войны на суше; ни одна сухопутная битва по своему историческому значению не может сравниться с битвой при Акциуме или с Трафальгарским сражением. Первая из них обеспечила победителям владычество над всем древнем миром более чем на пять веков, а второе – господство на море, или, вернее, на всех морях в течение уже целого столетия.

Несмотря на это, историки всех времен уделяли свое внимание преимущественно сухопутным войнам и армии; последними не только больше интересовались, но и понимали их гораздо лучше, чем морское дело и морские войны.

Непостоянное море, на котором разыгрывались морские войны, для большинства людей незнакомо и не кажется привлекательным; морская же служба не располагает к научной и литературной деятельности, поэтому моряк редко прибегает к перу, хотя бы даже и владеет им отлично. Ни один из выдающихся флотоводцев не оставил нам описания своих походов, подобного сделанному Цезарем или, в более близкое нам время, Фридрихом Великим. Поэтому сведения о морских войнах, дошедшие до нас, к сожалению, неполны, недостаточны и часто противоречивы; по этой причине нередко, несмотря на все усилия, не удастся составить правильное представление о происходившем.

Само собой разумеется, что морские войны могли начаться тогда, когда развилось мореплавание, и поэтому будет вполне уместным обратить взгляд на историю судоходства и на народы, наиболее способствовавшие его развитию.

Зачатки судоходства относятся к тем временам, о которых у нас не имеется никаких сведений. Первым средством для передвижения по воде, вероятно, был плот, связанный из снопов камыша или же из древесных стволов, служивший для передвижения по течению или же приводимый в движение шестами; он снабжался грубым брусом, игравшим роль руля, и небольшим шалашом самого примитивного типа. Подобного рода плоты встречаются и донныне на

Висле и Оudere. Следующей ступенью является челнок – выдолбленный ствол дерева, используемый и теперь в южных морях и еще несколько десятков лет тому назад применявшийся для сообщения между Килем и Эллербеком в виде «однодеревки» (Einbaum), приводившихся в движение при помощи весел или же примитивного паруса. Это уже были суда, для изготовления которых требовалось применение известных инструментов, что указывает на некоторый прогресс. Еще большим прогрессом являются лодки, сколоченные из отдельных досок и снабженные веслами и парусами; такие суда могли появиться лишь при значительном развитии различных ремесел и умении обрабатывать металлы.

Толчок первым попыткам мореплавания, вероятно, дало рыболовство, за которым последовал обмен товаров, то есть морская торговля; наряду с этим на просторе никому не принадлежащего моря, где и в наше столетие сила часто является законом, еще в ранние времена развилось пиратство. По понятиям древних, у которых еще не было представления о международном праве, всякий чужестранец считался врагом, которого можно было убить безнаказанно; морской разбой не считался ни преступным, ни позорным и производился совершенно открыто. Все мореходные народы разбойничали на море, охотились на людей и занимались работоторговлей. Типичными примерами является похищение Елены и продажа в рабство Евмея (Одиссея, XV, 402-483).

В смысле расположения и годности к мореплаванию отдельные народы резко отличались друг от друга. Некоторые обладали природными способностями к далеким плаваниям, другие же, наоборот, не питали ни малейшей охоты и расположения к этому, что доходило у них даже до ужаса перед морем. К первым надо отнести финикийцев, большую часть греческих племен и этрусков, к последним же – египтян, индусов, персов и римлян.

Финикийцы еще в очень отдаленные времена выделялись среди других народностей развитием своего мореходства, но прямых доказательств этого, ни письменных, ни вещественных, сами они почти не оставили.

Древний Египет

Самые ранние сведения дошли до нас через посредство египтян, и то не в виде письменных свидетельств, оставленных древними писателями, а лишь благодаря производящимся с середины XIX в. раскопкам памятников и связанному с ним чтению иероглифов.

Море с соленой водой, по суеверным египетским воззрениям, воспрещавшим употреблять в пищу морских рыб и морскую соль, представлялось царством злого духа (Тифона) и внушало ужас, поэтому до воцарения более свободомыслящего фараона Псамметиха (664-611 гг. до н. э.) египетская морская торговля была лишь пассивной. С другой стороны, Нил со своими рукавами, служивший естественным путем сообщения, не мало способствовал тому, что в Египте, старейшей по культуре стране, очень рано и в широких размерах развилось речное судоходство. На мелководных речных протоках с незапамятных времен использовались легкие плоты с приподнятыми оконечностями, составленные, за недостатком леса, из связок папируса. Они приводились в движение шестами и служили для перевозки людей и животных, даже быков, и для доставки товаров на рынки. Одно из изображений такого плота относится к царствованию VI династии (середина III тыс. до н. э.).

В то же время, нельзя преувеличивает страх египтян перед морем и недооценивать их достижения в области судостроения и мореплавания. Первые деревянные суда появились в Египте на рубеже IV-III тыс. до н. э. Египтяне уже имели несколько довольно совершенных в техническом отношении типов судов, как, например, служившие для перевозки людей плоскодонные суда, длиною в 10-16 метров, ходившие под веслами и под парусом. За неимением достаточно прочных рангоутных деревьев, вместо мачты служили двуногие козлы с горизонтальным коротким реем, на котором крепился узкий высокий парус. Помимо паруса, для дви-

жения служили также ланцетовидные весла, числом от 8 до 26 с каждого борта; для управления судном использовались от 2 до 5 весел с каждой стороны в корме. На судах, предназначавшихся для дальних переходов, имелись сплетенные из тростника каюты. Численность команды доходила до 70 человек. Крупнейшие из этих судов имеют сходство с судами правителя Уганды Мтеса на озере Виктория, описанными Стенли в его книге «Через Черный материк», выпущенной в 1878 году, то есть более чем на 4600 лет позднее.

Помимо того, у египтян имелись большие понтоны, грузоподъемностью до 200 тонн, служившие для перевозки тяжелых грузов, каковыми, например, были каменные глыбы, применявшиеся для гигантских египетских построек.

По конструкции египетские корабли во многом напоминали более ранние нильские тростниковые суда или плоты. Единственным пригодным для кораблестроения деревом в Египте была акация, дерево твердое и волокнистое, из которого нельзя получить длинных досок. Короткие отрезки дерева скреплялись между собой посредством врезок и шпунтов (Геродот поэтому сравнивал обшивку египетских судов с кирпичной кладкой), корпус для большей прочности обтягивался тросами. Борта завершались планширом, на уровне планшира крепились бимсы. Эти бимсы и стрингер, проходивший от носа к корме непосредственно под ними, придавали корпусу дополнительную прочность. Шпангоуты отсутствовали. Натянутый трос между высоко поднятыми носом и кормой помогал удерживать их в таком положении. Киль как таковой отсутствовал – его заменяла продольная килевая планка, а двойная мачта, стоявшая ближе к носу, опиралась на борта, как у тростниковых судов, дно которых не могло дать надежной для нее опоры. Древнейшие египетские деревянные суда были найдены недавно в Абидосе, в погребениях начала первой династии – время царей Аха (Менеса) или Джера, около 3000 г. до н. э. В отличие от судов эпохи IV династии из Гизы, они были захоронены в собранном виде. В длину они достигали 20-30 метров, доски обшивки, как и предполагалось, скреплялись тросами, щели между ними законопачивались волокнами папируса.

С начала III тысячелетия Египет стал импортировать отличный строевой лес из Сирии и Малой Азии (знаменитые ливанские кедры), однако основные элементы конструкции египетских судов менялись медленно. В это время строились мореходные суда длиной до 50 м, рассчитанные на 40 и более гребцов. О них мы можем судить по сделанной в 1954 г. в Гизе находке 43-метрового судна царя Хеопса, которое было помещено в специальную подземную камеру в разобранном состоянии. Материалом для него послужили ливанский кедр, граб, сикомор и акация. Первоначально египтяне пользовались короткими, как на каноэ, веслами без уключин. Простейшие уключины – веревочные петли, пропущенные через отверстия в планшире, появились около 2400 г. до н. э. Гребцу приходилось вставать, чтобы погрузить весло в воду; совершая гребок, он опускался обратно на скамью. В это же время стали крепить к корме и рулевое весло, что облегчало управление судном.

Двойная, опиравшаяся на борта мачта и обыкновенная мачта однодревка просуществовали вместе до конца VI династии (около 2200 г. до н. э.), после чего двойная мачта окончательно вышла из употребления. На рельефе из гробницы Ахиби в Саккаре показано, как команда опускает такую двойную мачту.

До конца III тысячелетия использовались очень высокие (по отношению к корпусу) мачты, несшие один высокий и узкий парус (на Ниле, с его высокими берегами, это позволяло более эффективно ловить попутный ветер). Когда парус не использовался, мачта вынималась из степен и укладывалась вдоль палубы.

Мачту удерживали многочисленные ванты и бакштаги. Форштаги появились около 2400 г. до н. э. Мачта, первоначально ставившаяся ближе к носу, постепенно смещалась к корме. Около 1500 г. до н. э. ее помещали ровно посередине судна, что позволяло ему ходить не только прямо по ветру. Парус крепился верхней шкаториной к рее, а нижней – к утлегарю (в древности утлегарь использовали одни лишь египтяне). Утлегарь имел собственный стоячий таке-

лаж, так как сделанный из папируса парус не был достаточно прочным, чтобы его удерживать. Утлегарь был закреплен неподвижно, а парус поднимался и опускался вместе с реей. Египтяне не использовали блоки, поэтому для управления парусом требовалось много рук. Около 2000 г. на смену высокому парусу пришел парус прямо противоположной формы – низкий и очень широкий.

Морские суда строились по той же схеме, что и речные, с той лишь разницей, что для укрепления слишком легкого корпуса использовался толстый трос, протянутый между носом и кормой, с накинута на корму петлей. Команда натягивала его, закручивая при помощи ваги. Тонкий канат опоясывал корпус на уровне палубы, не давая обшивке расходиться под давлением палубных бимсов. Самые ранние морские суда можно видеть на рельефе из Абусира, выполненном около 2450 г., изображающем возвращение какой-то военной экспедиции.

Египетские тексты дают некоторые сведения об использовании флота в военных целях. В надписи вельможи Уны из Абидоса, конца XXV в. до н. э., содержится описание похода на восток против бедуинов и, в частности, десантной операции на юге Палестины, где проходила египетская граница. Это, очевидно, самое древнее описание совместных действий флота и сухопутных сил: «Его величество посылал меня пятикратно водить войско и усмирять страну жителей песков каждый раз, как они восставали, – с помощью этих отрядов я действовал так, что его величество хвалил меня. Доложили, что бунтари среди этих чужеземцев на Газелье Носу. Я переправился на судах с этими отрядами и пристал у высоких отрогов горы севернее страны жителей песков, причем половина войска шла сухопутной дорогой. Я пришел и захватил их всех. Были перебиты среди них все бунтари». (Иероглифическая надпись из Абидоса в Верхнем Египте, сановника Уны – современника царей VI династии Тети II, Пиопи I, Меренра I – середина XXV – начало XXIV вв. до н. э., Каирский музей. Перевод и комментарии Ю. Я. Перепелкина).

Имеются также сведения о первых дальних плаваниях древних египтян. По найденным при раскопках в долине Хаммамат иероглифическим надписям можно заключить, что египетские суда еще в 2300 г. до н. э. из гавани Левкос Лимен (ныне Козейр), где кончалась дорога, ведущая к Красному морю из Коптоса на верхнем Ниле – плавали в сказочную страну Пунт. Более точные сведения о морском деле в древности дают нам надписи и изображения в фиванском храме Дейр эль-Бахри, посвященные экспедиции, посланной в Пунт через Красное море царицей Хатшепсут (1479-1458) около 1470 г. до н. э.

Эти корабли, сходные с вышеописанными крупными нильскими судами, существовавшими за 1000 лет до того времени, указывают уже на значительные успехи. Корпуса изображенных на них кораблей Хатшепсут имеют более изящные, чем у судов Древнего царства, очертания, они имеют кормовую и носовую палубы с фальшбортом; форштевень прямой, ахтерштевень плавно изогнут и завершается бутоном лотоса. Концы палубных бимсов пропущены сквозь обшивку, что придавало конструкции большую прочность. Отпала необходимость опоясывать корпус судна тросом. Парус, как и на речных судах того времени, широкий и низкий. Он крепился на длинной рее из двух связанных между собой деревьев. Мачта более низкая, чем на более ранних судах, количество штагов сократилось. Никаких приспособлений для рифления парусов не видно, возможно, что при сильном ветре большой парус спускался и заменялся меньшим. Каждое судно имело по 30 гребцов – можно предположить, что эти корабли достигали не менее 30 м в длину. После 1400 г. до н. э. в египетском судостроении происходят большие изменения. В дальнейшем оно развивалось уже в рамках общей средиземноморской традиции, где тон задавали сперва Крит, а затем финикийцы и греки.

Эта морская экспедиция, снаряженная царицей Хатшепсут, является первым походом, о котором до нас дошли достоверные и обстоятельные сведения. Поэтому царице Хатшепсут по справедливости принадлежит первое место в морских анналах. Груз, привозимый из страны Пунт, состоял из золота, серебра, слоновой кости, черного и других ценных пород дерева,

живых благоухающих растений в кадках, благовонной смолы, леопардовых шкур, женщин, детей и павианов двух пород. До сих пор, однако, надо считать невыясненным, был ли совершен этот поход египтянами, которые, хотя и обладали значительным внутренним речным флотом, но под религиозным внушением жрецов питали нерасположение и страх к морю, или же финикийцами, находившимися издавна в частых сношениях с Египтом. За финикийцев говорит то обстоятельство, что среди фресок недавно открытой в Фивах гробницы, относящейся приблизительно к той же эпохе (XVIII династии), имеются изображения подобных же кораблей, но с финикийской командой. Возможно, что это были наемники, подобные финикийцам-наемникам тирского царя Хирама, совершившим спустя 600 лет поход на кораблях Соломона в страну Офир и вернувшимся оттуда с подобной же добычей. Когда, целое тысячелетие спустя, около 600 г. до н. э., царь Нехо отправил флотилию для обхода кругом Африки, то команда вся была составлена из тех же финикийцев, а не египтян (Геродот, IV, 42), которые, казалось бы, могли к этому времени отрешиться от суеверного страха перед морем под воздействием греческого влияния, проникшего в Египет при царе Псамметихе.

При своем нерасположении к морю, египтяне предоставили свою торговлю финикийцам. На Ниле же цари издавна содержали военные суда, и еще в очень отдаленные времена египетский военный флот имел определенную организацию. Около 1600 г. до н. э. флот этот выступил активно для вытеснения гиксосов (союза хурритских и семитских племен), поработивших страну и обосновавшихся в дельте Нила. События эти отражены в надписи на стеле царя Камоса (начало XVI в. до н. э.). Судя по этому источнику, флот использовался для рекогносцировки, для переброски и высадки войск. В надписи упомянуты названия нескольких кораблей. Сохранилась также надпись на стенах гробницы начальника гребцов Яхмоса, жившего при первых трех царях XVIII династии (начало – середина XVI в. до н. э.). Яхмос участвовал в нескольких кампаниях против гиксосов и кушитов, подавлял восстания на юге Египта. Перечислены названия нескольких судов, на которых он служил. Из надписи следует, что он неоднократно сражался на Ниле против вражеских флотов (упомянуты захваченные им в плен гребцы противника). Яхмос особо оговаривает те случаи, когда он сражался на суше – очевидно, основная его служба была связана с нильским флотом.

Рельеф Рамзеса III, около 1190 г. до н. э., из храма в Мединет Абу, изображает битву между египетским флотом и кораблями «народов моря» (филистимлян Библии). Сражение происходило где-то неподалеку от суши (в правом нижнем углу египетский воин добывает или берет в плен выбравшегося на сушу противника с затонувшего корабля), но определено сказать, где – в одном из рукавов Нила или у побережья Ханаана – невозможно. Египетские суда этого времени значительно отличаются от тех, что представлены на рельефах Хатшепсут. Это боевые корабли. Нос украшен головой льва, ахтерштевень прямой, а не изогнутый. Гребцы укрыты от вражеских стрел высоким фальшбортом. Палуб эти суда, очевидно, не имели. Натянутый между носом и кормой трос отсутствует – прочность корпуса, как и у сирийских кораблей с фрески 1400 г. до н. э., достигается за счет внутренней конструкции. Изменился и рангоут – исчез утлегарь, сократилось число штагов и топенантов рея. Реи уже не прямые, а слегка изогнутые. Мачта завершается смотровой площадкой. Появились гитовы – в том виде, в котором они затем существуют на протяжении всей античной эпохи. Это важное изобретение, позволяющее быстро подтягивать парус к рее, возможно, было сделано гораздо раньше, но здесь оно представлено впервые. Примечательно, что рангоут и такелаж египетских судов практически не отличается от вражеских. Корабли «народов моря» – эгейского типа, с прямыми угловатыми носом и кормой, нос украшен утиной головой.

Показано, вероятнее всего, внезапное нападение египтян на стоящий на якоре вражеский флот. Паруса вражеских кораблей убраны, гребцов с веслами не видно. Со стороны египтян действуют почти исключительно лучники. Воины народов моря, с круглыми щитами, в шлемах, увенчанных рогами или гребнем из перьев, размахивают мечами и копьями, но никакого

метательного оружия не применяют. Два египетских корабля сблизились с противником. Стоящий на носу египетский воин поражает копьём противника на корме вражеского судна. Египтянин на носу другого корабля готовится пустить в ход булаву.

Эта морская битва мало чем отличалась от сражения на суше. Морская тактика, если вообще существовало такое понятие, могла сводиться только к внезапной атаке или к попытке рассеять строй противника и уничтожить его суда поодиночке. Единственным специфическим морским оружием того времени был abordажный крюк. Таран еще не был изобретен, и морские сражения сводились к abordажным схваткам.

Всего на рельефе показаны девять кораблей (4 египетских и 5 вражеских), так что о реальном соотношении сил в этом сражении, и, тем более, о численности египетского военного флота, говорить трудно. Из документов XV-XIV вв. до н. э., найденных в Угарите (городище Рас-Шамра в Сирии), известно, что этот сравнительно небольшой, хотя и богатый, город-государство мог выставить до 150 боевых судов (нет данных, впрочем, ни об их размерах, ни о численности команд). Египет, даже в период относительного упадка, вероятно, мог позволить себе гораздо больше.

Тот тип морского судна, который преобладал в Эгейском мире в середине II тыс. до н. э., по-видимому был заимствован кораблестроителями Леванта и Египта около 1400 г.. Фреска из гробницы Кенамуна в Фивах представляет торговые суда, пришедшие в Египет, судя по их экипажу (ченобородые моряки с крючковатыми носами), из Сирии. Они во многом напоминают корабли Хатшепсут (выступающие далеко над водой нос и корма, прямые фор- и ахтерштевни, пропущенные сквозь обшивку бимсы). Удерживающий корму и нос продольный трос отсутствует – прочность корпуса достигается, очевидно, за счет внутренней конструкции (шпангоуты, стрингеры). По росписи невозможно судить о размерах этих судов, однако обнаруженные в Рас-Шамре (Угарите) документы примерно того же времени свидетельствуют о том, что строились и довольно большие суда – на один такой корабль могло быть погружено до 450 тонн зерна.

Энергичные правители Египта, например Сети I (1290-1279) и Рамзес II (1279-1212), а также Нехо (609-594 гг. до н. э.), выстроили при помощи финикийцев, доставлявших необходимый лес, флоты на Красном и Средиземном морях. Об одном из преемников последнего царя, именно об Априи (588-569 гг. до н. э.) говорится, что он вел морские войны с жителями Тира, добился господства на море и обложил данью города на Кипре. Особенного значения в истории военных флотов египетский флот не имел, так как он не защищал ни торгового флота, ни морской торговли.

Египтяне с древнейших времен умели строить каналы, дамбы, возможно даже шлюзы на судоходных каналах. В «Поучении царя своему сыну Мерикара» (последний жил в XXII в. до н. э.) уже идет речь о каких-то крупных гидротехнических сооружениях (каналах или дамбах) в Дельте, которые служили препятствием для азиатов (сам текст «Поучения» был составлен, вероятно, в эпоху Среднего царства).

Аристотель (Метеорология 1.15) писал, что первым, кто проложил канал через Истм (Суэцкий перешеек) был «Сезостирис». Плиний Старший (6.33.165) также упоминает Сезостириса, как первого строителя канала между морями, а Страбон (XVII. 1. 25; и I. 2. 31) сообщает, что этот канал был построен им «еще до Троянской войны». Таким образом, античные авторы относили начало строительства канала к эпохе XII династии, к правлению одного из Сенусертов (Флиндерс Питри, правда, считал, что античные сведения о «Сезостирисе» на самом деле относятся к Рамзесу II, т.е. ко времени XVIII династии).

Знаменитые рельефы Хатшепсут в Дейр эль-Бахри также связаны с вопросом о канале. Вопрос же сводится к следующему: была ли, при отправке товаров в Пунт по Красному морю, необходимость сперва везти их по суше через Восточную Пустыню и уже только на берегу моря перегружать на суда? Ведь на рельефах те же самые корабли, которые изображены плывущими

по Красному морю, затем показаны стоящими на Ниле рядом с Фивами. По этому поводу высказывались два противоположных мнения. Согласно одному из них (Брестед, Эрман), какой-то водный путь все же связывал восточный рукав Дельты с Красным морем уже при Хатшепсут. Другие же (Познер, Гарднер) считали, что никакого канала до эпохи Нехо (около 600 г. до н. э.) не было, а морские суда у причала в Фивах – плод воображения художника, символическое изображение успешно завершенной экспедиции. Тот факт, что ни на рельефах, ни в надписях в Дейр эль-Бахри нет ясных указаний на перевозку товаров по суше до Красного моря, они объясняли небрежностью художника, пробелами и сокращениями в описании маршрута экспедиции. В надписи, правда, несколько раз говорится, что экспедиция продвигалась «по воде и по суше», но ведь по суше мог проходить и конечный отрезок маршрута. Известно, что более ранние экспедиции в Пунт достигали этой полулегендарной страны сухим путем. Походы в Пунт предпринимались еще в самом начале III тысячелетия до н. э., а около 2600 г. до н. э. египтяне уже вывозили оттуда золото. Впрочем, какую страну, или страны, египтяне Древнего царства называли Пунтом – «Страной Богов» – точно не известно. В разное время они могли называть так любые места на побережье Аравии или Восточной Африки. Но где бы ни находился Пунт царицы Хатшепсут, надпись из Дейр эль-Бахри никак не объясняет появление морских судов на Ниле.

Наличие в Древнем Египте судоходных каналов в эпоху Нового царства засвидетельствовано археологией. Следы канала, построенного при Рамзесе II, были обнаружены при прорытии современного пресноводного канала. Он проходил мимо городов Пи-Рамессу, Бубастиса и Пифома, где были воздвигнуты гранитные стелы с надписями, восхваляющими царя и его смелый гидротехнический замысел. Ничего, однако, не указывает на то, что канал этот соединил два моря.

Следы еще одного судоходного канала были обнаружены израильскими геологами в северо-восточном углу Дельты (к востоку от Кантары). Они предположили, что этот канал некогда проходил до Нила через Вади Тумилат, хотя доказать это пока не удалось. Вдоль того участка «Восточного канала», который лежит между Суэцем и Газой, найдены многочисленные поселения эпохи Нового Царства, что позволяет датировать его строительство не позже этого времени.

С этим же каналом некоторые исследователи связывают рельеф Сети I (1290-1279) в Карнаке, где царь представлен пересекающим укрепленный мост, переброшенный над кишасщем крокодилами водным пространством. В надписи оно именуется «разделяющими водами» (та денат). Возможно, это тот самый «Восточный канал», или «Пути Гора», как он назван в других текстах.

В связи с вопросом о канале следует упомянуть еще одну экспедицию в Пунт, которая описана в так называемом «Папирусе Гарриса» – завещании Рамзеса III (1185-1153): «суда были нагружены египетскими товарами без числа. Причем они сами (суда), числом в десятки тысяч отправлены в море великое – Му-Кед. Достигают они страны Пунт. Нагружены суда и ладьи продуктами Страны Бога, всякими чудесными и таинственными вещами их страны, многочисленной миррой Пунта, нагруженной десятками тысяч, без числа ее. Достигают они, будучи невредимыми, Коптосской пустыни. Причаливают они благополучно вместе с имуществом, доставленным ими. Нагружают они его для перевозки посуху на ослов и на людей и грузят на суда на реке, на берегу Коптоса, и отправляют вверх по реке перед собой».

Трудно понять из контекста, куда же все-таки прибывают суда – к берегу Красного моря, где начинается «Коптосская пустыня», или к берегу Нила у Коптоса? С одной стороны, перегрузка товаров на людей и ослов, а затем – снова на корабли, вроде бы говорит в пользу того, что никакого канала между Нилом и Красным морем в то время не было, почему и требовалось их перегружать и везти по суше. С другой стороны, слов «затем» и «снова» в тексте нет, и можно понимать этот отрывок так, что в Коптосе товары распределялись и развозились по

всему Египту (для чего и нужны были другие суда, люди и ослы), и только часть их потом доставлялась царю. Окончательного ответа на вопрос о существовании или отсутствии канала между морями в конце Нового царства «Папирус Гарриса» не дает.

Более определенные сведения о судоходном канале относятся ко времени правления Саисской династии. Геродот (II. 158) пишет, что Нехо (609-594) начал строить канал от Нила до Красного моря, но не закончил его, и строительство было завершено персидским царем Дарием I (521-486). Длина его была равна четырем дням пути, и по нему могли пройти бок о бок две триремы. Вода в него поступала из Нила, начинался он немного выше Бубастиса. Далее он шел через Вади Тумилат, затем поворачивал на юг, вдоль современного Суэцкого канала. Канал этот упоминают Диодор Сицилийский (I. 33. 8-14) и Страбон (XVII. 1. 25).

Четыре стелы Дария I, установленные в честь завершения канала, найдены вдоль его русла (у Тель эль-Машкуты, в месте, где Вади Тумилат доходит до Суэцкого перешейка, в районе Кабрета и к северу от современного Суэца). Возможно, конечно, что Дарий просто расчистил канал Нехо и приписал его постройку себе.

Наконец, в эллинистическую эпоху Птолемей II (285-247) также прорыл канал, соединивший два моря. Его упоминают Диодор (I. 33. 11 -12) и Страбон (XVII. 1. 25), о нем говорится в надписи на стеле из Пифома (16-й год правления Птолемея). Начинался он несколько выше по течению Нила, чем прежний канал, в районе Факуссы. Не исключено, впрочем, что при Птолемее был расчищен, углублен и продолжен до моря старый канал, снабжавший земли Вади Тумилат пресной водой. С этого времени канал стал судоходным путем, соединившим оба моря. Император Траян (98-117 гг.) и халиф Омар (634-641 гг.) углубляли канал и увеличивали его судоходность; но в 767 г. он был умышленно засыпан при халифе Абу Джафаре. Горькие озера быстро высохли под палящими лучами солнца и оставались сухими до прорытия нынешнего канала.

Крит

Говоря о развитии мореплавания в Средиземном море, нельзя не упомянуть о мореходах Крита, создателях первого в истории регулярного флота. Основы древней цивилизации Крита были заложены в IV тыс. до н. э., вероятно, выходцами из Малой Азии, потомками ее древнейшего населения. Высказывалось предположение, что дополнительный импульс к развитию эта цивилизация получила от обитателей дельты Нила, переселившихся на остров около 3000 г. до н. э. Жители Крита создали первую в истории морскую державу. С конца III и до середины II тыс. до н. э. они безраздельно господствовали на Средиземном море, – память об этом сохранилась в греческой традиции, в преданиях о царе Миносе и его талассократии (морском правлении, господстве на море). В основе могущества и процветания Крита лежала морская торговля.

Минойская цивилизация (названная так ее первооткрывателем, Артуром Эвансом), вероятно, была лишена присущей многим ранним цивилизациям агрессивности. Сцены сражений редко встречаются в богатом сюжетами искусстве Крита, его города не имели оборонительных стен – море и сильный флот защищали его от иноземных вторжений.

Кажется даже странным, что изображения критских судов сохранились почти исключительно на печатях, где очень трудно разобрать и интерпретировать мелкие детали. Судя по этим изображениям, примерно до 1600 г. до н. э. преобладали суда с высоким округлым носом и почти вертикально срезанной кормой, иногда – с каким-то загадочным выступом в нижней ее части. Они несли одну мачту почти по центру (в некоторых случаях она даже слегка сдвинута к корме) с большим прямоугольным, почти квадратным, парусом. Одновременно изображались и суда с одинаковыми округлыми и высоко поднятыми носом и кормой, напоминающие полумесяц. Изображения этого типа судов преобладают на более поздних печатях. Если верить

наиболее тщательно проработанным изображениям, некоторые суда имели от 10 до 15 весел по каждому борту, т. е. в длину они могли достигать от 17 до 25 м.

Критяне заселили острова Эгейского моря, основали колонии на Кипре и Родосе, их торговые фактории были разбросаны по всему побережью Средиземного моря, от Угарита до Сицилии и Южной Италии. Крит контролировал и побережье Балканского полуострова, где под его влиянием к середине II тыс. до н. э. сложилась микенская цивилизация. Около 1470 г. до н. э. от извержения вулкана Санторин (Тера) пострадали многие островные поселения критян, а их флот, вероятно, был уничтожен цунами. Оставшийся без защиты и ослабленный природной катастрофой Крит был захвачен воинственными микенцами. Последним, однако, не удалось сохранить наследие минойской цивилизации – микенскую культуру, в свою очередь, уничтожили новые волны переселенцев и завоевателей. К концу XV в. до н. э. исчезают упоминания Крита (Кефтиу) и в египетских текстах.

О цивилизации Крита и о пределах его экспансии мы знаем, в основном, благодаря археологическим раскопкам и греческим преданиям – раннее критское слоговое письмо (так называемое линейное письмо А) до сих пор не расшифровано. Высказывались предположения, что критские моряки выходили в Атлантику, что первыми именно они, а не финикийцы или греки, открыли Канарские и Азорские острова. Но главным достижением этой цивилизации было создание первой морской гегемонии и открытие морских торговых путей – наследство, доставшееся финикийцам и грекам, объект их многовековой борьбы.

Финикия

В судостроительном искусстве, в мореплавании, торговле и колониальной деятельности, финикийцы еще в древнейшие времена превосходили все другие народности. Имя народа – *foinikes*, и имя страны – *foinike*, греческого происхождения и восходит к Гомеру. Происходит оно от греческого *foinix* – красный, пурпурный, и связано с пурпурными тканями, производством которых славились финикийцы. В Микенских текстах, прочтенных недавно, есть прилагательное женского рода *ro-pi-ki-ja*, которое также означает «красная». Местные источники именуют страну Канаан (библейский Ханаан), а народ – хананеями, по крайней мере, с XV в. до н. э. (аккадская надпись на статуе Идрими, египетская стела Аменхотепа II из Мемфиса). В эллинистическое время это имя присутствует на выпущенных в Финикии монетах: «Лаодикея в Ханаане». В аккадских текстах из Нузи встречается слово *kinahhu* в значении «пурпурный», что может быть непосредственно связано с греческим *foinix*.

Еще в очень отдаленные времена финикийцы организовали мировую торговлю. Около 2500 г. до н. э. они обеспечивают товарообмен с Египтом через Левкос Лимен и Коптос и организуют фактории в Мемфисе и Коптосе; помимо того, через Суэцкий залив они совершают плавания в Гиерополь, а далее по каналу, который шел оттуда до Нила, доходят до нильской дельты.

Область, которую занимали финикийцы в более позднее время, именно Ханаан, имевшая сухопутными границами азиатские и африканские земли, а морскими – воды Средиземного и Красного морей, по своему географическому положению благоприятствовала развитию торговых сношений. Хотя на всем побережье нельзя найти гаваней, удовлетворяющих современным требованиям, но в то время в них и не было надобности для мелкосидящих и сравнительно небольших судов, для которых было вполне достаточно небольшого количества бухт. Вывоз финикийцев из Ливана состоял из меди и железа, кедра и кипариса, то есть прекрасного судостроительного материала, пеньки и т. д.

По преданиям, финикийское мореплавание началось вместе с рыболовством. Вероятно, с особой охотой финикийцы занимались ловлей пурпурных раковин, употреблявшихся для окраски пурпурных тканей, считавшихся в древности очень красивыми и составлявших отли-

чие привилегированных лиц, почему пурпурные ткани встречались редко и очень ценились. На суше финикийцы занимались выделкой и окраской этих тканей, производством стекла и другими отраслями промышленности. Пурпурные раковины содержали только по одной капле красящей жидкости, поэтому спрос на них был очень велик. Обладая выдающимися способностями к мореплаванию, финикийцы еще в очень отдаленные времена строили из исполинских ливанских кедров крупные суда и ходили на них в открытое море на Кипр, богатый в то время медью, откуда он и получил свое название, затем вдоль южной части малоазийского побережья на Родос, в Греческий Архипелаг и в Грецию, и оттуда до Черного моря.

С XIII в. до н. э. они были, однако, постепенно вытеснены из этих вод так называемыми «народами моря» (среди которых, вероятно, были и предки греков), превосходившими их своими военными силами. Тогда они перенесли район своей торговли в западную часть Средиземного моря: в Сицилию, Тунис и далее за Геркулесовы Столбы (Гибралтарский пролив) на Атлантический океан, где основали около 1100 г. до н. э. город Гадес (Кадиз), а к северу от него, в устье Гвадалквивира – богатый серебром Тартесс. В дальнейших своих плаваниях они доходили до юго-запада Англии (Корнуэлл), откуда вывозили добывавшееся там олово, спрос на которое был очень велик, поскольку оно необходимо для приготовления бронзы, шедшей на отливку различных статуй. Англия, впрочем, была далеко не единственным местом, откуда в Средиземноморье вывозилось олово. Древнейшие оловянные рудники находились в Центральной Анатолии, но они были практически выработаны около 2000 г. до н. э. Недавняя находка у мыса Улу Бурун (Малая Азия, Ликия) затонувшего около 1300 г. до н. э. ханаанского судна с грузом оловянных и медных слитков, возможно, позволит установить местонахождение других оловянных рудников. Анализ металла слитков показал, что они происходят, во всяком случае, не из Англии (Корнуэлл), Испании или Восточной Европы. Не исключено, что в то время олово могло поставляться в Восточное Средиземноморье из Ирана или Центральной Азии. Анализ медных слитков с улубурунского судна и с другого ханаанского корабля, затонувшего около мыса Гелидония (южное побережье Малой Азии) около 1200 г. до н. э., свидетельствует об их происхождении с о. Кипр.

На юг от Гибралтара финикийцы доходили до Зеленого мыса и, вероятно, достигали Сьерра-Леоне. Область их плавания, однако, не ограничивалась этим районом – по Красному морю они ходили до Индийского океана, Малабарского берега и Цейлона, а на юг вдоль африканского берега достигали Занзибара и, очень вероятно, что и Замбези. Принимая во внимание их отвагу и выносливость, нельзя не считать неправдоподобным предание, гласящее, что по поручению царя Нехо около 600 г. до н. э., то есть за 2600 лет до Васко де-Гама, они обошли кругом Африки в три года и вернулись домой через Гибралтар. Плавая обычно вдоль берегов, они в знакомых водах рисковали ходить и в открытое море, ориентируясь ночью по полярной звезде. В более близких к родине областях, с которыми они поддерживали постоянные сношения, именно по всему побережью Средиземного и Черного морей они основали ряд колоний, вплоть до Гадеса и Могадора (в Марокко), однако лишь в виде торговых станций и факторий.

Торговля, служащая посредником при обмене между людьми и народами, почти так же стара, как и человечество. Склонность к приобретению путем взаимного обмена лежит в человеческой природе. В древности торговля не имела такого громадного значения, как теперь, когда по справедливости можно сказать, что она царит над миром, но тем не менее и в то время торговля, хотя район ее ограничивался только средиземноморскими странами и Индией, служила источником богатства, и значение ее все возрастало по мере развития культуры.

Организация торговли в то время, когда отсутствовали быстрые способы передвижения и даже не было почты, резко отличалась от современной нам. В торговле с малокультурными народами, кроме индусов, халдеев и египтян, финикийцы применяли приблизительно те же приемы, которые применяются и в наше время при торговых сношениях с негритянскими племенами внутренней Африки и дикарями Южного Архипелага. Этих дикарей, которые сами

ничего не производят, к товарообмену побуждает суетность и соблазн украшениями и блестящими вещами в виде бус, пестрых платков и т. п. В тропиках природа снабжает человека, не требуя его содействия, своими дарами в виде плодов, каучука, слоновой кости и т. п.; в умеренном же климате, как, например, побережье Средиземного моря и в более суровых областях, как Британия и Скифия, жителям приходилось заботиться о теплом платье, жилище, оружии для охоты, рыболовстве и войны. В течение долгого времени ни один народ не в состоянии удовлетворяться произведениями своей страны, в особенности же, ознакомившись путем торговли с произведениями других стран; торговые отношения содействуют развитию во всех тех областях, с которыми входят в соприкосновение. Товарообмен может происходить и у кочующих народов, но настоящая торговля начинается лишь с началом оседлой жизни народа и началом хлебопашества. При этом меновая торговля идет до тех пор, пока у обеих сторон не установится определенная единица стоимости или монета. Первоначально таковою монетою служили самые разнообразные предметы, как-то: скот, меха, раковины, соль, железо, золотой песок и т. д., впоследствии же вошли в обращение деньги определенной формы из драгоценного металла, сначала в виде кусков с государственным клеймом, а затем и чеканенные. Денежной единицей Финикии и народов Палестины, Сирии и Аравии был шекель, то есть «взвешенный» (11,2-12,2 г. серебра). Иосиф был продан за 20 серебряных шекелей каравану измаильтян, шедшему в Египет.

Так как торговля в древние времена началась еще до изобретения способов передвижения по воде, то и естественно, что первоначально существовала лишь сухопутная торговля, захватывающая еще очень отдаленные времена.

Для перевозки товаров, после людей-носильщиков, которые встречаются в глубине Африки и доныне, в Египте до 200 г. до н. э. применяли ослов, а позднее лошадей. У семитских же племен для этой же цели применялись «корабли пустыни» – верблюды, единственные животные, пригодные для перевозки товаров через безводные пространства. По ровному месту, с небольшой кладью за девятичасовой дневной переход верблюд может сделать до 170 километров.

Весьма характерна связь между торговлей и религиозными и национальными празднествами. Последние всегда вызвали большое стечение народа, чем и пользовались купцы для своих торговых дел. Таким образом, с праздниками всегда совпадали большие торговые дни и ярмарки, как, например в Харране, Делосе, Олимпии и т. д. Явление это сохранилось и доныне. Очень существенное значение для торговли имело в данных случаях то обстоятельство, что в месте празднества и его окрестностях всегда царили мир и спокойствие, весьма благоприятные для торговых сношений.

Направление торговых путей в продолжение целых тысячелетий оставалось поразительно постоянным. Для финикийской торговли важнейшими путями были следующие: дорога из Египта через Газу с ответвлением к Иерусалиму, шедшая вдоль побережья через Тир и другие финикийские города до малоазийского берега; другой путь шел от Эцион-Гебера восточнее Мертвого моря и Иордана на Дамаск, где сливался с дорогой, шедшей прямо из Тира. Из Дамаска шли три пути: первый на севере через Халеб (Алеппо) в Мабуг и Харран (Карры), два крупнейших торговых центра Месопотамии; второй путь через Пальмиру (Тадмор) в Типсах и третий – в Цирцесиум (Абу-Серай) на Евфрате. Эта река была судоходна для мелких судов от устья до Самосаты, всего на протяжении свыше 1900 километров. После углубления при Навуходоносоре (605-562 гг. до н. э.) она стала доступна и морским судам вплоть до Типсаха. Однако, несмотря на это, товары из Аравии шли в Вавилон и Харран большей частью караванными путями. От Харрана в восточном направлении тянулся путь через Мидию и Персию до Бактр (Балха) в северном Афганистане, сливавшийся с дорогой из Типсаха и примыкавший к торговым путям на Индию и Китай. В восточном направлении из Типсаха и Харрана шли дороги к Симиру и Араду, ближайшим финикийским гаваням на Средиземном море. Кроме

того, финикийцам были известны пути к Балтийскому морю: один из них шел от Ольвии у устья Буга вверх по Днестру до Галиции и дальше, к Янтарному берегу; другой же от северной части Адриатического моря вел туда же через Богемию и Силезию.

Большая стоимость сухопутной перевозки товаров послужила причиной того, что сухопутные грузы состояли исключительно из предметов роскоши, доступных лишь богачам. При социальных условиях древности население резко разграничивалось на богачей и бедняков, современного среднего класса не существовало. Поэтому оптовая торговля предметами первой необходимости и комфорта, доступными для бедных классов, а равно сырьем для нужд промышленности, могла вестись лишь морскими путями; торговля финикийцев и была преимущественно морской. Индия была старейшей культурной страной, богатство которой и обилие товаров, находивших всегда большой спрос в других областях, послужило поводом к развитию обширной торговли. С незапамятных времен Индия вела на сухом пути крупные торговые сношения с Китаем. Предметами вывоза служили пряности и коренья, шелк, золото, жемчуга и алмазы, ткани, металлические изделия, хлопок, рис и т. д. Финикийцы воспользовались нерасположением индусов к морю и захватили в свои руки всю морскую торговлю с Индией. Туда они ввозили бальзам, благовония и другие продукты своей страны, употреблявшиеся в больших количествах при богослужениях, и обменивали их на продукты из Индии. Индийские и аравийские товары они доставляли в Египет, в гавань Левкос Лимен на Красном Море, откуда перевозили их сухим путем до Коптоса на Ниле и далее, или же везли их до Арсинои (Суэц) и Эцион-Гебера (Акаба), а оттуда по каналу в Бубастис и Египет или сухим путем в Газу и Ханаан.

Вследствие этих торговых сношений, ведшихся с незапамятных времен, отношения между финикийцами и египтянами были настолько тесными и дружественными, что целый район главного египетского города Мемфиса был заселен исключительно финикийцами, и вся египетская морская торговля в Средиземном море составляла их монополию. Таким образом, к индийским и аравийским товарам присоединялись еще и египетские, состоявшие частью из сельскохозяйственных продуктов: зерна, льна, хлопка и папируса, частью же из изделий промышленности: ковров, платья, полотна, металлических, деревянных и кожаных изделий, канатов, сетей и т. п. Эти товары финикийцы распространяли по всему побережью Средиземного моря наряду с ценными продуктами своей страны, как-то: судостроительным лесом, пенькою и с произведениями финикийской промышленности в виде пурпурных тканей, в изготовлении которых не имели соперников, а также железных, глиняных и стеклянных изделий; сюда присоединялись еще вино и масло из Греции, олово из Англии и очень высоко ценившийся янтарь. Последний в очень большом количестве был найден впоследствии при раскопках царских гробниц в Микенах, относящихся к XVI или XIII вв. до н. э.

Наиболее выгодным товаром, без сомнения, были рабы, содержащиеся в огромных количествах всеми наиболее культурными государствами, за исключением Индии (Страбон, XV. 1; 34, 54, 59). Точных сведений о рабовладельчестве нет, тем не менее, известно, что египетский царь Рамзес III (1185-1153 гг. до н. э.) подарил за время своего царствования богам, то есть жреческой касте, помимо громадных земельных участков, 113 433 рабов; в Афинах на одного свободного гражданина приходилось 20 рабов, на маленьком острове Эгине число рабов достигало 470 000. Из них только небольшая часть была местными уроженцами, большая же часть была привезена из других стран. Военные законы того времени давали победителю неограниченное право распоряжаться жизнью и имуществом побежденных. Военнопленные обычно становились рабами, а потому финикийские купцы имели обыкновение следовать по пятам за армиями и флотами с тем, чтобы скупать за гроши военнопленных. Некоторые дикие племена продавали своих единоплеменников, и это явление имело место даже у израильтян. Центральным пунктом работорговли был Тир, а главным невольничьим рынком – свя-

ценный остров Делос, где иногда в течение одного только дня продавалось несколько тысяч рабов (Страбон, XIV, 4; 2).

Финикийцы, в течение многих веков не имевшие конкурентов в морской торговле (греки начали морскую торговлю вне своих пределов лишь около 800 г. до н. э., а западные народы – еще позже) всецело монополизировали ее и получали большие доходы.

Как в умении вести торговлю, так и в судоходстве они оставляли далеко позади себя другие народы; они имели хорошо развитое коммерческое чутье, дававшее им возможность правильно оценивать все условия страны, с которой они вели торговые сношения, ее товары, порты и пути сообщения, потребности и склонности народа, ее законы и ее финансы. Для идеального купца честность должна стоять на первом плане; при установившихся продолжительных торговых сношениях ее требует простой разум; здоровой может считаться лишь та сделка, которая выгодна для обеих сторон, когда каждый за то, что дает другому, приобретает то, что представляет для него наибольшую в данный момент ценность.

Идеальными купцами финикийцы никогда не были. Они стремились главным образом к материальному успеху и наслаждениям; высокие цели, научные, национальные и вообще идеальные стремления были чужды им. Торговля была единственной целью их плаваний. Общась преимущественно с малокультурными народами, которые еще не знали денег, они вели торговлю в развоз, то есть кормчий был одновременно и судовладельцем и собственником груза и продавал его там, где это было выгоднее. Ни расширением своего государства, ни его могуществом, ни просвещением более диких народов финикийцы не интересовались; они не заботились и о расширении своих собственных познаний о чужих народах и государствах – заботясь они об этом, наши сведения о древнем мире были бы много обширнее, чем это есть в действительности. Боясь конкуренции и желая удержать монополию в морской торговле, они держали в тайне свои плавания и их цели, и не делились ни с кем сведениями об известных им странах и морях.

Рассказы о таких морских ужасах, как Сцилла и Харибда, об опасных мелях в Сыртских заливах, о том, что в иных местах вода настолько густа, что в ней застревают корабли – все это, несомненно, выдумки финикийцев, имевших целью напугать соперников и удержать их от путешествий в чужие страны; финикийская ложь вошла в поговорку у древних народов. В тех случаях, когда подобные средства не помогали, финикийцы прибегали к насилию, нападая на более слабые встречные корабли своих конкурентов, и попросту выкидывали последних за борт.

Не следует, впрочем, упускать из виду, что все сведения о финикийцах получены нами от их соперников и врагов, и потому односторонни и недоброжелательны. Сами же финикийцы не оставили никаких памятников о себе. Кроме того, надо принять во внимание дух времени и тогдашние условия: международное право не существовало, и на свободном, никому не принадлежащем море правым был сильный. Всякий, предоставлявший себя и свою собственность опасностям моря, требовал от него известного вознаграждения. И выгода не была побудительной причиной действий только лишь финикийского купца, она оставалась и остается таковою же и вообще у купца до нынешних дней. Секретные торговые операции практикуются и в новейшее время, примером чего являются действия американских купцов в торговле с Занзибаром в 1814 г., когда вся слоновая кость шла в Лондон через Бостон. Торговля вообще не принадлежит к числу занятий, развивающих лучшие человеческие качества...

Но, тем не менее, финикийская торговля, как и всякая торговля вообще, имела очень большое значение в истории развития народов. Древняя традиция приписывает именно финикийцам «изобретение» астрономии, хронологии, алфавита, письменности и счета, метрических едениц, монеты и т. п., хотя, в действительности, все это не было создано ими, а лишь позаимствованно у халдеев, египтян и других народов. Но финикийцы разнесли эти знания по всему известному в древности миру.

Подобным же образом деятельность финикийцев проявилась и в распространении по всей южной Европе и северной Африке полезных растений, пшеницы, масличного дерева, винограда и фруктовых деревьев, произраставших в Азии, и в распространении как произведений мануфактуры и промышленности, например, тканей и металлических изделий, так и самих отраслей промышленности, например ткацкого и красильного дела. Финикийцы являлись распространителями наук и искусств, а, кроме того, форм государственного строя и религиозных воззрений. Этим и объясняется, что все народы древности, имевшие частые сношения с финикийцами, имели много общего с ними в области религиозных воззрений: финикийский Мелькарт сходен с Геркулесом, Астарта с Афродитой и т. д.

Финикийцы явились новаторами в области морского дела, судостроения, навигации и т. п. Любопытно, что недавние находки (в июне 1999 г.) у Ашкелона финикийских торговых судов, затонувших около 750 и 700 г. до н. э. более чем в 50 км от берега, опровергают распространенное мнение, будто древние мореходы старались не выходить в открытое море и не терять из виду сушу. Эти корабли, типичные торговые суда (длиной 16 и 18 м, соотношение длины и ширины 3:1) направлялись из Ханаана с грузом вина и масла (каждый вез около четырехсот 18-20 литровых амфор), вероятно, в Египет или в Карфаген. Приоритетом финикийцев в области мореплавания можно объяснить то, что морское дело у всех культурных народов древности имело очень много общего, что доходило даже до таких мелочей, как одинаковое платье и головные уборы команды.

В связи с высоким состоянием мореплавания, пиратство и работорговля были развиты у финикийцев более чем у какого-либо другого народа, и в этих занятиях они проявляли больше ловкости и хитрости, чем кто-либо в древности (Одиссея XV; 402 и след.).

В соответствии с торговым духом финикийцев находились и их колониальная политика. Они отнюдь не стремились к созданию новых государств, а основывали лишь фактории, служившие исключительно торговым целям. Если туземцы оказывались сильными, то финикийцы обязывались выплачивать им известные суммы денег за право торговли, если же оказывались слабыми, они подчиняли их себе и с большим умением приступали к извлечению всех возможных выгод из страны. Так ими были приобретены рудники на Кипре и во Фракии, приносившие много меди и золота.

Другим основным принципом их колониальной политики было не допускать в свои владения иностранцев; это делалось с той целью, чтобы только самим пользоваться колониальными богатствами. Они не позволяли, например, грекам селиться на Кипре, этрускам на Корсике и Сардинии: в континентальных колониях они опустошали широкую полосу земли вокруг занятой области, чтобы жители последней не имели общения с соседями. В своих водах они всеми силами препятствовали мореплаванию других народов. Этим путем, в течение нескольких веков, они удерживали греков от проникновения в Тартесс (Андалузия), где они добывали большое количество серебра. Лишь в 630 г. до н. э. туда занесло бурей грека с Самоса, по имени Колай, который, нагрузив свой корабль серебром, по возвращении домой поведал своим соотечественникам о чудесной стране.

Приведем вкратце историю финикийского государства (Ханаан). Его географическое положение среди величайших культурных государств того времени: Вавилоном, Ассирией, Лидией и Персией с одной стороны и Египтом – с другой, было особенно выгодно для развития торговых сношений, но в то же время усложняло заботы о сохранении независимости. Для отражения натисков соседних властителей был необходим сплоченный, воинственный народ, проникнутый независимым национальным духом. Таким народом финикийцы никогда не были.

Главнейшие города, как Сидон, Тир, Арад и в древности Библ были совершенно независимыми, управлялись самостоятельно аристократическим строем, и были лишь в союзе между собой, причем один из городов играл руководящую роль. При таких условиях оборона страны

не была сильной, она без труда занималась нападавшими; города обычно сдавались добровольно, или после кратковременной осады, и теряли свою независимость. На них налагались громадные контрибуции, и предъявлялось требование предоставлять свои суда в распоряжение победителей. Только один Тир неоднократно храбро защищался в течение продолжительного времени.

С древнейшего времени по 1500 г. до н. э., главное значение имели северные города – Берит (Бейрут) и Библ (Джебал). Позднее руководящую роль стал играть Сидон, один из древнейших финикийских городов, удержавший ее за собою до 1100 г. до н. э. Иосиф Флавий пишет, ссылаясь на Тимея, что за 240 лет до строительства Храма Соломона, т.е. около 1200 г., жители Сидона, разбитые царем «аскалонцев» (т. е. филистимлян, «народов моря») бежали на своих судах и основали Тир. Это не совсем верно, поскольку Тир возник гораздо раньше. Возможно, впрочем, что часть жителей Сидона просто перебрались в Тир, возродив город (тирская эра отсчитывалась как раз с 1200 г. до н. э.). За первые пять столетий финикийцами были основаны многочисленные колонии в Греческом Архипелаге, на Черном море и в Ливии. Около 1200 г. до н. э. основаны были Гиппон в Африке и другие города. Проникновение финикийцев в Западное море (западную половину Средиземного) объясняется тем, что к этому времени они были вытеснены из Архипелага и других мест греками. Тир, быстро развившись, приобрел к 1100 г. до н. э. руководящее значение и основал Гадес (Кадикс), Утику, Карфаген и т. д. При царе Хираме I, современнике библейских царей Давида и Соломона, город достиг своего наибольшего расцвета; тирские зодчие строили храм Соломона в Иерусалиме, а сам Хирам воздвиг в Тире много грандиозных построек.

Период после правления царя Хирама характеризуется политической нестабильностью, послуживший причиной переселения в 814 г. до н. э. в Карфаген принцессы Элиссы (Дидоны) с ее несметными богатствами, и большей части аристократии. С этого времени Карфаген стал быстро развиваться и вскоре стал самостоятельным государством, в то время как Тир стал приходить в упадок, но все же еще какое-то время удерживал за собою руководящую роль.

Первоначально расположенный на берегу материка против небольшого плоского острова, Тир был впоследствии, для большей безопасности от нападений, перенесен на этот остров. В 725 г. до н. э. он подвергся осаде царя ассирийского Салманасара V (726-722 гг. до н. э.), длившейся три года, но не мог быть взят силой, так как со стороны моря оставался открытым. Тогда Салманасар заставил Сидон и другие уже покоренные им города предоставить ему для нападения на Тир свои корабли числом 60 (или 16?), но царь тирский Элулей разбил их со своими всего лишь 12 кораблями в первой морской битве, о которой известно истории. Этот пример наглядно иллюстрирует значение морской силы. Тир выдержал осаду Навуходоносора, длившуюся в течение 13 лет (с 586 до 573 гг. до н. э.), но, в конце концов, все же сдался. Впоследствии, в 332 г. до н. э., страну покорил Александр Великий, которому удалось овладеть Тиром после семимесячной осады, за время которой была насыпана соединительная дамба от материка к острову, существующая и доныне. Это было концом политического значения финикийцев; их язык и они сами, как народ, исчезли впоследствии, не оставив по себе никаких памятников. Лишь в настоящее время найдено несколько финикийских надписей.

Что касается судостроения у финикийцев, то надо думать, что они первые стали делать различие между судами для военных и коммерческих целей. Их торговые корабли были очень широкими, и потому, в противоположность длинным военным судам, назывались «круглыми» или «кадками» (греч. гаулос), борта были очень низкими в средней части, но нос и корма значительно возвышались над водой. Некоторые суда достигали весьма значительных размеров, так, например, корабли из Тарса вмещали до 500-600 человек. Передвижение осуществлялось главным образом при помощи парусов, но в случае надобности и при помощи весел. Для защиты от пиратов на корабли иногда брали воинов. Материалом для кораблей и их мачт служил кедр. Позднее появился меньший по размерам, но обладавший большой быстротой

стью тип коммерческого и транспортного судна. Суда этого типа несли на форштевне носовое украшение в виде конской головы, и то ли поэтому, то ли по имени их изобретателя Гиппоса, назывались «конями» (гиппос). Еще за 400 лет до н. э. Ксенофонт, говоря о финикийцах, охарактеризовал их как прекрасных моряков и с похвалой отзывался об образцовом порядке на их кораблях.

В качестве военных кораблей финикийцы применяли, первоначально, исключительно узкие и легкие однорядные, то есть с одним лишь рядом весел, суда (униремы). Строились они из более прочного, чем кедр, кипарисового дерева и скреплялись медными (во избежание ржавчины) гвоздями; днища, вероятно, тоже обшивались медью для защиты от морской воды. Такелаж выделялся первоначально из тростника, а затем из папируса и из пеньки. Имелись суда двух типов: тридцативесельные (триаконтеры – по 15 весел с борта) и пятидесятивесельные (пентеаконтеры – по 25 весел с борта). Эти суда служили до 500 г. до н. э. в качестве линейных кораблей, а позднее применялись лишь в передовых отрядах и для разведочной службы.

Во дворце царя Синаххериба имеется относящееся к 700 г. до н. э. изображение финикийского корабля уже с двумя рядами весел (греч. диера, лат. бирема). Рисунок этот, хотя и выполнен хуже, чем египетский, который старше на 900 лет, но все же дает представление об очертаниях судна. Позднее финикийцы, в противоположность египтянам, стали строить суда с отвесным форштевнем, снабженным на высоте ватерлинии острым тараном, то есть они начали применять сам корпус судна в качестве наступательного оружия, что внесло переворот в морскую войну.

Из всего сказанного можно заключить, что финикийцы сыграли великую роль в истории, но не столько своими войнами, сколько мореплаванием. Тем не менее, этот народ, несомненно, богато одаренный, в целом никогда не имел большого политического значения. Так же незаметно, как росло богатство и могущество финикийцев, эти отважные мореходы потеряли свою самостоятельность, сделались вассалами чужеземных властителей и, наконец, исчезли как народность. Финикийцы никогда не стремились истинному владычеству на море. Наряду с их удивительной смелостью в мореплаваниях замечательно то, что у них совершенно не было военного духа. Поэтому они никогда не решались принести добровольную жертву на пользу родины, то есть завести и содержать сильный флот, а заводили его лишь по принуждению своих покорителей. Войн наступательных они не вели никогда. Так, например, они без заметного сопротивления отдали грекам свои многочисленные богатые владения на побережье Архипелага и Черного моря. Исключением явился лишь Карфаген, финикийская колония в западной части Средиземного моря, сыгравшая значительную роль в политической истории.

Финикийцы вполне заслужили свою гибель, и их трагическим уделом было то, что, несмотря на осторожное и тщательное сокрытие своих знаний и своих морских путей, они сами воспитали себе соперников – греков.

Архаическая Греция

Под названием «Греция» не следует понимать современное греческое государство с Ионийскими и Кикладскими островами. Греция древних времен состояла, помимо этой территории, еще из всех островов Эгейского моря с Критом и Родосом, всего западного побережья Малой Азии к югу от Геллеспонта, полуострова Халкидики на европейском берегу, а также из сотен колоний, основанных еще в очень отдаленные времена во Фракии, Пропонтиде (Мраморное море), на Понте Эвксинском (Черное море) и на берегах Средиземного моря, начиная от Кипра и Египта и до восточного побережья Испании. Отдельные колонии, например, Сиракузы достигали большой силы и значения. Но эта широко раскинутая сеть колоний никогда не была единым государством.

С незапамятных времен на европейском и азиатском материке обитали пеласги, народность родственная грекам. Финикийцы очень рано стали посещать греческое побережье и острова и основали там много поселений; кроме них, эти места посещала еще одна народность – карийцы, отъявленные морские разбойники, у которых греки много чему научились.

Родина предков греков – Малоазийская возвышенность. Часть их шла морским путем, заселяя острова Архипелага и в некоторые местности в европейской части Греции, как, например, Аттику и Арголиду, причем вытеснила на своем пути фракийцев. Другая волна, переправившись через проливы, на материк пришла сухим путем и заняла северную Грецию, преимущественно полуостров Эпир, где древнее святилище Додоны стало их религиозным центром. Во второй половине XII столетия до н. э. несколько греческих племен переселились оттуда первоначально в Фессалию и Дориду в Средней Греции, а затем через Ахайю в Лакедемон, завоевав который, они образовали Лакедемонское государство со столицей Спартой. Переселение продолжалось и далее на юг через море на острова Архипелага, Крит и Родос и в Галикарнас. Следствием этого было неоднократное переселение других племен, в частности ионийцев и эолийцев из Аттики обратно на малоазийский берег в XI-X вв. до н. э. Южная часть этого побережья, где появилось двенадцать новых городов, из которых особое значение приобрели Милет и Эфес, получила название Ионии, а северная часть, тоже с двенадцатью городами – Эолиды.

Принято говорить о «греках» так, как едином народе, однако в действительности этого никогда не было. В государственном смысле греческие племена были очень разрознены. Общими у них были только язык, религиозные воззрения и определенные национальные черты характера, резко отличавшие их от других современных им народов. Даже в структуре их языка заметны творческая острота мышления, чувство гармонии и стремление к анализу. Однако, уже наличие в греческом языке трех наречий является доказательством того, что с самого отдаленного времени греки не были одним целым народом, а распадались на три ветви: дорийскую, ионийскую и эолийскую. Тем не менее, язык был связующим началом, значение которого еще больше увеличилось с распространением в VIII в. до н. э. в Ионии и Эолиде поэм Гомера, ставших достоянием всей греческой культуры.

Общность языка и религии создавала возможность заключения между греческими общинами, союзов (амфиктоний), целью которых было совершение торжественных богослужений общим богам. Такие религиозные празднества, повторявшиеся через определенные промежутки времени (от четырех до девяти лет), имели следствием появление общего летоисчисления, возникновения общей храмовой кассы, а также обуславливали мир между участниками в течение всех празднеств. Вместе с тем, с введением суда посредников для участников союза стали обязательными некоторые положения, относившиеся к области международного права: 1) ни одно из эллинских племен не имело право разрушать до основания поселений другого и 2) ни у одного осажденного греческого города не могла быть отведена вода. Такие постановления не обязывали к совместным действиям, не обеспечивали даже мира, а лишь ослабляли несколько жестокости войны и подчеркивали тем самым принадлежность к одной народности. Важнейшим из этих союзов был дельфийский, посвященный Аполлону. В результате всего этого с VII в. до н. э. слово «эллины» стало общим названием греческого народа; всех других, не принадлежавших к их племени, греки называли варварами.

Подобным же образом жители островов Аргольского и Саронического заливов, заключив морскую амфиктонию, основали общую святыню на острове Калаврии (Порос); жители ионийских Кикладских островов создали в 800 г. до н. э. подобную же святыню на острове Делосе; жители 12 ионийских городов Малой Азии создали Панионион в отрогах гор Микале и т. д.

Подобное же влияние оказали атлетические игры, приуроченные к религиозным празднествам. Постепенное присоединение различных племен к происходившим каждые четыре

года Олимпийским играм в Элиде, у древнейшего в Пелопоннесе святилища Зевса, имело громадное национальное значение. Запись имен победителей в играх, вошедшая в обычай с незапамятных времен, стала производиться регулярно с 776 г. до н. э. Четырехлетние промежутки между играми послужили основанием для исторического летоисчисления греков, и 776 г. до н. э. можно принять за начало греческой истории.

Несмотря на эти союзы, содействовавшие объединению нации, необыкновенно сильно развитое у греков чувство самостоятельности способствовало дроблению греков на мелкие, иногда даже очень мелкие общины, которые были совершенно независимыми. Этот в высшей степени интенсивно проявившийся партикуляризм, не допускавший сосредоточения сил всей нации даже в случае самой крайней необходимости, послужил причиной того, что такой богато одаренный народ, как греки, который мог завладеть всем миром, не создал мощного государства.

Отсутствие определенных сухопутных границ и договоров между отдельными государствами, естественно, вело к нескончаемым раздорам и даже кровопролитным войнам, доходившим до порабощения или полного истребления побежденных государств. Эта внутренняя разрозненность и непрестанные междоусобицы привели к политическому упадку народа и подчинению его единой власти более слабого в потенциале македонского царства.

Однако, такая раздробленность греков, пока им еще не угрожали сильные соседи, даже сыграла положительную роль. Мужество и храбрость были присущи грекам от природы, но качества эти могли только развиваться в условиях тогдашней жизни греческих государств, когда каждый свободный гражданин принимал активное участие в государственной жизни и считал своим долгом жертвовать для блага и независимости родины всем, не исключая и жизни. Поэтому физическое развитие и умение хорошо владеть оружием было целью и гордостью каждого грека. Между мужчинами шло вечно соревнование в этом, воспитавшее воинственный дух народа. Оно перешло в соревнование между общинами или государствами, и постоянное взаимное общение между ними влияло на политическое, научное, литературное и художественное развитие всего греческого народа, которому потомство так благодарно за гениальные произведения, покрывшие навеки греков той эпохи неувядаемой славой.

Географическое положение Греции немало способствовало осуществлению и без того резко проявлявшегося стремления греков к созданию отдельных самостоятельных государств. Значительное число островов, масса глубоко врезавшихся в берег бухт и заливов, отделявших одну область от другой и затруднявших в то время доступ в эти области, горы, отделявшие европейскую Грецию от материка, – все это способствовало безопасности отдельных государств. Полуостров Эпир, расположенный к востоку от Фессалии, весь изрезанный высокими горными хребтами и глубокими ущельями, считался совершенно недоступным для войск. От разделявшего эти области горного хребта Пинад (2200 м) и его продолжения на юг к Эгейскому морю идут три непроходимых отрога. Через самый северный из них, отделяющий Македонию от Фессалии и оканчивающийся почти у самого моря Олимпом, около 3000 м высотой, имеется только один проход к Темпейской долине, если не считать трех тропинок, доступных лишь для вьючных лошадей. Второй отрог – Отийский хребет – имеет тоже только один горный проход на высоте 800 м, и, наконец, третий – самый южный Отийский хребет в 2150 м высотой круто спускается к заливу, оставляя лишь узкий (в прежнее время) Фермопильский проход, шириною в одну колею. Кроме этого прохода, существовала лишь одна горная тропинка через хребет. Таким образом, доступ войск в страну был сильно затруднен, и в нескольких местах легко можно было отразить неприятеля, даже превосходившего греков по своим силам.

На севере Фракию и Македонию населяли в то время воинственные, но слабые племена, наступления которых нечего было опасаться; нападения с моря также нельзя было ожидать, потому что единственный народ, занимавшийся в широких размерах мореплаванием – финикийцы, не обладали воинственным духом.

Средняя Греция (Эллада) и Пелопоннес настолько изрезаны высокими горами, что вся страна является подобием шахматной доски, состоящей из возвышенностей и ущелий, резко отличающихся друг от друга. Такое различие в физических условиях отдельных областей Средней Греции воздействовало различным образом на ее население, влияя на способы обработки земли и другие занятия жителей. Все это отражалось на развитии государственной жизни, причем близкое соседство побуждало греческие племена к заимствованиям друг у друга. Это послужило причиной того, что присущая грекам физическая и духовная подвижность и стремление к созидательной деятельности достигли своего наибольшего развития.

Несмотря на национальную гордость и чувство собственного достоинства, греки не были настолько ограниченными, чтобы отрицать все хорошее только потому, что оно исходит от чужих (варваров). Их гибкий и восприимчивый ум легко усваивал все, что им нравилось, или обещало быть полезным, но они никогда не применяли ничего воспринятого механически. От финикийцев, занесших им знания египтян и халдеев, они восприняли очень многое, несмотря на то, что считали их обманщиками и разбойниками и питали к ним отвращение и презрение. От них греки переняли начертание букв и цифр, меры веса, ткацкое и красильное искусство, кораблестроение и мореходство, способы постройки гаваней и дорог и т. п. Финикийцами же были занесены в Грецию и культурные растения: виноградная лоза и масличное дерево, смоковница и другие плодовые деревья, лавр и мирт, платан и т. п. При заботливом и умелом уходе все эти растения, даже финиковая пальма, отлично прижились в благодатном климате средней и южной Греции. Благодаря трудолюбию греческого народа вино и масло очень скоро стали ценными предметами вывоза.

Из многочисленных греческих общин и государств сильнейшими были Спарта и Афины, явившиеся, соответственно, представителями дорийского и ионийского племен. Спартанцы и афиняне резко различались между собой своими племенными особенностями и устройством государственных институтов. Спарта владела завоеванным ею Лакедемоном, к которому после продолжительной войны присоединила в VIII в. до н. э. Мессению. Афины были расположены на отделенной от Беотии высокими горными хребтами Аттике – полуострове, который был единственным во всей Греции местом, незатронутым переселением дорийцев.

Старинная патриархальная организация греческого общества, основанная на власти военных вождей (царей), ко времени Гомера, исчезла повсеместно за исключением Спарты. Здесь привилась совершенно особая форма правления, во главе которой одновременно стояли два равноправных наследственных царя, что, естественно, вело к постоянным трениям между царскими родами и их сторонниками. Конец этому положило в IX в. до н. э., законодательство Ликурга, внесшее в страну мир и давшее ей конституцию, которая просуществовала с небольшими изменениями на протяжении семи веков.

Наряду с двумя царями на верху управления стоял государственный совет или совет старейшин, состоявший из двадцати восьми выбираемых пожизненно, граждан, в возрасте старше 60 лет. Они, несли обязанности жрецов, обладали известными судебными правами, а также правом созыва народного собрания и ведали иностранным представительством. Однако их власть постепенно стала ограничиваться эфорами (наблюдающими). Эти последние, выбиравшиеся ежегодно в числе пяти человек, являлись высшей полицейской властью впоследствии они стояли на страже конституции и имели право привлекать к ответу царей и обвинять их перед советом старейшин. Эфоры сопровождали царей во время войны, ведали внешней политикой, разрабатывали законопроекты и вносили их на обсуждение граждан.

Основой государства в Спарте была община с аристократическим строем. После покорения Лакедемона плодородная равнина, орошаемая рекой Эвротом, была разделена на 4500 равных частей, распределенных между завоевателями дорийцами, но не в виде собственности, а лишь в аренду от государства для обработки. Их нельзя было ни продавать, ни дробить на части, ни дарить. В случае отсутствия мужских наследников вопрос о дальнейшем владении

решали цари. Этот неизменный закон о землевладении был краеугольным камнем спартанской конституции. Владеющие землей, то есть материально обеспеченные дорийские воины, спартанцы, являлись правящим классом и имели большое влияние на правительство и законодательную власть, решая вопросы о войне и мире, о заключении союзов, и участвуя в выборах членов совета старейшин и остальных должностных лиц.

Это влияние ограничивалось, однако, в изначальной степени самой формой, в которую выливалось их участие в делах государства. Каждое полнолуние цари созывали общее собрание граждан, происходившее на открытом воздухе. Никаких дебатов не полагалось, и внесенные предложения без всяких поправок принимались и отвергались, не по подсчету голосов, а по восклицаниям большинства.

Главная цель законодательства Ликурга заключалась в том, чтобы создать из спартанцев лучших воинов в мире. Поэтому воспитание детей мужского пола с ранних лет было строго военным. Дети слабого телосложения попросту подкидывались или отдавались в семьи низших классов. Начиная с семилетнего возраста, воспитание ребенка велось государством. Молодые люди, согласно их выбору, разбивались на группы по пятнадцать человек, имевших общий стол. Внутренний распорядок этих групп носил военный характер. Обучение и образ жизни были приурочены к будущей военной деятельности питомцев и характеризовалось простотой, строгой дисциплиной, закаливанием тела и упражнениями с оружием. Спарта, будучи неукрепленным городом, а широко раскинутой открытой деревней, более всего походила на военный лагерь, из которого никто не смел отлучаться. Уход из Спарты был равносителен дезертирству и карался смертной казнью. Выходы из долины Эвроты охранялись часовыми. Путешествовать спартанцы также не могли, за неимением денег, кроме железных монет, не имевших цены в других странах. Обладание золотом и серебром спартанцам запрещалось, равно как и занятия ремеслами и торговлей. Воспитание являлось исключительно односторонне-военным, в ущерб общему развитию, и продолжалось до тридцатилетнего возраста, после чего спартанец приобретал права гражданина.

Поля спартанцев возделывались покоренными ими прежними жителями страны (илотами), обязанными уплачивать часть урожая своим властителям. Илоты были почти бесправны, и единственным их преимуществом было то, что они не могли продаваться хозяевами, хотя жизнь их и находилась всецело в зависимости от усмотрения эфоров. Благодаря этому, илоты каждую минуту были готовы к восстанию и требовали самого строго присмотра со стороны спартанцев. В мирное время оружие им совсем не доверялось, в военное время они выступали на суше легко вооруженными, а на море – гребцами.

Многочисленный средний класс был представлен перизками (окрестные жители), населявшими менее плодородные земли за долиной Эвроты; они возделывали их лично для себя и, помимо того, занимались ремеслами и торговлей. Перизки были обязаны нести службу в войсках и набирались туда в значительном количестве. В первое время они служили в качестве легковооруженных и гребцов, а позднее, когда число спартанцев уменьшилось, и в качестве тяжеловооруженных (гоплитов).

Число спартанцев после завоевания Мессении и распределения в ней, как и в Лакедемоне, земельных участков достигло 9000 человек, позднее же оно сильно уменьшилось: в 500 г. до н. э. их армия состояла из 12 лохов по 500 человек каждая, то есть всего из 6000 человек. К флоту Спарта проявляла мало интереса, поэтому число кораблей было не велико; военный порт находился на Гитейоне в Лаконском заливе. Их войско считалось самым лучшим и обеспечивало Спарте первое место не только в Пелопоннесе, но и во всей Греции.

Благодаря превосходству военных сил Спарты все пелопонесские государства, за исключением Аргониды, уже издавна признали ее гегемонию и предоставляли в ее распоряжение свои войска; такое соотношение известно под именем Пелопоннесского союза. Однако этот союз не был прочным. Когда в 480 г. до н. э. всей стране угрожало нашествие Ксеркса, союз-

ники не обнаружили никакой сплоченности. Войска всех участников союза собрались лишь перед Саламинской битвой под влиянием Фемистокла, но уже при Платее в 479 г. до н. э. отсутствовали войска Элиды и Аркадии. Лакедемонская гегемония покоилась на непрочном основании, что особенно сказалось во время кампаний за Коринфский перешеек.

Полуостров Аттика, единственная земля в европейской Греции населенная ионийским племенем, имеет по большей части скалистый грунт, покрытый тонким слоем земли. Поэтому хлеб не может произрастать в количестве достаточном для пропитания всего населения, но зато с успехом культивируются виноградная лоза, масличное, фиговое и другие деревья. Почти круглый год (336 дней) небо ясно, солнце светит непрерывно. Лето сухо и жарко, дожди выпадают только зимой. Поэтому Афины по справедливости называют «солнечными», а прекрасный климат сказался на характере их жителей, которым был свойственен острый и подвижный ум, духовная и физическая свежесть.

Первоначально в Аттике существовало двенадцать самостоятельных общин, которые еще в эпическое время были соединены героем Тезеем под властью Афин, а цитадель (Акрополь) этого города с его святынями стали центром нового государства. Семьи старинной знати (эвпатриды) переселились туда; их старания мало помалу привели к ограничению царской власти и введению республики. Главою государства сделался архонт, который выбирался из их среды сперва пожизненно, а с 753 г. до н. э. лишь на десятилетний срок; с 682 г. до н. э. во главе государства были поставлены, в качестве руководящей власти, девять архонтов, выбираемых из числа эвпатридов на один год, и государственный совет из пятидесяти одного члена, из среды старинной знати. Члены государственного совета (эфеты) исполняли обязанности судей и вместе с архонтами составляли высшее судилище – ареопаг. Народ сохранил свое старое деление на четыре филы (колена).

В VIII и VII вв. до н. э. произошли крупные экономические перемены, вызванные мореплаванием и торговлей, которые оказали большое влияние на жизнь Афин. Развитию греческого судоходства очень благоприятствовали географическое положение и климатические условия Греции: именно обилие островов, глубокие заливы, большое число закрытых бухт и гаваней, хорошая погода с весны до осени, дующие все лето северные ветры, часто свежие днем, но стихающие к вечеру, и правильные бризы, а также благоприятная для мореплавания прозрачность воздуха. Высокие острова в Эгейском море, на пути из Греции в Малую Азию, дают возможность легко определить свое место, так как все время берега не теряются из виду. Греки, уже издавна занимавшиеся судоходством, хотя и в очень небольших размерах, переняли искусство судостроения и мореплавания от финикийцев. При своих способностях они скоро догнали своих учителей, но все же уступали последним в искусство кораблестроения и смелости; они очень редко выходили за пределы Геркулесовых Столбов, и, по их собственному признанию, финикийцы остались на первом месте во всем, что касалось морского дела.

Лишь один раз, уже позднее, в эпоху Александра Великого, греком из Массилии (Марселя) Пифеем была предпринята крупная и смелая экспедиция с научной целью. Предполагая, что земля шарообразна, он решил проникнуть за полярный круг, где не заходит солнце. Так далеко он, разумеется, не дошел, тем не менее, он прошел Ирландским морем до Шотландских островов и вернулся обратно через Северное море и Английский канал, посетив, вероятно, в целях отыскания янтаря, побережье Северного моря. Это плавание, во всяком случае, можно считать выдающимся.

Склонность к мореплаванию не была одинакова у всех греческих племен. Во времена исторические уже можно проследить различие в их отношении к морю. Из дорических государств наиболее склонным к судоходству оказался Коринф, лежавший между двумя морями, а также его соседи – Мегара и Сикион, и острова Эгина и Коркира (Корфу). Из эолийских – двенадцать городов в Малой Азии. Лучшими же греками-мореплавателями были все-таки ионийцы, жившие в Малой Азии, а также на островах и в Аттике. В качестве торговых кораб-

лей они применяли круглые суда, преимущественно парусные, в качестве военных – длинные гребные суда. Эти последние почти до 500 г. до н. э. были однорядными (униремы), тридцативесельными (триаконтеры) и пятидесятивесельными (пентеконтеры).

Гомер творил, скорее всего, в VIII в. до н. э., но повествовал о событиях, 500-летней давности. Его описания судов соответствуют, в основном, его времени, хотя отдельные детали могут относиться и к более ранней эпохе. Гомер стремился избегать анахронизмов. Он ни разу не упоминает таран – характерную деталь военных кораблей его времени. Длинные корабли Гомера были беспалубными. Небольшие палубы имелись только на носу (смотровая площадка) и на корме, где располагался капитан. Гребцы сидели на скамьях. Спать на судне им было негде, поэтому старались на ночь причаливать и вытаскивать судно на берег. Использовались 20-весельные суда (посыльные, разведочные), 50-весельные – пентекотеры, изредка встречались и 100-весельные. Гомер не упоминает триаконтеру, но 30-весельные суда в его время наверняка существовали. Корпус судов был очень узким, низким и легким. Его покрывали смолой, отчего все гомеровские корабли – «черные». Весла закреплялись в уключинах, поворачиваясь на штырях, и дополнительно удерживались на месте кожаными ремешками. Гомер упоминает одно рулевое весло – по-видимому, характерная черта Микенской эпохи. На современных ему изображениях обычно показаны два рулевых весла. Парусное вооружение сводилось к единственному прямому парусу, крепившемуся к горизонтальному рею. Мачта была съемной. Стоячий такелаж состоял двух форштагов, крепившихся по обеим сторонам носовой части, и одного бакштага; бегущий такелаж включал брасы, шкоты и гитовы.

Суда гомеровской эпохи изображены на геометрических вазах (850-700 гг. до н. э.) – это суда двух типов: одни – узкие, беспалубные, другие – со сложной надстройкой. Все они имеют таран – приспособление, появившееся после 1000 г. до н. э. и изменившее тактику морского боя (вопрос о том, кто изобрел таран, финикийцы или греки, остается открытым, как, впрочем, и вопрос о датировке этого изобретения. Некоторые исследователи – Моррисон, Кассон, Баш – считают, что то приспособление, которым снабжены изображенные на геометрических вазах VIII в. галеры, служило для предохранения их носовой части при вытаскивании на берег, а не для потопления судов противника. Настоящий же таран появился, по их мнению, не ранее первой половины VII в. до н. э.). Применение тарана заставило строить корабли с более массивной и прочной носовой частью. Примечательно, что суда с надстройкой – продольной боевой палубой, оставляющей по обе стороны место для сидящих на банках гребцов, частично укрытых фальшбортом – обычно показаны в действии, атакующими, в то время как более легкие беспалубные суда (афракты) в бою не участвуют, хотя и вооружены тараном. На греческих вазах афракты изображались с разным числом весел, от 8 до 19 по борту. Эти цифры нельзя воспринимать буквально – греческие вазописцы не стремились к фотографической точности. В то время, когда все суда еще были низкими и беспалубными, и гребцы на них располагались в один ряд (около 850 г. до н. э. таковыми были все боевые корабли, включая 50 и 100-весельные галеры) необходимости выделять афракты в отдельную категорию не было.

Приемы судоходства были самыми примитивными, благодаря отсутствию карт, лоций, маяков, знаков, компаса, лага и других инструментов подобного рода. Единственным мореходным инструментом, которым располагали древние мореплаватели, был лот. Определялись по знакомым берегам или по приблизительному подсчету пройденного пути, а ночью в открытом море – по звездам. Определение курса было также очень не точно. При ориентации и определении направления ветра первоначально различали четыре пункта: восток, запад, север и юг; ко времени первой Олимпиады (776 г. до н. э.) к ним прибавили еще четыре румба, соответствовавших точкам восхода и захода солнца в дни солнцестояния. Эти точки, принимая во внимание, что широта Средиземного моря около 36°, отстояли на 30° к северу и югу с востока и запада. Такое деление горизонта на восемь частей удержалось до 400 г. до н. э., когда к ним

прибавили еще четыре румба, отстоявших на 30° по обе стороны от севера и юга; таким образом, горизонт был разделен на двенадцать равных частей по 30° каждая.

Торговые суда в значительной степени, а самые крупные – даже исключительно, зависели от ветра. Суда без килей и с малой парусностью не могли ходить круто против ветра, их сносило очень сильно даже при галфвинде. Этим объясняется то маловероятное в наше время явление, когда суда заносило в другую сторону, как это было, например с Колаем в Тартессе. Беспомощность судов в дурную погоду ограничивала время судоходства летними месяцами, то есть периодом от середины марта до конца октября, когда стояла хорошая погода. В период от начала ноября до середины марта судоходство прекращалось, суда выходили из гаваней лишь в случае крайней необходимости.

При наличии таких средств успехи мореплавания древних, исходивших все Средиземное море и достигавших на востоке Индии, а на западе Генуэзского залива и Англии, надо признать изумительными. Скорость передвижения их судов и их плаваний нельзя, однако, считать незначительными, особенно же, если принять во внимание зависимость этих последних от господствующих ветров и от знания местности.

Дошедшие до нас сведения об этом вопросе не настолько точны, чтобы можно было сделать верные выводы. Так, например, на переход из Суэца до Баб-эль-Мандебского пролива на большом торговом корабле по страшному в то время Красному морю требовалось около 30 дней, и далее до Малабарского берега дней 40, что давало среднюю скорость 2,5 узла. Расстояние в 810 миль от Карфагена до Гибралтара по прямой линии, при знакомой дороге и благоприятных обстоятельствах, проходило за 7 дней, то есть в среднем со скоростью в 4,8 узла.

У Геродота (IV, 86) есть указания на еще большую среднюю скорость. У него говорится о переходе в 700 стадий (70 миль) за день и в 600 стадий (60 миль) за ночь, то есть в среднем со скоростью 5,4 узла. Вероятно, эти данные относятся к гребным судам. Быстроходные гребные суда развивали еще большую скорость. Так, например, милетский пятидесятивесельный корабль прошел расстояние в 520 миль из Лампсака на Геллеспонте до Спарты (Гитейон) в три дня (Ксенофонт, *Hist. Graec.*, II, 1; 30), что дает среднюю скорость в 7,2 узла.

Географическое положение Греции и характер ее жителей одинаково благоприятствовали развитию мореплавания и торговли, в особенности же морской торговли. Море было их родной стихией. Подобно всем плававшим на море народам, они в доисторические времена занимались, по-видимому, морским разбоем. В торговле их учителями с самого начала были финикийцы. В этом деле греки оказались очень понятливыми учениками, хотя, как и в искусстве мореплавания, они не сравнялись с учителями. Дурные черты финикийских торговцев, за которые греки их презирали, были переняты ими самими очень скоро. Разницы в солидности и честности между греками и финикийцами не было никакой. По отзыву Демосфена, предприимчивый и вместе с тем честный купец был чудом.

Тем не менее, торговлей занимались даже такие почтенные и выдающиеся люди, как Солон, Платон, Гиппократ, Фалес и Зенон. Стремления к наживе были сильнее предубеждений. Несомненно, однако, то, что в Греции особенно в Афинах, о которых мы имеем больше всего сведений, торговля действовала деморализующе на и без того слабую нравственность населения.

Малоазийские греки получали продукты Азии частью морем от финикийцев, частью же сухим путем через соседние страны – Лидию и Фригию, откуда подвозили их к морю. Из Лидии же они впервые получили чеканную монету – основу всякой правильной торговли. В 700 г. до н. э. первый из греческих городов, город Фокея, отчеканил монету. На ней был изображен, в виде городского герба, морской котик. Ионийские города, в особенности Милет, были первыми греческими городами, достигшими богатства и расцвета благодаря торговле и первыми начали обширную колонизацию, распространившую греческую культуру по всему побережью Средиземного моря. Среди островных греков своим участием в торговле в северной части Архи-

пелага выделились лемносцы, а в южной, до Крита и Элиды – эгиняне, которые значительно раньше остальных греков обнаружили склонность к торговле; из береговых греческих государств выделился Коринф, получивший название «богатого» (Фукидид, I, 13), который благодаря своему выгодному географическому положению, поддерживал сухопутную торговлю с Пелопоннесом и в то же время был посредником в торговых сношениях Востока с Западной Грецией и Италией. Коринф был центром, где быстро расцветали искусства и ремесла; число одних рабов достигало в нем 460 000 человек. Пелопоннес при наличии спартанских воззрений, принимал очень незначительное участие в торговле и промышленности. Тем не менее, в 670 г. до н. э., при царе Арголиды Фейдоне, были отчеканены первые в европейской Греции монеты и установлены меры и веса.

Предметы торговли, вывозимые из Греции, состояли преимущественно из сельскохозяйственных продуктов, а также из произведений искусства и промышленности. Из первых главное место занимало вино; в то время уже существовало несколько сортов вина, из которых особенно ценились вина с островов, как, например, хиосское. Вино разливалось в меха, кувшины и бочки. Второе место занимало оливковое масло, лучшие сорта которого, равно как и мед и фиги, добывались в Аттике. Кроме этого, предметами вывоза служили различные фрукты, миндаль, каштан, айва и т. п., целебные травы и корни, пенька и лен, овечья шерсть, звериные шкуры, соленая рыба, соль, сера, драгоценные камни, металлы, оружие, доспехи, медные и гончарные художественные поделки из Коринфа, Аттики и других областей.

Главным предметом ввоза, без сомнения, были рабы. Это объясняется тем, что даже такие авторитеты, как Сократ и Аристотель утверждали, что праздность есть величайшее благо гражданина, и что работа есть удел рабов. Поэтому, как уже упоминалось раньше, число последних было велико. Из прочих предметов ввоза особенно ценился янтарь. Высказывалось предположение, что греки вывозили янтарь сухим путем с Янтарного берега к Черному морю. Уже перечисленные раньше товары Индии, Эфиопии и Востока, олово из Англии и хлеб, в котором Аттика все более и более нуждалась для прокормления своих жителей, привозились финикийцами через Черное море, а со времени Псамметиха – из Египта; оттуда же вывозился папирус, применявшийся для выделки такелажа и парусов, и другие товары. Строевой лес, в особенности лес судостроительный, вывозился главным образом из Македонии и Фракии.

До введения денег способы торговли напоминали финикийские – торговля была исключительно меновой. В случае, если кормчий не был одновременно судовладельцем и купцом, на судне находился еще суперкарго. Свобода торговли не была нормирована законами. Государство, заботившееся о взаимоотношениях граждан, оставляло за собой право решать вопросы о ввозе и вывозе, давать монополию там, где это было ему выгодно или полезно, а в остальном предоставляло своим торговцам свободу действий. Из Аттики, например, всегда воспрещался вывоз пшеницы, а также дерева и других материалов, необходимых для судостроения. Свободолюбивый Солон ограничил даже вывоз масла, производство которого значительно превышало спрос в стране. Кредит, благодаря нечестности купцов, был очень невелик, зато проценты очень высокими. 10% считались очень низкими, обычно взимались 18%. При выдаче ссуд под корабль и груз взимались еще большие проценты – так 30% были явлением обычным в летнее время.

С вытеснением финикийцев из греческих вод поле деятельности греческих купцов сильно расширилось. Рынки Архипелага, Черного и Ионийского морей стали принадлежать исключительно им. Вместе с этим быстро стали расти и обогащаться их главные торговые города: Милет, Эфес, Фокея, Коринф, Мегара и др. Подвижность греков способствовала интенсивной колонизации берегов Фракии, Пропонтиды (Мраморное море), Черного моря, Южной Италии, Сицилии и далее, вплоть до восточного берега Испании и Ливии. В 785 г. до н. э. милетцами был основан Синоп, в 756 г. до н. э. ими же – Трапезунд, в 734 г. до н. э. коринфянами – Сиракузы, в 658 г. до н. э. мегарийцами – Византий, в 623 г. до н. э. фокейцами –

Кирена в Африке, в 600 г. до н. э. ими же была основана Массилия (Марсель). Число греческих колоний к 600 г. до н. э. на северном побережье Черного и Средиземного морей достигало 250, из них 80 было основано одними милетцами.

Главной их целью была торговля, получавшая еще большее развитие со времени их основания; однако они не оставались только факториями, как это было у финикийцев, а представляли собой организованные общины с собственными законами и управлением, независимым от метрополии. Эти общины жили в укрепленных городах и распространяли свое могущество на окрестные земли. Колонисты гордились своим происхождением, языком, образованностью и способностями и потому строго охраняли чистоту своей национальности и ревностно отстаивали свою независимость. Для борьбы с общим врагом они вступали в союзы по четыре-пять общин в каждом (тетраполис или пентаполис). Отношения колоний друг к другу мало отличались от отношений между соседними греческими государствами. По отношению к варварам они держались более или менее сплоченно, но между собою часто воевали, заключая иногда союзы даже с варварами в целях борьбы с соплеменниками.

С метрополией они никогда не теряли связи, обращаясь к ней в случае нужды за помощью, и, в свою очередь, оказывали ей таковую же. Но вмешательства в свои внутренние дела не допускали самым решительным образом, вплоть до войны, как, например, это случилось между Коринфом и его колонией Коркирой, очень быстро достигшей морского могущества. Во время этой войны в 665 г. до н. э. произошло первое морское сражение между греческими флотами. Колонии удалось отстоять свою независимость.

Наряду с этой обширной эмиграцией, преследовавшей колонизационные цели, происходил в большом масштабе отток греческих воинов, вербовавшихся другими государствами в качестве наемников. Со времени Сети I (около 1300 г. до н. э.) наемники часто применялись в Египте вследствие малой воинственности собственного населения. 670 г. до н. э. был очень тяжел для Египта: страна, завоеванная в 728 г. до н. э. эфиопами, была покорена затем ассирийцами и была разделена между несколькими военачальниками, среди которых вскоре начались раздоры. На помощь к одному из них – правителю Саиса – Псамметиху, по предложению лидийского царя Гига пришел флот с наемниками – ионийцами и карийцами. Они разбили египетский флот на Ниле, у Саиса, и основали укрепленный лагерь под названием Навкратис (могущественный кораблями). При их помощи Псамметиху в 645 г. до н. э. удалось овладеть всем Египтом. Продолжая и в дальнейшем опираться на греческих наемников, он поселил их на побережье Пелузийского рукава Нила ниже Бубастиса и предоставил им право торговли. За ними последовали новые греческие переселенцы, и морская торговля постепенно перешла от финикийцев в руки греков. Окончательно греки завладели египетской торговлей лишь после того, как царь Амасис (569-525 гг. до н. э.) отдал область Навкратис крупному греческому торговому обществу и предоставил ему монополию на всю морскую торговлю Египта. Вскоре там вырос чисто греческий город, еще при этом царе достигший своего наибольшего расцвета.

В противоположность финикийцам, наиболее значительные из занимавшихся мореплаванием греческих государств были сильно озабочены укреплением своего морского могущества для защиты торговли и своих интересов за морем.

Существует предание, что еще в доисторическое время мифический критский царь Минос, в целях обладания морем и очистки его от карийских морских разбойников, завел морскую полицию в виде военного флота. В самом начале исторического времени Коринф сделал то же самое в своих водах; Мегара, Эгина и более крупные греческие государства Малой Азии последовали его примеру. Все эти обстоятельства способствовали развитию греческой торговли.

Торговля, которую греки вели с таким умением, приносила их крупным приморским городам большие богатства. Очень характерно для греков то обстоятельство, что, разбогатев, они тратили свои богатства на развитие наук и искусств. Уже в 590 г. до н. э. Эфес, Фокея и

Самос начали постройку грандиозных храмов. К этому же времени относится начало ваяния из мрамора. Тогда же Фалес Милетский сделал замечательные открытия в области математики и астрономии и выступил, как первый философ, с рассуждением о начале вещей. Наконец, поэмы Сапфо и басни Эзопа, сохранившиеся до наших дней, относятся к той же эпохе.

Такое быстрое увеличение богатства имело следствием полный экономический переворот, очень неблагоприятно отразившийся на земледельцах, живших своей землей; они попали в тяжелую зависимость к заимодавцам. В Аттике, принимавшей деятельное участие в торговле, но не имевшей еще военного флота, сельское население совсем обеднело. Положение еще ухудшилось в 621 г. до н. э. с введением законов архонта Дракона, по которым неоплатный должник попадал в личную зависимость к кредитору. Пристрастный суд, неурожаи и расстройство в торговле создали опасность социальной революции, которая могла привести к тирании, что и случилось в Сикионе, Коринфе и Мегаре. В Афинах также была сделана попытка установления тирании, но обстоятельства сложились таким образом, что, наиболее знатный и богатый род Алкмеонидов, имевший больше всего шансов на воцарение, был изгнан из пределов государства. Афины были выведены из кризиса великим законодателем Солоном (639-559 гг. до н. э.) по происхождению эпатридом, снискавшим всеобщее доверие своим благородным и ясным складом ума, бескорыстием и беспристрастностью.

Сделавшись в 594 г. до н. э. первым архонтом и получив неограниченные полномочия, Солон изменил основные законы. Положение задолжавших землевладельцев он улучшил понижением стоимости денег на 27% и отменил установленную Драконом личную ответственность за долги.

Самой важной частью реформ, было то, что Солон поставил политические права в зависимость от доходов с земельной собственности; это было достигнуто разделением населения на четыре класса: 1) землевладельцы с доходом не менее одного таланта 2) воины с доходом более 0,6 таланта; 3) крестьяне с доходом с земли от 0,3-0,4 таланта; и 4) все остальное население: ремесленники, разносчики, купцы, судовладельцы, банкиры и т. п. Даже самые богатые люди, если они не владели землей, причислялись к четвертому классу – демосу (народу), не платящему налогов, но зато лишенному права занимать какие-либо официальные должности. Они все-таки считались гражданами, и имели право голоса. Из граждан, принадлежавших к первым трем классам, формировался главный контингент войск, так как они были обязаны нести военную службу в качестве гоплитов (тяжеловооруженных). Все военные расходы падали на них. Представители демоса на войне служили в качестве легковооруженных или гребцов на судах. Прежнее деление страны в военных и административных целях на 48 округов, называвшихся навкратиями, с богатым эпатридом во главе каждого, осталось в силе.

В случае надобности каждая навкратия была обязана выставить по одному снаряженному кораблю и по два конных воина. Впрочем, на море афиняне не преследовали тогда иной цели, кроме охраны берегов.

Это законодательство, разумеется, подняло значение землевладения. Занятие сельским хозяйством, дающее здоровых пригодных к военной службе людей, должно было сделаться основой государства. Выделение на первый план землевладения было очень выгодно для эпатридов, которым издавна принадлежала большая часть земли. Представляя собой класс тех граждан, из среды которых почти исключительно избирались архонты, эпатриды вместе с тем должны были заботиться о своей земле, чтобы не быть переведенными в низший класс в случае уменьшения дохода. С другой стороны, для лиц, не принадлежавших к старинным родам, открывалась возможность попасть в первый класс граждан и добиться высших должностей. Новое законодательство разрушало преграды между аристократией и прочими гражданами.

Для того, чтобы земля, обладание которой давало политические преимущества, не могла перейти в руки нескольких богачей, Солон ограничил пределы единоличного владения и этим

обеспечил сохранение многочисленного класса крестьян, являвшихся надежной опорой здорового государства.

Высшим органом власти по-прежнему остались девять архонтов, выбиравшихся ежегодно из среды граждан первого класса сроком на год; права их были несколько ограничены. Эфеты образовали самостоятельную судебную коллегия под председательством второго архонта.

Общий надзор за всей государственной жизнью был возложен на ареопаг, являвшийся уголовным судом и в то же время высшим полицейским органом для охраны религии и добрых нравов, то есть ставший как бы совестью государства. Ареопаг состоял не только из архонтов, выбранных в данное время, но и из всех прежних архонтов, безупречно выполнявших свои обязанности. Другими словами, членами его являлись исключительно почтенные и богатые люди, выбиравшиеся пожизненно. Он являлся естественным охранителем консервативных интересов.

Наряду с этими высшими учреждениями стоял совет четырехсот, выбиравшийся ежегодно из среды достигших тридцатилетнего возраста граждан первых трех классов. Народное собрание, состоявшее из граждан всех четырех классов, имевших одинаковое право голоса, избирало должностных лиц, за исключением архонтов, а также присяжных для вновь введенного суда присяжных. Народное собрание решало вопросы войны и мира, а также обсуждало важнейшие законы.

При таком участии всех граждан в государственной жизни, конституция приняла черты демократического порядка. На самом же деле образ правления, хотя в более умеренной степени и с некоторыми ограничениями, оставался по-прежнему аристократическим. Первый класс граждан, состоявший преимущественно из эвпатридов, выдвигал архонтов и членов ареопага, а потому нити управления государством остались в руках родовой знати.

Помимо всего этого, законодательством Солона было упорядочено и по возможности отделено от административной власти судопроизводство, в основание которого было положено равенство всех граждан перед законом; общее законоположение было пополнено многими новыми разумными законами, касавшимися охраны начал семейной жизни и нравственного воспитания юношества.

Солону, при его выдающихся талантах, удалось провести в жизнь без борьбы эту прекрасную конституцию, основанную на мудрой умеренности и стремившуюся уравновесить противоположные течения. Этим путем было достигнуто спокойствие в Афинах, и государство, став на твердую почву, быстро расцвело. По инициативе Солона и под его предводительством был вновь завоеван лежащий в непосредственной близости от Афин остров Саламин в Элевсинском заливе, отшедший к Мегаре в период внутренних беспорядков и слабости Афин еще в 604 г. до н. э. С этого момента для развития морского могущества не было препятствий. Но, как это ни странно, афиняне лишь много позднее оценили значение морского могущества, а пока оставались при своих сорока восьми кораблях, представлявших собою лишь морскую милицию.

Венцом деятельности Солона явилась всеобщая амнистия. После этого он на несколько лет покинул страну, предоставив законам входить в жизнь помимо его личного влияния. Однако, несмотря на свой ум, благородство и бескорыстие, он переоценил своих сограждан. Эвпатриды не были довольны уничтожением своих преимуществ и ограничением прежних прав, а демос не удовлетворился облегчением своего положения и считал незначительными предоставленные ему права. Кроме того, с возвращением изгнанников в стране появились беспокойные и честолюбивые элементы, в том числе и гордый род Алкмеонидов.

Вновь начались внутренние раздоры, с которыми Солон уже не мог справиться по своему возвращении. В 560 г. до н. э. ему пришлось пережить захват афинского Акрополя и провозглашение единовластия эвпатридом Писистратом, операвшимся на бедных горцев, населявших

северо-восток Аттики. Несмотря на двукратное изгнание (в 556 и 549 гг. до н. э.), Писистрат вновь достиг власти и продолжал действовать в интересах города со свойственной ему мудрой умеренностью; лишь Алкмеонидов он совершенно изгнал из Аттики.

После смерти Писистрата в 527 г. до н. э. его место было беспрепятственно занято его сыном Гиппием, продолжавшим править в духе отца. Произведенное в 514 г. до н. э. покушение, жертвой которого, вместо Гиппия, пал по ошибке его брат Гиппарх, ожесточило Гиппия и он, заключив союз с царями персидским и македонским, разбил в 510 г. до н. э. поддерживавшихся спартанцами Алкмеонидов. Последние расположили к себе амфиктонию и влиятельного дельфийского оракула тем, что восстановили на свои средства случайно сгоревший Дельфийский храм Аполлона. Спартанцы, обладавшие тогда гегемонией, действуя через оракула, стремились восстановить в Афинах аристократический образ правления, схожий с их собственным, и прилагали все усилия для уничтожения тирании и свержения тирана Гиппия. Их первый поход против Афин окончился неудачей. Второй поход оказался удачнее, и Гиппий был осажден в акрополе. После того, как в руки его врагов попали его дети, которые были удалены им ради их безопасности из Афин, он согласился на все предложенные ему условия, оставил страну и переселился в Сигеум (близ древней Трои), предусмотрительно покоренный им еще ранее в расчете на подобный исход дела. С этого времени все его мечты и помыслы были направлены к тому, чтобы вернуть себе былое положение в Афинах с чьей бы то ни было помощью.

Воспользовавшись непрерывными раздорами между афинским народом и аристократией, Клизфен из рода Алкмеонидов, опираясь, подобно Писистрату, на горцев, захватил власть в Афинах в свои руки. В 509 г. до н. э. он издал новые законы, которые, в сущности, являлись законами Солона, но носили более демократический характер. Вместо четырех древних греческих фил, в которых наибольшее влияние имели эвпатриды, он, в политических, религиозных и военных целях разделил народ на десять фил, причем, каждая фила в свою очередь состояла из десяти общин (демов). Различное местоположение демов, принадлежавших к одной филе, исключало возможность того, что местные интересы могли оказаться главенствующими. Таким образом, и Афины в административном отношении перестали представлять собой одно целое, а распались на несколько общин. Архонты и ареопаг остались, но судебные полномочия первых еще более сузились с изменением судопроизводства. Совет четырехсот (по сто человек от каждой старой филы) был заменен советом пятисот (по пятьдесят человек от каждой новой филы). Было введено десять должностей стратегов – главных военачальников. Все должностные лица избирались, как и прежде, на один год, но уже не поднятием рук, что часто вело к раздорам между враждующими партиями, а по жребию. Прямые выборы остались только для архонтов, избиравшихся из среды граждан первых трех классов.

Каждый гражданин отбывал воинскую повинность и имел право голосования и обсуждения вопросов в народном собрании, созывавшемся, по крайней мере, десять раз в году. Военное дело было реорганизовано, но по вопросу о создании флота не было сделано ничего нового; лишь число навкрарий, соответственно новому числу фил, было увеличено до 50. Таким образом, флот по-прежнему существовал в виде морской милиции, призывавшейся лишь в случае надобности.

Новой мерой охраны государственного строя явился суд общим голосованием граждан при помощи черепков (остракизм), установленный для опасных в государственном отношении элементов, изгонявшихся таким путем на десять лет из пределов государства. Подвергнутые остракизму не имели права обжалования. Через два месяца после публичного осуждения поступков какого-либо гражданина в народном собрании ставился на закрытое голосование вопрос об его изгнании, причем имя виновного писалось на глиняных черепках. Для изгнания, однако, необходимо было собрать не менее 6000 голосов. В последнем случае осужденный должен был покинуть государство в десятидневный срок. Это изгнание не считалось позорным, и

имущество изгоняемого оставалось неприкосновенным. Такой способ давал возможность удалять из государства опасных лиц без кровопролития и беспорядков. Первым лицом, изгнанным таким образом, оказался сам Клизфен.

Законы Клизфена, давшие всем гражданам равные права, свободу слова и голоса в решениях государственных дел и открывшие путь для всех способных людей, сильно подняли народное самосознание и любовь к отечеству. Росту могущества Афин содействовали еще и другие обстоятельства. В 509 г. до н. э. город Платея отделился от беотийского союза и примкнул к Афинам, отчего территория афинского государства увеличилась до реки Азопа. Спарта, как носительница греческой гегемонии, сочла себя вынужденной снова объявить войну демократическим Афинам и Клизфену. Первая попытка в этом направлении не удалась, а Клизфен, отправившийся в изгнание, вернулся в Афины. В 507 г. до н. э. спартанские цари Клеомен и Демарат с войсками Пелопоннесского союза, опираясь на союзные Фивы и Халкиду (на острове Эвбее) направились к Афинам в целях их окончательного завоевания. Несогласия командующих пелопоннесскими войсками привели к тому, что последние около Элевсины разделились, и афиняне разбили сначала фиванцев, а затем и халкидян. Последние были вынуждены уступить победителям значительную часть своей территории, куда и переселились 4000 афинских граждан. Последний замысел спартанцев – сделать вызванного из Сигеума Гиппия тираном в Афинах – не удался, потому что союзники отказались поддержать это предприятие, шедшее в разрез с политикой спартанцев и противное греческому духу. Таким образом, к 500 г. до н. э. Афины достигли своей наибольшей внутренней мощи. Лишь в морской борьбе с островом Эгиной, с более сильным флотом, Афины были бессильны, поскольку своевременно не сформировали собственный сильный флот.

Держава Ахеменидов

В это время греческому миру стала грозить новая опасность, надвигавшаяся из глубины Азии к морю, а именно персы, ставшие на протяжении нескольких веков наиболее опасными врагами греков и оказавшие большое влияние на ход греческой истории. Двигаясь из Лидии, персы должны были, прежде всего, покорить малоазийских греков. Лидийские цари уже со времен первого царя Гига, сделавшего в 690 г. до н. э. страну независимой от ассирийского владычества и создавшего обширное государство, признавали большое значение морских сношений и поэтому стремились к владению гаванями на важном для них малоазийском побережье. Им удалось завладеть местностью Троей, после чего они начали борьбу с греческими государствами; некоторые из них, например, Магнезия и Смирна, были покорены и уничтожены. Милет же успешно выдержал одиннадцатилетнюю осаду, благодаря флоту, позволявшему ему свободу морских сношений, и заключил в 605 г. до н. э. мир с Лидией. В это время распалась Ассирия, и лидийский царь Алиатт (609-561 гг. до н. э.) оказался вынужденным для защиты своего царства на востоке начать войну с мидянами; ему удалось удержать под своей властью земли вплоть до реки Галиса. На западе наступило затишье.

К этому времени греческие малоазийские города, ведя торговлю в Египте, Ливии, на Понте и во всей восточной части Средиземного моря, и вытеснив отовсюду начавших приходить в упадок финикийцев, достигли наибольшего расцвета. Наследовавший Алиатту Крез (560-546 гг. до н. э.) возобновил планомерную борьбу с греками и положил конец их самостоятельности. Очень ценя греческую культуру и желая приобщить к ней лидийцев, он пожертвовал в пользу дельфийского храма необычайно ценные подарки, принимал участие в Олимпийских играх, посылая туда своих представителей, и вел дружбу с Алкмеонидами. Но ему слишком ясны были выгоды обладания малоазийским побережьем, для того чтобы оставить его независимым. Поэтому он силой подчинил своей власти Эфес, лежавший неподалеку от Сард, а затем обложил данью остальные города, но обошелся с ними очень мягко, так что они сохранили

свою самостоятельность. В 546 г. до н. э. он был осажден в Сардах персами, взят в плен и свергнут с престола царем персов Киром. Лидия была обращена в персидскую провинцию. Против персов восстали ионийские города, за исключением Милета, который предпочел договориться с персами, остальные же города не соединились для совместной защиты от персидской опасности, и один за другим были завоеваны и подверглись более или менее печальной участи. Фокейцы, желая предотвратить подобный исход, решили покинуть свой город; погрузив имущество и семьи на корабли, в числе пятидесяти пентеконтер, они отправились на поиски новых земель. Не будучи приняты своими соплеменниками на Хиосе, они отправились в Алалию на Корсике и занялись морским разбоем. Это вызвало совместное нападение на них карфагенян и этрусков, результатом чего была битва при Алалии (в 537 г. до н. э.). В этой битве фокейцы, хотя и не были побеждены, но потеряли большую часть своих кораблей и решили не оставаться на острове, а переселиться в Региум (Южная Италия). То же самое произошло с жителями ионического города Теоса, основавшими впоследствии Абдеру во Фракии. Остальные города не последовали этим примерам. Даже некоторые острова подчинились персам, несмотря на отсутствие у них флота, и только карийские города оказали отчаянное сопротивление.

После смерти Кира, последовавшей в 525 г. до н. э., ему наследовал Камбиз, предпринявший завоевание Египта. Покоренные финикийцы и малоазийские греки были вынуждены предоставить в распоряжение персов свои корабли. При помощи созданного таким путем флота, и при участии предводителя греческих наемников Фанея, Камбиз сделался властителем Египта. После его смерти, последовавшей в 522 г. до н. э., царем Персии сделался Дарий Гистасп.

К этим войнам имеет некоторое отношение Поликрат, самосский тиран, заслуживающий упоминания, как представитель греческого морского могущества. Самосцы, достигшие успехов в области кораблестроения, мореплавания, промышленности, земледелия и горного дела, отличались, кроме того, предприимчивостью и изобретательностью. Отец Поликрата, начальник самосского флота, поднял восстание против аристократического правления, свергнул его и сделался тираном. После его смерти власть перешла к трем его сыновьям. Поликрат убил одного брата, изгнал другого и сделался единственным правителем (в 536 г. до н. э.). Обладая выдающимися способностями, честолюбивый и богатый, он в короткий срок построил флот из 100 пятидесятивесельных кораблей, с которыми не мог сравниться никакой другой. С таким флотом, царствуя над морем, он стал вести морской разбой на всем Архипелаге: налагал дань на портовые города, победил милетцев и лесбосцев, разрушил сопротивлявшиеся ему города, завоевал Делос и прилежавшие к нему острова и овладел всем Архипелагом; он даже намеревался основать греко-ионийский морской союз со священным островом Делосом в качестве его центра; однако столицей должен был оставаться город Самос, который он при помощи завоеванных сокровищ сделал красивейшим из городов, привлекавшим ученых, художников и поэтов.

Не имея соперников на море, Поликрат, тем не менее, опасался персидского могущества. Поэтому он предложил Камбизу во время похода против египетского царя Амасиса, своего прежнего друга и союзника, эскадру из сорока кораблей, на которые он посадил своих политических противников, думая избавиться от них. На пути в Египет последние взбунтовались и, вернувшись обратно, разбили Поликрата, вышедшего им навстречу во главе оставшегося флота. Но для взятия Самоса у них не хватало сил, и они обратились в Спарту за помощью против тирана, каковая и была оказана им Спартой и Коринфом. Спартанцы впервые предприняли морской поход, окончившийся неудачей. Союзники осадили Поликрата в его укрепленном городе, прекрасно выдержавшем все их штурмы, и были вынуждены через сорок дней снять осаду. Непосредственная опасность для Поликрата миновала, но у него уже не было ни флота, ни денег на постройку нового. В это время к нему явились послы персидского сатрапа Ороэста, приглашавшего его к себе и предлагавшего поделиться с ним своими сокровищами,

так как он, Ороэ, впал в немилость у Камбиза. Поликрат дал себя одурачить и поехал; по прибытии он был схвачен и распят на кресте. Так закончился богатый событиями и блестящий период самосского морского могущества.

Самосская эскадра, отступившая от Самоса вместе с коринфянами и спартанцами, самостоятельно начала заниматься морским разбоем и на награбленную добычу приобрела в собственности остров Гидру, по своему положению очень благоприятный для занятия пиратством. В продолжение пяти лет разбойники появлялись в гавани Кидонии на Крите и грабили суда. Весьма характерным для условий тогдашнего мореплавания можно считать то обстоятельство, что для истребления самосских морских разбойников потребовались соединенные усилия флотов Эгины и Крита.

Дарий вступил на престол в 522 г. до н. э. двадцати восьми лет от роду, устранив предварительно своего соперника. В его распоряжении оказалось необъятное государство, простиравшееся от Кавказа до Эфиопии и от Средиземного моря до Индии; связь между отдельными частями государства была очень слаба, и постоянно, то там, то здесь, вспыхивали восстания. Дарию потребовалось в течение многих лет вести войны, прежде чем он был признан царем повсюду.

Дарий разделил свое царство на 20 областей (сатрапий), по народностям, предоставив им свободу вероисповедания и местное самоуправление. Во главе каждой области стоял наместник (сатрап), которому вменялось в обязанность отражать врагов, выставять, по требованию царя, известное количество войска и уплачивать дань. Сбором податей ведало специальное учреждение, составленное из чиновников, тщательно подготовленных к административной деятельности. Дарий ввел поземельные налоги и с этой целью велел измерить страну и выяснить доходность земель. Эти поземельные налоги в общем достигали приблизительно 14560 талантов. К этой сумме надо присоединить еще поступления на содержание царского двора, пошлины и т. д. Из остатков Дарий образовал государственный фонд. Заботясь о торговле и сношениях, он распорядился построить целую сеть прекрасных дорог и каналов, упорядочил денежную систему, причем чеканка монеты оставалась монополией правительства. Дорога из столицы Суз до Сард была длиною в 2445 километров, из Суз в Мараканду (Самарканд) – 2500 километров. Через каждые 22 километра находилась почтовая станция с гостиницей и лошадьми для перемены. Дороги служили, главным образом, для почты, а затем уже для перевозки людей и товаров; для проезда из Суз в Сарды требовалось 90 дней. Но курьер делал этот путь, разумеется, много скорей.

Военные силы были организованы Дарием на совершенно новых началах: войско делилось на двадцать отделов (корпусов), расположенных по всем двадцати областям. Корпуса эти подчинялись не сатрапам, как это было позднее, в период упадка Персии, а особым военачальникам, назначавшимся самим царем. Сатрап, однако, должен был заботиться о содержании войск, так как жалованья им не выдавалось. Войска разделялись на полевые и гарнизонные; последние оставались все время на месте, тогда как первые подлежали ежегодным смотрам, производившимся или самим царем или же заслуженным военным начальником. В этих целях государство также делилось на несколько округов.

Наилучшими войсками считалась гвардия царя, состоявшая из двух корпусов по 10 000 человек, мидийского и персидского. Последний, постоянно окружавший царя, комплектовался отборными людьми и назывался «10 000 бессмертных», так как малейший урон тотчас же пополнялся, и десяти тысячный комплект всегда был налицо. Остальная пехота была вооружена ручным метательным оружием, как-то: луками и пращами; тяжеловооруженные снабжались копьями и короткими мечами.

Конница, разделявшаяся на тяжелую и легкую, была очень многочисленна и считалась лучшим родом войск; имелись также и колесницы. Кроме постоянных войск, в особых случаях

призывалось еще и ополчение, которое было очень многочисленно и комплектовалось самыми разнообразными народностями.

Организация войск была вполне целесообразна, но ее слабым местом было отсутствие военной выучки, а также плохое состояние тактики, стоявшей на очень низкой ступени развития. Войска пешие и конные выстраивались в четырехугольник большой глубины, который мог держаться вместе лишь на совершенно ровном месте и вести наступление на неприятеля лишь одной стороной; все действие такого четырехугольника заключалось в натиске всей массой, возможность маневрирования исключалась. Легкая пехота и стрелки помещались между глубокими колоннами – это была еще тактика Кира. Если строй нарушался, вследствие неровной почвы или превосходства неприятеля, и приходил в беспорядок, то все войско, состоявшее из разнородных частей и обладавшее малой выдержкой, легко охватывалось паникой, в особенности же если наряду с регулярными войсками находилось ополчение. В область тактики Дарий не внес никаких изменений.

Создать персидский флот, при непригодности персов к морской службе и отсутствии соответствующей традиции, не представлялось возможным. Поэтому Дарий пользовался флотами покоренных государств, преимущественно малоазийских греков и финикийцев, а также египтян, карийцев и киликийцев, населявших южное побережье Малой Азии. Они были вынуждены держать в готовности большие флоты, что, разумеется, требовало больших средств.

В 513 г. до н. э. Дарий предпринял поход против скифов, во время которого персы впервые пришли в соприкосновение с европейскими греками; этот поход следует считать предшественником войн с греками, получивших название «персидских войн».

Дарий собрал для этого похода войско численностью в 700 000 человек и приказал подчиненным ему морским государствам приготовить флот в 600 кораблей; кроме того, ионийцам было приказано взять с собой инженеров и все имевшиеся тогда вспомогательные технические средства.

По мосту, сооруженному греческим строителем, войско перешло через Босфор и стало двигаться к Дунаю, опустошая все на своем пути. Флот должен был прбыть к устью Дуная прямо из Византии. Устье реки оказалось непригодным для перехода войск, и они в продолжение двух дней продвигались вдоль реки. Перейдя Дунай, Дарий оказался в стране скифов; их войска представляли собой легкую кавалерию и проводили ту же самую стратегию, что и русские в войне с Наполеоном в 1812 г., но еще более последовательно; не доводя дела до сражения, они отступали в нескольких направлениях, затем окружали неприятеля, затрудняя ему подвоз припасов и нанося всяческий вред.

Дарий был принужден отступить через два месяца, потеряв 80 000 человек, не считая больных. Достигнув своего лагеря на Дунае, он нашел еще годным к употреблению понтонный мост, охрана которого находилась в руках греков, состоявших на службе у Дария. Один из них, правитель Фракийского Херсонеса, Мильтиад, подговариваемый скифами, вернувшимися к берегам Дуная, советовал разрушить мост, но остальные воспротивились этому.

Дарий вернулся обратно в Азию через Геллеспонт, оставив в Европе часть своего войска под начальством опытного полководца Мегабаза; последний покорил греческие города на Босфоре, Пропонтиде и Геллеспонте, затем добрался до фракийских берегов, вплоть до реки Стримон в Македонии, и овладел последней. Таким образом, в руках персов оказалось две трети побережья Архипелага с главнейшими греческими центрами, а главное – очень важный для греков морской путь к Черному морю, через который в Грецию шел хлеб. Интересы греков очень серьезно пострадали, но могли бы пострадать еще больше, если бы персы использовали все свои преимущества и применили бы на деле бывший в их распоряжении флот; греки, по-видимому, не отдавали себе отчет в серьезности положения.

Несколько лет прошли без значительных столкновений. Греки беспрепятственно плавали по всему востоку Средиземного моря вплоть до Сицилии и вели торговлю почти беспрепят-

ственно,, так как финикийское могущество уже пришло в упадок. Только в Сыртских заливах и на западе Средиземного моря преобладали карфагеняне, а в Тирренском море – этруски, но и для этих народов греки являлись опасными конкурентами.

В это же время необъятное персидское царство, простиравшееся от Македонии до Индии и от Кавказа до Эфиопии, покорило все морские государства восточной части Средиземного моря и достигло в 500 г. до н. э. кульминационной точки своего могущества.

Глава II. Морское могущество Афин

Возникновение и усиление афинской морской державы

500 г. до н. э. является значительным поворотным пунктом в истории морских войн. Хотя морские сражения, как видно из предыдущего, случались и значительно раньше, однако значение их было невелико и влияние недолговременно. О планомерном ведении морской войны еще и не могло быть речи.

С упомянутого же времени флоты в войне стали действовать наряду с армиями, но, несмотря на то, что сражения происходили одновременно и на суше и на море, решающее значение принадлежало действиям на море. С этой эпохи и начинается развитие морской стратегии и тактики.

Надо отметить, что в это же время произошли важные изменения в типах боевых единиц: во всех флотах в качестве «линейных судов» (Фукидид, I, 14) стали использоваться суда с тремя рядами весел – триремы, вместо применявшихся раньше однорядных – унирем. Триремы встречались еще двумя столетиями раньше: коринфянин Амейнокл построил в 700 г. до н. э. такие корабли для острова Самоса (Фукидид, I, 13). Однако постройку первых таких судов можно с большим основанием приписать сидонянам в 720 г. до н. э. Согласно Геродоту, они выстроили для царя египетского Нехо (609-594 гг. до н. э.) флоты из трирем на Красном и Средиземном морях (Геродот, II, 159). При Априи (589-570 гг. до н. э.) триремы, по-видимому, не применялись, вероятно, потому что обладали конструктивными недостатками и уступали пятидесятивесельным (пентеконтеры) судам. Из последних состоял еще отстроенный в 530 г. до н. э. флот Поликрата, тирана самосского, владевшего окружающим морским пространством (Геродот, III, 39).

Лишь в 500 году триремы были введены одновременно во всех флотах в качестве линейных судов, и как боевые единицы применялись в продолжение целого столетия, характеризующего период расцвета греческого морского могущества. В 400 г. до н. э. в Карфагене появились четырехрядные корабли (квадриремы). Но в Греции еще в течение 70 лет преобладали триремы, и лишь в 330-х годах были заменены квадриремами.

Из древних писателей никто не занимался специально или, по крайней мере, основательно морским делом. Поэтому в их произведениях лишь случайно проскальзывают отдельные сведения. Море, флот, корабли представлялись этим авторам делом обыденным, повседневным; писали они для своих современников, хорошо знакомых с предметом, и поэтому не вдавались в детали. Изображения греческих и позднейших судов того времени, дошедшие до нас, далеко не так правдоподобны и тщательны, как рисунки судов египетской царицы Хатшепсут. Интереснейшие из греческих изображений, дошедшие до нас, сильно повреждены. Более подробные и точные сведения об афинском флоте получены при раскопках в Пирее, во время которых была открыта древняя верфь с надписями IV в. до н. э., сделанными ее администрацией. Триремы, во избежание гниения дерева, старались не оставлять надолго на воде, и хранили на берегу. На зиму они ставились для просушки и ремонта в специальные ангары. Остатки таких ангаров найдены не только в Пирее, но и в Энеадах (Акарнания), на островах

Эгейского архипелага и в Северной Африке (гавань Аполлония в Кирене). Они были снабжены наклонными стапелями, сложенными из каменных плит или высеченными в скале, обычно по два под одной крышей, разделенные рядом колонн. Размеры этих стапелей позволяют уточнить размеры самих судов: максимальная длина стапеля в Зее (IV в. до н. э.) – 37 м, в Кирене – 40 м, в Эниадах – 47 м, ширина между колоннами – 6 м. Нижние концы стапелей уходили под воду на глубину до 2,5 м. Они, вероятно, были снабжены деревянными полозьями; в Аполлонии в каменном стапеле устроен паз для киля. Суда вытаскивались либо вручную, либо при помощи ворота (лебедки) – бронзовое храповое колесо от такой лебедки найдено при раскопках ангара в Сумиуме.

До 1971 г., когда у северо-западного побережья Сицилии был найден карфагенский корабль середины III в. до н. э., о деталях конструкции античных боевых кораблей, в частности, о расположении гребцов и весел, можно было только догадываться, а все рассуждения на эту тему основывались исключительно на теоретических расчетах. Обломки найденного судна (длина – около 30 м, ширина – 4,8 м, водоизмещение, если исходить из современных стандартов, могло достигать 120 т., но учитывая специфику конструкции античных боевых судов, было, вероятно, вдвое меньше) в настоящее время хранятся в музее Марсалы (Сицилия).

Достоверно известно, что триремы были судами легкой постройки, с острым, крепким носом, плоскодонными, без ахтерштевня и киля, или с небольшим килем, годными для вытаскивания на берег, с небольшой осадкой и с низкими бортами для того, чтобы тяжеловооруженные воины могли легко влезать на триремы, вытасканные на берег. Относительно же расположения гребцов выяснено только, что они сидели один над другим не в вертикальном направлении, а наискось, на небольшой высоте один от другого. Каждый гребец имел по одному веслу. Самая же «загадка трирем», то есть вопрос о расположении и работе гребцов, до сих пор дискуссионен, несмотря на опыты по реконструкции триремы и проведенные испытания ее модели.

Попытка ее разгадать здесь завела бы нас слишком далеко. Можно только признать наиболее правдоподобным изображение трирем, воспроизведенное Р. Хааком (Naak, R. «Ueber attische Trieren»), опытным кораблестроителем, специально занимавшимся этим вопросом. Интересующимся этим вопросом подробнее можно порекомендовать указанный труд, здесь же ограничимся следующим описанием.

Триремы строились из дерева с обшивкою вгладь, без шпангоутов, а лишь со связями из гнутых брусьев гибкой породы дерева. Днище делалось из дубовых досок 8-10 см толщины, скрепленных друг с другом деревянными гвоздями, и часто не имело киля для того, чтобы судно легче можно было вытаскивать на берег и перетаскивать по земле. Точно таким же образом, при помощи малок – шпангоутов для образования формы корпуса, строились у нас вплоть до середины XIX столетия суда всех величин. Шлюпки строятся так и сейчас.

Вытаскивание судов на берег практиковалось очень часто, а в опасное время ежедневно на ночь. Это вызывалось малой мореходностью судов, также желанием дать возможность людям поспать, приготовить еду и поесть на суше. Перетаскивание трирем практиковалось в древности в некоторых местностях, например, через перешеек в 0,5 км шириной (Фукидид, III, 81 и IV, 8), соединявший остров Левкаду с материком (Акаранией), через перешеек (Страбон, VI, 1) в тарентской гавани и особенно часто, через Коринфский перешеек, имевший в самом узком месте 5 км; там имела для этой цели специальная деревянная дорога (Фукидид, III, 15 и VIII, 8; Страбон, VIII, 1, 4 и 22).

Трирема была длиной до 45 м, шириной 5,5 м (соотношение 1:8,1), а высота надводного борта – до 3,3 м. Водоизмещение ее было около 60 тонн, на ней было 174 гребца, а всего около 225 человек экипажа. Средняя скорость на веслах достигала 5-6 узлов. Подсчеты, сделанные в конце XX в. и эксперименты с построенной в 1987 г. триремой «Олимпия» (длина – 36,8 м, ширина – 5,4 м, высота от киля до тентовой палубы – 3,6 м. Полное водоизмещение – 45

т.) показали, что греческая трирема в боевых условиях могла двигаться со скоростью около 10 узлов (18 км/час), причем набирала эту скорость в течение 30 секунд.

Изогнутый, но, в общем, почти вертикальный форштевень, очень прочной постройки, переходил недалеко от ватерлинии в острый, с тремя чаще всего остриями, таран, сделанный из бронзы, или, по крайней мере, окованный железом. Выше тарана с каждого борта имелось по упорной балке, выдававшейся несколько меньше бивня. Концы этих балок украшались медными головами животных в виде гербов государств. Назначение этих балок было повреждение весел вражеского корабля и его надводного борта при таранном ударе. По другим предположениям эти балки, называвшиеся эпотидами, предназначались для того, чтобы предохранить корпус своего корабля при таранении противника. Для этого они и выступали вперед немного меньше, чем таран, давая ему возможность углубиться достаточно в корпус неприятельского корабля, чтобы его потопить, но не допуская удара всем штевнем, что при слабости тогдашней постройки легко могло привести к гибели своего собственного корабля. Высокий форштевень в верхней части кончался украшением.

Кормовая часть от днища до ватервейса имела ложкообразную форму. Над кормой возвышался фальшборт, широкий снизу и суживающийся спереди, переходивший сверху в украшение, подобно тому, как это было и на египетских судах, где встречались украшения в виде цветка лотоса. Кормовое украшение, выгнутое вперед, образовывало маленький навес, род рубки, служившей для прикрытия командира – триерарха.

Число гребцов с каждого борта было таково: в верхнем ряду по 31 (траниты), в среднем по 27 (зигиты) и в нижнем (таламиты) также по 27; всего $2 \times 85 = 170$ человек со столькими же веслами. Весла двух верхних рядов были приблизительно одной величины: 4,4 м у транитов, 4,16 м у зигитов, словом немного длиннее, чем четырехметровые весла на современных гребных катерах. Отверстия для весел нижних рядов были вырезаны в борту и находились невысоко над водою, однако на такой высоте, чтобы можно было на плоскодонном челноке пройти вдоль самого борта, не задевая весел. От воды эти отверстия были защищены кожаными мамринцами. Нижние весла были, вероятно, несколько короче. Правильность этих предположений нуждается в проверке на практике.

Каждый гребец имел определенное место с подушкой на сиденье, заменявшей маленькие покрывки на банках, имеющиеся в нашем флоте. Над гребцами возвышался легкий открытый помост, на котором лишь в средней части устраивался мостик, служивший для прохода вдоль корабля. На случай плохой погоды над кораблем имелся плотный тент. С боков имелись войлочные занавески, обыкновенно открытые, но спускавшиеся во время боя для защиты от метательного оружия. Для уключин верхнего ряда гребцов имелся вынесенный за борт брус, до которого и шел настил верхней палубы, по которой ширина триремы достигала 5,45 м. Над ним шел поручень на стойках для укрепления защитных войлочных занавесок.

Для управления имела одна пара широких рулевых весел, по одному с каждого борта; действовал ими один человек. Вооружение состояло из главной вертикально мачты в середине судна с высоким прямым парусом на рее и иногда еще с маленьким треугольным парусом над ним и, кроме того, из одной еще маленькой мачты на носу, наклоненной наподобие бушприта: на ней был внизу небольшой рейковый парус, подобный парусу на блинда-рее кораблей эпохи парусного флота.

Каждая трирема имела свое название, причем все греческие названия судов были женского рода. Характерным для эпохи расцвета греческого флота было то, что имя строителя корабля в виде награды связывалось с названием корабля.

Экипаж триремы достигал в среднем до двухсот человек. Помимо 170 гребцов, на корабле имелись солдаты под командой офицера, и люди для управления парусами, которыми ведал кормчий (штурман). Гребцами ведал гортатор, а командир назывался триерархом.

Начало греко-персидских войн

500 год является началом новой эпохи в истории греческих государств. Сорокалетний мирный период жизни греческих государств Малой Азии под владычеством персидской монархии, во время которого они процветали и некоторые из них, например, Милет даже достигли своего наибольшего развития, кончился и уступил место так называемому периоду персидских войн – борьбе исполинской азиатско-африканской монархии с Грецией, сравнительно небольшой и ослабленной разрозненностью и междоусобными войнами. Эту эпоху правильнее было бы назвать «персидскими походами», так как в промежутках между отдельными войнами мир не заключался, и вся эта эпоха была сплошной цепью войн.

Характерно, что повод для начала войны был дан не персами, а греками. Все дело заключалось в безмерном честолюбии правителя Милета Аристагора, бывшего зятем и заместителем посаженного в городе тирана Гистия. Последний спас Дария и его войско в скифском походе, воспротивившись разрушению моста через Дунай, но затем попал под подозрение и был вызван под благовидным предлогом ко двору царя в Сузы.

По подстрекательству Аристагора, Гистий убедил жившего в Сардах брата Дария Артаферна, сатрапа Лидии и Ионии, выставить от городов своей сатрапии флот в числе двухсот трирем и послать его с войском под командой Аристагора для завоевания острова Наксоса, принадлежавшего к Кикладским островам. Это было первое нападение на государство европейской Греции. Предприятие не удалось вследствие разногласий между командирами и храброго отпора со стороны наксосцев. Аристагор вернулся обратно с большими потерями, задолжавший, лишенный доверия и покинутый персами.

Обескураженный своими неудачами, он стал видеть единственное спасение в восстании против персов, к чему его также тайно подбивал из Суз Гистий. Чтобы расположить к себе милетян, Аристагор сложил с себя единовластие и отдал управление в руки народа, причем все перешли на его сторону. Только один историк Гекатей предостерегал народ от восстания в виду безнадёжности этой борьбы, но, видя, что его голос остается единственным, он стал категорически советовать милетянам приложить все свои старания для усиления флота, чтобы сделаться хозяевами на море, и напоминал, что Милет, обладая морским могуществом, успешно отстаивал свою независимость в течение ста двадцати лет. Но и на этот его совет не обратили внимания.

Между тем Аристагор, воспользовавшись состоявшим из греческих кораблей флотом, вернувшимся с Наксоса, стал изгонять из ионийских и других городов Малой Азии тиранов, посаженных персами, после чего все города, за исключением Эфеса, заключившего особый договор с персами, присоединились к восстанию. Далее Аристагор стал тщетно просить помощи у Спарты. Ему помогли Афины, метрополия Милета, которые, несмотря на свою вражду с Эгиной и угрозы Артаферна вернуть изгнанного из Афин Гиппия, прислали двадцать кораблей. Кроме того, Эретрия (город на острове Эвбея), обязанная Милету, предоставила ему пять трирем.

Наступательная война на суше началась без всякого обдуманного плана. Соединенные силы ионян, вышедшие из Эфеса, продвинулись к Сардам, отстоявшим на расстоянии трех дневных переходов, взяли незащищенный город и обратили в пепел все, не исключая и храмы. Встретив сопротивление в замке Артаферна, и не будучи в силах им овладеть, они начали отступление, когда услышали о приближении персидских войск. Отступление велось настолько неорганизованно, что персы настигли их у Эфеса и разбили наголову. Это было концом союзного ионийского войска; отдельные его части вернулись в свои города; их примеру, несмотря на все просьбы, последовали и афиняне. Ионийский флот направился к Босфору, взяв у персов Византий, привлек к участию в восстании другие греческие государства и вновь открыл

беспрепятственный морской путь в Черное море, обеспечил этим подвоз хлеба в многолюдные греческие города. Вернувшись вслед за тем обратно, он побудил примкнуть к восстанию карийцев. Жители Кипра сами подняли восстание, услышав о сожжении Сард. Персы напали на киприотов; на помощь последним подоспел весь ионийский флот, разбивший финикийский, причем особенно отличились самосцы. Но на суше киприоты не могли победить вследствие разлада и были вновь подчинены персами.

Персидское войско, победившее греков у Эфеса, разделилось на три части и покорило греческие города Пропонтиды, Геллеспонта и Эолии. Одна из этих армий успешно боролась с карийцами и милетянами, но попала в засаду и была перебита. Артаферн, завоевав ионийский город Клазомены, двинулся к главному очагу восстания – Милету, во главе соединенного флота из шестисот кораблей, состоявшего из флотов покоренных морских государств: Финикии, Египта, Киликии и Кипра. При их приближении Аристагор, оставив на произвол судьбы город, бежал во Фракию, где был вскоре убит.

После этого главы ионийских городов созвали в Панионионе, общей святыне, в предгорьях Микале, военный совет, на котором было постановлено продолжать войну при помощи флота, для чего решили стянуть к Милету все корабли до последнего.

Последовавшая вслед за этим в 497 г. до н. э. морская битва у маленького островка Ладе перед Милетом была первым морским сражением, более или менее подробное описание которого, принадлежащее Геродоту, дошло до нас. По этому описанию можно заключить, что военно-морское дело греков находилось тогда в первобытном состоянии. Остров Хиос выставил наибольшее количество судов – 100 кораблей, по 40 лучших воинов на каждом; Милет, богатый и населенный город, опоздал со снаряжением и выставил только 80; Лесбос – 70; Самос – 60 и т. д. Фокея, лишь понемногу оправившаяся от выселения и разрушения, происшедшего за 50 лет до этого, не смогла выставить более 3 кораблей, во главе которых, однако, был поставлен лучший и способнейший из военачальников – Дионисий. В общей сложности было выставлено 353 триремы, но флотом их назвать было нельзя; это были скорее девять эскадр, очень различавшиеся по силе, без единого главного начальника, без тактического подразделения и подготовки, а главное без привычки действовать совместно и подчиняться одному командиру.

Каждой эскадре было отведено место в боевой линии, причем самосцы получили место на западном крыле, находившемся в открытом море; рядом с ними были расположены лесбосцы. С самого начала обнаружилось, что у командующего нет тактических познаний, а команды еще не выучились грести. По совету Дионисия и с согласия всех прочих командиров были начаты тактические упражнения. Он усердно начал обучать флот эволюциям, упражнял его в прорыве сквозь линию неприятельских судов и т. д. Для сокращения времени корабли не вытаскивались, как это практиковалось обычно, на берег, а оставлялись ночью на якорях. Если бы мыслями Дионисия прониклись все без исключения, то могла бы появиться основательная надежда на успех даже при встрече с превосходящими силами; но, к сожалению, сознание необходимости этих упражнений скоро перестало разделяться всеми, и ионяне, благодаря разгульной неправильной жизни, стали очень инертными. Несмотря на то, что от подготовки зависел вопрос их жизни, они очень скоро стали тяготиться делом и роптать на лишения и требуемое от них напряжение сил. По истечении недели они не пожелали подчиняться требовательному начальнику, происходившему из незначительной Фокеи, съехали на берег и разбили там палатки. В этих условиях попытки персов посеять при помощи находившихся в Персии изгнанных из ионийских городов тиранов рознь и вражду между греками упали на благоприятную почву.

При приближении персидского флота ионийский вышел к нему навстречу в открытое море, придерживаясь маленького островка Ладе. Общий план нападения на фланги и центр неприятельских сил был заранее распределен между отдельными отрядами, но раньше, чем дело дошло до столкновения, большая часть самосских кораблей поставила паруса и пошла к

себе домой на Самос, находящийся невдалеке. Лесбосский и еще некоторые флоты, находившиеся вблизи самосцев, последовали их примеру. Тем не менее, оставшиеся 200 кораблей, в особенности же хиосские, сражались очень храбро. Во время боя несколько раз прорывалась линия неприятельских судов, и большое количество их было захвачено греками. Несмотря на этот кажущийся успех, они не могли долго сопротивляться превосходящим силам неприятеля и, потеряв к концу сражения более половины своих кораблей, обратилась в бегство. Много тяжело поврежденных трирем было посажено на мель у берега Микале. Команды, сошедшие на берег направившиеся на родину, были приняты жителями Эфеса за персов и перебиты.

С наибольшим успехом сражался Дионисий из Фокеи, который, не потеряв ни одного из своих всего лишь трех кораблей, захватил три неприятельских. Увидя, что более не в силах держаться, он направился не на родину, которой все равно не мог оказать помощи, а с удивительной отчаянностью бросился к берегам своих главных врагов-финикийцев, лишенных теперь защиты флота, потопил и захватил там много торговых судов и забрал богатую добычу. Затем он отправился в Сицилию, обосновался там и занялся морским разбоем, нападая только на карфагенские и этрусские корабли, принадлежавшие врагам греков, но не трогая греческих. Несмотря на то, что он не был в силах спасти своей родины, он, тем не менее, стремился нанести вред ее врагам. Лучшая часть самосцев, не желая оставаться под персидским владычеством, также переселилась в Занкле (Мессина).

Затем персы предприняли, одновременно и с суши и с моря, осаду Милета, которую город, разумеется, не мог долго выдержать. Он был взят в 494 г. до н. э. и разрушен до основания. Оставшихся в живых милетян Дарий велел переселить в Ампе в низовьях Тигра. В настоящее время место, где некогда был Милет, величайший и богатейший из греческих городов, совершенно пустынно и лежит довольно далеко от моря. Меандр на протяжении 25 столетий нанес такую массу песка, что заполнил всю бухту. Остров Ладе обратился в холм, возвышающийся среди широкой низменности.

Следующей весной персидско-финикийский флот двинулся на север от Милета и без больших усилий завоевал острова Хиос, Лесбос, Тенедос и др., а также Фракийский Херсонес и все греческие города европейского побережья, вплоть до Византия, опустошив и предав огню все на своем пути и обратив жителей в рабов. Финикийцы, вытесненные греками с Архипелага, вновь овладели им и мстили грекам.

К этому же времени относится и смерть Гистия, которому Дарий разрешил выехать из Суз. Подозреваемый Артаферном, отвергнутый милетянами, он достал у лесбосцев 8 трирем, с которыми направился к Босфору, где захватил все корабли шедшие из Черного моря, и опять запер этот важный морской путь. При известии о падении Милета, он вернулся в Архипелаг, где счастливо избежал встречи с финикийским флотом, но, высадившись из-за недостатка провианта на малоазийском берегу, был разбит персами, взят в плен и распят. Мильтиад, тиран Фракийского Херсонеса, при приближении финикийского флота сел на корабль и с большим трудом прорвался в Афины.

Такова была печальная участь малоазийских греков. Они бы могли избежать ее, если бы действовали единодушно и создали не только многочисленный, но и организованный и хорошо обученный под командой способного начальника флот; во всяком случае, количественное взаимоотношение сил при Ладе было для них гораздо благоприятнее, чем впоследствии при Саламине. Конечный результат, безусловно, стоил затраченных усилий. Близорукость демократических правительств городов в вопросах ведения войны, в особенности же снисходительность по отношению к поведению команд флота при Ладе, просто невероятна, но на подобное непонимание приходится нередко наталкиваться в военной истории.

В европейской Греции дела обстояли таким же образом: несмотря на то, что взятие и разрушение Милета вызывало всеобщую панику, оно не привело к принятию мер для ограж-

дения от грозящей опасности: спартанцы в это время вели кровопролитную войну с Аргосом из-за гегемонии над Пелопоннесом, а Афины продолжали свои раздоры с Эгиной.

Дарий не был намерен ограничиться покорением ионийских греков и, подстрекаемый изгнанным тираном Гиппием, стал, в отместку за сожжение Сард, готовиться к походу на Афины и Эретрию.

К следующей весне 492 г. до н. э. он подготовил большую экспедицию под начальством своего зятя Мардония, человека еще молодого и неопытного, политические и военные взгляды которого расходились со взглядами изгнанных греческих тиранов, живших при дворе в Сузах. По его мнению, ничего не могло быть проще, как, воспользовавшись морским могуществом, приобретенным победою при Ладе, и переправить войско прямо в Аттику. Однако он упускал из виду, что персы не имели ни умения, ни способности к ведению морских войн. Персидское войско было в состоянии совершать самые длинные переходы, даже окружным путем, не утомляясь, и персы, зная это, предпочитали действовать на суше, несмотря на связанные с этим трудности, потерю времени, затруднения в продовольствии и дороговизну.

Мардоний направил через Малую Азию свое войско сухим путем к Геллеспонту, сам же отправился туда с флотом. На пути он посетил ионийские города, изгнал оттуда тиранов, посаженных Артаферном, и установил народное правительство.

Переправив с помощью флота армию на европейскую сторону, он двинулся вдоль фракийского и македонского берегов к Аканфу на Халкидике, недалеко от полуострова Акте. Македония покорилась ему без сопротивления, так как не рассчитывала на помощь греков. Персидский флот двигался параллельно с войском и завоевал лежавший на пути остров Фасос, богатый своими копиями; при проходе мимо отрогов Афонских гор (1935 м) флот был застигнут штормом с севера, погубившим большую часть кораблей. Надо думать, что погибло до 300 судов и 20 000 человек. Одновременно с этим армия подверглась нападению воинственного племени бригийцев, отбитых с большими потерями, причем был ранен сам Мардоний; ему удалось справиться с бригийцами, но осень, плохая погода и трудность снабжения армии заставили его вернуться в Азию, не дойдя до греческих земель.

Так кончился неудачей этот поход, начатый большими силами, но при отсутствии умения вести войну, как на суше, так и на море. Он все-таки имел некоторый успех, так как персидское владычество вновь распространилось в северной части Архипелага вплоть до границ Фессалии. В некоторых важных пунктах, как, например, в Эйоне, у устья Стримона, Абдере и в укреплении Дориска, Мардоний оставил сильные гарнизоны. Наличие сильного флота позволило установить строгий надзор за покоренными островами. Фасос, на доходы от своих рудников начавший строить свой флот и крепостные стены, был вынужден, по требованию Дария (в 490 г. до н. э.), выдать корабли и разрушить укрепления.

Греки еще раз счастливо избежали опасности. При частых и регулярных торговых сношениях, они не могли не слышать о надвигавшихся персах, но это мало воздействовало на них, и они даже не делали попыток соединиться для обороны: греки не верили в удачный исход персидского похода и не ожидали его повторения.

По возвращении Мардония, Дарий немедленно лишил его власти и приказал готовить против Афин, Эретрии и вообще против Греции новую экспедицию, начальство над которой поручил Датису и своему племяннику Артаферну, сыну сатрапа Сард, носившего то же имя. Операции было решено начать с покорения Наксоса, как в 499 году.

В противоположность Мардонию, новые полководцы не пренебрегали советами греков, а воспользовались ими. Греческие тираны, находившиеся в Сузах, не поскупились на советы, и старик Гиппий даже отправился вместе с войском в надежде вновь получить власть в Афинах при помощи варваров, подобно тому, как он раньше пытался сделать это при помощи спартанцев.

Подчиненные Персии государства опять должны были выставить большой боевой флот, а, кроме того, и еще большее количество транспортных кораблей для перевозки лошадей, так как было решено взять с собой конницу, род войск особенно опасный для греков, которые, за исключением фессалийцев, не имели его. Для того чтобы выяснить, кто окажет наибольшее сопротивление, во все государства были отправлены посланцы с требованием «воды и земли». В Спарте и Афинах посланцы, в виду оскорбительности этих требований, вопреки установившимся международным нормам, были попросту убиты; большинство же остальных государств и все острова, кроме Наксоса и Эвбеи, подчинились. Богатая и сильная на море Эгина с сильно развитой морской торговлей последовала их примеру, сделав это отчасти из-за страха перед морским могуществом персов, которые могли уничтожить ее торговлю, отчасти же из-за ненависти к Афинам и соперничества с ними.

Узнав об этом, Афины тотчас принесли жалобу на эгинян спартанцам, признав этим самым их гегемонию над всей Грецией. Но это повело лишь к дальнейшим жестоким ссорам и борьбе, во время которой один из спартанских царей, Демарат, был свергнут и бежал к Дарию, принявшему его с почестями. Для борьбы с Эгиной афиняне заняли у коринфян 20 кораблей в дополнение к своим 50; но не смогли предпринять ничего толкового.

Весной 490 г. до н. э. в Киликии было собрано хорошо снаряженное персидское войско. По прибытии флота в 600 трирем и кораблей для перевозки лошадей, Датис и Артаферн, после посадки войск на суда, двинулись вдоль малоазийского берега на север и прошли до Самоса. Можно было подумать, что они, так же как Мардоний, направятся к Геллеспонту, но они, пользуясь попутным северным ветром, пошли на юго-запад к Наксосу, отразившему 9 лет тому назад персов и не покорившемуся им до сих пор. Прекрасно выполненная на 500-мильном морском переходе перевозка большого войска с многочисленной конницей служит доказательством высокой степени развития морского дела, даже если считать, что данные Корнелия Непота (Корнелий Непот, Мильтиад, 4), согласно которым войско состояло из 200 000 пехотинцев и 10 000 всадников, преувеличены.

Наксосцы, застигнутые врасплох, не отважились сопротивляться и бежали в горы. Попавшие в руки персов жители были обращены в рабство, а сам остров совершенно опустошен. Далее персы направились к Делосу, жители которого тоже бежали. Датис призвал их обратно, не тронул острова и принес богатые жертвы Аполлону. Это было сделано с расчетом устрашить сопротивлявшихся и мягкостью привлечь на свою сторону тех, которые поднесли «воду и землю».

На дальнейшем пути к Эвбее персы взяли с подчинившихся островов лишь воинов и заложников, завоевали и разрушили один из городов на южной оконечности Эвбеи, не пожелавшей покориться, и двинулись по проливу между островом и Аттикой в Эретрию, где и высадились, не встретив сопротивления. Город, не пожелавший встретить врага в открытом поле, был осажден и, несмотря на храброе сопротивление, был взят персами вследствие измены; жители были обращены в рабство и уведены. Дарий поселил их впоследствии в провинции Киссии близ Суз.

Одно из наиболее враждебных государств было покорено, и персы двинулись на Афины. Гиппий повел флот в отстоявшую на 25 км от Афин и удобную для высадки Марафонскую бухту, полагая, что окружающая ее равнина будет особенно благоприятна для действий кавалерии. Дорога из Эретрии в Афины через Марафон ему была хорошо знакома, так как в 537 г. до н. э. он совершил этот путь со своим отцом, возвращавшимся в третий раз к власти.

При известии о приближении персов афиняне мобилизовали всех способных носить оружие граждан и избрали десять военачальников, по одному на филу; среди них были Аристид и Мильтиад, поселившийся в Афинах после бегства из Фракийского Херсонеса. Оправданный от обвинений, возведенных на него в бытность его тираном, он стал вновь пользоваться заслуженным уважением. По его совету афиняне решили не ограничиваться обороной города, так

как несогласие граждан давало повод бояться измены в случае осады, что уже случилось в Эретрии, и выступили навстречу врагу. При высадке персов в Марафоне афинское войско заняло позицию на хребте Пентеликон, на который трудно было напасть, и через который существовала единственная удобная для армии дорога в Афины. К последним присоединились их верные союзники платейцы. В Спарту с просьбой о помощи был срочно послан гонец, проделавший путь в 180 км за два дня, но спартанцы ответили, что они смогут выступить только в полнолуние, до которого оставалось еще пять дней.

Таким образом, афиняне были предоставлены самим себе, лишь Платея выслала им 1000 гоплитов. Тем не менее, Мильтиад твердо решил идти навстречу персам, несмотря на их силы, с которыми, однако, Датис не рисковал ни напасть, ни обойти греков. Мильтиад сумел привлечь на свою сторону большинство голосов, и ему было поручено верховное командование. Видя нерешительность персов, он стал выждать, когда они опять сядут на корабли, к чему их побудило появление блестящего щита на Пентеликоне, служившего как бы сигналом. Датис решил высадить свою армию в Фалеронской бухте, чтобы оттуда вступить в опустевшие Афины, находившиеся невдалеке.

После того, как персидская конница, а также часть пехоты были посажены на корабли под прикрытием остальной армии Мильтиад продвинул свое войско на расстояние до 1500 м от врагов и, во избежание обхода с фланга, растянул свой фронт по длине, равной длине строя неприятеля. С усилением флангов центр афинских войск оказался очень неглубоким. Распределив так свои силы, он повел рвавшихся в бой греков бегом в атаку, отчасти для того, чтобы менее подвергать войско действию персидских стрел и скорее довести дело до рукопашного боя, в котором имели перевес гоплиты, отчасти же ради морального эффекта, производимого сильным натиском. Но персы выдержали атаку, и лишь после продолжительного боя флангам греков удалось обратить в бегство противостоящих им персов; после этого, по приказанию командиров, греки двинулись на помощь центру, который находился в стесненном положении. Греки одержали полную победу. Они бросились преследовать бежавших персов, толпами стремившихся на корабли. У берега произошла еще одна решительная схватка, во время которой греки захватили 7 вытащенных на берег кораблей. Остальные уже были спущены на воду. Потери персов достигали 6400 человек, греки потеряли 192 человека.

Через день после битвы пришли 2000 посланных на помощь спартанцев, но им оставалось только посмотреть на поле битвы с павшими и вернуться обратно.

После этой битвы персидский флот забрал пленных жителей Эретрии, оставленных на время на маленьком островке Айгилее, и двинулся в залив Фалерон. Афинское войско под командой Мильтиада быстро вернулось в город и приготовилось к его защите. Гиппий с самоуверенностью эмигранта совершенно напрасно рассчитывал на восстание своих сторонников в Афинах. Персидский флот в ожидании этого восстания простоял некоторое время на якоре в бухте, а затем, ничего не предприняв, двинулся обратно домой.

Второй персидский поход все-таки не был лишен некоторого успеха. Благодаря умелому использованию своих морских сил персам скоро и без потерь удалось доставить в греческие воды большое войско: остров Наксос, сопротивлявшийся в течение 10 лет, удалось взять без труда; острову Делосу и другим Кикладским островам вскоре пришлось почувствовать тяжесть персидской власти; ненавистная Эретрия была уничтожена; около Афин персы очутились в самое благоприятное время года (август), и при своей многочисленности они легко могли бы победить афинян, если бы их армия обладала лучшей тактической подготовкой, всегда имеющей решающее значение. Относительно флота следует заметить, что он вполне выполнил возложенную на него задачу и сделал все, что от него требовалось, так как Афины, которые не лежат у моря, были ему недоступны. Афины с маленькой Платеей защитили всю Грецию от врага и по заслугам стали считаться спасителями эллинов от варваров, чем возбудили, однако, зависть своих же единоплеменников.

Мильтиад сделался первым человеком в Афинах. Это вызвало зависть его политических противников, и их ненависть привела его к печальной участи, не без личной его, впрочем, вины. По его предложению, сопровождавшемуся заманчивыми обещаниями, афиняне представили ему весь флот из 70 кораблей, с войском и всеми необходимыми средствами для завоевания отошедших к персам островов. С этими силами он отправился к острову Паросу, который, однако, не согласился выплатить по его требованию 100 талантов и выдержал осаду. Вернувшись без успеха, с пустыми руками и раненый, Мильтиад подвергся нападкам со стороны своих старых врагов и, не будучи в состоянии оправдаться, был присужден к непомерному денежному штрафу, за неуплату которого был брошен в тюрьму, где и умер от ран.

После второго неудачного похода на Афины Дарий, еще более раздраженный, немедленно приказал сделать во всех провинциях новые военные приготовления и потребовал от вассальных морских государств еще большего количества боевых кораблей и транспортных судов. Несмотря на то, что второй персидский поход (490 г. до н. э.) последовал сейчас же после первого (492 г. до н. э.), на подготовку к третьему понадобилось целое десятилетие.

Это было большой удачей для греков; действительно, каким образом могла бы сопротивляться маленькая разрозненная Греция, все еще беззащитная на море, если бы Дарий – сам выдающийся организатор, да еще пользовавшийся советами опытных греческих эмигрантов, вновь предпринял бы через непродолжительный срок поход в Грецию со своими неимоверными сухопутными и морскими силами? После подчинения средней Греции, несмотря на героическую храбрость спартанцев, не обладавших, однако стратегическими способностями, Пелопоннес не удержался бы. Такая же участь постигла бы и Арголиду, несмотря на всю ненависть ее к персам.

Прежде чем были окончены приготовления к войне с греками, единственным в мире народом, не признававшим персидского царя, в 487 г. до н. э. вспыхнуло положившее восстание в Египте. Это заставило персов двинуть армию сначала туда.

Поход Ксеркса

В 486 г. до н. э. Дарий умер. Ему наследовал Ксеркс, типичнейший восточный деспот, для которого собственные непостоянные желания были законом. Покорив в следующем году (485 г. до н. э.) Египет при помощи уже подготовленного войска и сделав там наместником своего брата Ахемена, он приказал возобновить приготовления к греческому походу. По совету Мардония, пользовавшегося у него большим уважением, войну решено было вести в основном сухопутными силами, что уже один раз окончилось неудачей. Решению Ксеркса, кроме Мардония, надеявшегося в случае победы стать наместником Греции, способствовало то обстоятельство, что племя Алеуадов, господствовавшее в Лариссе (Фессалия) и стремившееся овладеть всей Фессалией, обратилось за помощью к Ксерксу.

Перевозка морем такого большого войска, какое собрал Ксеркс, была невозможна; приготовления велись в самом широком масштабе. Войско должно было выступить следующей весной не из Киликии, а из Сард, и перейти на европейский берег через Геллеспонт, где для ускорения перехода предполагалось навести мосты. Затем, для избежания обхода опасных для судов отрогов Афонских гор, через полуостров Акте на низком месте, ближе к материку, должен был быть прорыт канал такой ширины, чтобы две встречные триремы, идущие под веслами, могли свободно разойтись. Для перехода войска через реку Стримон, широкую у устья, предполагалось также навести мост. Эти работы должны были быть выполнены командами судов флота, стоявшего на вновь основанной базе в Эносе во Фракийском Херсонесе. Следы канала сохранились до сих пор. Для содержания войска во Фракии и Македонии повсюду на пути были устроены продовольственные пункты. Кроме военного флота, армию должен был сопровождать целый флот транспортных судов с запасами всякого рода.

Ко времени второго нашествия персов силы греков на море были еще до того незначительными, что никто и не помышлял о сражении с персидским флотом. В Афинах, как и в других греческих государствах, вся военная подготовка заключалась в воспитании граждан хорошими войнами. Победа при Фивах и Халкиде в 509 г. до н. э. и особенно успех при Марафоне подтверждали ее целесообразность. Это было всеобщим мнением, разделявшимся древними родами, а также и пользовавшимся большим влиянием и уважением Аристидом, принимавшим участие в законодательстве Клисфена и близким к Алкмеонидам.

Но вскоре нашелся, добившийся впоследствии, несмотря на все препятствия, большого влияния человек, который, поняв своим глубоким и дальновидным умом, что будущее Афин лежит на море, поставил себе великую задачу – создать в афинском государстве сильный флот и ряд гаваней, снабженных всем необходимым, приучить весь народ к мореплаванию и обучить воинов, годных для морской войны. Благодаря своему гению, ему удалось совершить это великое дело, и даже больше – на его долю выпало счастье выйти с этим флотом победителем над превосходящими силами варваров. Таким образом, он создал своей родине морское могущество, то есть средство для достижения власти, богатства и славы.

Фемистокл, родившийся в 525 г. до н. э., происходил из старого афинского рода, хотя его отец и не принадлежал к числу эвпатридов, а мать не была даже афинянкой. Поэтому он не считался полноправным гражданином и, обладая лишь небольшим состоянием, не принадлежал к первому классу граждан. Благодаря своим выдающимся способностям, ему удалось без труда преодолеть все эти препятствия. Обладая большим честолюбием и огненным темпераментом, он с молодых лет преследовал только одну цель: служить отечеству и стремиться к его величию и могуществу.

После бурно проведенной молодости, когда он старался привлечь к себе внимание блеском и экстравагантностью, он сравнительно рано начал политическую деятельность, стремление к которой проявлял еще мальчиком в играх со своими сверстниками. Он любил выступать в качестве адвоката в воображаемых процессах, для практики в ораторском искусстве. Изящные искусства, процветавшие в Афинах, не привлекали его, и его взоры были обращены исключительно на практические вопросы, на политику.

Превосходный и находчивый оратор, он скоро был замечен и стал стремиться к тому, чтобы выдвинуться, причем по своей пылкости очень часто не воздерживался от возражений высокопоставленным лицам, чем восстановил против себя консервативные и знатные круги и Аристид. В средствах он оказался не очень разборчивым, особенно же его осуждали за способы добывания денег; но надо заметить, что Фемистоклу деньги были нужны лишь как средство для реализации высших целей. По нравственным нормам того времени, подкупом можно было достичь почти всего.

Фемистокл храбро сражался при Марафоне. Эту блестящую победу в Афинах рассматривали как избавление от персидской угрозы; его же дальновидное око усмотрело только начало ее. Он уже тогда ясно понимал, что могущественный флот – верное средство для ограждения от персидской опасности и достижения Афинами могущества и богатства. Создание флота требовало полного переворота не только во взглядах на систему защиты страны, но пересмотра государственного бюджета. Нужны были большие деньги. Создание и содержание флота тогда, как и теперь, стоило дорого. Свободной наличности у государства не было, а навкразиям было тяжело содержание даже небольшого флота.

Но самым трудным было найти среди беспокойных афинян достаточное количество людей для тяжелой работы гребцов. Несмотря на то, что для Фемистокла не существовало невыполнимых планов, он с самого начала натолкнулся на упорное противодействие Аристиды и эвпатридов, голоса которых стали решающими после Марафонской битвы. Они были противниками широких планов Фемистокла, планировавшего переместить центр тяжести обороны государства с суши на море, что шло вразрез с историческими традициями и духом законов

Солона, рассматривавших в качестве основы государства землевладение и земледелие. К флоту афиняне не питали доверия, особенно же после того, как большой ионийский флот потерпел неудачу при Ладе и не спас Милета от разрушения. В это же время один из эвпатридов по имени Ксантипп, выступавший обвинителем Мильтиада, добился его осуждения, и Аристид был выбран в 489 г. до н. э. первым архонтом.

При таких условиях потребовалась многолетняя партийная борьба и весь гений Фемистокла, прежде чем ему удалось добиться осуществления своих идей. Лишь в 483 г. до н. э., после изгнания подвергнутого ostracism Аристида, Фемистокл вздохнул свободно и предложил народу свой закон о флоте. На получавшиеся от наследственной аренды принадлежавших государству Лаврионских серебряных рудников (в южной части Аттики) на доходы, делившиеся до сего времени между отдельными гражданами, что не приносило пользы самому государству, немедленно должны были быть построены 100 трирем. Для осуществления этой цели сто почтенных и состоятельных граждан получали в виде аванса по одному таланту (приблизительная стоимость корпуса триремы) с обязательством построить трирему. Если постройка оказывалась удачной, это готовое судно принималось правительством, если же нет, то аванс должен был быть возвращен. Доходы с рудников в то время не превышали 100 талантов в год, и сумма, вероятно, восполнялась продажей многочисленных новых «клем» по одному таланту.

Не решаясь выставить действительную, очень отдаленную причину, вызывавшую необходимость создания морского могущества – защиту от персов, Фемистокл выдвинул другую причину – все еще продолжавшуюся войну с Эгиной, сильно вредившей торговле по всему побережью Аттики. Выставив эту причину, Фемистоклу удалось убедить народ отказаться от ежегодных доходов и решиться пойти на трудную морскую службу. Его мысль, что море должно сделаться ареной могущества греков (Фукидид, I, 93) – победила, и его проект осуществился в виде закона. Для создания судов лучшей конструкции он привлек в Афины коринфских строителей, слывших лучшими в Греции, и лихорадочная работа по сооружению новых трирем началась.

Выбранный в следующем 482 г. до н. э. первым архонтом Фемистокл обратил внимание на создание и использование необходимых для флота защищенных военных гаваней и верфей. Открытая Фалеронская бухта, которой до сих пор пользовались афиняне, была оставлена и вместо нее были сооружены три защищенные гавани на скалистом Пирейском полуострове: две маленькие в круглых бухтах Мунихия и Зея, расположенные в юго-западной части полуострова, и одна большая, в бухте Кантарос по правую руку от входа в теперешний Пирейский порт.

Для защиты гаваней от врагов была начата постройка стены приблизительно в 11 км длиной и в две колеи шириной (Фукидид, I, 93 и II, 13). Эта стена охватывала весь полуостров с гаванями, так как Фемистокл предполагал сделать всю эту часть неприступной крепостью. В случае повторения нашествия персов на слабо укрепленные Афины жители должны были покинуть город и укрыться в Пирее, чтобы оттуда с помощью флота вести войну хоть со всем миром.

Этот грандиозный по своей смелости и уверенности план был построен на верном основании. По изготовлении первой сотни трирем начали строить вторую, и к лету 480 г. до н. э. у афинян в боевой готовности имелось 200 кораблей с командой в 40 000 человек.

Еще не так давно афиняне должны были занимать 20 кораблей у коринфян, чтобы справиться с Эгиной, а теперь обладали великолепным флотом в Сароническом заливе. Постройка гаваней и стен не была завершена, когда осенью 481 г. до н. э. пронесся слух, что из глубины Азии в Сарды идет огромное войско, чтобы с помощью многочисленного флота покорить Грецию.

Для этого похода Ксеркс собрал в Криталле в Каппадокии все силы своего государства, как сухопутные, так и морские, стянув их с берегов Каспийского и Черного морей, а также

из Эфиопии и Индии. Войско состояло из 46 различных народностей, флот из кораблей 10 вассальных государств, целого ряда островов и отдельных городов.

Ксеркс хотел раздавить врага своей численностью. В многочисленности войска заключалась его главная слабость: его невозможно было перевезти морем, движение его было очень медленным, а снабжение очень затруднительным. В Криталле Ксеркс сам стал во главе войска и повел его в Сарды, откуда снова отправил послов с требованием «земли и воды» во все греческие города, кроме Спарты и Афин.

С началом весны 480 г. до н. э. он двинулся с войском из Сард, через Илион (Трою) по направлению к Геллеспонту. Флот следовал за ним вдоль берега. У Абидоса он устроил гребные гонки, в которых победили сидоняне. Последовавший затем переход в Европу через Геллеспонт по двум понтонным мостам, наведенным между Абидосом и Сестосом, занял 7 дней. Мосты были сооружены греческими техниками из Малой Азии и состояли из 360 и 314 кораблей.

В Дориске во Фракии был произведен смотр всем силам и была выяснена их численность. По Геродоту количество пеших воинов, по большей части неорганизованных, достигало 1700000, а конницы – 80000: цифры эти можно считать сильно преувеличенными.

Более достоверными кажутся сведения о флоте, численность которого выяснить много легче. Он состоял из 1207 трирем; финикийцы выставили 300, египтяне 200, киприоты 150, киликийцы и другие племена южного побережья Малой Азии 180, греки с западного побережья, с островов и с Черного моря доставили 337 кораблей. Каждая трирема, кроме гребцов, имела еще по тридцати солдат из лучших войск персов, мидийцев и саков. Триерархи и начальники отрядов были той национальности, к которой принадлежали корабли, но высшее начальство над флотом было поручено персам, людям незнакомым с морским делом. Весь флот был разделен на четыре эскадры, во главе каждой стояло по высокопоставленному персу, причем двое из этих начальников были сводными братьями Ксеркса.

Количество транспортных судов, главным образом тридцативесельных и торговых кораблей, достигало 3000. Команды одних только военных судов, если на каждый корабль приходилось по 200 человек, должны были составить 240 000 человек.

Из Дориска Ксеркс выступил дальше в Аканф, двигаясь все время вдоль берега, сопровождаемый флотом, вплоть до Халкидики, где флот прошел через вырытый для него канал в Термы (Салоники), а войско, отделившись от него, направилось туда же напрямик. Уже в это время возникли затруднения с продовольствием. Земли, через которые шло войско, были совершенно опустошены.

В Термы, где была сделана остановка, вернулись послы. Они принесли знаки покорности всех государств северной и средней Греции, кроме Фив.

Осенью 481 г. до н. э., когда в Афины пришла весть о грандиозных приготовлениях персов к походу против Афин, Фемистокл призвал всех греков соединиться для защиты национальной независимости и созвал всеобщее греческое собрание в Истме в Коринфе, расположенном в центре Греции. Из сотен независимых городов-государств осталось верным национальным интересам только тридцать одно; из пелопонесских общин не явились на собрание аргосцы и ахейцы, питавшие смертельную ненависть к спартанцам; из средней Греции, кроме афинян, явились лишь мегаряне и жители маленьких городов Плати и Теспии в Беотии, а также Локриды и островов Эвбея и Левкадия; из северной Греции приняли участие лишь Амбракия, остров Эгина и еще несколько мелких островов.

Все эти государства послали на общее собрание в Истме своих уполномоченных, которые дали клятвенное обещание действовать совместно против варваров и образовали союзный. Первым решением стало прекращение всех раздоров (прежде всего, между Афинами и Эгиной); затем главное командование сухопутными войсками было предоставлено спартанцам;

командование морскими силами по праву принадлежало Афинам, но Фемистокл, как уполномоченный, великодушно отказался от этого во избежание нарушения единства командования.

Затем были отправлены послы в Аргос и Сиракузы, на Коркиру (Корфу) и Крит с просьбой о помощи, но их миссия оказалась безуспешной. Могущественный тиран сиракузский Гелон предложил выслать войско, но при условии, что главное начальство над всем будет поручено ему. Это требование было оскорбительно для греческого самолюбия, и от его помощи отказались. Вскоре после этого Гелон подвергся жестокому нападению карфагенян, вторгшихся на Сицилию по побуждению Ксеркса. Коркира, сильная на море, изъявила готовность выставить 60 трирем, но вооружила их лишь летом 480 г. до н. э. и послала к мысу Тенару, чтобы выждать там, на чьей стороне будет победа. Аргос и Крит вообще уклонились от помощи.

Когда весной 480 г. до н. э. Ксеркс двинулся к Геллеспонту и этим дал понять, что избирает сухой путь, несколько фессалийских государств стали просить защитить их от Ксеркса, которому в противном случае они вынуждены были бы покориться. Союзный совет согласился и послал им 10 000 гоплитов под начальством спартанцев, морским путем, так как Фивы были ненадежны, до гавани Алос в Пагасейском заливе, откуда войска, усиленные фессалийской конницей, двинулись к Темпе, а флот остался в Алосе. Узкую Темпейскую лождину можно было удержать и против превосходящих сил противника, но Фемистокл, командовавший афинскими силами, обратил внимание на то, что для ее удержания необходимо было иметь сильный флот, ибо для персов не было ничего легче, как высадить часть своих войск несколько южнее и окружить греков в Темпе. Небольшой же греческий флот при отсутствии на этом побережье гаваней отнюдь не мог рассчитывать на успех при встрече в открытом море с более многочисленным персидским флотом. К тому же греки могли быть обойдены через горный проход, находившийся к северо-западу от Олимпа. Поэтому Темпейская позиция по его совету была вскоре оставлена, и экспедиция в начале июня тем же путем, как и пришла, вернулась обратно к Коринфскому перешейку (в Истм).

Ксеркс, услышав, что Темпе занято, предпринял из Терм рекогносцировку к устью р. Пеней на сидонской триреме; он нашел проход свободным, фессалийцы покорились ему, и он мог беспрепятственно продолжить поход до Отийских гор, служивших границей между северной и средней Грецией. С флотом он должен был опять разделиться, так как гористый фессалийский берег совсем не был пригоден для прохода войска. Поэтому флот был пока оставлен в Термах и должен был через 14 дней прийти в Малиакский залив, чтобы там соединиться с войском. Последнее, дойдя до Отийских гор, остановилось, так как единственный проход между скалистым берегом и морем – Фермопильский, в то время шириной в одну колею, был сильно укреплен.

После возвращения первой экспедиции из Фессалии, что вызвало потерю северной Греции, союзный совет опять-таки по совету Фемистокла решил удержать за войском и флотом позицию по линии Фермопилы – Артемизий и защищать среднюю Грецию. Поэтому в середине лета, когда Ксеркс двинулся из Терм, греческий флот под командой спартанца Эврибиада был спешно послан в Артемизий, а спартанский царь Леонид с небольшим отрядом быстро двинулся к Фермопильскому проходу. По пути к нему присоединились подкрепления, так что в общей сложности у Фермопильского прохода сосредоточено было 6000 гоплитов, хотя спартанцев из них было всего 300. Тысяча фокейцев заняла горную тропу, которая была открыта лишь в это время.

Ксеркс не решился сразу напасть на сильную позицию, а расположился перед ней лагерь и в течение четырех дней выжидал прибытия флота, с помощью которого можно было напасть на врага с фланга или же высадить войско в тылу. Не дождавшись флота и испытывая недостаток в припасах, он приказал лучшим частям своей армии начать атаку. Но несколько отрядов в тот же день, а равно и в последующие дни были отбиты с большими потерями.

Тогда он решил идти в обход по горной тропинке, указанной ему местными жителями. Его 10000 «бессмертных», предводительствуемые Эфиальтом, поднялись ночью в горы, с рассветом напали на фокейцев, разбили их и, быстро спустившись вниз, зашли в тыл грекам, стоявшим в Фермопилах. Леонид, заметив, что он обойден, и увидев безнадежность своего положения, так как отступление было отрезано, отпустил почти всех союзных воинов и остался во главе отряда в 1900 человек, состоявшего из 300 спартанцев и их илотов.

На следующий день персы повели наступление с обеих сторон, и спартанцы пали в героической битве; общее число убитых со стороны персов достигало 20 000 человек. Ксеркс в ярости при виде своих потерь не постыдился обесчестить труп Леонида. Греческий отряд, хотя и был уничтожен, тем не менее, причинил врагу тяжелый урон. Моральный успех оказался на стороне спартанцев, обеспечивших себе вечную славу.

Действия греческого флота у мыса Артемизий

Греческий флот одновременно с этим занял позицию в Гистиайской бухте на северном побережье Эвбеи у мыса Артемизий. Ширина пролива в этом месте суживается до 3000 и даже до 2400 м. Флот загородил путь к Фермопилам, заняв к тому же выгодную позицию, так как в других не было возможности вытаскивать суда на берег, а в данном месте это было вполне осуществимо.

Флот, кроме девяти пятидесятивесельных судов, состоял из 271 триремы; из этого числа почти половина, именно 127, принадлежала Афинам. Коринф выставил 40 трирем, остальные государства не более чем по 20 каждое. Спарта прислала только 10. Тем не менее, командование находилось в руках спартанца Эврибиада. Фемистокл командовал только афинскими кораблями, но он пользовался всеобщим доверием и был душой всего дела, поэтому фактически общее руководство находилось в его руках.

Связь с Фермопилами поддерживалась быстроходными судами; три триремы находились в дозоре у острова Скиатоса и следили за движением персидского флота. По неосторожности эти три триремы во время разведок подошли на 60 миль к Термейскому заливу и были замечены персидским авангардом из 10-ти быстроходных судов, который погнался за ними.

Два греческих судна были настигнуты и захвачены, причем одно из них, эгинское, оказало упорное сопротивление. Третье, афинское, было посажено на мель в устье Пенея, откуда команда пробралась на родину. Три персидских корабля прошли к Скиатосу и воздвигли в узком проливе между островом и материком на мирмекской (муравьиной) отмели в виде отличительного знака каменный столб, сложенный из строительного камня, взятого из Терм, а затем присоединились к флоту.

Персидский флот, усиленный на пути в Грецию кораблями многих покоренных им греческих островов и городов, двинулся на юг, дойдя в первый же вечер до мыса Сепиаса. Этот переход в 90 миль был сделан в среднем, если принять наибольшую продолжительность для в 15 часов, со скоростью шести узлов. Для армады, состоявшей свыше чем из тысячи военных и транспортных судов, такой переход надо признать удивительным. Затем флот стал восемью колоннами на якорь вдоль скалистого и недоступного для него берега. Ночь прошла спокойно, но с рассветом начался шторм, продолжавшийся три дня и настолько сильный, что ни один из якорных канатов не выдержал. Есть основания думать, что во время этого шторма было разбито о скалистые берега и погибло свыше 400 военных и транспортных судов.

Получив с находившихся на Скиатосе наблюдательных постов огневые сигналы о приближении персидского флота, греки настолько испугались, что отступили к Халкиде, думая защитить, по крайней мере, самое узкое место пролива между Эвбеей и материком. Однако преувеличенные сведения о кораблекрушении персов у мыса Сепиаса, сообщенные им остав-

ленными в Артемизии разведчиками, быстро подняли их дух, и они вернулись на прежнюю позицию в Гистийскую бухту.

Когда на четвертый день шторм улегся, персидский флот двинулся вдоль берега к Пага-сейскому заливу и вскоре после полудня стал на якорь в Афетской бухте, имевшей глубину около 73 м и окруженной со всех сторон горами, хорошо защищавшими от ветра и волн. Однако скалистые и крутые берега не давали возможности вытащить корабли на берег.

Суда греков, находившиеся в бухте и закрытые высокими горами, не были видны персам из Трикирийского пролива. Персы завидели греческий флот лишь при входе, с расстояния в 7 миль, но, находясь в походном строю, не решились на нападение.

На следующий день персидские корабли были приведены в порядок, начальниками был произведен смотр и состоялся военный совет. Для того, чтобы отрезать грекам отступление и не выпустить ни одного из их судов, было решено немедленно послать в обход Эвбеи эскадру в 200 кораблей, причем она должна была обогнуть и остров Скиатос, чтобы не быть замеченной греками. Произвести нападение было решено лишь по получении сигнала от судов, зашедших в тыл к грекам.

Между тем, последние, завидя колоссальные силы персидского флота, который они считали почти погибшим, вновь стали помышлять об отступлении. Фемистоклу пришлось приложить все свои силы и употребить все свое влияние, чтобы убедить Эврибиада и коринфян удержать прежнюю позицию. По получении от перебежчика известия об отряде, отправленном в обход, был созван военный совет, на котором после долгих колебаний было решено напасть на врага в тот же вечер, чтобы ознакомиться с его приемами и узнать, насколько он умеет совершать маневры, особенно же маневр прорыва сквозь строй.

Лишь только персы заметили приближавшихся к ним греков, они двинулись им навстречу в уверенности, что им легко удастся захватить весь греческий флот, подвигаясь по принятому у финикийцев обыкновению строем в виде полумесяца. Но греки не вышли на свободную воду широкого Трикирийского пролива, а задержались в устье пролива Ореос и по сигналу рога оттянули свои фланги немного назад, так что те пришли в соприкосновение с обоими берегами и закрыли весь вход. Таким образом, их боевой строй имел вид дуги с выпуклостью, обращенной к неприятелю, и состоял из двух рядов судов, обращенных к неприятелю носом. Выждав приближение неприятеля, греки по второму сигналу обрушились на него, и в это же время финикийцы сделали попытку прорвать строй греческих судов. Грекам удалось легко справиться с прорвавшими их строй финикийскими судами в то время, когда те разворачивались, с помощью судов, поставленных по мудрому совету Гераклида во втором ряду. При этом без значительных потерь удалось захватить 30 судов у неприятеля, ошеломленного неожиданным маневром. Наступившая вскоре темнота положила конец бою.

Греки, к которым присоединился еще один лемносский корабль, вернулись на свою безопасную позицию, а персы были вынуждены опять становиться на якорь в глубоких водах Афетской бухты. Поздним вечером разразилась буря с грозой и проливным дождем, что заставило персов провести очень беспокойную ночь. Эта же буря оказалась роковой для обходного отряда, который с раннего утра выступил к северу Скиатоса для обхода греков. Он был выброшен на рифы у юго-восточных берегов Эвбеи и весь погиб у ее скалистых берегов.

На следующий день персы ничего не предприняли, так как были удручены неудачей предшествовавшего дня, нуждались в отдыхе после бессонной ночи и должны были исправить повреждения. Кроме того, они ожидали сигнала от обходного отряда.

У греков же, наоборот, настроение было приподнятое; известие о гибели обходного отряда его еще улучшило, так как на случай отступления обратный путь оказывался свободным; кроме того, к ним подошли еще 53 новых афинских корабля. Всего Афины выставили на защиту отечества 200 кораблей – все свои морские силы; из них на 180-ти команду составляли афиняне и дружественные им платейцы, а на остальных 20-ти – переселившиеся из Афин в

Халкиду клерухи. Таким образом, афинские суда составляли почти две трети всего флота, в котором насчитывалось теперь до 324 кораблей.

К вечеру греки опять атаковали персов, но встретились только с несколькими киликийскими кораблями, по всей вероятности, высланными позднее для соединения с главными силами персов. Они не могли найти персов у Афета, приняли греков за них, и были ими потоплены. С наступлением темноты греки опять возвратились на свою удобную стоянку.

Не получив и на следующее утро известий от обходного отряда, персидские адмиралы более не решились медлить с прорывом в Малиакский залив, зная, что Ксеркс уже шесть дней тому назад прошел Алос (в Пагасейском заливе). Поэтому к полудню весь флот их вышел из гавани и выстроился в Трикирийском проливе (6000 м шириной) в виде полумесяца, растянувшегося на протяжении нескольких миль против входа в пролив Ореос.

Подготовившись так к решительной битве, персы намеревались окружить греков, но те благоразумно не вышли на открытую воду, а выстроились между Гистийским заливом и островом Аргиро, заперев пролив, суживающийся в этом месте до 3200 м. Для этого, принимая ширину корабля с веслами в 15 м, им понадобилось всего 213 кораблей, что при наличии 324 трирем оставляло в их распоряжении свыше 110 кораблей для арьергарда, или второго ряда, и для защиты узенького пролива между маленьким островком и материком.

Персы двинулись на врага в полном порядке, но, войдя в пролив, стали мешать друг другу, ломать весла, и нарушили строй; когда они подошли достаточно близко к грекам, те по сигналу устремились на них, и по всей линии завязалась жестокая битва, во время которой обе стороны сражались одинаково храбро. В рядах греков особенно отличились афиняне, среди которых выделился Кликий, отец Алкивиада. Но в силу большого численного перевеса персов грекам все-таки не удалось одержать решительной победы. Тем не менее, они удержали позицию, а персы были вынуждены вернуться на свою старую якорную стоянку.

Персидские потери превышали греческие, хотя и у греков много трирем было захвачено неприятелем вместе с командой, а половина афинских кораблей имела течь или другие аварии. Это обстоятельство делало сомнительной целесообразность пребывания флота у Артемизия, тем более, что там не имелось средств для починки судов. К тому же триаконтера, державшаяся у Фермопил, вернулась в Гистийский залив с известием о взятии Фермопильского прохода и гибели Леонида с войском; после этого дальнейшее пребывание флота у Артемизия потеряло всякий смысл, и он вернулся через Эвбейское море в Саронический залив.

Фемистокл взял на себя командование арьергардом и должен был прикрывать отступление. На пути он делал на прибрежных скалах узких проливов бросавшиеся в глаза патристические надписи, надеясь привлечь на свою сторону малоазийских греков.

Таким образом, флот не добился существенного успеха, открыв врагу путь к Афинам, уступив остров Эвбею и греческие берега. Тем не менее, дни у Артемизия не прошли бесполезно для флота; он выполнил свою задачу, удержавшись на своей позиции и не допустив персов к проливу. Кроме того, встреча с более сильным врагом дала возможность изучить его тактику и проверить собственные приемы, до сих пор практиковавшиеся лишь на маневрах. Греки пришли к убеждению, что персидский флот не так уже страшен. Все это впоследствии принесло свои плоды в Саламинской битве.

Фемистокл был всегда душой всех действий и обладал редкой способностью быстро осваиваться со всякими условиями и применяться к ним. С самого начала войны он предложил перенести решительные операции с суши на море, и он же в качестве позиции флота для защиты Фермопильского прохода выбрал место в узком проливе у Гистийского залива, куда и привел флот, оправившийся от первого испуга при появлении персов.

По его инициативе греки, держась в узком проливе и загородив его, несколько раз атаковали персов. Он же выбрал момент для начала боя по всей линии, когда наступавшие персы смешались, сталкиваясь друг с другом. Сражение третьего дня было как бы прологом к Сала-

минской битве. Наконец, Фемистокл принял на себя прикрытие отступления и брался за наиболее ответственные задачи.

Он воспротивился возвращению флота к Коринфскому перешейку, как на этом настаивали спартанцы, и убедил сосредоточить флот близ Афин, подвергавшихся большой опасности. Союзный совет в Истме не уступил просьбам жителей Афин и Аттики дать Ксерксу решительную битву в Беотии, собрав там все греческое войско, а скорее склонился к защите Пелопоннеса, укрепив перешеек и сосредоточив там все военные силы, что оставляло открытой всю среднюю Грецию для персов, подвигавшихся прямо на Аттику через Фокиду и Беотию, опустошавших и сжигавших все на своем пути.

Сражение при Саламине

В то время, как пелопоннесские корабли направлялись к Саламину, уже заранее выбранному Фемистоклом как место предстоящего сражения, он сам остался с афинскими кораблями в Фалеронском заливе и в Пирее. Со свойственной ему убедительностью, ссылаясь на решение оракула, вероятно, также не лишённое его влияния, он посоветовал афинянам довериться «деревянными стенами» (вошедшим позже в поговорку – «wooden walls») и, перейдя вместе с детьми и женами на корабли, покинуть родной город.

После того, как это было спешно сделано, и гражданское население было перевезено в Трезену и на острова Эгину и Саламин, афинский флот под начальством Фемистокла соединился с пелопоннесским. Последний, прибывший ранее, занял место в Саламинском проливе (Амбелакский залив), афинский же флот, прибывший позднее, должен был, за неимением места в бухте, удовольствоваться песчаным берегом к северу и северо-западу от города Саламина, южнее острова Георгия. К нему присоединились и другие суда, главным образом, островных государств, находившиеся до тех пор по приказанию союзного совета в гавани Трезены.

Персидские войска наводнили Аттику, заняли и опустошили неукрепленные и покинутые Афины. Укрепленный Акрополь с его святынями еще некоторое время защищался жрецами и старыми воинами, пока не был взят штурмом персами, нашедшими потайной ход. Все оставшиеся в живых были убиты, храмы разграблены и сожжены. Торжествующий Ксеркс отправил к себе на родину послов с известием об успешном выполнении задуманной им мести Афинам.

Персидский флот, узнав об оставлении греками Гистиайи, отправился туда и в продолжение трех дней разрушал и разграбил город и окрестности, а затем двинулся в Фалеронский залив.

Известие об участии Афин так действовало на греков на Саламине, что начальники стали требовать на военном совете отступления к Коринфскому перешейку. Несамостоятельный, вечно колеблющийся Эврибиад, наверное, уступил бы, если бы не Фемистокл, которому настойчивыми увещаниями удалось убедить Эврибиада и часть начальников в преимуществах Саламина и недостатках позиции у перешейка. Там пришлось бы сражаться в открытом море, где неприятель мог использовать свои превосходящие силы, а греки не имели никаких шансов победить в виду большой численности персов. Кроме того, в этом случае пришлось бы без сопротивления уступить персам, кроме Саламина, еще Эгину, Мегару и Кикладские острова и лишиться при этом судов этих государств в союзном флоте, который пропал бы окончательно при совместных действиях персидских армии и флота против Пелопоннеса. Словом, в этом случае погибло бы все дело обороны. При Саламине пришлось бы сражаться в узком месте, где врагу нельзя развернуться и использовать свой численный перевес; там превосходство греков в абсорбционном бою открывало путь к победе. Наконец, в случае, если флот оставался у Саламина, он защищал также и Пелопоннес, так как персы не решились бы напасть на него со стороны моря. Затем, занимаемая позиция защищала бы находившихся на ост-

рове афинских женщин и детей. Словом, все находилось в зависимости от судов соединенного флота.

На замечание представителя Коринфа, что Фемистокл, потерявший родину, не имеет права голоса, тот возразил, что он с 200 кораблей, готовыми к бою, гораздо сильнее Коринфа. Видя, что приведенных им тактических и стратегических доводов недостаточно для противодействия нерешительности греческих начальников и отчужденности между ними, Фемистокл торжественно заявил на военном совете, что он посадит на свои 200 кораблей афинских женщин и детей и отправиться на дальний запад, где обретет новую родину в Сирисе (в Таррентском заливе).

Это подействовало на Эврибиада, высказавшегося также за битву при Саламине. Чувство сплоченности и дисциплины было настолько сильно, что возражений не последовало, и все стали готовить свои корабли к битве, на которую твердо решились. Чтобы действовать наверняка, и не дожидаясь какого-либо нового решения союзников, Фемистокл послал к Ксерксу своего верного раба с советом напасть немедленно и не упустить греков, которые будто бы находятся в большом страхе и помышляют о бегстве. Тогда Ксеркс решил дать окончательное сражение на море. В Фалеронском заливе он произвел смотр флоту и, больше для виду, собрал военный совет. За сражение стояли все, кроме Артемизии, царицы Галикарнасской. По ее мнению, не следовало предпринимать действий на море, так как греки, как моряки, стояли выше персов; следовало беречь флот и вести нападение на Пелопоннес с суши. Это привело бы к разделению греческих морских сил и сделало бы их безопасными.

Следуя мудрому совету Артемизии, Ксеркс двинул все свои сухопутные войска к Пелопоннесу, но одновременно приказал флоту атаковать противника. Несмотря на поздний час, корабли должны были выйти в море, и начальникам было объявлено, что они поплатятся головами, если греческий флот ускользнет от них. Эти слова не были пустой угрозой, и на другое утро финикийским начальникам горьким путем пришлось убедиться в этом. Флот должен был быть выстроен в три ряда, и Ксеркс сам решил наблюдать за его действиями с берега. Флот выстроился, как ему было приказано, и двинулся к Саламинскому проливу, выбранному Фемистоклом для битвы.

Ширина фарватера от Пирейского полуострова до Саламина равна почти семи километрам, так что в строе фронта там могли поместиться до 390 трирем, считая, что по ширине каждая занимает 15-18 м. К северу пролив суживается до 2,5 километров, так как здесь сильно выдается в море полуостров Киносур, лежащий против мыса Керамеса, и, кроме того, островом Пситалией фарватер делится на два рукава. Восточный, идущий к северу и северо-западу вполне доступен и достигает ширины 1040 м; вход в западный рукав, и без того суживающийся между Пситалией и Киносурой до 780 м, сильно затруднен Аталантским рифом, одноименным маленьким островом и камнями Пророков. Поэтому в темное ночное время войти в него можно лишь с большими предосторожностями. Севернее Пситалии Саламинский пролив тянется на протяжении 5 км к западу и по ширине едва достигает 1500 м, поэтому при входе туда необходимо менять курс на 4-8 румбов (45-90°). Далее пролив переходит на северо-западе в неглубокий Георгиевский пролив, обильный мелями, достигающий при входе 1100 м ширины и сужающийся затем между островком Георгия и лежащими против него двухсаженными каменистыми банками до трех кабельтов (530 м). Узкий, мелкий и извилистый фарватер канала, идущего западнее острова Георгия, хотя и доступен мелкосидящим судам, каковыми были триремы, но лишь при условии знания фарватера и хорошей маневренности; поэтому место Саламинской битвы надо считать ограничивавшимся этим каналом.

Саламинский пролив, за исключением Торонской бухты, свободный от мелей, был вполне доступен для трирем; лишь берега острова к северу от Саламинской бухты изобилуют мелями. Для вытаскивания на берег судов пригодны находящиеся южнее и северо-западнее

древнего города Саламина песчаные береговые полосы, на которых и расположились лагерем дорийцы и афиняне со своими кораблями.

Саламинская битва произошла в сентябре месяце, вероятнее всего, 28 сентября. Ночь накануне битвы была темной и безлунной, так как новолуние наступило 2 октября.

По Геродоту, персидский флот снова достиг той же силы, как и у мыса Сепиас (Геродот, III, 66), все потери были пополнены новыми судами, затребованными от островов и государств, лежавших на пути персов. Согласно Эсхилу, принимавшему участие в Саламинской битве, число персидских судов достигало 1207. Во всяком случае, число персидских кораблей было в три раза больше, чем греческих. И без того недостаточный состав союзного флота был ослаблен после несомненного ухода значительного количества судов тех союзников, государства которых были покорены в это время персами. Суда персидского флота были более высокортными, особенно в носовой и кормовой частях, чем греческие корабли. Число воинов на каждом корабле достигало 30-ти человек.

Число греческих судов под Саламином в разных источниках указано различно: Геродот (VIII, 43) определяет его в 366 и 378 кораблей; Эсхил («Персы», 341 и 342) в 300 и 310; Фукидид (I, 74) в 300 и 400. Сравнительно недавно, именно в 1856 году, в Константинополе был найден относящийся к тому времени список участвовавших в союзном флоте греческих государств, посвященный богам после Платейской битвы (см.: Frick, «Das peataeische Weihgeschenk in Konstantinopel»). По этому списку греческий флот состоял из 347 трирем и 7 пентеконтер. Афинам принадлежало 200 трирем, команда на 180 была составлена из афинян, и на 20 – из халкидян.

Поздно вечером 27 сентября персидский флот, по приказанию Ксеркса, вышел из Фалеронской бухты и в самом непродолжительном времени запер фарватер между Пирейским полуостровом и Саламином. Здесь персидские флотоводцы получили через посланцев Фемистокла предупреждение о том, что греки готовятся к бегству. Памятуя угрозы Ксеркса лишить их жизни, персидские командиры решили окончательно окружить греческий флот, расположенный у города Саламина. Остров Пситалия, закрывавший путь от Саламина на юг, был занят сильным отрядом, состоявшим преимущественно из знатных персов, пожелавших наблюдать за всем боем и, кроме того, видевших возможность нападать на неприятельские корабли, которые будут проходить близ острова или садиться на мель.

Около полуночи правый фланг флота, состоявший из финикийцев, выстроился в три колонны и, обернув тканью свои весла, в полной тишине стал пробираться в Саламинский пролив. Остальные силы проследовали за ним вдоль аттического побережья до отмели, ограничивающей пролив Георгия со стороны материка. Расстояние до стоянки греческих кораблей от трех миль уменьшилось до одной. Греки в темноте не могли видеть персов, а равно услышать их с расстояния в одну милю (1852 м), так как обернутые весла не производили шума. Затем флот перестроился в боевой порядок, состоявший из трех последовательных строев фронта, причем Ксеркс на рассвете мог следить за их действиями из своего лагеря у подножья хребта Эйгалея.

Рассказ о том, что персы, желая запереть западный выход из Элевсинской бухты и отрезать грекам путь к отступлению, послали ночью вокруг Саламина 200 египетских трирем, надо считать неправдоподобным. У Геродота нет никаких указаний на это. Эта версия появилась позднее, лет 400-500 спустя, и распространялась мало заслуживающим доверия Диодором, вероятно, по данным Эфора, сочинения которого утрачены. Более же нигде не встречается указаний на эту эскадру. Греки и без того были вполне окружены упомянутым выше образом, поэтому надо признать, что никакого обхода персы не предпринимали.

Шестикилометровый переход персов в темноте при ограниченной ширине пролива, постоянных переменах курса, трудности сигнализации и при отсутствии единоличного командования флотом, а равно и перестроение в три ряда заняли очень много времени. Нападение

было решено провести с утра, поэтому весь персидский флот был вынужден в течение целой ночи держаться на веслах в то время, как греки мирно спали на стоянках своих судов.

Большое число персидских кораблей при сравнительно малом пространстве привело к тому, что персам пришлось построить свой флот как можно теснее, имея всего лишь 12,5 м между кораблями, поэтому промежуток между веслами двух соседних судов равнялся всего лишь 2,2 м. По линии от мели канала Георгия до Киносуры на протяжении 3330 м можно было поместить лишь 266 судов в ряд, а, следовательно, в трех рядах могло встать около 800 трирем. При расстоянии между рядами самое меньшее в 20 м, персидский флот по глубине занимал почти полтора метра.

Правый фланг составляли финикийцы, левый ионяне. Левый фланг, находившийся первоначально южнее острова Пситалии, двинулся одновременно с правым и центром к Саламину, но сложность фарватера и затруднения, вызывавшиеся совместным движением, сильно задержали его. Тем не менее, он загородил фарватер как к востоку, так и к западу от острова и отрезал с этой стороны возможное отступление греков. Таким образом, и он получил возможность принять участие в сражении, хотя его одного было бы вполне достаточно для того, чтобы одержать победу над греками, так как его силы вдвое превосходили силу последних.

Греческие флотоводцы, не заметившие в темноте наступления персов, были извещены об этом во время ожесточенных споров на военном совете Аристидом, который только что вернулся из изгнания, прорвавшись на эгинском корабле сквозь линию персидских судов. Трирема из Теноса, перешедшая на сторону греков, окончательно подтвердила это известие, дополнив его сообщением о закрытии канала Георгия персами.

Теперь уже не оставалось никакого выбора, суда были немедленно спущены и приведены в боевую готовность. К восходу солнца греки с пением возбуждающих военных песен поставили свой флот в два ряда в строе фронта против неприятеля, который уже был отлично виден.

Корабли греков вследствие скалистости берега не все могли быть вытасканными на сушу в бухте южнее города, где едва хватало места для 200 трирем, поэтому остальные, прибывшие позднее, главным образом, афинские, расположились к северу от города. Греческие силы, состоявшие из 347 трирем, были поставлены в два ряда в строе фронта и при расстоянии между кораблями в 15 м, а между рядами в длину корабля, заняли пространство в 2600 м по длине и 110 м по глубине, поэтому спартанцам, которым было предоставлено почетное место на правом фланге у Киносуры, пришлось пройти 1,5 мили, чтобы занять назначенное место.

Левый флаг, состоявший из афинян, выступал за линию персидских судов в пролив Георгия. Вследствие того, что в этом месте выдается Саламинский полуостров с неглубокими берегами, строй греков образовал небольшой излом и выступил левым флангом вперед; афинянам пришлось пройти на веслах около мили прежде, чем они заняли свое место.

В то время как спартанцы и остальные дорийцы: коринфяне, эгиняне и т. д., занимали свое место на правом фланге, по всей линии греков, полных одушевления, раздались боевые песни. В это время персы также с пением двинулись на греков. Афиняне, уже занявшие свою выдававшуюся вперед позицию, немедленно ринулись навстречу персам, чтобы прикрыть на время центр и дать ему возможность хорошенько выстроиться.

В самом непродолжительном времени афинянин Амейнай, брат поэта Эсхила, на полном ходу выскочил со своей триремой вперед и врезался тараном в финикийский флагманский корабль, на котором находился начальник левого фланга персов, брат Ксеркса, Ариаби́гн. Таран застрял в правом борту триремы последнего. Ариаби́гн храбро перескочил на палубу афинской триремы, намереваясь взять ее на abordаж, но тут же был убит тяжелооруженными морскими солдатами и выброшен за борт. Такое начало подавляюще подействовало на дух его эскадры. В это же время на правом греческом фланге один из эгинских кораблей, действуя аналогично, открыл наступление, и с этого момента бой начался по всей линии.

Несмотря на то, что некоторые корабли временами выходили из строя, бой со стороны греков велся в полном порядке. Они не только не мешали друг другу, а даже очень умело проводили взаимную поддержку.

Левый фланг и центр персов в начале боя держались очень стойко; правый же фланг, подвергнувшийся натиску афинян, скоро пришел в расстройство и обратился в бегство. Афиняне, воодушевленные первым успехом, ожесточенно вели нападение, действуя тараном, ломая весла неприятеля и сваливаясь с ними на abordаж. Поворотливость и малая осадка их судов, делавшие доступным для них пролив Георгия, дали им много преимуществ.

Ксеркс, наблюдавший с берега за боем, пришел в такую ярость, что велел немедленно обезглавить нескольких финикийских начальников, триремы которых пристали к берегу.

Беспорядок быстро распространился по всему правому флангу, перешел в центр и передался всему фронту. Общее расстройство персов увеличилось тем, что тесно поставленные суда сталкивались, ломали весла и теряли свою подвижность. Всему этому способствовало еще то обстоятельство, что суда второго и третьего ряда, желая отличиться на глазах у Ксеркса, стремились пробраться в первую линию и встретиться с врагом, причем теснили друг друга и налезали на суда первого ряда. Усилившийся свежий восточный бриз окончательно лишил финикийские суда возможности маневрировать; вследствие своей высокобортности их сильно сносило ветром. Суда, сталкивались между собой, сбивались с курса и подставляли борт противнику, что было использовано греками; они умело действовали тараном, впервые применив планомерно и в самых широких размерах это наиболее действенное в бою оружие того времени. Их поворотливость и скорость, а также знание фарватера на левом фланге, способствовали целесообразному действию этим оружием. Зато в бою на некоторой дистанции преимущество оказалось на стороне финикийцев, высокобортные суда которых давали возможность успешно обстреливать с возвышенной палубы более низкие греческие триремы. Но в бою рукопашном персидские воины значительно уступали греческим гоплитам.

Отсутствие общего руководства и неподготовленность персов к совместным действиям послужили, несмотря на то, что отдельные экипажи дрались храбро, причиной того, что флот скоро пришел в расстройство. Финикийские корабли, быстро обратившиеся в бегство после первых же неудач, усилили общее замешательство, перешедшее вскоре под давлением энергично наступавших греков в панику. Каждый корабль стал думать только о своем спасении, и все устремились в открытое море через узкий пролив у Пситалии, где большое число стеснившихся судов увеличило и без того страшный беспорядок.

При этом освободился правый фланг греческого флота, против которого с персидской стороны действовали ионяне, преимущественно самосцы, сражавшиеся очень храбро. Надвинувшаяся к Пситалии масса судов заставила отойти персидские корабли, занимавшие оба входа в пролив и еще не принимавшие участия в бою. Панический страх передался всему персидскому флоту. Эгинянам, занимавший правый греческий фланг, против которого в проливе паника среди персов достигла своего апогея, представился удобный случай нанести наибольший вред противнику.

Галикарнасская царица Артемизия спаслась бегством только благодаря присутствию духа. Ее трирема, преследуемая афинской под начальством Амейная, встретив на пути карийскую трирему (принадлежавшую к персидскому флоту), не задумываясь ударила ее и посадила на глазах Ксеркса на мель, чем ввела в заблуждение как его, так и преследователя. Первый, считая карийскую трирему за врага, отнесся с одобрением к поступку Артемизии; второй, приняв ее трирему за дружественную, дал ей возможность уйти.

К концу битвы Аристид, наблюдавший за ней с берега, при первой же представившейся возможности, сев на корабль во главе сильного отряда, направился к Пситалии и овладел ею, причем персидский отряд со всеми начальниками, находившимися в близком родстве с Ксерксом, был перебит.

Этим и окончилась Саламинская битва. Греки не стали преследовать персов в открытом море. В то время, как персы устремились в Фалеронский залив под прикрытие расположенной там армии, греки собрали свои поврежденные корабли, носившиеся по воде по воле ветра и снова расположили их перед Саламином; затем вновь в полном порядке приготовились к бою, ожидая, что неприятель на следующий день повторит нападение.

Греки одержали победу, даже не сознавая, как это часто бывает, всего значения своего успеха, так как в подобных случаях трудно охватить мыслью все возможные последствия такой победы.

В материальном отношении их успех был очень велик. Персы потеряли 200 кораблей и из 400000 человек их команды спаслись лишь очень немногие, так как победители не предприняли ничего для их спасения. По имеющимся сведениям, потери греков достигали 40 кораблей; многие из их команды спаслись вплавь благодаря близости берега, но несомненно, что греков было убито бесчисленными вражескими стрелами и в рукопашных схватках.

Тем не менее, персы, потерявшие приблизительно пятую часть своего флота, располагали вдвое большим, чем греки, количеством кораблей, из которых значительное число оказалось совсем неповрежденных. Персы смело могли повторить нападение, но лучшая тактика и воодушевление многочисленных греков сломили их дух и сделали их совершенно негодными к дальнейшим действиям, что и обнаружилось в следующем году.

Греки привели в еще больший ужас самого Ксеркса, положение которого, прежде всего, требовало полного сохранения присутствия духа, но он был, по-видимому, так потрясен поражением флота, что совершенно лишился самообладания и стал думать лишь о спасении своей собственной персоны, — черта, достаточно указывающая на бесхарактерность этого деспота. Разъяренный своей неудачей, главным виновником которой был он сам, он, как уже говорилось, велел казнить нескольких финикийских начальников, по его мнению, недостаточно храбро сражавшихся, (Геродот, VIII, 90). Он сразу, в один день, потерял доверие к своему флоту, все еще насчитывавшему в своих рядах сотни кораблей, и к своему неисчислимому войску.

Для вида он велел было начать строить дамбу и наводить понтонный мост к Саламину из собранных финикийских торговых кораблей, но отказался от этого предприятия, узнав о намерении греческого флота идти в Геллеспонт с целью разрушить наведенные там мосты и отрезать этим путь к отступлению (этот слух был пущен Фемистоклом). Поэтому он немедленно отослал туда флот и через несколько дней выступил сам с войском. В Фессалии он оставил по пути 300 000 человек своих лучших войск под начальством Мардония для покорения Греции следующим летом. В дальнейшем спешном отступлении он потерял большую часть людей благодаря голоду, болезням и дезертирству и достиг Геллеспонта с остатками войска лишь на 45-й день. Мосты оказались разрушенными непогодой. Переправившись с помощью флота, уже ожидавшего его там, он благополучно вернулся в Сарды.

По получении сведений об уходе персидского флота Фемистокл стал побуждать греков к преследованию персов. Его планом было идти скорее к Геллеспонту, чтобы помешать персам переправиться, причем, он рассчитывал полностью уничтожить персидскую армию и флот. Но Эврибиад и другие полководцы, как только персы ушли за остров Андрос, отказались идти далее; поэтому Фемистокл был вынужден ограничиться лишь обложением данью островов, примкнувших к персам. Андрос, отказавшийся от дани, был подвергнут кратковременной осаде, но неудачно. Парос согласился на уплату дани. Область города Каристоса на Эвбее была опустошена, после чего флот вернулся на Саламин, а затем прошел к Коринфскому перешейку, где должно было состояться обычное распределение призов между собравшимися начальниками.

Первый приз оспаривался каждым из участников благодаря самомнению и зависти к другим, второй же громадным большинством голосов был присужден Фемистоклу. Затем Феми-

стокл был приглашен лакедемонянам в Спарту, где его чествовали небывалым до этих пор образом. То же самое произошло и на ближайших Олимпийских играх, где его чествовали все греки. Несомненно, эти чествования усилили нерасположение и никогда не дремавшую в Греции зависть его политических противников, начавших уже открыто и резко выступать против него, в результате чего Фемистокл в 479 г. не был избран стратегом; хотя вполне возможно и то, что он и сам не выставил своей кандидатуры из высших соображений на пользу родины.

480 г. закончился вышеупомянутой попыткой Фемистокла достигнуть контроля над островами при помощи флота. В этом богатом событиями году был фактически окончен третий персидский поход, хотя уничтожение Мардония с его армией и произошло лишь на следующий год при Платее.

Предполагавшееся Фемистоклом стратегическое преследование персов при его гениальности и смелости могло иметь самые разнообразные последствия, как, например, уничтожение персидского флота, едва ли еще способного к бою, воспрепятствование переходу Ксеркса и его войск в Азию и, наконец, завоевание греческих колоний в Дарданеллах и Босфоре и открытие пути в Понт Эвксинский – что и было достигнуто лишь в последующие годы. Одним словом, Афины могли укрепить свое морское могущество на Архипелаге вплоть до Понта.

Победа при Саламине была одной из самых решительных морских побед, она определила на долгое время судьбу участвовавших в ней народов; она обеспечивала грекам морское могущество и на много лет избавила их от агрессии персидских царей. Греки, в особенности афиняне, убедились в своем морском превосходстве, что дало им уверенность и надежду на успех при встрече с неприятельским флотом и обеспечило им дальнейшие победы.

Следует отметить, что персидский флот в стратегическом отношении принес немалую пользу, которая, правда, свелась на нет неудачами при Артемизии и Саламине, где персы потерпели полное поражение благодаря лучшей тактике греков. Наконец, именно частично утративший при Саламине свою боеспособность флот все же сыграл очень важную роль при переправе бежавшей армии Ксеркса через Геллеспонт.

Тактические приемы времен второй греко-персидской войны

Теперь останется упомянуть о морской тактике того времени. Здесь нужно провести грань между построением флотов перед боем, боевым порядком, и самим способом боя – сражением отдельных кораблей, хотя оба предмета имеют довольно тесную связь, обуславливая друг друга.

С появлением тарана, самым удобным было нападать на неприятеля, развернувшись к нему носом. Поэтому, как можно заключить из очень неполных источников, для лучшего использования этого сильного оружия наиболее распространенным боевым построением стал строй фронта в один или два ряда, что мы видим уже в битве при Ладе. У финикийцев было в ходу построение в виде полумесяца или серпа (тот же строй фронта с выдвинутыми вперед флангами).

В первый день боя при Артемизии греческий флот, по предположению некоторых историков, был выстроен кругом, – это построение было применено позднее еще раз (в пелопоннесской войне), но неопытными моряками с 39 кораблями при столкновении с вдвое меньшим, но зато хорошо обученным флотом (Фукидид, II, 83). Но у Геродота, которому мы обязаны сведениями о битве при Артемизии, нет упоминаний о построении в виде круга, да и сама тактическая ситуация сражения вызывает сомнение в его целесообразности. Греческий флот в числе 271 корабль двинулся из Гистиии, как предполагают, строем фронта, с некоторым количеством кораблей, поставленных, по совету Гераклида из Минассы, во втором ряду, намереваясь напасть на вчетверо больший персидский флот, находившийся в Афетской бухте. При выходе из узкого пролива Ореос в Трикирийский, бывший втрое шире, греки заметили уже

на небольшом расстоянии от себя персов, двигавшихся на них поперек канала слева. В этом положении совершение такого сложного маневра, как построение круга из 271 корабля заняло бы гораздо больше времени, чем было в их распоряжении. Кроме того, флот, выстроенный в круг, не закрывал бы всего фарватера, а открыл бы персам доступ в Малиакский залив (Фермопилы), что противоречило задаче греков.

Поэтому можно предположить, что центр фронта остался на месте или незначительно продвинулся вперед, а фланги оттянулись назад, касаясь берегов у мысов Ставрос и Кефала; таким образом, строй принял форму полукруга. Все суда были обращены носами к неприятелю, приближавшемуся строем в виде серпа, и, подпустив его к себе на близкое расстояние, напали на него разом по данному сигналу. Это предположение сходится с изложением Геродота (VIII, 11), у которого говорится, что греческие корабли были обращены кормами друг к другу, а носами к неприятелю.

На второй день боя при Артемизии греки выстроились в два ряда строем фронта в самом узком месте пролива Ореос. Персы в продолжение обоих дней применяли построение в виде серпа, тот же строй фронта с выдвинутыми вперед флангами, вероятно, по совету сидонян, бывших для них авторитетом в морском деле. Это построение было обычным у финикийцев, но пригодно было только для нападения в открытом море. В данном же случае, при входе в узкий пролив Ореос из сравнительно широкого Трикирийского пролива, суда начали сталкиваться, ломать весла и пришли в беспорядок, что облегчило грекам атаку. 271 греческого корабля в первый день было вполне достаточно для построения по дуге круга при хорошем расстоянии кораблей друг от друга, по крайней мере, на середине боевой линии, выгнутой вперед и подвергавшейся наибольшей опасности. При этом все корабли имели достаточно места для маневра.

При Саламине оба флота выстроились по длине пролива строем фронта друг против друга таким образом, что левый фланг греческого флота, состоявший из афинян, выступал за правый персидский фланг. Это надо, несомненно, приписать инициативе Фемистокла, который своим быстрым взглядом сразу оценил выгодность позиции вблизи узкого, трудно проходимого пролива Георгия, если не решил использовать это место еще раньше при выборе места боя.

Как греческий, так и персидский флоты подразделялись на отряды по государствам и городам, их приславшим. Огромный флот Ксеркса был, кроме того, подразделен на четыре части, находившиеся под командой очень важных, но ничего не смыслящих в морском деле персов. У греческих отрядов, например, у афинян при Артемизии и Саламине, кроме Фемистокла, были, вероятно, еще начальники отдельных частей, но их имена нигде не упоминаются. Ответственным за действия корабля перед начальством являлся его командир, триерарх.

С появлением трирем способ сражения изменился, так как таран сделался главным оружием. До этого времени самым обычным было становиться борт о борт с неприятелем и, отказываясь от возможности двигаться, решать дело abordажным боем и рукопашными схватками тяжеловооруженных команд (Фукидид I, 49). После 500 года, особенно же с созданием афинского флота, таран вступает в свои права полностью.

Таран был изобретен гораздо раньше триремы, изображение его имеется на ассирийских памятниках из Ниневии. На стеле, датируемой около 700 г. до н. э., довольно схематично изображены финикийские биремы (корабль с двумя рядами весел). Характерно, уже тогда обратили внимание на главные качества военного корабля, отмеченные даже на грубом рисунке: на скорость, о которой свидетельствует большое количество гребцов и весел, и на необходимость наступательного оружия – длинного и острого подводного бивня, служащего исключительно для нападения с целью продырявить и потопить неприятеля. Нельзя не отметить, что форма и расположение бивня изменились впоследствии. По дошедшим до нас изображениям эпохи римской империи он принял форму трезубца и стал располагаться чуть выше или у самой ватерлинии.

У греков вообще, а у афинян в частности, таран сохранил свою первоначальную форму, причем уже в скором времени тактика таранения достигла значительного развития. В этой тактике различаются два основных маневра: 1) прорыв, то есть прохождение между неприятельскими кораблями с целью поломать им весла и обездвижить, после чего нападавший поворачивал и таранил неприятеля в корму; 2) обход вокруг неприятельского корабля на небольшом расстоянии, чтобы, сделав затем крутой поворот, таранить его в середину или кормовую часть борта.

Вероятно, маневр прорыва стал применяться еще финикийцами, так как у них суда обладали большой скоростью и уже в 700 г. до н. э. были снабжены таранами. Дионисий из Фокеи, очень опытный и способный флотоводец, знал этот маневр и намеревался обучить ему неумелых ионийских триерархов перед битвой при Ладе в 500 г. до н. э., но ему это не удалось. После прохода сквозь строй финикийские суда делали крутой поворот и таранили весь ряд неприятеля в корму или борт.

В первый день боя при Артемизии, по словам Созилия, бывший на греческой стороне умный и очень опытный кариец Гераклид, знавший тактику финикийцев, познакомил с нею греков и посоветовал поставить за боевой линией второй ряд судов на определенном расстоянии для таранения персидских судов после того, как они прорвутся и станут поворачивать, то есть в момент очень благоприятный для таранного удара.

Маневр прорыва сквозь строй не следует смешивать с практикующимися часто в морских битвах маневром прорезания линии неприятельских судов, что обычно разделяет силы неприятеля, деморализует его и поэтому может иметь решающее значение. Описываемый маневр следует рассматривать как маневр отдельных кораблей, с целью вывести из строя противолежащие неприятельские корабли, и имеет, скорее, местное значение. Поэтому не следует смешивать понятие прорыва сквозь линию с прорезанием линии. Обход уже описан вкратце.

Обучение афинского флота тактике тарана следует также приписать Фемистоклу. Таранение в нос или «штивнем к штевню» неприятеля греками не практиковалось в виду того, что их корабли были очень легкой постройки и с острыми очертаниями, вследствие чего такой удар являлся опасным для своих же трирем. Для нанесения большего вреда неприятельским кораблям при проходе вдоль их бортов на носу, на высоте привального бруса с каждой стороны прикреплялось два горизонтальных бревна, назначением коих было разрушать привальный брус неприятеля и ломать весла. Точных примеров действия этих бревен, к сожалению, не имеется. С заменой тактикой таранения тактики abordage и ее дальнейшим развитием стало уменьшаться число воинов на кораблях.

Расцвет Афинского морского союза

Бежавший Ксеркс с остатками своей армии на 45 день после Саламинской битвы добрался до Геллеспонта. Мосты, выстроенные по его приказанию, весной были разрушены непогодой, но вернувшийся флот поджидал его. С его помощью Ксеркс переправился на другой берег и прибыл в Сарды, где в продолжение целого года ожидал известий о победе от Мардония и от флота, зазимовавшего частью в Кумах в Лидии, недалеко от Сард, частью же на Самосе.

В начале 479 г. до н. э. флот, в количестве 300 кораблей, собрался на Самосе в качестве предупреждения ионийским колониям в Малой Азии, склонявшимся сбросить персидское иго. После понесенных поражений флот более не решался на наступательные действия.

Мардоний со всей армией в 300000 человек зазимовал в Фессалии и Македонии. Прежде чем предпринять снова поход против афинян, только что вернувшихся в свой город, разрушенный персами, он попытался привлечь их на свою сторону заманчивыми обещаниями, думая воспользоваться их морским могуществом для покорения всей Греции; но афиняне остались верными своему национальному долгу и ответили послам решительным отказом, несмотря на

то, что лакедемоняне отказались их поддержать и выдвинуть навстречу персам греческое войско.

Мардоний двинулся беспрепятственно через Беотию в Аттику. Лишь только это сделалось известным, афиняне вторично покинули свой город. Мужчины сели на корабли, а женщины и дети бежали в Саламин; Мардоний опять занял Афины и вновь послал оттуда послов в Саламин к афинянам, предлагая им союз на очень выгодных условиях. Несмотря на стесненные обстоятельства, афиняне опять отвергли это предложение самым решительным образом. Здесь опять видно влияние Фемистокла, спасшего еще раз Грецию благодаря своему одухотворенному патриотизму и ненависти к чужому владычеству.

По получении отказа Мардоний велел разрушить сохранившиеся еще до этого времени Афины и опустошить всю Аттику. Затем он двинулся в Мегару, где также опустошил всю страну, после чего, по совету фиванцев, оказывавших ему всяческое содействие, разбил вблизи Фив в Беотии постоянный лагерь.

Лакедемоняне и на этот раз намерены были ограничиться защитой Пелопоннеса, для чего построили вал поперек перешейка, достаточный для этой цели. Наконец, после долгих просьб афинских послов, продолжительное время находившихся в Спарте, они решились выслать к перешейку войско, состоявшее из 5000 тяжеловооруженных воинов-спартанцев и 35000 илотов (легковооруженных), к которым присоединились еще 5000 гоплитов и 5000 легковооруженных; в общей сложности, собралось войско в 50000 человек под начальством спартанского царя Павсания. На перешейке к этому войску со временем присоединились отряды остальных пелопоннесских государств.

С этим войском Павсаний двинулся навстречу персам через Мегару до Элевсины, где к нему примкнули 8000 афинских гоплитов под начальством Аристида, пришедших с Саламина; после этого Павсаний соединился с союзным греческим войском, насчитывавшим теперь 100000 человек, и расположился лагерем у северного склона хребта Киферон, вблизи Платеи в Беотии, в виду большого укрепленного лагеря персов.

В конце лета, после нескольких атак сильной персидской конницы на левый фланг греков, расположенный на равнине и состоявший первоначально из мегарян, смененных затем афинянами, произошла Платейская битва, в которой греки одержали победу над персами, войско которых втрое превосходило греческое. Эту победу греки одержали благодаря своему сильному духу, храбрости и лучшему вооружению. Мардоний был убит, а его войско, охваченное паникой, бежало в беспорядке. Значительная часть персов была перебита, а их укрепленный лагерь взят штурмом, причем в руки греков попала богатая добыча.

Греческий флот в количестве 110 трирем уже ранней весной 479 г. до н. э. собрался около Эгины. Вследствие притязаний Лакедемона общее начальство над всеми силами было поручено спартанскому царю Леотехиду, несмотря на то, что он ничего не смыслил в морском деле, не имел понятия о наступательных действиях и не выработал определенного плана действий.

В числе его подчиненных находился знатный афинянин Ксантипп, командовавший афинским отрядом. Будучи политическим противником Фемистокла, он, несмотря на это, как и все патриоты, был исполнен его духом. Фактически он руководил походом.

Едва лишь флот собрался, как к нему явилось посольство от ионийцев, уже успевшее побывать в Спарте, с просьбой об освобождении их от персидского ига. Леотехид вначале не хотел ничего и слышать о наступательных действиях. Он совершенно не знал Архипелага и полагал, что Самос находится так же далеко, как Геркулесовы Столбы. Наконец, его удалось уговорить выступить к дружественному острову Делосу (в 93 милях от Эгины).

Там он оставался несколько месяцев, пока не прибыло посольство из Самоса с настойчивой просьбой о помощи против персидского флота, во всяком случае, уступавшего по силе греческому. С большим трудом удалось заручиться согласием Леотехида на этот поход.

Лишь только греки подошли к Самосу, как отпустившие незадолго до этого финикийский отряд персы из боязни греческого флота обратились в бегство к предгорью Микале, где на берегу было сосредоточено сильное войско для подавления ионийцев. Корабли были вытаснены на берег и ограждены засекой, чтобы в случае необходимости можно было их защищать.

Греки, рассчитывавшие на морскую битву, узнав об уходе персидского флота и присутствии сильной неприятельской армии у Микале, были так поражены, что думали было возвращаться, но решили все-таки напасть на персов. В расчете на морской бой они приготовили abordажные мостики. Увидя, что персы вытаскивали корабли на берег, Леотехид, по примеру Фемистокла при отступлении из Артемизия, пытался переманить греков, находившихся в персидском войске, на свою сторону.

После этого Леотехид высадил свои боевые силы несколько восточнее неприятельского лагеря и стал готовиться к атаке. Спартанцы заняли почетное место на правом фланге, вдали от берега, а афиняне, коринфяне и прочие расположились на левом отлогом берегу. Благодаря большей легкости передвижения, они раньше достигли неприятеля. Персы, между тем, из предосторожности разоружили ненадежных самосцев и выслали их из Милета под благовидным предлогом, якобы для охраны проходов.

Сделав это, они стали ожидать атаки на лагерь. По мере приближения к персам, среди греков очень быстро стал распространяться слух о победе над Мардоном при Платее. Это их очень воодушевило. Афиняне, поддерживаемые ионийцами, находившимися в персидских рядах, успешно начали нападение и ворвались в лагерь, сопровождаемые коринфянами и другими, обратив всех в бегство; лишь персы защищались храбро до тех пор, пока не были раздавлены подоспевшими спартанцами. Большинство их было перебито, остатки войска добрались до Сард и сообщили Ксерксу, ожидавшему известий о победе, об истреблении войска и флота. Греки и тут одержали полную победу, и в их руки попала богатая добыча. Персидские корабли были сожжены.

После победы греки собрались на Самосе для решения судьбы ионийцев, отпавших от варваров и опасавшихся их мести. Спартанцы стояли за то, чтобы упразднить ионийские колонии в Малой Азии, а жителей переселить в европейскую Грецию, в города, перешедшие на сторону персов. Защищать ионийцев от мести персов они считали невозможным. Афиняне опротестовали это предложение об уничтожении колоний, основанных Афинами и, после того, как пелопоннесцы уступили, приняли в национальный союз острова Самос, Хиос, Лесбос и другие.

Таким образом, первый наступательный поход, несмотря на противодействие лакедемонян, окончился (в духе Фемистокла) полным уничтожением персидского флота и утверждением греческого, точнее афинского морского могущества над всем «Островным морем» (Архипелагом) вплоть до Малой Азии. Но афиняне не удовлетворились этим, и сейчас же двинулись к Геллеспонту, находившемуся в 180 милях от Самоса, в сопровождении пелопоннесцев, причем последние были уверены, что идут для уничтожения мостов Ксеркса, а на самом деле целью похода было полное изгнание персов и освобождение важного для греков торгового пути в Понт Эвксинский.

Не найдя мостов, уже с год как разрушенных, Леотехид с пелопоннесцами отправился домой, так как уже наступила осень, а Ксантипп с афинянами приступил к осаде Сестоса, самой сильной крепости в Геллеспонте, в которой укрылось много окрестных жителей и персов. Афиняне не могли взять города штурмом, и потому осада затянулась. Непривычные к зимним холодам афиняне начали роптать; но и в Сестосе не были готовы к осаде, и к концу года там начался сильный голод.

Наконец, персидские командиры ночью бежали из города, после чего он сдался афинянам, забравшим и здесь богатую добычу, между прочим, материал для мостов Ксеркса. Ранней весной 478 г. до н. э. афиняне отправились со своей добычей на родину.

Руководящая роль (гегемония) на море, также как и на суше, с общего согласия принадлежала лакедемонянам вплоть до 479 г. до н. э., когда Леотехид, убедившись, вероятно, в своей некомпетентности, от нее отказался, и тогда она перешла к афинянам.

Следующий почти 50-летний период греческой истории, от Саламинской битвы до начала Пелопоннесской войны, почему-то был не в милости у греческих авторов, несмотря на то, что его значение ничуть не меньше других периодов. В это время шли почти непрекращающиеся войны – десятилетняя война между Спартой и Афинами, произошло много сражений, особенно морских, образовался афинский морской союз и т. д. Сочинения Геродота оканчиваются взятием Сестоса в начале 478 г. до н. э. У Фукидида описана только Пелопоннесская война, а для этих 50 лет дан лишь краткий обзор. Несмотря на недостаток сведений, постараемся рассмотреть этот период в виду его значения в истории морских войн.

Создателем греческого, точнее, афинского морского могущества следует считать Фемистокла. Отвергнутый близорукими современниками его грандиозный план похода против персов и островов, бывших на стороне персов, в случае благоприятного исхода утвердил бы это морское могущество уже в 480 г.

Несмотря на то, что Фемистокл не принимал личного участия в походах 479 г. до н. э. и не сражался в битвах при Микале и при Платее, его влияние было еще неограниченнее на родине, так как афиняне, несомненно, были обязаны ему тем, что не соблазнились заманчивыми предложениями Мардония и еще раз покинули город и страну. После отступления персов из Афин афиняне тотчас же вернулись обратно и начали восстанавливать город.

По совету предусмотрительного Фемистокла, думавшего и о будущем, они это стали делать не в обычном порядке, а начали с сооружения прочных городских стен, обхватывавших гораздо большую площадь, чем прежде. Афины должны были стать неприступною крепостью, для чего, по тогдашнему состоянию военного дела, вполне достаточно было высокой стены. В случае надобности городские стены должны были укрыть в себе жителей Аттики. События 480 и 479 гг. до н. э. показали необходимость стен.

Очевидное стремление Афин к самостоятельности и самообороне возбудило беспокойство и зависть у соседних морских держав – Эгины, Коринфа и Мегары, флоты которых давно были превзойдены афинским. Эта зависть впоследствии перешла в ненависть. Государства эти пожаловались на постройку стен спартанцам. Спартанцы приняли эту жалобу очень близко к сердцу, так как сочли постройку стен оскорбительной для себя, считая Пелопоннес единственным покровителем всей Греции. Спартанское правительство запретило афинянам укреплять город, и лишь благодаря уму и ловкости Фемистокла удалось обойти это препятствие.

Он начал с того, что отправился в Спарту один, в качестве посла и заложника одновременно. Пользуясь уважением в Спарте, приобретенным участием в Саламинской битве, а может быть и взятками, бывшими тогда в большом ходу, он оттягивал решение спартанских властей до тех пор, пока стены, спешно сооружавшиеся во время его отсутствия, не были закончены.

Лишь когда прибыли еще два афинских посла и сообщили об окончании строительства стен, и для проверки этого известия в Афины было послано спартанское посольство, задержанное там, он открыто заявил о целях афинской политики.

Спартанцы были удручены этим, но сдержали свои чувства, так как факт свершился и дело изменить можно было лишь войной. Фемистоклу и двум другим послам они не причинили зла, апустили, но их уважение к нему перешло в ненависть, которую они впоследствии дали ему почувствовать.

Покончив с укреплением самого города, Фемистокл приступил к укреплению гавани, которую из-за флота считал важнее города и поэтому укрепил гораздо сильнее. Как уже говорилось, он окружил весь Пирейский полуостров, включая три гавани – Мунихию, Зею и нынешний Пирей, громадной стеной 11,5 км длиной, 9,5 м высотой при толщине на трудно доступ-

ных обрывистых берегах 3-3,6 м и на ровных местах до 8 м. Стена была сложена из каменных квадров на железных скрепах и имела 54 башни, выступавшие на 4-6 м.

Для более полной защиты гаваней с обеих сторон входов были построены громадные каменные молы 130-190 м длиной, бывшие как бы продолжением крепостных стен. Ширина входа была 37-96 м так, что его можно было загородить цепью или чем-либо другим. На концах молов выстроены были башни, на которых ночью горели огни для обозначения входа.

В каждом порту – Мунихии, Зее и Кантаросе – имелось по верфи на огороженном участке. Во главе верфей стоял стратег с 10 начальниками верфей. Зее, несмотря на меньшую величину, считалась главной гаванью. К ней была приписана почти половина флота, а к остальным лишь по четверти. Разоруженные корабли сохранялись на верфях, на суше в крытых сараях, построенных друг около друга, длиной 35-40 м и шириной 6,25-6,54 м с каменными стапелями. В Зее сараи, частью двойные, были выстроены по радиусам вокруг круглого бассейна. Снаряжение (инвентарь) разделяли на два рода – «деревянное», куда входили мачты, реи и т. п., и «висячее», то есть паруса, тросы, такелаж и т. п. «Деревянное» снаряжение хранилось в сараях при кораблях, а «висячее» в особом цейхгаузе в Зее.

Вследствие недостатка места в Зее для вооруженного флота Пирей тоже стал использоваться как военный порт. Торговый порт Эмпорион, занимавший весь залив, за исключением Кантароса, еще больше увеличил его значение.

Примерно на расстоянии одного километра от входа в порт на берегу было поставлено два столба для маячных огней. Кругом всего порта была построена каменная набережная, имелись выдававшиеся в море каменные молы.

Для погрузки и выгрузки грузов из торговых кораблей имелись удобные пристани, обширные пакгаузы и склады, из которых один был отведен специально под образцы товаров. В нем велась торговля, так что он представлял некоторое подобие биржи. Кроме того, имелся обширный базар.

Надзор над торговым портом и движением в нем был поручен также 10 чиновникам. В качестве единственной вольной гавани и коммерческого порта, обслуживавшего Афины и всю Аттику, Пирей, благодаря своей организованности и защищенности, скоро вырос в величайший мировой рынок, в который стекались отовсюду многочисленные корабли с разнообразными грузами. К гавани примыкал новый город, Пирей, очень быстро развившийся благодаря торговле до такой степени, что начал соперничать с Афинами.

Фемистокл самым ревностным образом заботился о постройке стен и гаваней. По его плану весь полуостров должен был быть укреплен так, чтобы для его защиты было достаточно немногих людей, неспособных к морской службе. Все остальное мужское население должно было нести службу на судах флота.

Он любил говорить своим соплеменникам, что, имея такой порт, можно покорить своим флотом весь мир (Фукидид, I, 93). Но исполнение этих грандиозных планов потребовало немало времени, и при Фемистокле стены были возведены лишь на высоту 9,25 м вместо предполагавшихся 18,5.

Естественно, что с созданием большого флота в организации военного дела в Аттике произошли крупные перемены. Избиравшиеся ежегодно 10 стратегов, командовавших прежде подразделениями, составленными из граждан 10 фил, получали командование над сухопутными и морскими силами. Их прежнее место заняли 10 таксиархов. Стратеги ежегодно назначали для всех наличных кораблей триерархов (командиров трирем) из граждан высшего цензового класса.

На эту службу смотрели, как на труд на пользу государства. Она обходилась от 50 до 60 мин в год. Сама служба на судне могла быть отправляема заместителем. Триерарх получал от правительства невооруженный корабль с командой и некоторым инвентарем, как, например, с мачтой и парусами (в IV в. до н. э. – с полным инвентарем), приводил судно в боевую готов-

ность и должен был сдать его по истечении срока своей службы правительству в исправном виде. Вопрос о возмещении недостававшего решал суд из 10 начальников верфей.

Команда набиралась из определенных округов (третий) каждой из 10 фил. Гребцами были переселившиеся в Афины чужестранцы, обязанные, по прошествии известного времени, принимать участие в защите страны (метеки), рабы и в редких случаях граждане 4-го класса; позже, с увеличением спроса, часть гребцов стали нанимать. Низшие, или так называемые палубные офицеры – как кормчий, начальник гребцов и т. д., были из числа афинских граждан. 10 тяжеловооруженных солдат, бывших на каждом корабле, набирались из числа фетов. Каждый человек сперва получал вознаграждение и деньги на прокорм – 4 обола, а позднее 1 драхму. Лишь на триремах «Саламиния» и «Паралос», весь год вооруженных и служивших для особых надобностей государства, вся команда состояла исключительно из афинских граждан, получавших по драхме в сутки каждый. При перевозке войск на каждую трирему сажалось до 50 гоплитов.

С введением этих новых порядков прекратили свое существование старые навкратии. Чтобы обеспечить состав флота на будущее время, Фемистокл провел в 478 г. до н. э. закон, по которому, принимая минимальный срок службы корабля за 10 лет, ежегодно должны были отстраиваться 20 новых трирем.

Превращение Афин в крупную морскую державу и события 480 и 479 гг. до н. э. повлекли за собой демократизацию конституции, чему, как ни странно, содействовал Аристид. Изгнание, жизнь за границей и, наконец, крупные успехи флота изменили взгляды этого человека, бывшего до этого консерваторм. Он убедился в правильности стремлений Фемистокла, которому он раньше противодействовал, и стал поддерживать его в дальнейших заботах о создании и применении флота, а также и в других вопросах внутренней и внешней политики.

Уравнению имущественных и специальных различий между афинянами способствовало повторявшееся несколько раз оставление жителями своих домов и имущества при приближении неприятеля, а также самоотверженное выступление всех, как высших, так и низших классов граждан для защиты отечества и их совместное участие в сражениях, особенно при Саламине.

Благодаря возросшей потребности в командах для флота и в рабочих для сооружения громадных стен и других построек возросло количество граждан четвертого класса, которых было бы несправедливым лишать участия в управлении. Поэтому в 478 г. до н. э., по предложению Аристида, был проведен закон, по которому доходы с движимого имущества стали давать права одинаковые с доходами от поместий. Этим уничтожилась последняя привилегия землевладельцев и высшего сословия, и каждый гражданин получил право быть избранным в совет 500, в архонты, а, следовательно, и в ареопаг.

Важные реформы, которыми занимался Фемистокл на родине, не могли быть проведены без его личного участия, поэтому он, несомненно, и отказался в 479 г. до н. э. от командования афинским флотом. Он имел полное право на это, так как своим гениальным созданием и руководством флота привлек на свою сторону и сделал сторонниками наступательной морской политики, создавшей величие Афин, не только самого Аристида, но и всех сознательных людей.

Его влияние не ограничивалось пределами Афин, но распространилось на весь истмийский союз, который вначале не разделял мысли о необходимости полного уничтожения персидского флота и вообще отказался от ведения морской войны, но затем уже весной 478 г. до н. э. сосредоточил у острова Эгины флот из почти ста кораблей. Пелопоннесский отряд состоял всего из 20 кораблей, правда, под начальством самого царя Павсания, афинский – из 30 кораблей под начальством Аристида и Кимона, сына Мильтиада; остальные 50 судов принадлежали другим союзникам.

Павсаний, стяжавший всеобщее уважение как военачальник во время Платейской битвы, без возражений и претензий со стороны афинян получил общее командование флотом. Это был совсем не такой человек, как Леотехид; он отличался энергией и выдающимся умом, но вместе с тем был очень самолюбивым и лукавым. Он немедленно начал наступательные действия, но не против Малой Азии, а против Крита, имевшего важное стратегическое значение, благодаря своему положению у края Архипелага. Население последнего состояло частью из греков, но принадлежал он персам.

Несмотря на свою значительную величину, остров был завоеван в очень короткий срок, и флот для открытия свободного пути к Понту двинулся на север, по прошлогоднему пути афинян, через Геллеспонт и Босфор до Византия, ставшего, благодаря своему благоприятному местоположению, цветущим торговым городом и важнейшей крепостью персов со времени их похода в Скифию. Появление у Византия греческого флота было настолько неожиданным для персов, что греки уже летом 478 г. до н. э. овладели городом, несмотря на его сильные укрепления, взяв при этом, кроме богатой добычи, много пленных, в числе которых оказались близкие родственники персидского царя.

Этот новый успех был губительным для Павсания, так как его высокомерие обратилось в манию величия. Еще до этого богатая добыча Платейской битвы так вскружила голову спартанцу, воспитанному в строгости и простоте, что он начал считать себя выше всех союзников и вести разнузданную жизнь.

Как завоеватель Крита и Византия, он возомнил о себе еще больше. Получив несметную добычу и пристрастившись к восточной роскоши, он уже был не в состоянии вернуться к стеснительным и скромным условиям жизни своей родины. Во время стоянки флота в Византии у него возник план сделаться повелителем всей Греции при содействии персов. Для этого он, при посредстве знатных персидских пленников, отпущенных им на свободу, вошел в сношение с находившимся в Сардах Ксерксом.

Одновременно с этим он изменил свое обращение с подчиненными и, дав волю своему властолюбию, стал пороть провинившихся плетью, как будто они были его рабами. Спартанцев он, разумеется, щадил, но остальных греков третировал и налагал жестокие дисциплинарные наказания; так, например, он заставлял людей стоять в продолжение целого дня с тяжелым железным якорем на плечах. Когда Аристид упрекнул его за это, он не захотел его даже слушать.

Следствием этого было всеобщее недовольство, дошедшее, наконец, до того, что ионийцы отказались повиноваться и едва не пустили ко дну корабль Павсания вместе с ним самим. Греки обратились к Аристиду и Кимону, стяжавшим симпатии своим мягким обращением, с просьбой о защите, предложили им заключить новый союз и встать во главе его.

Те согласились, и весной 477 г. до н. э. возник новый морской союз, известный под именем делосско-аттического – маленький, но священный островок Делос, бывший некогда центром старой морской амфикинии, имел у греков особенное значение, а потому и был выбран центром нового союза.

Одновременно с этим Павсаний, на которого в Спарту поступило много жалоб, был отозван эфорами при помощи пелопоннесской эскадры, посланной для этой цели. Он повиновался, так как к открытому выступлению еще не был готов, и поручил управление Византием и, вероятно, и Сестосом, своему единомышленнику Гонгилу. В Спарте не смогли доказать изменческих замыслов Павсания, но, тем не менее, он был смещен со своего поста, и вместо него в Византий был послан некий Докрид с маленькой эскадрой для принятия командования. Но союзники по его прибытии решительно отказались ему подчиняться, и он вынужден был вернуться со своими кораблями обратно.

Спарте уже наскучило вести войну с персами, перенесенную теперь на море, стоившую больших денег, угрожавшую новыми потерями людей и, кроме того, содействующую разложе-

нию строгих спартанских нравов. Поэтому Спарта отказалась от дальнейшего участия в этой войне, предоставив ее ведение Афинам. Таким образом, морская гегемония перешла к Афинам без борьбы и без нарушения союза, заключенного в 480 г. до н. э. в Истме. Цель Фемистокла была осуществлена: Афины достигли неоспоримого превосходства на море.

Фактически Афины обладали всеми данными для получения морской гегемонии еще при заключении истмийского союза в 481 г. до н. э., но Фемистокл решил отказаться от притязаний, несмотря на подавляющий перевес афинских кораблей над спартанскими, ради того, чтобы не нарушать согласия в деле национальной обороны.

Афинские командиры в Византии, несомненно, приняли очень охотно предложение союзников взять на себя главенство и немедленно приступили к заключению морского союза, в который под руководством Афин могли выступать, в качестве равноправных членов и не теряя своей независимости, все греческие государства. Целями союза были отражение нападений персов и защита от них всех членов союза, охрана свободы моря и морских сношений и торговли, особенно в Понте; наконец, нападение на персидские берега и грабеж их для возмещения убытков, понесенных союзниками во время персидских нашествий. Словом, союз преследовал только военные цели, тем более, что часть греческих прибрежных городов еще находилась в руках персов.

Одновременно было решено, что каждый член союза обязывался вносить известную сумму на ведение войны, как платили раньше спартанцам при ведении войны сухопутной. Государства, обладавшие военными кораблями, должны были предоставить их с командами союзу и содержать на свой счет; те же, которые не имели кораблей, облагались денежным налогом. Афины, как первенствующая держава, осуществляли верховное командование над флотом, распоряжались деньгами, имели председательское место на союзном собрании и обладали правом его созыва.

Союзный совет собирался и заседал в храме Аполлона на острове Делосе, в этом же храме хранились все ценности союза, для управления которыми имелись особые союзные казначеи. Каждый член союза имел право голоса и все вопросы (о войне, мире и пр.) решались голосованием.

Распределение налогов союзники единогласно поручили Аристиду, который своим незапятнанным бескорыстием и самоотверженностью, а также доброжелательным отношением к людям, заслужил всеобщую симпатию и любовь. Он принял это трудное поручение и, объехав всех союзников, немедленно выполнил его ко всеобщему удовлетворению. Его распределение налогов даже в следующем поколении считалось образцовым.

Матрикулярные взносы взымались через каждые четыре года. Предположения, что сумма этих взносов достигла с самого начала 460 талантов, следует признать ошибочными. В первые годы она равнялась лишь 154 талантам, и лишь через пять лет, с присоединением новых членов союза, достигла упомянутой цифры и даже превысила ее.

Для упрощения делопроизводства все члены союза первоначально были разделены на три округа: геллеспонтский, к которому принадлежали города у Геллеспонта и Босфора (за исключением Фракийского Херсонеса, а также островов Тенедос, Проконнес и Безбик в Пропонтиде); ионийский, – к которому принадлежали острова малоазийского побережья от Лесбоса до Самоса, а также вступившие в союз ионийские и эолийские города; наконец, островной округ, который составляли Делос и Кикладские острова, кроме Андроса, и Эвбея без Кариста; в этот округ не вошли, однако, мелкие острова, лежащие севернее Эвбеи вдоль греческого побережья вплоть до Фракии.

Переход гегемонии в морском союзе к афинянам изменил замыслы Павсания, которому удалось оправдаться от возведенных на него обвинений в Спарте, где он пользовался общим уважением и обладал большими связями. На триреме, предоставленной ему заимообразно городом Гермием в Арголиде, он следующим же летом (477 г. до н. э.) вернулся в Византий,

причем предпринял это по собственной инициативе. Тем не менее, Гонгил сдал ему Византий, Сестос также попал в его руки, и таким образом проход в Понт снова очутился под его контролем. Он стал вести жизнь в восточном вкусе и властвовать наподобие персидских сатрапов.

Лакедемоняне не возражали против действий Павсания, но афиняне решили выступить против него с оружием. Командование в этой экспедиции они поручили, несмотря на его молодость, Кимону, начавшему этим свою блестящую военную карьеру. Он взял Сестос и осадил Византий, который принудил к сдаче в 476 г. до н. э.

Павсаний отправился в Колонн в Троаде, откуда продолжал свои сношения с Ксерксом, подарившим его доверенному Гонгилу в тех местах большие поместья. Можно предполагать, что персы в продолжение нескольких лет намеренно удерживали Павсания, не давая развернуться его пылкому честолюбию, пока он опять не был вызван в Спарту, где были получены достоверные известия о его поступках.

Он отправился, все еще надеясь, как это ни удивительно, на свое влияние и связи. По прибытии он был немедленно арестован по обвинению в заговоре, но потом опять отпущен за недостатком улик. Наконец, в 472 г. до н. э. одному из эфоров, враждовавшему с ним, удалось найти доказательство его сношений с Ксерксом и подготовке восстания илотов. Павсаний укрылся в одном из храмов, был там заперт и уморен голодом.

После покорения Сестоса и Византия и присоединения их к морскому союзу Кимон предпринял завоевание фракийских городов, находившихся в персидских руках. Он начал с Эйона, занимавшего важное положение у устья реки Стримона. Разбив войско города, он окружил последний, намереваясь взять его голодом. Но храбрый комендант города Богис, не желая сдаваться, сжег всех оставшихся в живых, все сокровища и, наконец, самого себя на специально приготовленном костре. Афиняне решили навсегда удержать за собой этот важный пункт и высадили туда 10000 поселенцев (клерухов), перебитых впоследствии фракийцами во время похода в глубь страны.

Вслед за завоеванием Эйона, осенью 476 г. до н. э. в руки Кимона перешли и прочие города на Фракийском побережье и Фракийском Херсонесе, вплоть до оборонявшегося также упорно, как Эйон, Дориска. Затем Кимон взял скалистый остров Скирос, населенный коренными его жителями – долоперами, занимавшимися морским разбоем. Они были проданы в рабство, а остров заселен афинскими колонистами.

Из Скироса Кимон вывез в Афины найденные там останки эпического героя Тезея, которому приписывалось соединение разрозненных аттических племен в одно государство. Этим поступком он вызвал большую радость у афинян и окончательно расположил их к себе. Из греческих городов Фракийского побережья и лежащих перед ним островов Фасоса и Самофракии, а также из островов Скироса, Папаретоса, Скиатоса и других, лежащих вблизи мыса Сепиаса, образован был четвертый отдел морского союза – фракийский, простиравшийся от Метоны в Пагасейском заливе до Эноса в устье Гебра (Марица).

Благодаря созданию морского союза и усилению его мощи, Аристид и Кимон в качестве людей дела стали самыми влиятельными и уважаемыми в Афинах, тогда как влияние Фемистокла стало уменьшаться.

После учреждения морского союза лакедемоняне стали стремиться к образованию противовеса быстро растущей мощи Афин, для чего сделали попытку распространить свое влияние на северную Грецию. Они намеревались завоевать обитавшее в Лариссе в Фессалии племя алеуадов, которое в свое время призвало Ксеркса к походу на греков. Весной 476 года Спарта послала через Пагасейский залив морским путем, освобожденным благодаря Афинскому флоту, свои войска в Пагасею под предводительством царя Леотехида. Из Пагасеи войска прошли по совершенно ровной местности вплоть до Лариссы, изгнали тамошнего тирана и могли бы покорить Фессалию, если бы Леотехида не подкупили алеуады, после чего он вер-

нулся обратно. Его уличили в подкупе, судили, и ему удалось избежать казни лишь благодаря бегству.

Войско следующим летом вернулось на кораблях обратно в Пелопоннес. Поход оказался безрезультатным, хотя лакедемоняне старались использовать его для приобретения руководящей роли в дельфийской амфиктии, что могло дать им перевес над средней Грецией. Им почти удалось достичь этого путем внесения предложения об исключении из амфиктии фесалийцев, фиванцев и других племен, поддержавших персов, но дальновидный Фемистокл, как представитель Афин, увидел в этом предложении вред для своей страны и постарался, чтобы оно не было принято. Это, несомненно, еще более увеличило ненависть Спарты к Фемистоклу, и она приложила все усилия для того, чтобы повредить ему и, к несчастью, нашла в этом поддержку в Афинах.

Создание и содержание флота требовало больших денег и повлекло за собою полное изменение форм правления в демократическую сторону. Блестящие успехи Фемистокла, не имевшего связей среди аристократии, а в особенности же Саламинская победа, создали ему массу врагов и завистников среди этой аристократии, симпатизировавшей Лакедемону.

Обладея дальновидностью, Фемистокл давно уже понимал, что Спарта – соперник, и что Афинам придется вести с ней решительную борьбу за гегемонию в Греции. Родовая же аристократия склонялась к Спарте, с ее аристократическим образом правления, содействовавшей распространению олигархии во всей Греции явно боровшейся с демократией. Во главе этой партии встал любимец толпы – Кимон, герой победоносной войны с персами. Как аристократ, он симпатизировал Спарте и уже много лет был желанным гостем в этом государстве.

Кимон, легкомысленный в молодости, вопреки ожиданиям сделался выдающимся полководцем, хотя у него и не было того ума и дальновидности, с которыми Фемистокл вел запутанные политические дела афинского государства. Он открыто выступал против Фемистокла и приложил все свое влияние чтобы отправить его в изгнание. Этого ему удалось добиться в 473 г. до н. э., когда Фемистокл был подвергнут остракизму и удалился в изгнание.

Он удалился в Аргос, враждовавший издавна со Спартой. Приобретя там вскоре всеобщее уважение и влияние, он его использовал против Спарты и на пользу своей родины. Под влиянием Фемистокла начались войны между Спартой, Аргосом и Тегеей. Спартанцы, обладавшие лучшей военной подготовкой, победили в кровопролитных боях при Тегее (472 г. до н. э.) и Дипае (471 г. до н. э.). Они использовали этот успех для упрочения своего положения в пелопоннесском союзе, лишив союзные войска самостоятельности, подчинив их своей власти и поставив во главе их спартанских начальников.

К этому времени относится осуждение и смерть Павсания, переписка с персами которого стала известной. Спартанцы воспользовались этим, как предлогом для того, чтобы повредить ненавистному им Фемистоклу, который и в изгнании оставался для них опасным врагом. Они отправили в Афины посольство, обвиняя Фемистокла в соучастии в преступлениях Павсания и требуя наказания его за измену.

Партия Кимона, изгнавшая Фемистокла, поверила этой клевете, несмотря на отсутствие доказательств, и совместно со спартанцами отправила людей для его ареста. Фемистокл бежал на о. Коркиру, но там не решились приютить столь опасного изгнанника, и он перебрался в Эпир, к молосскому царю Адмету. Но и там он не был в безопасности от врагов. Поэтому он отправился сухим путем в гавань Пидну в Македонии, где сел на торговый корабль, отправлявшийся в Малую Азию. По пути корабль прибило к острову Наксосу, и Фемистокл подвергся опасности попасть в руки афинян, блокировавших этот остров.

По прибытии в Малую Азию он тайно проехал в персидскую столицу, где предоставился новому персидскому царю. Артаксеркс, вступивший на престол после смерти Ксеркса, великодушно принял Фемистокла, несмотря на то, что он принес его отцу и государству больше вреда, чем кто-либо другой. Он дал ему даже в управление города Магнезию и Миус (оба на Меандре)

и Лампсакузы (в Геллеспонте). В первом из этих городов Фемистокл прожил несколько лет, вплоть до 465 г., пользуясь уважением и занимаясь благотворительностью; предание гласит, что оно покончил жизнь самоубийством, когда Артаксеркс потребовал его участия в войне против Греции. Если это и выдумка, то она основана на убеждении в его искреннем и глубоком патриотизме.

Фемистокл был одарен большими способностями и обладал громадной отвагой и силой воли. Не обладая военно-морским образованием он понял истинный путь к величию своего государства. Он сумел убедить совершенно чуждый моря и морского дела народ, что его будущность лежит на море и склонить его к тяжелой морской службе. Понимая, что только флот может защитить Грецию от угрожавших ей персов, он провел закон о флоте, изыскал средства для его постройки и убедил ради этого граждан отказаться от доходов с Лаврионских рудников. Как раз ко времени появления персов флот был готов, и Фемистокл принял на себя командование им.

Перед самым началом военных действий он создал истмийский союз. Без этого союза Греция, наверное, погибла бы при всей разрозненности, близорукости и отсутствия национального чувства у отдельных независимых государств, число которых превышало сотню. Несмотря на свое превосходство и вполне понятную уверенность в себе, Фемистокл уступил совершенно неосновательным притязаниям Спарты на гегемонию на море и допустил назначение командующим морскими силами совершенно негодного для этой цели и нерешительного Эврибиада. Но и будучи его подчиненным, он всегда умел побудить его к правильным в стратегическом и тактическом отношении действиям. В минуту опасности он проявил редкое великодушие, простив и вызвав из изгнания своего злейшего врага Аристид.

Не имея боевого опыта, Фемистокл в 480 г. до н. э. выступил впервые в качестве флотоводца и выказал свои блестящие способности, выбрав очень удачно место расположения своих сил, и одержал победу при Саламине атакой с флангов, поборов в самом начале нежелание подчиненных идти в бой. В этом отношении он оказался выше всех своих современников, несмотря на то, что занимал лишь второстепенное место; его дальновидность и осмотрительность при выборе гаваней, их устройстве, а также планировке укреплений, обеспечивавших от нападений с суши Афины и Пирей, заслуживает удивления.

Он преодолел завистливое сопротивление Спарты, не считаясь с тем, что приобрел в лице этого могущественного государства опасного врага. С подобной же самоотверженностью и любовью заботился он о благе и величии своей родины.

В Фемистокле надо видеть духовного отца морского союза, — он создал морское могущество Афин и, стоя на истинном пути, достиг замечательных результатов. Благодаря своей проницательности он сразу увидел в Спарте главного врага своей родины, с влиянием которого надо было бороться, собравши все силы, и сумел это сделать, в противоположность Кимону и последующим руководителям Афин, нарушившим единство морского союза угнетением отдельных членов и растратившим его могущество на ненужные авантюры. Последним политическим успехом Фемистокла было противодействие спартанскому влиянию в средней и северной Греции, достигнутое им благодаря его дипломатической ловкости.

Вскоре после изгнания Фемистокла умер Аристид, и руководящим лицом в Афинах стал Кимон. Вскоре он предпринял поход против Кариста, единственного города на Эвбее, не принадлежавшего к морскому союзу, подчинил его и принудил вступить в союз, причем величина вступительного взноса была назначена афинянами. Есть основание предполагать, что то же самое было сделано с островом Андросом.

Этот прием, противный основам морского союза, сделался обычным в Афинах, превратившихся из первого среди членов делосско — аттического союза в повелительницу Аттики, причем, естественно, среди членов союза, ревниво оберегавших свою независимость, возникло недовольство, перешедшее вскоре в ненависть. Первым проявлением ее был выход из союза

острова Наксоса, рискнувшего на такой шаг, несмотря на то, что он был один; афиняне его блокировали и покорили, совершив первое насилие над членом союза.

В 468 г. Кимон с союзным флотом в количестве 200 кораблей предпринял поход против персов, так как Ксеркс, судя по всему, готовил в Памфилии армию и флот для нового нападения на Грецию. Для этого похода Кимон велел построить триремы шире обыкновенного и со сплошной верхней палубой для того, чтобы можно было взять на судно больше гоплитов. По-видимому, он предполагал отступить от введенной Фемистоклом тактики таранного боя и вернуться к абордажному бою, чем и проявил свое незнание морского дела.

Он начал действия в юго-западном углу Малой Азии у Тропейского преддверья Карийского Херсонеса и оттуда подвинулся вдоль Карийского и Ликийского побережья до Фазелиса. Прибрежные греческие города без сопротивления переходили на его сторону, остальные города пришлось покорять. Фазелис, жители которого сперва упорно защищались, уступил довольно скоро под влиянием переговоров. Все города принуждены были вступить в морской союз; и из них и из прибрежных островов, включая Родос, был образован пятый отдел союза, карийский, насчитывавший, по крайней мере, 66 членов. Благодаря этому общая сумма взносов достигла 500 талантов.

Во время заключения договора с Фазелисом персидская армия находилась в лагере у устья реки Эвримедона в Памфилии. Эвримедон тогда был судоходен для плоскодонных трирем на протяжении 60 стадий (10,7 км), вплоть до Аспендоса. Перед устьем и в самом устье находился флот, составленный из флотов зависимых от персов государств, состоявший, по крайней мере, из 20 трирем, преимущественно финикийских; кроме того, с Кипра должны были прибыть еще 80 финикийских трирем. Не дожидаясь их прихода и соединения с флотом, Кимон, тотчас же после заключения договора с Фазелисом, неожиданно напал на стоявшие у устья Эвримедона корабли и уничтожил их. Ободренный этим легким успехом Кимон высадил войско, встретив сильное сопротивление, и штурмовал персидский лагерь. После этого он опять спешно посадил войско на корабли, чтобы встретить шедшую от Кипра эскадру раньше, чем ей будет известно о поражении персов при Эвримедоне. Это ему удалось, и эскадра, на которую он так же неожиданно напал восточнее Эвримедона, у Сиде, была захвачена целиком вместе с командой.

После этого грандиозного успеха, после которого не могло быть и речи о новом нашествии персов или о появлении в греческих водах неприятельского флота, делосско-аттический союз достиг кульминационного пункта своего развития. Его пять отделов насчитывали свыше 200 членов, обитавших от Ликийи до Аттики и от Понта по всему Архипелагу. Его прямые доходы были очень велики; кроме того, большую прибыль приносила свободная торговля. Особенно возвысились Афины, начавшие мнить себя не только руководительницей союза, но его повелительницей.

Члены союза тяготились военными повинностями и налогами и часто бывали неаккуратны в уплате последних; но это стоило им независимости, так как лица, стоявшие во главе отделов, не обладали умеренностью основателей союза и обращались с членами не как с равными, а как с подчиненными. Взносы стали взыскиваться очень строго, даже при помощи насилия, и члены союза, один за другим, подобно Наксосу, стали переводиться из категории союзников в подчиненных, причем величина взноса стала определяться по усмотрению афинян. Сам Кимон в подобных случаях проявлял еще некоторую мягкость, удовлетворяясь доставлением судов без команд и денежным взносом.

Таким образом, афинский флот постепенно увеличивался и, находясь все время в действии, становился более и более могущественным. Он уже не имел противников, с которыми не мог бы справиться; все это увеличивало уверенность лиц, руководивших афинской политикой. Совещания союзников в Делосе стали созываться все реже, при том, что у Афин увеличивалось число голосов, и, наконец, созыв их прекратился.

В 454 г. до н. э. после поражения в Египте, союзная казна, под предлогом опасности, возможной при нападении на Делос неприятельского флота, была переведена из Делосского храма Аполлона в храм Афины Паллады в Акрополе в Афинах и поступила в распоряжение хозяев союза. Это фактически было концом морского союза; образовалось единое государство, управляемое афинским народом или, вернее, афинскими политиками.

Этому перевороту способствовали крупные перемены, произошедшие в Афинах. Благодаря тому, что бывшие союзники мало помалу отказались от содержания собственных флотов, последние перешли к Афинам, увеличив их флот. Вследствие постоянных войн экипажи были опытны и всегда готовы к бою, тогда как союзные государства уже не получали боевого опыта, и их жители отвыкли от тяжелой морской службы. Государственная казна пополнялась за счет взносов. Как и предполагал Фемистокл, Пирей, благодаря морскому могуществу Афин, стал вскоре торговым центром всего греческого мира на востоке, и его оживленная торговля дала заработок массе людей, как богатых, так и бедных.

Каждый чужестранец (метек), переселявшийся в Афины, по истечении известного срока должен был принять участие в защите страны и сделать соответствующий взнос. Одни метеки служили в качестве гоплитов, другие – в качестве гребцов; в 431 г. до н. э. их число превысило 10 000. Выслужившиеся метеки получали права афинских граждан.

В городе скопились большие богатства, и от былой греческой простоты вскоре не осталось и следа. Стремление к наслаждениям, безнравственность и желание хорошо пожить, не трудясь совсем или очень мало, стали всеобщими. Непомерно развились высокомерие, стремление к власти и преувеличенно высокое мнение о могуществе государства, но забывалось то, что флот, – от которого зависело могущество, благо, да и само существование государства, следовало беречь и применять с большой осторожностью. Честолюбие до того овладело некоторыми, что они стали мечтать о завоевании Сицилии, южной Италии и Египта, Карфагена и всего побережья Африки.

Все это было фатальным для Афин, которые нуждались в самоотверженных и бескорыстных людях, обладавших достаточным умом и осмотрительностью для того, чтобы держать государство и граждан на высоте положения. Необходимо было заботиться о поддержании решающего перевеса и гегемонии на море и заинтересовать в этом граждан.

Ни одна из отраслей государственного управления не требует такого умелого, непрерывного и тщательного ухода, как флот, для того, чтобы он находился на высоте своего положения и был надежным оружием.

Оба создателя морского союза, положившего начало морскому могуществу Афин, Фемистокл и Аристид, умерли почти в одно и то же время, незадолго до битвы при Эвримедоне. К этому времени относится появление личности, имя которой пользовалось в эпоху расцвета Афин почтением большим, чем чье-либо другое, но его носитель, наряду с заслугами в области искусства, памятники которого вызывают и в настоящее время заслуженное удивление всего мира, принес своей родине больше вреда, чем кто-либо другой из граждан. Это Перикл.

Он происходил из благородного рода Алкмеонидов и был сыном Ксантиппа, участника той войны, которая завершилась завоеванием Сестоса. По рождению и по духу он был аристократом. Благодаря состоятельности своих родителей он получил великолепное образование. Приученный с молодости к строгому образу жизни, он сохранил его до зрелого возраста. Он был свободен от господствовавших суеверий, так как был учеником выдающегося философа Анаксагора, который и впоследствии часто давал в затруднительных случаях советы своему ученику.

Благодаря необыкновенной убедительности своего красноречия, которым он умел очаровать народ, он достиг руководящего положения в Афинах, причем его неограниченное честолюбие сделало его очень неразборчивым в средствах. Аристократ по рождению, он с самого начала стал во главе революционной демократии, так как понимал, что будущее принадлежит

демосу, а не олигархии, вождь которой, хотя и достиг уважения благодаря своим военным успехам, но, не обладая осмотрительностью и дальновидностью, не мог рассчитывать на успехи в политике.

Перикл избегал выступать публично, стараясь использовать для этого случая подходящих сторонников, в первое время чаще всего Эфиальта, честного афинского гражданина, с которым он был в дружбе. Бескорыстие Эфиальта было исключительным, но он был крайним демократом; его речи имели на народ очень большое влияние, которое он сначала употребил для свержения Кимона, а затем и ареопага.

После победы при Эвримедоне Кимон летом 466 г. до н. э. изгнал последних персов, державшихся еще у Эгейского моря, из Фракийского Херсонеса и из Дориска, долго и упорно сопротивлявшихся. Покончив с ними, он двинулся на остров Фасос, восставший против Афин вследствие спора о гаванях и доходных рудниках, лежавших напротив него на фракийском побережье. Кимон разбил фасосцев на море и, высадившись на остров, осадил и блокировал город, все еще упорно сопротивлявшийся. Фасосцы стали просить спартанцев напасть на Аттику, на что те согласились, но им помешало землетрясение, разрушившее Спарту, и восстание илотов (мессенцев, по имени которых война и названа третьей мессенской), подготовленное в свое время Павсанием. Восставшие сначала имели успех, но потом вынуждены были отступить в горную крепость Итому, на высоте 800 м, где им приходилось и раньше держаться в течение нескольких лет, так как спартанцам, не умевшим вести осаду, не удавалось их захватить.

В 463 г. до н. э., после двухлетней блокады, Кимон взял Фасос. Побежденные были вынуждены выдать свои суда, уничтожить укрепления, отказаться от владений на фракийском побережье, и уплатить военные издержки.

По возвращению в Афины Кимон, глава олигархической партии, был обвинен Эфиальтом и Периклом в подкупе македонским царем Александром, с которым тот имел возможность справиться, имея в своем распоряжении сильное афинское войско. Хотя Кимону удалось оправдаться, но прежнее уважение народа и популярность были им почти потеряны.

Лакедемоняне, не будучи в состоянии овладеть Итомой, обратились за помощью не только к пелопоннесским государствам, но и к своей ненавистной сопернице – Аттике. Кимон, явный сторонник Спарты, несмотря на нежелание сторонников демократии, решил оказать спартанцам помощь, что доказывает недостаток у него политического такта и ума; ему удалось добиться этого, вероятно, не без коварной поддержки своих личных врагов, и в 462 г. до н. э. он сам был послан в Итому во главе 4000 гоплитов.

Но и он не мог ничего поделать с неприступными высотами; к тому же спартанцы, услышав, что афинская демократия симпатизирует мессенцам, отнеслись к Кимону с большим подозрением и вскоре попросили его уйти обратно. На обратном пути через Истм коринфяне обошлись с ним очень высокомерно.

Все это уязвило афинское самолюбие и еще более повредило популярности Кимона. Между тем Эфиальт и Перикл использовали отсутствие Кимона для нанесения удара ареопагу, этому краеугольному камню Солоновской конституции.

Уже в продолжение нескольких лет они неоднократно обвиняли членов этого высокого собрания в злоупотреблении властью (взяточничество) и добивались наказания, что дискредитировало ареопаг. Им удалось привлечь народ, необходимый для совершения переворота, путем подкупа судей, раздачи за счет государства билетов на зрелища, а также путем многочисленных наймов служащих, особенно низших (например, 500 сторожей на верфи и 50 в крепости); не ограничиваясь этим, они подкупили войско, всадников, стрелков, как конных, так и пеших, морских солдат, команды 20 сторожевых кораблей и двухтысячные гарнизоны в союзных городах.

Низшие слои населения стали стремиться к занятию судебных мест и должностей присяжных, так как с непомерным увеличением числа процессов росло и число судов. Вскоре дело дошло до того, что все низшее население стало жить на счет казны, что и нужно было Периклу. У ареопага, совести государства, отнимались права одно за другим. Судебные функции были переданы частью совету 500, частью народному собранию, так что от Солоновского учреждения осталась одна лишь тень.

Когда Кимон задумал восстановить ареопаг в своих правах, Периклу удалось с помощью остракизма добиться его изгнания.

В это время Эфиальт, возбудивший сильную ненависть, пал от руки убийцы, и Перикл остался один во главе руководящей демократической партии. Афины вышли из истмийского союза, в котором до сих пор номинально участвовали лакедемоняне, и заключила союз с их врагами – Аргосом и Фессалией; таким образом возник союз государств, враждебных Спарте, под предводительством Афин.

К счастью для Спарты, мессенская война вскоре окончилась, так как мессенцы, при условии свободного пропуска, согласились очистить Итомские высоты. Афиняне поселили их в Навпакте в Коринфском заливе. Этот город, взятый ими незадолго до этого у локрийцев, был очень важен в случае морской войны, так как давал возможность запереть Коринфский залив. Коринфянам это обстоятельство было неприятно, но еще неприятнее было другое: Мегара, бывшая с ними в постоянной вражде, не получив помощи от спартанцев, вышла из пелопоннесского союза и примкнула в 459 г. до н. э. к Афинам, которые заняли Мегару и ее гавани – Пагаю в Коринфском и Низаю в Сароническом заливах, выстроили длинные стены от Мегары до Низаи, чем отрезали коринфянам путь в Беотию и Аттику, словом, закрыли доступ из Пелопоннеса в Среднюю Грецию. Это сделало неизбежной войну между Афинами и Коринфом, а, следовательно, и главою пелопоннесского союза – Спартой. При этом угрожающем положении обязанностью афинского правительства было содержание всех боевых сил в готовности к решительной битве со Спартой и враждебными морскими державами – Коринфом и Эгиной.

В это время к Афинам обратился за помощью ливийский князь Инар. Незадолго до этого он подготовил к восстанию тяготившийся персидским игом Египет, покоренный еще в 485 г. до н. э. Камбизом. Заручившись готовностью и согласием Египта, Инар, однако, чувствовал себя не настолько сильным, чтобы воевать с персами. Рискованные операции в отдаленном Египте несколько не затрагивали непосредственных интересов Афин. Тем не менее, в конце лета 459 г. до н. э. по распоряжению Перикла или, по крайней мере, с его ведома и согласия, союзный флот из 200 трирем (то есть с командным составом около 40 000 человек), участвовавший в походе на Кипр, отплыл в Египет.

Трудно сказать, что послужило причиной столь легкого согласия Перикла; было ли это желанием угодить жаждавшему героических деяний демосу, корыстолюбию и жажде наслаждений которого он потворствовал и раньше ради личных интересов, или же он просто не представлял себе всех опасностей предприятия, – тем не менее, в конце лета 459 г. до н. э. флот вышел из Греции и прибыл в Египет как раз в то время, когда восставшие разбили в дельте Нила у Папремиса персидское войско под начальством брата Ксеркса Ахемена, который пал в бою.

После этого началась осада главного города, Мемфиса, частью которого еще владели персы. Результатом осады было занятие всего города, за исключением цитадели – Белой крепости. Союзный флот, вошедший осенью в Нил, уничтожил находившуюся у Мемфиса персидскую эскадру из 80 кораблей и овладел рекой. Но осада цитадели затянулась. Тем временем Артаксеркс собрал новое войско и флот из 300 кораблей под начальством Мегабаза и двинул их в начале 456 г. из Киликии в Египет.

Предварительно он отправил в Спарту послов с большими деньгами, с целью побудить спартанцев напасть на афинян, но это не удалось. Египетское войско и афиняне были разбиты

персами в решительной битве и изгнаны из Мемфиса, причем афинский полководец Хармантид был убит, а оставшееся войско вместе с флотом загнано неподалеку от Мемфиса в Канопский рукав Нила в вершине дельты и окружено у острова Просопитиса, где он подверглось 18-месячной блокаде.

Когда обмелела река, Мегабаз отвел каналом воду из рукава, афинские корабли очутились на суше, и персы смогли свободно перебраться на остров. Афиняне сожгли свои корабли и сдались, выговорив себе право свободного ухода; уцелело только 6000 человек. В 454 г. до н. э. они прошли через Ливию в Кирену, совершив путь в 460 морских миль. Во время перехода число их еще уменьшилось, и на родину вернулась лишь малая часть. В то же время новая афинская эскадра в 50 кораблей, посланная на смену в Египет, не зная об участии первой, подверглась при входе в один из нильских рукавов нападению персов, и лишь несколькими триремам удалось выбраться обратно в море и вернуться на родину. Так кончилась это необдуманно начатое предприятие, поглотившее свыше 200 трирем и почти все обученные команды, то есть боевые силы, которые могли бы быть применены с гораздо большей пользой в войне, опять начавшейся в Греции.

Эта война между Коринфом и Афинами началась одновременно с отбытием флота к Кипру и в Египет (в 459 г. до н. э.). Афины стремились обосноваться в Галиее, маленькой гавани на южной оконечности полуострова Арголида, овладение которым могло принести значительную пользу в случае действий в лаконских и пелопоннесских водах. В сражении с коринфскими и эпидаврскими войсками афиняне вышли победителями, но предприятие было начато с недостаточными силами, поэтому в дальнейшем оно не имело успеха. Вслед за тем пелопоннесские морские государства стянули против афинян все свои флоты. Но Афинам, находившимся в расцвете своего могущества и еще располагавшим, несмотря на отправку своих главных морских сил в Египет, достаточно сильной эскадрой, удалось разбить пелопоннесцев около острова Кекрифалея, приблизительно в 4 милях западнее острова Эгины, который только после этого вступил в войну.

Эгиняне, издавна сильные на море, уже в продолжение нескольких десятилетий считали Афины своим самым опасным врагом. Флот эгинян, соединившись с коринфским и эпидаврским, встретился в 458 г. до н. э. с усиленным союзниками афинским флотом, находившимся под главным начальством Леокрита, и был совершенно разбит. Афиняне захватили не менее 70 кораблей, высадились на Эгине и осадили город. Пелопоннесцы поспешили на помощь. Спартамцам удалось перебросить в город 300 гоплитов, и это затянуло осаду. Коринфяне, воспользовавшись тем, что Афины, занятые Эгиной, не могли вполне располагать своим флотом, напали на союзную с Афинами Мегару для отвлечения их от осады Эгины. Последнее, однако, не удалось; не отзывая от Эгины своих войск, афиняне на скорую руку собрали войско из оставшихся в городе стариков и молодежи и двинули его против коринфян. Первая битва окончилась вничью, но в следующей афиняне победили и нанесли врагу при отступлении большой урон.

В это же время, то есть в 458 г. до н. э., афиняне, несмотря на вызванное военными операциями напряжение всех сил, начали постройку задуманных еще Фемистоклом длинных стен от города к гаваням. Несомненно, это предпринято было в ожидании нападения пелопоннесцев. Одна из этих стен тянулась на протяжении 7,1 км от города до Пирея, а другая на протяжении 6,8 км до оконечности мыса, ограничивающего Фалеронский залив, служивший гаванью. Обе стены были настолько толсты и высоки, что могли противостоять любой осаде и делали Афины с гаванями неприступной крепостью. Площадь, ограниченная этими стенами, была настолько обширна, что могла вместить население всей Аттики.

Лишь в 457 г. до н. э. в войне приняли серьезное участие спартанцы, ослабленные землетрясением и мессенской войной. В начале этого года фокейцы начали и стали угрожать Дориде – родному городу лакедемонян; последние, собрав для его защиты сильное войско, в котором одних гоплитов насчитывалось до 11 500 человек, переправили его, как можно думать, через

Коринфский залив. Это, разумеется, ускорило ход операции, но возвращению войска морским путем помешало появление афинян в Коринфском заливе. Дорога по суше была также блокирована: афиняне держали в своих руках Мегару, Пагаю и Геранейские проходы, и таким образом доступ на перешеек был закрыт. Поэтому пелопоннесское войско осталось в Беотии, расположившись лагерем у Танагры, на расстоянии лишь одного дневного перехода от Афин.

Спартанцы, имея целью свергнуть демократическое правительство в Афинах и помешать сооружению длинных стен, завели предательские сношения с олигархической партией, которой прежде руководил Кимон. В противовес Афинам они восстановили в Беотии гегемонию Фив.

Почувствовав опасность, афиняне выступили им навстречу со всеми своими сухопутными силами и союзниками, всего в количестве 14 000 человек. Кимон, вернувшийся из изгнания, просил позволить ему участвовать в войне с лакедемонянами, но его услуги были отвергнуты. В последовавшей жестокой и кровопролитной битве при Танагре сторонники Кимона были перебиты до последнего человека. Но в конце концов, афиняне были побеждены, после чего на сторону неприятеля перешла бывшая с ними в союзе фессалийская конница. Пелопоннесская армия, понесшая большие потери в бою, не воспользовалась победой, а прошла лишь беспрепятственно через перешеек на родину, опустошив по пути Мегару.

Сознавая опасность соседства Беотии и Фив, Перикл решил заключить мир со Спартой. Вызванный по его предложению из изгнания Кимон был послан в качестве посредника в Спарту, но ему удалось добиться лишь выгодного для спартанцев четырехмесячного перемирия. Вследствие этого афинское войско под начальством Миромиды выступило уже через два месяца в поход и разбило беотийцев при Энофите, близ Танагры; стены города были срыты до основания. Афиняне завладели Беотией, за исключением Фив, Фокидой и опунтийской Локридой; после чего они закончили постройку длинных стен, чем обезопасили свой город от внезапного вторжения.

К концу года Эгина была вынуждена сдаться, выдать свой флот, срыть стены и обязалась платить дань. Вероятно, уже следующей весной в 456 г. до н. э. афиняне взяли Трезену в Арголиде, а затем, в союзе с аргосцами, победили спартанцев при Ойное; но это не имело последствий.

Поражения и большие потери при Танагре и в других боях и неудачные операции флота в Египте в 459 году не помешали Афинам послать летом 455 г. до н. э. флот с десантными войсками под общим командованием Толмида в большой поход вокруг Пелопоннеса. Толмид обложил данью остров Киферу (теперь Церигу), овладел лакедемонским военным портом Гитейоном и сжег верфь, после чего направился в Коринфский залив, где взял основанную коринфянами гавань Халкиду, расположенную против Патраса и, наконец, высадился вблизи Сикиона, разбил в сражении сикионцев, а затем возвратился в Афины.

Помимо этого, в 454 г. до н. э. афиняне предприняли еще один поход, но не в Спарту, а в отдаленную Фессалию, для того, чтобы вернуть трон изгнанному оттуда царю и приобрести там влияние. Они дошли до Фарсала, но не смогли взять город, и вынуждены были вернуться, не достигнув никаких результатов.

В период от поражения при Танагре и до этой последней неудачи афиняне одержали несколько крупных побед, хотя и не нанесящих ущерба Спарте и ее не ослабивших.

Известие о поражении в Египте произвело самое удручающее впечатление в Афинах, где стали опасаться возможности скорого персидского нашествия, поскольку в Египте освободились большие силы персов. Афиняне, прежде всего, позаботились о безопасности сокровищ союза, находившихся на острове Делосе; хотя, возможно, что это было лишь предлогом для овладения сокровищами. Так или иначе, в конце 454 г. до н. э. афиняне перевезли эти сокровища из Делоса к себе и поместили их в храме Афины Паллады в Акрополе.

Таким образом, свелось на нет основное положение аттического союза, превратившегося теперь в афинскую империю. Этим еще более увеличилась прежняя ненависть союзников к Афинам, тем более что правительство, забрав в свои руки средства союза, еще настойчивее стало диктовать законы. Только немногие союзники, такие как Самос, Хиос и Лесбос, выставившие по требованию Афин вооруженные корабли, сохранили свою олигархическую форму правления, несмотря на благоволение Афин к демократии.

В остальных союзных городах форма правления устанавливалась афинянами; в некоторых городах даже были расположены афинские гарнизоны с афинскими начальниками, становившимися фактически правителями, хотя наряду с ними имелись «наблюдающие» из числа граждан. Тяжбы между членами союза стали представляться на решение афинского суда, чем уничтожилось равенство всех членов перед законом. Несмотря на угрожавшую опасность решительной борьбы между Афинами и Спартой, в союзе не было ни внутреннего единства, ни силы. Единение всех сил, осуществление которого удалось Фемистоклу в 480 г. до н. э. путем основания истмийского союза для борьбы с персидской опасностью, отошло в область преданий.

Опасения появления персидского флота в греческих водах оказались совершенно неосновательными. Несмотря на это, афиняне бездействовали и не предпринимали ничего против другого врага, более близкого и более опасного. Лишь через год в конце лета 453 г. до н. э. Перикл лично во главе флота и десантных войск предпринял морской поход из порта Пагаи в Мегаре в Коринфский залив, хотя этот поход и не мог иметь большого значения. Высадившись у Сикиона, Перикл разбил выступивших навстречу сикионцев, после чего быстро посадил союзные ахейские войска на корабли и направился к берегу Акарнании, лежавшей напротив, где осадил важный торговый город Ойниаду, расположенный у болотистого устья реки Ахелоя. Осада была безрезультатной, и к осени он вернулся в Афины, не достигнув успеха.

Сведений о значительных операциях за время от 452 до 450 гг. до н. э. не имеется; вероятнее всего, что военные действия временно прекратились по причине обоюдного утомления. В 450 году значительно уменьшились размеры взносов. Тем временем Перикл занялся другими, более дальновидными замыслами, и поэтому в начале 449 г. до н. э., опять при посредстве Кимона, было заключено со Спартой пятилетнее перемирие, продолжавшееся не дольше трех лет. Одновременно с этим Спарта заключила мир на 30 лет со своим старым врагом Аргосом, бывшим в союзе с Афинами, поэтому последние оказались изолированными.

В это время персы настолько оправались после вторичного завоевания Египта, что выступили из Киликии и начали угрожать соединенными финикийским и киликийским флотами острову Кипру, среди жителей которого было много греков. Несмотря на то, что удержание греческого владычества на этом острове было национальным общегреческим делом, Спарта не приняла участия, предоставив действовать афинянам, которые опасались, что с переходом острова к персам последние начнут угрожать союзникам Афин в Малой Азии и на островах и положат конец свободе мореплавания.

Печальный опыт последней войны с персами не остановил афинян, и они снарядили флот в 200 кораблей, не считая союзных. Командование было поручено старому врагу персов, Кимону, который летом 449 г. до н. э. пошел с флотом к Кипру. Несмотря на опасность, он выделил 60 кораблей для поддержания Амиртия, укрепившегося в болотах нильской дельты. С остальными силами Кимон прежде всего взял один из городов на западном побережье Кипра, после чего приступил к осаде Китиона, расположенного на южном побережье и находившегося под властью одного финикийского князька. Во время осады, которая затянулась, Кимон умер, приказав, чтобы его смерть скрыли, а тело спрятали на судне. Вскоре после его смерти флот, у которого истощились запасы провианта, снял осаду и, с телом Кимона на одном из судов, направился к городу Саламину на восточном побережье острова. Здесь произошла встреча с соединенным финикийско-килийским флотом, и греки, разбив его сначала на море, а затем

уничтожив успевших высадиться на берег персов, одержали победу, подобную одержанной 19 лет назад Кимоном при Эвримедоне. После этого флот, с присоединившейся к нему эскадрой из Египта, вернулся на родину.

После смерти Кимона главою олигархической партии, дружественной Спарте, сделался его родственник Фукидид (не историк), строгий аристократ из хорошей семьи, горячо любивший родину, признанный всеми за одного из лучших граждан Афин. Добившись популярности умением убеждать речами народ, он выступил как политический противник Перикла и добился изгнания его старого друга и учителя, философа Анаксагора, учение которого казалось ему опасным. Фукидид успешно боролся против некоторых губительных для государства ультра-демократических идей, но, тем не менее, по своему влиянию на народ он никогда не мог подняться до уровня Перикла.

Во время перемирия между Спартой и Афинами начались никем более не сдерживаемые раздоры и войны между отдельными греческими государствами. Фокейцы, бывшие в союзе с Афинами, и ойнофиты завладели в начале 448 г. до н. э. важной греческой святыней – Дельфами, откуда и название этой войны – священная; спартанцы, желая утвердить свою гегемонию и укрепиться в средней Греции, послали туда войско, взяли город и возвратили его дельфийцам, сделав его независимым, после чего вернулись обратно. Это выступление являлось вмешательством в сферу влияния Афин. Перикл собрал армию, но, не желая нарушать перемирия, не начал действий против спартанцев, а направился немедленно после их ухода (летом 448 г. до н. э.) в Дельфы и вернул их обратно.

После этого он преступил к приведению в исполнение своих крупных планов, по-видимому, уже давно задуманных. Первым из них был план образования из всех греческих городов и государств Эллинистического союза, – мысль утопичная, при требовательности и упорной враждебности спартанцев; союз имел целью восстановление уничтоженных персами в 480 г. до н. э. святынь, а также охрану безопасности мореплавания. По предложению Перикла для приглашения на совещание по этому поводу, были разосланы, впрочем, без успеха, 20 послов во все греческие города афинского государства, среднюю Грецию, Пелопоннес и Азию.

Второй план состоял в восстановлении святынь, разрушенных в Афинах и других городах. Еще Фемистоклом был заложен фундамент храма Афины Паллады на Акрополе, но храм не был достроен. По инициативе Перикла и был окончен этот храм, названный Парфеноном, затем выстроен еще один и возведены многие колоссальные постройки, как, например, Пропилеи в Акрополе, храм Тезею у его подножия и т. д., причем Перикл привлек к этому делу лучших художников Греции, таких как Фидий, и не жалел денежных затрат.

В сравнительно короткое время ему удалось создать грандиозные постройки, остатки которых теперь, спустя более чем два тысячелетия, еще возбуждают всеобщее удивление и считаются непревзойденными. Эти сооружения еще более увеличили популярность Перикла. Постройки эти стоили таких громадных денег, что вряд ли какое иное государство могло бы их возвести. Такие расходы не могли быть покрыты средствами государства, хотя они были и очень большими благодаря широкому развитию торговли. Заработная плата, установленная Периклом, привлекала граждан низших классов, и число их росло благодаря наплыву чужих рабочих, торговцев, матросов и т. п.

Чтобы ограничить рост населения, Перикл еще раньше издал закон, по которому полное афинское гражданство могли получать лишь те лица, у которых и отец и мать были коренными афинянами. Кроме того, он стал поощрять выселение целых тысяч граждан беднейших классов в качестве клерухов в чужие края. Их колонии становились базами для афинского флота и торговли, содействуя поднятию престижа Афин, который начал падать после неудач в Египте и потери Кипра.

В 447 г. до н. э. Перикл сам отвез 100 клерухов в Фракийский Херсонес, чтобы защитить этот важный полуостров, лежащий на пути в Понт, от разбойничьих нападений. Для этой цели

он восстановил сооруженную Мильтиадом стену в Булаире и одновременно свел до минимума дань Афинам, которую платили города полуострова, чем заслужил от них название спасителя. На островах Лемносе и Имбросе, лишь слабо заселенных Мильтиадом, он учредил самостоятельные афинские общины. Одновременно с ним Толмид привез 1000 афинских клерухов на остров Эвбею, где высадил их около Гистиайи, жителей которой он изгнал за убийство команды афинского торгового корабля; новое поселение получило название Ореос, почему и пролив получил название Орейского. Кроме того, Толмид увеличил число афинян в Халкидике и Эретрии, в противовес олигархической партии. Вскоре после этого были поселены 500 клерухов на острове Наксосе и 250 на Андросе; наконец, в 446 г. до н. э. была образована новая колония Бреа у устья Стримона. Все города должны были предоставить афинским клерухам безвозмездно землю, за что им была уменьшена дань.

Расходы по сооружению храмов были настолько велики, что доходы Афин шли почти целиком на уплату рабочим. Несмотря на все протесты Фукидида, Перикл взял деньги из союзных сумм, нарушив сделанное при заключении аттического союза постановление, по которому эти деньги предназначались на военные расходы; Перикл смотрел на Афины, как на столицу греческого государства и считал, что его постройки являются достоянием всей Греции.

Наряду с этим Перикл заботился о воссоздании ослабленного неудачными войнами флота и сооружении достаточного количества ангаров для судов, а также и об устройстве гаваней, особенно Пирея, ставшего мировым портом; начато было строительство второй стены от Афин к Пирею, на расстоянии 180 м от старой. Обе параллельные стены образовывали безопасный путь от Пирея в Афины, благодаря чему Фалерон, в котором под прикрытием сильного неприятельского флота можно было высадить армию вне стен, потерял свое значение как торговый порт.

Мир со Спартой поддерживался только внешне: уже в 447 г. до н. э. в Беотии началось опасное олигархическое движение против Афин, которое необходимо было быстро подавить. Вследствие этого Толмид летом 447 г. до н. э. вступил в Беотию, но лишь с небольшим войском. Он взял Херонею и пробился до Орхомена (у западного конца озера Копайды).

Обратный путь оказался отрезан; войско подверглось нападению у Коронеи и было уничтожено, все оставшиеся в живых попали в плен, в том числе много знатных афинян. Этому поражению Афины обязаны потерей Беотии; повсюду, кроме Платеи, восторжествовали враждебные олигархические партии; сообщение Аттики с Фокидой и Локридой было прервано. Вслед за этим, летом 446 г. до н. э. поднялась против Афин Эвбея, а за ней, при поддержке Коринфа, Сикиона и Мегара, где были перебиты афинские гарнизоны. Лишь гавани Пагая и Низая остались за Афинами.

Лакедемоняне использовали это затруднительное положение афинян для возобновления открытой войны с ними. Летом 446 г. до н. э. они отправили в Аттику сильное войско под начальством молодого царя Плейстонакса. Перикл, переправившийся на Эвбею с войском для подавления там восстания, спешно вернулся и тем предотвратил нападение на Афины, в то время как Аттика была уже занята и опустошена вплоть до горы Эйгалеи. До битвы, однако, не дошло; вероятно, что Периклу удалось побудить Плейстонакса к отступлению путем подкупа. Насколько это достоверно, сказать трудно, однако спартанское войско вернулось в Пелопоннес, где Плейстонакса и его ментора (руководителя) обвинили во взяточничестве, после чего оба отправились в изгнание. Перикл, вернувшись на Эвбею, быстро подчинил остров, и обошелся с городами очень сурово.

Уже после поражения Толмида при Коронее Перикл понял необходимость отказаться от видов на гегемонию в Средней Греции, получив вместо нее обратно своих пленных. Влияние Перикла сильно уменьшилось; карийские и ликийские государства, а также часть ионийских государств в глубине Малой Азии отказались от участия в союзе. Другие стали подумывать о

восстании. Поэтому величину взносов пришлось сильно уменьшить, и Перикл в 446 г. до н. э. принужден был добиваться тридцатилетнего мира.

В конце войны, длившейся 15 лет, Афины должны были отказаться от всех своих приобретений в Пелопоннесе: Низаи, Пагаи, Трезены и Ахайи, вновь признать самостоятельность Эгины и предоставить каждому греческому городу право присоединиться по желанию к пелопоннесскому или к аттическому союзу.

Пелопоннесская война

Афины во главе аттического морского союза достигли расцвета своего могущества, когда началась эта война, которую каждый вдумчивый греческий государственный деятель считал решительной борьбой между двумя руководящими державами. Располагая морским могуществом, афиняне владели морями и были везде неуязвимыми, кроме Египта и внутри страны; все их войны были победоносны, и афинская торговля господствовала везде. Поневоле напрашивается вопрос, естественным ли был такой неблагоприятный для руководящей морской державы исход решительной борьбы между нею и руководящей же сухопутной?

Ответ на этот вопрос имеет большое значение для мировой истории и именно ему обязана история тем, что уже с отдаленных времен и вплоть до наших дней историки уделяют много времени предмету ведения войны. Профессор Дельбрюк в своих остроумных исследованиях (*Die Strategie des Perikles*, Berlin, 1890), в которых чувствуется основательное знание автором истории, становится на точку зрения генерала фон Клаузевица, труд которого «О войне» и теперь считается образцовым.

До тех пор, пока дело идет о пояснении понятия «война», с ним можно согласиться, так как это понятие определяет как сухопутную, так и морскую войну. Лишь только же он переходит к учению о ведении войны, то сразу вступает на зыбкую почву, так как учение о ведении сухопутной войны совершенно различно с учением о войне морской. Театр сухопутной войны обычно бывает ограничен прилежащими нападающей стороне областями противника, и лишь позже расширяется. В войне морской театром войны сразу становится все моря, на которых у враждующих сторон есть интересы. Следовательно, в сухопутной и морской войне основания, по которым передвигаются боевые силы, совершенно различны, и, кроме того, потребности в боевых силах для каждого из двух родов войны резко различаются по объему и содержанию.

Это отнюдь не должно приниматься за упрек в адрес фон Клаузевица. Во время своей служебной деятельности генерал не имел ни разу случая ознакомиться практически с морской войной, ознакомиться же с ее теорией он не мог потому, что в его время не было ни одного труда по теории морской войны. Впрочем, можно сказать, что и в настоящее время нет ни одного мало-мальски годного сочинения по этому вопросу.

Теоретической обработки морской войны авторы до сих пор избегали; так, например, существует «История военного дела греков с древних времен до Пирра», написанная Кехли и Рюстовом (1852), очень обстоятельно составленная по древним источникам. В начале предисловия авторы пишут, что книга должна дать солдату сжатое, но, вместе с тем, основательное и полное представление об истории военного искусства в древнее время в освещении, соответствующем состоянию современной военной науки; филологу она должна служить необходимым пособием для правильного и полного понимания тех греческих писателей, которые писали о войнах своего народа и т. д. Наконец в предисловии авторы оговариваются, что разбор морских войн исключен по их незнанию с морским делом.

Рамки настоящего сочинения не позволяют изложить здесь теорию морской войны, поэтому остается только напомнить читателю о некоторых определениях ее, приведенных во введении. Как ни велика разница в способах ведения войны на море и на суше, тем не менее,

существует несколько основных положений, одинаково приложимых и к суше и к морю, как, например: «стараться быть возможно сильнее и потому стягивать все силы вместе».

Руководители афинской политики в самом начале решительной войны, от исхода которой зависела судьба их государства, согрешили против этого положения, послав главное ядро своего флота, 200 трирем с командой в 40 000 человек в отдаленный Египет, имевший для Афин большое, но не решающее значение. Там этот флот вместе с подкреплениями в 50 трирем почти весь погиб, и в решающей войне со Спартой морская мощь Афин не играла сколько-нибудь значительной роли.

Лишь через пять лет после начала войны афиняне предприняли морской поход к лакедемонским берегам с небольшим флотом под начальством Толмида, причем они уничтожили порт и базу Гитейон, вынудили остров Киферу платить дань, разорили побережье. На крупный успех они не рассчитывали и его не имели.

Это согласуется с замечанием профессора Дельбрюка, что афиняне в войне имели не положительную цель – подчинить врага, а отрицательную – отразить врага и отбить у него охоту к нападению, – что и указывает на недостаток правильных понятий о ведении морской войны.

А, между тем, Кимон еще в 465-463 гг. до н. э. подчинил восставший остров Фасос, разбив сперва его флот и подвергнув его затем двухлетней блокаде, преследовавшей положительную цель – овладеть Фасосом. Это же повторили афиняне в 458-456 гг. до н. э. в войне под начальством Перикла с островом Эгиной, и, наконец, в 440-439 гг. до н. э. в войне с Самосом.

И в более поздние времена сильный флот во всех решительных войнах добивался желательного исхода, преследуя положительную цель.

Но афиняне этого не придерживались. Во время пелопоннесской войны они послали маленькую эскадру под командой Формиона в Рионский пролив, чтобы подорвать торговлю и помешать продвижению спартанских войск на запад лишь на третий год, тогда как с этого следовало начать и делать это все время.

Флот этот одержал победу над флотом неприятеля, вдвое превосходившим его, после чего Формиону было послано небольшое подкрепление, которое, впрочем, подошло слишком поздно, так как до его прибытия Формиону уже удалось одержать еще одну победу над спартанским флотом, превосходившим его вчетверо.

По заключении так называемого тридцатилетнего мира враждебные выступления спартанцев и афинян прекратились, однако не на весь указанный период, не на все тридцать лет. На взаимоотношения отдельных греческих государств мир не имел почти никакого влияния, хотя в мирном договоре и были затронуты общегреческие вопросы. Соперничество и споры на почве торговли, бывшие всегда очень острыми, продолжались как и прежде. Эта эпоха не содержит ничего интересного для истории морских войн, так как морские государства не имели столкновений на море.

Перикл, чтобы удержаться во главе государства, привлекал народ на свою сторону играми и общественными работами. Наряду с политическими делами, сооружение грандиозных построек заняло целый ряд лет. Он поощрял, кроме того, основание новых колоний, обративших на себя всеобщее внимание: Новый Сибарис и Фурии в южной Италии (445-443 гг. до н. э.). На постройки он тратил такие громадные деньги, что на покрытие их не хватало доходов государства – одни Пропилеи обошлись в сумму свыше 2000 талантов.

Для покрытия этих расходов он самовольно тратил государственные суммы, предназначенные для совершенно иных целей. За это он не раз подвергался нападкам со стороны Фукидида и олигархической партии. В 442 г. до н. э. Фукидида удалось удалить путем ostracism, и после этого Перикл продержался более десяти лет как единовластный правитель, пользуясь своим влиянием на народное собрание и другие учреждения.

Наряду с крупными постройками Перикл не переставал заботиться о безопасности государства и о флоте. Он увеличил число кораблей и ангаров для их хранения в военных пор-

тах, построил громадный склад для инвентаря (скенотеку). Наконец, в продолжении круглого года он содержал эскадру из 60 учебных судов с командой около 10 000 человек, получавших жалованье.

Организация торговых портов была в отношении как материальном, так и административном, доведена до такого совершенства, что удовлетворяла самым строгим требованиям, поэтому торговля процветала. С развитием торговли и богатства появилась роскошь, приток иностранцев и порча нравов, чему способствовало и то, что сам Перикл, отличавшийся в молодости строгой нравственностью, в 445 г. до н. э., будучи уже 50 лет, развелся с женой и взял себе в дом в качестве наложницы красивую и умную, но предосудительную милетянку Аспазию, чем нарушил мир в своей собственной семье и подал скверный пример народу. О самом Перикле, который в молодости был образцом выдержанности, говорили, что с обретением власти он стал грубым, как это уже было видно из обращения его с союзниками. Порча нравов стала наблюдаться мало помалу и среди низших слое населения, привыкших к невиданным прежде удовольствиям и бесплатным зрелищам.

Это затронуло и флот, стоявший на высоте до этого времени, так как во главе его стояли выдающиеся люди старой школы. С началом же общего развала флот начал быстро деморализоваться, хотя он и находился в расцвете своей мощи и боеспособности в первое время правления Перикла.

В 440 г. до н. э. началась открытая война малоазийского города Милета с близлежащим островом Самосом за обладание городом Пиреном на Меандре; милетяне, потерпев поражение, попросили у афинян помощи против самосцев. Перикл использовал эту просьбу для немедленной отправки к Самосу эскадры в 40 кораблей, которые быстро завладели островом и, вопреки обычаям аттического союза, заменили там олигархическое правление демократическим, отвезли на Лемнос 100 самосских заложников, а затем, оставив на Самосе афинский гарнизон, вернулись обратно.

Самосские олигархи вошли в сношение с Писсутном, персидским сатрапом в Сардах, и при его поддержке вторглись на Самос, захватили афинский гарнизон в плен и передали афинянам персам, после чего вернули с Лемноса своих заложников. Заключив затем союз с византийцами и объявив себя и их отделившимися от морского союза, они предприняли поход против Милета.

Перикл, по получении известий об этом, немедленно отплыл на Самос с эскадрой в 60 кораблей – вероятно, из постоянного состава, но не дойдя до острова, отослал 16 кораблей, частью для разведки, частью же за помощью на Хиос и Лесбос.

С оставшимися 44 кораблями он встретил у острова Трагия возвратившийся из Милета самосский флот, насчитывавший вместе с 20 транспортами 70 кораблей, и разбил его. По прибытии подкреплений из Афин (40 кораблей) и от Хиоса и Лесбоса (25 кораблей), Перикл высадился на Самосе, разбил самосцев, окружил город тремя валами и блокировал его с моря.

Воспользовавшись уходом Перикла с 65 кораблями в Карию, самосцы напали на блокированную эскадру, разбили ее и на 14 дней освободили море, чем и воспользовались для подвоза провианта. По возвращении Перикла они опять подверглись блокаде флота, усиленного 90 кораблями, пришедшими из Афин и других городов.

Самосцы оказались не в состоянии противостоять Афинам на море и поэтому через 9 месяцев вынуждены были сдаться (439 г. до н. э.). При этом они были должны были выдать свой флот, срыть укрепления, дать заложников и уплатить контрибуцию. Подобным же образом были подчинены и византийцы.

Такое пагубное обращение афинян с союзными государствами возмутило остальных греков и послужило поводом к началу пелопоннесской войны. Лакедемоняне созвали общегреческое совещание для обсуждения, воевать или нет; большинство участников совещания, по примеру коринфян, высказалось за войну, но необходимо было время для подготовки к ней.

Все увеличивавшаяся ненависть к афинянам за их агрессивную политику и жестокое обращение с союзниками, а также шедшее в разрез с обеспечивавшим свободу торговли договором нейтральных государств стремление Перикла расширять поле торговой деятельности Афин путем основания новых торговых факторий – все это приблизило начало войны.

Первый шаг к ней сделал Коринф, союзникам которого угрожали Афины. Через несколько лет после покорения Самоса и Византия (436 г.) Перикл предпринял большой поход в Черное море и основал колонии в Синопе и других местах, входивших в сферу интересов мегарян. В 437 г. до н. э. то же самое было повторено на западе в Амбракийском заливе и на лежащих севернее него эпирских и иллирийских берегах, в ущерб Коринфу, считавшему себя заинтересованным в этих областях.

В 630 г. до н. э. коринфяне заняли остров Коркиру, а в 625 г. до н. э. вместе с коркирянами основали на иллирийском побережье город Эпидамн, обыкновенно называемый Диррахием. Обе колонии, благодаря своему исключительно благоприятному положению для морской торговли вообще и в Адриатическом море в частности, очень быстро развились и приобрели большое значение для морской торговли и военного флота. Коркира окрепла до такой степени, что вскоре не захотела подчиняться своей метрополии, для которой она представляла большую ценность как база на Адриатическом море при сношениях с южной Италией и Сицилией. По своим силам, имея флот в 120 кораблей, Коркира уступала лишь Афинам и Сиракузам.

В 438 г. до н. э. эпидамнийцы изгнали своих правителей, которые, вступив в союз с близживущими иллирийцами, вскоре стали вновь им угрожать. Тогда первые обратились за помощью к коркирянам, которые все более и более распространяли свое влияние на Амбракийскому побережью, с целью завладеть ими. Кроме того, амфилохийские ахейцы с соседями оморианцами обратились за помощью к Афинам, которые в 437 г. до н. э. заключили с ними союз, имея конечной целью приобретение новых рынков. Афиняне послали эскадру из 30 кораблей, под командой выдающегося флотоводца Формиона, который завоевал амфилохийский Аргос. Это было веской причиной для столкновения Афин с Коринфом.

Не получив помощи в Афинах, эпидамнийцы отправились за таковой в Коринф, принявший в них участие и пославший сухим путем, для большей безопасности от коркирян, войско, состоявшее из коринфян и союзников. Коркиряне узнали об этом лишь позднее, после чего они немедленно послали 25 кораблей в Эпидамн, а вслед за ними еще 15, и потребовали ухода коринфян. Когда те отказались, они вместе с изгнанными эпидамнийцами и иллирийцами начали осаду города. Коринфяне стали снаряжаться и вербовать союзников, причем набрали 40 кораблей и много денег; сами они выставили 30 кораблей и 3000 гоплитов. Коркиряне предложили избежать войны, прибегнув к третейскому суду, но коринфяне отклонили это, объявили летом 435 г. до н. э. формально войну коркирянам и послали в Эпидамн свои силы – 75 кораблей и 2000 гоплитов под начальством двух морских командиров и двух полководцев.

Коркиряне тем временем привели свой флот в порядок и увеличили его. По получении сигнала (кострами) о приближении неприятеля они посадили команду на 80 кораблей (остальные 40 блокировали Эпидамн), вышли в море, выстроились, напали на коринфян у предгорья Левкиме у южной оконечности Коркиры и одержали решительную победу, причем захватили 15 коринфских кораблей. Команду они перебили из ненависти, за исключением коринфян, которых как ценных заложников, заковали в цепи.

В тот же самый день Эпидамн сдался, причем коринфяне были взяты в качестве пленников, а остальные жители проданы в рабство. Побежденный коринфский флот вернулся на родину, коркиряне, сделавшись хозяевами на море, опустошили коринфскую колонию Левкос, сожгли военную гавань Киллену в Элиде, служившую коринфянам базой, и стали наносить всяческий ущерб союзникам Коринфа на море.

Для защиты от них Коринф к осени сосредоточил в Акциуме (у входа в Амбракийский залив) и севернее, в Хеймерионе, находившемся несколько севернее в Феспротии, свой флот, в ответ на что коркиряне сосредоточили к зиме свой флот напротив, у Левкиме, и стали выжидать.

В течение двух следующих лет коринфяне усердно продолжали готовиться к войне. Они собрали флот в 90 кораблей, гребцов на которые, за недостатком своих, стали вербовать по всей Греции. Коркиряне, узнав об этом, отправили послов в Афины с просьбой о помощи. Несмотря на напряженное состояние, Афины, по совету Перикла, заключили с коркирянами оборонительный союз, после чего, однако, сделался неизбежным их разрыв со Спартой.

Вслед за тем они послали в августе 433 г. до н. э. к Коркире маленькую эскадру, всего из 10 кораблей с тремя начальниками, получившими приказание оказать помощь коркирянам лишь в случае нападения на них коринфян. Немедленно после прибытия туда этой эскадры, к Коркире двинулся коринфский флот из 150 кораблей (к 90 коринфским триремам присоединились еще 22 полигенейских и 38 кораблей из Амбракии и других мест), имевший во главе коринфянина Кофноклейда и еще четырех начальников. Флот стал на якорь в Хеймерионе и расположился лагерем вместе с союзными иллирийцами.

Флот Коркиры из 110 кораблей, вместе с 10 афинскими, расположился по диагонали от Левкиме у маленьких скалистых островов Сибота вблизи Эпирского побережья (имеющаяся там гавань и доныне носит название Николо ди Сибота). С рассветом коринфяне двинулись на неприятеля с несомненным намерением напасть врасплох, но застали его уже в море в полной готовности. Последовавший бой надо считать самым крупным морским сражением из всех имевших до сих пор место между греческими флотами. Это первый бой, о котором у Фукидида имеются сколько-нибудь подробные сведения.

Оба флота по приближении друг к другу выстроились в боевой строй фронта. Правое, находившееся ближе к морю, западное крыло надвигавшегося с севера коринфского флота состояло по численности и по качеству из самых сильных коринфских кораблей, исключительно новых. Более слабые пелопоннесские и другие союзные корабли находились в середине и на левом фланге, ближе к берегу. У коркирян сильнейшим было тоже западное крыло, выступавшее в море, то есть левое, усиленное присутствием там афинской эскадры. Оба флота были совершенно чужды тактики таранного боя, выработанной Фемистоклом и примененной афинянами еще в битве при Артемизии (480 г. до н. э.). Обе стороны намеревались вести исключительно рукопашный бой без маневрирования, и поэтому на палубах с обоих бортов были тесно выстроены войны. Попыток прорыва неприятельской линии не было ни одной: суда, шедшие борт о борт, останавливались и начинали абсордажные бои.

Со стороны своего сильного правого фланга коринфяне одержали безусловную победу, хотя афинская эскадра, почти не принимавшая первоначально активного участия, все же сдерживала их натиски. Но в самом конце боя, когда коркирянам грозило полное поражение, она начала деятельно сражаться. Коркиряне зато одержали победу своим сильным правым крылом у острова Сибота. Они разбили находившихся там мегарян и других союзников Коринфа и преследовали их вдоль берега вплоть до Хеймериона, где высадились и сожгли коринфский лагерь, вместо того, чтобы оказать помощь своему левому крылу.

Коринфяне не забрали захваченных кораблей, число которых было не меньше 70, на буксир, а с яростью бросались от одного к другому, избивая команду и щадя лишь знатных коркирян. К концу боя они вернулись к о. Сибота и, в надежде повторить еще раз нападение, к вечеру снова выстроились в боевой порядок, чем вызвали большую панику среди коркирян. Но в самом начале этой вторичной атаки они заметили приближавшуюся с юга эскадру, еще не принимавшую участия в бою, которую правильно сочли за неприятельскую, поэтому повернули обратно, к великому изумлению коркирян, которые, однако, вскоре узнали, что прибли-

жавшаяся эскадра была второй афинской, состоявшей из 20 кораблей под начальством Главкона.

Эта эскадра была послана через несколько недель после первой Периклом, решившим, что первая эскадра из 10 кораблей слишком слаба. Главкон, согласно приказанию Перикла, объявил, что будет нейтрален до тех пор, пока на него не нападут коринфяне, чем и положил конец бою. Коринфяне воздвигли на берегу против Сиботы знак победы, то же самое сделали и коркиряне на Сиботе. Затем коринфская эскадра вернулась домой, по пути взяла хитростью город Анакторион и образовала там колонию. Добычу и около 1000 пленных коринфяне забрали с собой. Большинство пленных было продано в рабство, лишь наиболее знатные граждане были оставлены в качестве заложников. Обе афинские эскадры также вернулись домой.

Это событие подняло престиж афинской морской мощи на западе, результатом было усиление влияния Афин на Коркиру и заключение союза с островом Кефалонией, имевшим большое значение как промежуточный порт для торговли на западном море, с Италией и Сицилией. Однако военный успех всей экспедиции был незначителен. Пожалуй, она даже сослужила плохую службу, обратив внимание афинян на отдаленные страны в то время, когда им угрожала опасность со стороны Пелопоннеса и близко было начало большой войны, и когда Коринф, интересы которого были затронуты, прилагал все усилия к тому, чтобы Афины начали войну со Спартой. В Афинах отлично видели надвигающуюся грозу, но ничего не предпринимали для ее отвращения и не принимали никаких решительных мер к тому, чтобы обеспечить себе успех в будущей войне.

Не ограничиваясь указанным поводом к войне, Афины подали еще несколько подобных же. Во время восстания Самоса некоторые из городов аттического союза во Фракии и на полуострове Халкидике отказались повиноваться, за что и были наказаны. Для поддержания там своей власти Афины основали в важном, как в стратегическом, так и в торговом отношении месте, в устье реки Стримона, город Амфиполь, и этим еще более восстановили против себя жителей Халкидики и Македонии. Особенно недоволен этим остался коринфский город Потидея, принадлежавший к аттическому союзу. Расположенный на одном из трех полуостровов, образующих Халкидику, именно на юго-западном – Паллене – в самом узком месте недалеко от материка, он закрывал доступ на Паллене с суши.

В 433-432 гг. до н. э. афиняне потребовали от этого враждебно настроенного к ним города, чтобы он разрушил южную стену, защищавшую город со стороны полуострова Паллене, что должно было открыть город для стоявшего на полуострове афинского гарнизона. Потидейцы напрасно протестовали против этого в Афинах и, наконец, обратились к Коринфу и Спарте за помощью, которая и была им обещана.

Дальнейшие осложнения в Македонии, именно спор царя Пердикки с братьями, побудили Перикла послать в Халкидику эскадру в 30 кораблей под командой своего друга Архестрата для предотвращения восстаний в городах, но ближайшей целью было уничтожить спорную стену и забрать из Потидеи заложников. Как только весть об этом дошла до Потидеи, там немедленно вспыхнуло восстание, распространившиеся на все города Халкидики и Македонии.

Спарта заставила ждать своей помощи, а зато деятельный Коринф, формально находившийся в мире с Афинами, еще до прибытия их морских сил прислал специально завербованный для этого вспомогательный отряд в 2000 человек под командой Аристия. После этого афиняне немедленно снарядили вторую эскадру в 40 трирем. Через месяц, летом 432 г. до н. э., она отплыла с 2000 гоплитов под началом Катия и еще четырех стратегов. По непонятным причинам, она отправилась не к месту своего назначения, в Потидею, а западнее, в Македонию на помощь первой эскадре под начальством Архестрата, взявшей Термы (Салоники), а затем осидившей Пидну.

В июне 432 г. до н. э. при Потидее произошел бой между двумя армиями; на одном фланге победили афиняне, а на другом – коринфяне; в этой битве Сократ спас жизнь Алкивиаду. После битвы афиняне заперли город с севера, построив стену. Но у них не хватило сил для того, чтобы запереть город с юга, поэтому осенью 432 г. до н. э. из Афин пришли подкрепления под начальством Формиона в количестве 1000 гоплитов. Высадившись в Паллене, они выстроили осадную стену с юга и блокировали город, так что он оказался совсем отрезанным. Попытки коринфянина Аристия подвезти морем подкрепления из Халкидики или из Греции окончились неудачей.

Одновременно с нападением на Потидею Перикл добился согласия народа на закрытие торговли Мегары, которая еще в 446 г. уничтожила афинский гарнизон и держала себя все время очень враждебно по отношению к Афинам, а теперь предоставила коринфянам свои корабли для войны с коркирянами, бывшими в союзе с Афинами, то есть обнаружила открытую вражду. Принятыми мерами удалось подорвать торговлю Мегары, но этот результат не имел стратегического значения, поэтому надо считать эту акцию, по меньшей мере, несвоевременной, так как она только раздражала коринфян и спартанцев.

Неправильность политики Перикла перед решительной войной понемногу стала сознаваться в Афинах, и его противники все смелее и смелее начали свои нападки, вначале не на него самого, а на его друзей: на философа Анаксагора за его вредное учение (лишь влияние Перикла спасло его от казни), затем на скульптора Фидия за растрату государственных денег (он был осужден и, вероятно, умер в тюрьме); наконец, на Аспазию, которую Периклу удалось спасти лишь благодаря своему дару убеждения. Семейные неприятности стали до такой степени отравлять жизнь Периклу, что это стало отражаться и на управлении государством.

Получив известия о тесной блокаде Потидеи, коринфяне в 432 г. до н. э. созвали все государства пелопоннесского союза в Спарту на совещание. После долгих дебатов большинство участников совещания, под влиянием коринфян, высказались за войну, медлили лишь спартанцы, военные приготовления которых еще не были закончены.

Вероятно для того, чтобы выиграть время, объявление войны последовало не тотчас же после совещания; лакедемоняне осенью созвали у себя в Спарте еще одно совещание, и объявление войны было отложено на следующий год. Это решение было вызвано, главным образом, коринфскими ораторами, подчеркнувшими, что афинский флот силен и что им (пелопоннессцам) тоже следует создать сильный флот; деньги для этого можно было собрать отчасти за счет взносов отдельных государств, отчасти же из сокровищниц дельфийского и олимпийского храмов. Моряков можно было переманить из Афин, предложив им большое жалованье; одна морская победа, по мнению коринфян, могла решить всю войну в их пользу; если бы даже она не имела такого значения, то, несомненно, она послужила бы прекрасной тренировкой граждан, храбрость которых была известна, и среди которых нашлось бы много гребцов. Это было довольно странным высказыванием в устах людей, руководящих морским государством, каким был Коринф, и ранее вполне справедливо утверждавших, что афинские моряки – лучше всех других, и что сравняться с ними невозможно.

Остаток мирного времени спартанцы использовали для отправления в Афины посольств с требованиями: прекратить осаду Потидеи, вернуть независимость Эгине, открыть торговлю Мегаре и отказаться от власти над другими греческими государствами. На все это Перикл ответил отказом. После этого, в начале 431 года, переговоры были прерваны, и начались серьезные приготовления к войне.

Лакедемоняне вместе с союзными с ними пелопоннесскими государствами, кроме Аргоса, заключили союз с Беотией, Фокидой и Локридой, начавшими, по вступлении в пелопоннесский союз, угрожать Аттике с севера; затем с коринфскими колониями – Амбракией, Левкадой и другими западными городами в Италии и Сицилии. Пелопоннесский союз мог выставить 35 000 гоплитов, Спарта 4000, Беотия 10 000 и т. д. Флот был незначителен, так

как для его создания не было ни денег, ни людей. Спарта вообще была бедна, она не имела ни государственных сокровищ, ни поступлений от налогов, кроме того, лакедемоняне не были способны к морской службе. Коринф и Мегара к этому времени обеднели, и у них тоже не хватало личного состава для флота: у Коринфа после Сиботы осталось всего 60 трирем; Мегаре нечем было укомплектовать свои; Элида, Левкадия и прочие располагали только людьми.

Против этих сил Афины могли выставить флот в 300 кораблей (считая и транспортные суда). Острова Хиос и Лесбос, второклассные морские державы на Архипелаге, не утратившие еще самостоятельности члены аттического союза, могли по требованию Афин выставить каждый еще по 25 трирем. Весь флот был прекрасно обучен в духе Фемистокла. Все могущество Афин зиждилось на господстве флота на море, и под угрозой войны, особенно же войны решительной, им необходимо было сосредоточить все свои силы и внезапным сильным ударом своего флота заставить противника быть уступчивым. Но в Афинах не только не предприняли ничего в этом направлении, но продолжали осаду Потидеи.

Лакедемоняне для пополнения явного недостатка флота искали военные суда в итальянских и сицилийских городах и в Персии, но первое время без успеха.

Для скорейшего окончания войны в Потидее, осенью 431 г. до н. э., туда был послан из Афин талантливый полководец Формион с эскадрой и войсками. Он высадился в Паллене и окружил город валом с юга. С оставшимися свободными войсками он предпринял поход за добычей на Халкидику, лежавшую западнее.

В это напряженное время олигархическая партия в Фивах весной 431 г. до н. э. предательски напала ночью на дружественный Афинам городок Платею и при помощи тамошних олигархов вязал город, но принуждена была утром его очистить. Платейцы казнили захваченных при этом пленников, что придало начавшейся за этим войне особенно кровавый характер. Это и послужило предлогом для начала войны – началом ее считают первое нападение на Аттику сильного пелопоннесского войска, отдельные части которого собрались в мае в Истме под командованием лакедемонского царя Архидам. Перикл распорядился очистить низменную Аттику и укрыть всех жителей в Афинах и Пирее, вследствие чего там образовалась страшная теснота, недостаток жилищ и припасов; начавшаяся вскоре чума скосила много народу.

Подробный ход этой продолжительной войны нет необходимости излагать даже и так кратко, как была изложена война 461–445 гг. до н. э.; слабость пелопоннесских государств на море послужила причиной того, что действия на суше сыграли первенствующую роль. Заметим лишь вкратце, что Спарта с союзниками, имея превосходящие силы на суше, безуспешно пыталась победить Афины опустошением их земель и нанесением им всяческого ущерба. С другой стороны, Афины совершенно отказались с самого начала от мысли использовать для победы над врагом свое превосходство на море, а по предложению Перикла решили ограничиться «тактикой утомления противника», как выразился профессор Дельбрюк. Поэтому афиняне, несмотря на свою большую численность, не вступали в открытый бой с пелопоннесцами, а сидели за своими неприступными стенами и охраняли их. Они не предприняли и большого похода флота в Лакедемон с сильными десантными войсками, подобного Крымской кампании союза западноевропейских держав в 1854 г., что, несомненно, имело бы, в конечном итоге, полное поражение неприятеля, а лишь выжидали дальнейшего хода событий, заботясь лишь о сохранении сферы своего влияния, свободы морских путей и морского могущества.

Предательское нападение на Платею нашло живой отклик во всей Греции и ускорило начало враждебных действий. Спартанский царь Архидам, обычно очень осторожный, немедленно после этого сосредоточил союзные отряды своего войска, составлявшие почти две трети всех сил в Истме (около 35 000 гоплитов), и в мае 431 г. до н. э. медленно двинулся с ними, не встречая сопротивления, к Аттике, дошел до укрепленного места Эное и осадил его. Когда иссяк провиант, он двинулся дальше вплоть до Акарнании, опустошая по пути страну и вызывая Перикла на бой, но последний, к большому неудовольствию своего войска, не согласился.

Жители Аттики были крайне недовольны оставлением своих жилищ и владений и переселением в город, где они страдали от недостатка продовольствия и вынужденного бездействия, все это создавало крайне неблагоприятные гигиенические условия, но, тем не менее, несколько не влияло на Перикла.

Разорив и опустошив окрестности Акарнании, Архидам в конце июля двинулся обратно. Это время Перикл считал подходящим для начала наступления. В первых числах июля эскадра в 100 трирем, с десантным отрядом, состоявшим из 1000 гоплитов и 400 стрелков из лука, под начальством Сократа двинулась в Пелопоннес. По пути к ней присоединились 50 коркирских трирем, а также несколько мессенских, акарнанских и других.

Афины, располагавшие громадными морскими силами, имели полную возможность увеличить вдвое посылаемую эскадру, посадить на нее большее количество сухопутного войска и возложить на нее более крупную задачу, успешное выполнение которой имело бы решающее значение. Но военный совет Перикла ограничился планом опустошения пелопоннесских берегов. Это удалось лишь отчасти, и впечатление от экспедиции получилось совсем незначительное. Нападение на маленький город Метону в Мессении, который мог бы послужить базой для дальнейшей блокады побережья и сделаться очагом восстания в Мессении, было совершено с таким незначительными силами, что их смог отразить быстро прибывший туда спартанский отряд, состоявший всего лишь из 100 человек под командой Бразиды. Будь это нападение сделано с достаточными силами, результаты его были бы очень чувствительны для спартанцев.

Вслед за этим последовало опустошение городка Фейя в Элиде, но по прибытии войск этого государства афиняне двинулись немедленно дальше в Акарнанию мимо острова Кефалонии, еще не бывшего тогда определенно ни на чьей стороне. Взяв в Акарнании два местечка, они привлекли на свою сторону Кефалонию и двинулись обратно, не причинив неприятелю заметного ущерба и не осуществив блокады пелопоннесских берегов. Осенью на обратном пути Сократ, дойдя до Эгины, узнал, что Перикл отправился из Афин в один из предполагавшихся набегов на Мегару, пошел туда и помог опустошить страну, после чего вернулся в Афины.

В начале зимы 431 г. до н. э. коринфяне, в противовес первому выступлению афинского флота, послали отряд из 40 трирем в Акарнанию, где восстановили прежний строй. Следующий их набег на Кефалонию не увенчался успехом.

Вскоре после первой экспедиции Сократа Перикл послал отряд в 30 кораблей под командой Клеопомпа к берегам Локриды в Эвбейском море, чтобы прекратить распространившееся там каперство. Клеопомп овладел приморским городком Тронионом, разбил локридян при Алоне и, укрепив маленький островок Атланту в Опунтском заливе, оставил там гарнизон. Это был единственный заметный результат предприятия! После этого отряд вернулся.

По возвращении из Мегары Перикл распорядился изгнать с острова Эгины его незащищенных обитателей, которые благодаря географическому положению острова являлись опасными для афинского судоходства, и заменил их колонистами из Аттики.

Афинский флот в первый год войны не оставался, таким образом, без действия, а совершил несколько мелких походов, но не сделал ничего крупного, соответствовавшего его мощи, и не нанес неприятелю ни одного поражения, после которого тот вынужден был бы просить мира. То обстоятельство, что не имевший себе на море равных флот, каким был афинский, не воспрепятствовал неприятельской эскадре всего лишь в 40 кораблей немедленно отнять все его завоевания в Акарнании и других местах или сделать их спорными, является достаточным показателем неудовлетворительной постановки у афинян службы связи и неумения использовать всех наличные силы.

Успехи первого года войны были крайне незначительны: положительными следует считать присоединение к аттическому союзу о-ва Кефалонии и приобретение маленького островка Атланты в качестве базы в отдаленной местности; отрицательными – опустошение лакедемонского, элийского и локридского берегов, причем не было сделано ничего такого, что бы побу-

дило неприятеля к прекращению военных действий. Неудача с Метоной и крейсерование пелопоннесской эскадры в западных водах сводило к нулю все удаchi.

Осенью 431 г. до н. э. Периклу, наконец, удалось заручиться обещаниями двух правителей, Ситалка Одрисского и Пердикки Македонского, присоединить к афинским владениям часть Халкидики западнее Потидеи, с которой не мог справиться Формион со своим отрядом в 1600 человек. Поздней осенью 431 г. до н. э. Формион со своими войсками был отозван, но обещания не были сдержаны.

Несмотря на неудачи 431 г. до н. э. афинский народ возобновил свое доверие к Периклу и вручил ему верховную власть и на 430 год.

Летом 430 г. до н. э. пелопоннесцы с большим войском под начальством Архидама повторили нашествие на Аттику и, обойдя Афины, опустошили на этот раз всю страну. В то же время среди населения вспыхнула, вероятно, занесенная морем из Африки страшная эпидемия, унесшая много жизней.

В конце июня 430 г. до н. э. Перикл сам стал во главе нового похода; силы его состояли из 100 трирем, с 4000 гоплитами и 300 всадниками (впервые афинянами были применены суда для перевозки конницы). К этому присоединились еще 50 хиосских и лесбосских трирем, поэтому можно было ожидать решительных действий. В числе подчиненных Перикла были Гагнон и Клеопомп.

Флот сначала двинулся к важной гавани в Арголиде, Эпидавру, однако наступление не было неожиданным – что необходимо делать в подобных случаях, так как это даст преимущество при нападении с моря – поэтому успеха не последовало. Тогда Перикл ограничился опустошением области, что повторил также в Трезене, Галиее и Гермione в Арголиде, после чего взял и разрушил городок Празияу, лежавший на противоположном лакедемонском берегу, и вернулся еще в половине июля 430 г. до н. э. обратно, не сделав ничего значительного.

Результатом этого явилось общее недовольство в Афинах; тогда Перикл сам остался в городе, а флот немедленно был послан под командой Гагнона в Потидею для завоевания этого упорно державшегося города. Экспедиция не удалась, и флот, потеряв более четверти десантного отряда от эпидемии, безо всякого успеха вернулся в начале сентября 430 г. до н. э. назад, что дало возможность собравшемуся летом пелопоннесскому флоту в 100 кораблей беспрепятственно напасть на Закинф.

Ненависть народа к Периклу, имевшему к тому же несчастье потерять от эпидемии двух сыновей, но сохранившему полное присутствие духа, достигла своей высшей точки. Государственный курс в Афинах, видимо, изменился, что можно заключить из того, что в Спарту было отправлено посольство с просьбой о мире, успеха не имевшее. В то же время Перикл был смещен и против него были выставлены крупные обвинения; от него потребовали отчета за его пятнадцатилетнее правление, от чего он до сих пор высокомерно уклонялся. Осенью 430 г. до н. э. он был признан виновным и приговорен, правда, не к смертной казни, а к денежному штрафу и умер через год (осенью 429 г. до н. э.).

Афиняне настолько плохо следили за происходившим на море, особенно в неприятельских водах, что, как уже говорилось, летом 430 г. до н. э. дали возможность составленному из отдельных отрядов неприятельскому флоту в 100 кораблей с 1000 гоплитов собраться в западном море. Этот флот под начальством спартанца Кнемоса напал на остров Закинф, бывший на стороне Афин, и сильно опустошил его, не будучи в состоянии овладеть им. Совершив это, флот разделился на составлявшие его отряды, которые спокойно вернулись в свои города.

Такое уже слишком заметное явление напомнило, наконец, афинянам о необходимости удержать за собой морское владычество. Поэтому в конце 430 г. до н. э. они послали Формиона в Навпакт для того, чтобы заперев достигающий между отрогами Рионских гор и Антирионом всего несколько морских миль шириной вход в Коринфский залив, закрыть его для пелопоннесского судоходства и защитить союзные с афинянами государства в Акарнании от набегов

неприятеля. К этой мере следовало прибегнуть с самого начала военных действий, но только отправить не маленький отряд в двадцать трирем, во главе которого был послан Формион, а флот настолько сильный, чтобы он с полной надеждой на успех мог встретиться с соединенным пелопоннесским флотом Кнемоса, состоявшим из 100 кораблей.

Зимой 430-429 г. до н. э. Потидея, после двух с половиной лет осады и полугодовой строгой блокады, вынуждена была сдаться. Афинские полководцы предоставили свободный выход храброму гарнизону и жителям, за что подверглись осуждению со стороны строгих афинских правителей, но им удалось избежать наказания, хотя в Афинах у власти стояло ультра-демократическое правительство, очень строго относившееся к подобным поступкам. Через некоторое время Потидея, хорошо защищенная своим местоположением, была заселена афинскими колонистами и стала сильнейшей базой Афин на Фракийском побережье.

В течение зимы 430-431 г. до н. э. непостоянные афиняне опять изменили свое отношение к Периклу, не найдя ни одного государственного деятеля, который бы мог с ним сравняться. Поэтому весной 429 г. до н. э. он был опять выбран правителем и получил большие полномочия. Однако он не выступал больше в качестве вождя, и активная морская политика, которую он всегда рекомендовал в умеренном количестве, приостановилась с 429 г. до н. э., и афиняне этим летом даже не вооружали наступательного флота. Как уже упоминалось умер Перикл осенью того же года.

Пелопоннесцы вновь послали в Истм большое войско под начальством Архидамас, которое на этот раз не ограничилось тем, что прошло через и без того уже совершенно разоренную Аттику, а осадило маленькую, но храбрую Платею, которую спартанцы ненавидели за то, что она мешала сообщаться с Беотией. Платея отважно оборонялась и победоносно отразила нападение, произведенное неприятелем при участии стенобитных машин, впервые здесь примененных. Платея не сдалась даже тогда, когда спартанцы в конце лета окружили город двойной стеной и таким образом целиком отрезали его от внешнего мира. Его жители все еще полагались на обещания афинян оказать им помощь.

Спартанцы на следующее лето решили атаковать Навпакт. Амбракийцы, при помощи эпирских варваров и подкреплений из Македонии, намеревались завоевать Акарнанию, бывшую на стороне Афин, острова Кефалонию и Закинф, а в благоприятном случае и Навпакт, чем лишили бы афинян всех их баз на западном море. Осуществить это было можно лишь при условии поддержки со стороны спартанского флота и армии. Спарта изъявила свою готовность на эту поддержку, и весной с запада (из Киллены) в Амбракийский залив отправился спартанский отряд в 1000 гоплитов. Сильная эскадра с подкреплениями должна была немедленно выйти из Коринфа и Сикиона на о. Левкадию, причем все эти намерения были скрыты от Формиона.

Когда спартанцы с союзниками напали на Акарнанию с севера, жители ее послали за помощью к Формиону, но тот не мог ее оказать, так как уже приближался неприятельский флот. Он состоял из 47 кораблей, то есть был вдвое сильнее афинского, но это не особенно беспокоило Формиона; для него было важным лишь встретить его в открытом море. Поэтому он не остался в Навпакте, в самом узком месте залива, а двинулся назад на запад к Рионскому проходу, где залив достигал ширины в 10 морских миль, и там стал поджидать спартанцев, которые, веря в свое превосходство, не подозревали, что афиняне окажут какое-либо сопротивление. Не дождавшись неприятеля, Формион двинулся дальше и, идя вдоль берега Ахайи, прошел Патрас; не найдя врага, он повернул и проложил курс к берегу Акарнании.

Расчет Формиона оказался правильным. В середине залива показались спартанцы, шедшие навстречу ему полным ходом. Их командующий испугался от неожиданности, но у него не было выбора – надо было принимать бой. Несмотря на свой численный перевес, он отказался от нападения и, заботясь о транспортах, начал сложное, но тогда еще применявшееся построение. 42 корабля построились по окружности носами врозь и кормами к центру, на таком рас-

стоянии друг от друга, чтобы весла не задевали соседей, и так, чтобы неприятельские корабли не могли пройти сквозь их строй. Внутри круга он поместил пять быстроходных кораблей, бывших наготове выдвинуться при надобности. Там же находились и транспортные суда.

Формион, не теряя ни минуты, приближался полным ходом в кильватерной колонне. Он сделал следующее распоряжение: следовать движению адмирала и не нападать без приказа. Затем он обошел кругом неприятеля настолько близко, что почти касался носов его кораблей, и сжал таким образом круг. Посвежавший в это время ежедневно дующий там бриз от НО вполне благоприятствовал ему и произвел беспорядок в построении спартанцев; их корабли стали сталкиваться и ломать весла. Командиры стали кричать, поднялся шум, заглушавший приказание.

Этого только и ждал Формион. Когда его эскадра оказалась с наветренной стороны, он дал сигнал к нападению. Корабли, седлав крутой поворот на 8 румбов, устремились к центру неприятеля, идя по ветру. Один из спартанских флагманских кораблей немедленно пошел ко дну, многие другие были сразу сильно повреждены. Весь спартанский флот обратился в беспорядочное бегство, одни направились в Патрос, другие в Диму. Преследовавшим афинянам удалось захватить еще 12 спартанских трирем.

Умелое управление эскадрой и боевая готовность судов дали афинянам возможность одержать полную победу над более чем вдвое сильным флотом и помешать грандиозному предприятию, от которого спартанцы ожидали очень многого. Формион, по возвращении к мысу Риум, поставил там памятник в честь своей победы и отправил один из захваченных спартанских кораблей вместе с добычей в Афины.

Спартанские суда вновь собрались после сражения, но, не считая себя в безопасности поблизости от афинян, ушли в торговый порт Киллену в Элиде. Туда же вскоре прибыл Кнемос, поход которого в Акарнанию не увенчался успехом. С ним пришел и флот, перевозивший его войско в Амбракийский залив.

В Спарте были очень раздражены этим первым для них на море поражением, нанесенным слабым противником. Не зная тактического превосходства афинян, там склонны были обвинить полководцев в трусости, считая поражение ее результатом. По этой причине Кнемос получил приказание еще раз напасть на слабого неприятеля и разбить его. При этом Кнемосу был дан в помощники еще один отличившийся в этой войне полководец – Бразид. Поврежденные корабли были исправлены в Киллене. Морским государствам пелопоннесского союза было предписано доставить в кратчайший срок все имеющиеся корабли. Спартанцы серьезно готовили свои силы к бою.

Узнав об этом, Формион послал в Афины доклад с просьбой о подкреплении. Его просьба была вполне справедливо уважена – была выслана эскадра из 20 трирем, которая могла бы в несколько дней достигнуть Навпакта. Но эта эскадра по каким-то частным соображениям получила довольно непонятное приказание сначала зайти на Крит для действия против Кидонии. Последовав этому приказу, эскадра опустошила область Кидонии, после чего была задержана непогодой и пришла лишь тогда, когда дело в проливе у Риума было окончательно решено.

В Киллене спартанцы увеличили свой флот до 77 судов, разделили его на отряды и обучили, затем двинулись к Навпакту, но не вошли в пролив, а расположились около маленького городка Панормы. Там же собрались их сухопутные силы, предназначенные для акарнанской экспедиции. У Формиона оставались те же 20 кораблей, с которыми он одержал победу в первой битве.

И на этот раз, узнав о приближении неприятеля, который теперь был почти вчетверо сильнее, он немедленно двинулся навстречу ему через пролив. Как и в предшествующий раз, он, не желая сражаться в узком месте, предпочел встретиться в открытом море, чего спартанцы и на этот раз избегали, несмотря на свой численный перевес. Формион встретил спартанцев у Панормы, где они расположились лагерем, вытащив свои корабли на сушу. За невозможностью

вызвать их в море Формион занял выжидательную позицию на расстоянии 3 морских миль от них западнее Антириона, у Моликрии. Сильный отряд мессенских гоплитов из Навпакта охранял берег от высадки неприятеля.

Формион настолько владел своим маленьким флотом, настолько был уверен в своем личном составе, что чувствовал себя готовым сразиться с любым числом неприятельских кораблей. Он знал, что от каждого подчиненного можно потребовать полного напряжения и быть при этом уверенным, что все будет исполнено. Он не хотел драться в узком фарватере, неблагоприятном для его хорошо обученных команд и для употребления главного оружия – тарана; его отряду необходимо было свободное пространство для маневрирования, для разбега, необходимого для таранного удара, а также для прорезания неприятельского строя, порчи весел противника и нападения с тыла. При сражении в узком фарватере дело скоро дошло бы до абордажного боя, похожего на сухопутный, что было благоприятнее для спартанцев, у которых главную роль играла численность. Этого как раз хотел избежать Формион. Перед боем он еще раз внушил своим командирам, чтобы они сохраняли тишину и порядок.

Оба флота простояли 6-7 дней друг против друга, выжидая благоприятного момента. Но дольше Кнемос не мог ждать, так как знал о приближении афинских подкреплений. Для того, чтобы все-таки сразиться в узком месте, он (вернее, Бразид) придумал следующий маневр. Спустив еще до рассвета свои суда на воду и посадив на них команду, он разделил все корабли на 4 колонны, по 19-20 кораблей в каждой, и поместил 20 быстроходных кораблей во главе. С рассветом он двинулся этим строем в пролив, достигавший в этом месте лишь одной мили в ширину, делая вид, что собирается напасть на Навпакт. Заметив это, Формион в заботе о городе (Навпакт был его единственной базой), быстро собрал свои корабли и повел их полным ходом туда же параллельным курсом с неприятелем на небольшом расстоянии от него и берега. Мессенцы следовали за его эскадрой берегом, готовые ее поддержать.

Этого только и ожидал Бразид; по данному сигналу флот спартанцев сделал крутой поворот на 8 румбов влево и пошел на афинскую колонну, имевшую одинаковую длину с неприятельской, тесня ее к берегу. Но это удалось ему лишь отчасти с последними 9 кораблями. Передним 11 кораблям удалось выскользнуть. За ними погнались 20 быстроходных головных кораблей, предусмотрительно назначенных для погони, которую англичане называют «general chase», подразумевая под этим преследование на полном ходу, не считаясь с порядком в строю, – лишь бы настичь врага.

В это время оставшиеся 7 спартанских трирем были заняты боем с 9 афинскими, при этом поставив свои корабли в наиболее для них благоприятную обстановку – для абордажной схватки, в которой большее значение имела численность воинов. Одним из средств достижения такого результата являлась внезапность задуманного маневра – поворот к берегу, чтобы прижать к нему афинян. Одну из афинских трирем им удалось захватить раньше, чем она была посажена на мель. С остальных, выскочивших на полном ходу на берег, команда, считая суда погибшими, спасалась бегством на сушу. На некоторые из них спартанцы посадили свои команды и взяли их на буксир, чтобы увести подальше от берега; но на остальные подоспели вброд с берега мессенцы и забравшись на их высокие носы, начали их оборонять (движение мессенцев вдоль берега вместе с флотом имело целью парализовать попытку противника вступить в абордажный бой).

Между тем Формион с 10 из 11 ушедших кораблей добрался до Навпакта (расстояние в 3 мили). Там он повернул и перестроился (в строй фронта), чтобы напасть на преследователей. Одиннадцатая трирема Формиона немного отстала и ее настигла передняя из 20 спартанских трирем, вырвавшаяся далеко вперед. Командир афинской триремы предпринял дерзкий маневр, воспользовавшись стоявшим на рейде на якоре торговым кораблем. Он обошел его кругом, причем рассчитал маневр таким образом, что, описав окружность, попал тараном в борт своего преследователя и одним ударом пустил его ко дну. Это так подействовало на

остальные 19 спартанских кораблей, что передние из них остановились, некоторые сели на мель, тянувшуюся вдоль берега, весь порядок нарушился. Поэтому, когда Формион подал сигнал к наступлению и двинулся на них со своими кораблями, спартанцы обратились в бегство, во время которого потеряли 6 судов. Остальная часть спартанского флота, занятая сталкиванием судов с мели и нападением на приставшие к берегу афинские триремы, при известии о неожиданном исходе боя окончательно растерялась и не только не вступила в бой с приближавшимся правильным строем афинским флотом, но предпочла укрыться в Панорму, бросив захваченные афинские корабли.

Таким образом, вторая встреча маленькой афинской эскадры с неприятелем, численностью превосходившим его вчетверо, оказалась для нее победоносной, что надо приписать правильному плану действий в бою. Афиняне потеряли лишь один корабль, спартанцы же лишились семи и были вынуждены вернуться на то место, с которого вышли. Понесенные спартанцами потери были настолько ощутимы, что составленный лишь весной и вперед продуманный план войны был пересмотрен. Потерпевший поражение флот направился в Коринф.

Рассматривая эти два боя с точки зрения тактики можно прийти к следующим выводам:

Боевые силы: Что касается их, то можно принять корабли обеих сторон равноценными в отношении их тактических свойств, так как коринфяне славились как лучшие кораблестроители; трирема, выделившаяся во втором бою своей скоростью, была из Левкадии. Оружие можно также признать равным. Разница была в личном составе и в ведении боя.

Афинские триремы имели команды, хорошо знавшие свое дело и привыкшие к нему. Они уже побывали и на море и в боях, поэтому последние их не пугали, и они могли оставаться более хладнокровными. Между командами и начальниками имелаась тесная связь; команды вполне доверяли триерархам, зная, что они умеют обращаться с судами, и понимая, что каждое их приказание необходимо и всякое действие целесообразно, а не пропадает даром. Поэтому команды повиновались, как один человек, и напрягали, в случае надобности, все свои силы.

С таким же полным доверием относились и командиры судов к начальнику эскадры. Они знали его намерения, ни один из его сигналов не был для них неожиданным, они знали, что требуемые от них действия не будут бесцельными, и сознавали, что все сделанное эскадрой будет содействовать славе и могуществу их родины. Поэтому они всегда немедленно исполняли его приказания, но исполняли не слепо, сознавая, что ответственность за непосредственные действия их корабля лежит на них. В то же время они понимали, что исполнение приказаний флотоводца обеспечивает совместное действие всех сил, ведущее к победе. Весь личный состав, команда и офицеры, был преисполнен истинным воинским духом, не знающим опасностей, и был посвящен во все тонкости своего искусства.

Этих качеств нельзя было ожидать от новичка, они могли лишь выработаться у старого служаки с большой выучкой, а полностью развиться лишь у людей, закаленных в боях. Поэтому вообще был бы желателен продолжительный срок военной службы у всех воюющих народов. Для флота это имеет особенно важное значение по причине разнообразия условий службы. Продолжительность службы орудийной, башенной и т. п. прислуги, исполняющей очень важные функции на корабле, является необходимой, так как она обеспечивает хорошее выполнение этих функций.

Таков был личный состав у Формиона. С такими судами Формион мог действовать, как действует фигурами маэстро шахматной игры на доске. Он все время был уверен, что его командиры и команды сделают все, на что они только способны, даже в том случае, если бой примет непредвиденный оборот.

Но такое полное подчинение себе команды доступно лишь человеку с выдающимся характером и большим обаянием, – без последнего даже из самого гениального офицера никогда не выйдет хорошего полководца.

Неясным остается, почему Формион, выбирая место для боя, избегал узких мест, а стремился встречаться с неприятелем в открытом море. Это является как бы прямой противоположностью Фемистоклу при Саламине, хотя следует признать, что в данном случае условия были совсем иными.

Наиболее узкое место Риумского пролива было в одну морскую милю шириной (1852 м), что вполне достаточно, чтобы спартанцы могли при наступлении выстроить все 47 кораблей строем фронта или как-либо иначе. В Саламине же нападать могла сразу лишь часть персидских сил, против которых греки могли выставить относительное или абсолютное большинство. Этим обстоятельством руководствовался Фемистокл при выборе места для боя. Кроме того, при Саламине греческие гоплиты превосходили персов в абордажном бою, а здесь имело место обратное, и следовало избегать схваток.

Формион не отрицает тактики Фемистокла, он лишь временно применяет противоположную, и то лишь из желания использовать преимущества своих судов, заключавшееся в большой поворотливости и умении маневрировать, чем можно было вполне воспользоваться лишь в открытом море. Ему очень удачно удалось применить свою тактику в новых условиях, совсем отличных от саламинских.

Нападение в битве при Риуме всего лишь с 20 кораблями на эскадру в 47 кораблей и в открытом море, где невозможно использовать условия местности, то есть в совершенно одинаковом с противником положении, можно считать или безумной отвагой или необдуманным риском. Но не было безумием: действия Формиона основывались на упомянутом выше превосходстве афинских команд, а, следовательно, и кораблей над неприятельскими. Успех предприятия вполне подтверждает правильность его действий. И при Саламине, и в Коринфском заливе, Фемистокл и Формион одинаково стремились к применению все тех же принципов сосредоточения сил и взаимной поддержки, и к лишению противника возможности использовать эти принципы. Но средства, которыми они пользовались для достижения этой цели, и формы, в которые выливается использование этих средств, самые различные и зависят от обстановки. Для достижения этой цели Фемистокл использовал при Саламине элемент местности (узость позиции, близкий и удобный берег сзади для спасения людей с разбитых судов), а Формион при Риуме – элемент времени (в определенный час поднимающийся бриз). Чтобы заставить противника идти на эти выгодные условия, Фемистокл не остановился даже перед сношением с Ксерксом, дав ему, по-существу, не ложное, а верное известие о настроении греков, среди которых многие были склонны к отступлению. Этим путем он заставил и греков сражаться в выгодных для них местных условиях, дававших возможность применения принципа сосредоточения сил. Формион для этой же цели использовал страх противника перед тактическим искусством афинян в таранной атаке. Формы же получились совершенно различные: выжидательное расположение на месте – в узком проливе у Фемистокла; выход из узкого пролива и смелое нападение у Формиона; в первом случае – неподвижный строй фронта, в другом – движущийся, обволакивающий более многочисленного противника, строй кильватера.

Спартанцы и их союзники были не менее храбрыми и опытными войнами, но им не доставало опыта в морском деле и морских боях. Особенно страдал этим начальник эскадры. Имя его неизвестно, но, без сомнения, он был спартанцем, которому чужды были и море и морские войны. На судне он себя чувствовал не в своей обстановке, и поэтому его действия были неуверенны.

С самого начала он предположил, что афиняне не вступят в бой с настолько превосходящим их неприятелем – предположение само по себе очень правдоподобное, но свидетельствующее о неправильной оценке неприятеля – грубая для полководца ошибка. Он убедился в правильности своего предположения, пройдя Навпакт и Риум, не встретив противника, и подумал, что тот бежал. Поэтому внезапное наступление Формиона показалось ему еще неожиданнее. Его уверенность исчезла и, несмотря на превосходство своих сил, он отказался от нападения

и ограничился пассивной защитой. К этому его, впрочем, побуждали и транспортные суда. Одним словом, он выстроил корабли, как сказано выше, по окружности, имея транспорты и пять быстрых трирем внутри круга.

Все выдает сухопутного офицера, не могущего защитить от подвижного врага свой обоз иначе, чем сделав укрепление из составляющих его возов. Для морского боя этот прием – грубейшая ошибка.

Этим приемом он предоставил слабому противнику выбор времени и места для нападения в любом порядке при использовании принципа внезапности и особых условий, как например, в данном случае, ветра.

При этом он лишил защищавшихся возможности передвижения, главного жизненного условия тактики, особенно на море, где таран был решающим оружием, то есть заставил свои силы, стоя неподвижно, ожидать натиска противника. Он также лишил храбрости свою команду, показав этим маневром, что, несмотря на свою большую численность, он боится неприятеля.

Стоит обратить внимание на то, что быстроходные корабли были поставлены во втором ряду, но это не был резерв. Раз спартанцы решились на оборону – и в этом была их грубая ошибка – им было необходимо уменьшить длину своего фронта, и вместе с тем принять наилучшие меры для противодействия прорыву этого фронта. Эта задача и была возложена на быстроходные суда, которые должны были иметь возможность внутри круга быстро продвигаться к той его части, на которую нападет Формион, которому спартанцы ошибочно передали инициативу. Таким образом, спартанцы передали инициативу более слабому численно противнику, дав ему возможность применить принципы сосредоточения сил (на любую часть их фронта) и внезапности (в любое время). Но раз эта ошибка уже была совершена, единственной возможностью смягчить эту ошибку было обеспечить возможность быстрой поддержки атакованной части окружности изнутри круга. Это они и сделали, но искусный выбор Формионом времени для осуществления его внезапного и сосредоточенного нападения (бриз, который нарушил правильность сложного расположения спартанцев и сбил в кучу их корабли) лишил спартанцев и этого средства для осуществления взаимной поддержки.

Здесь мы наталкиваемся еще на одно различие между сухопутной и морской войной. В морском бою не следует оставлять неиспользованных сил. На море не случается, как на суше, что в линии, способной выдержать напор врага, одна часть ослабевает, так что требуется резерв для ее подкрепления, безразлично наступление это или оборона. На море все силы сразу находятся в действии, дабы как можно скорее повлиять на исход боя, находясь все время в движении.

Оставление одной части флота в качестве резерва только облегчает неприятелю успешное выполнение одной из важнейших задач всякой тактики: уничтожить одну часть боевых сил противника прежде, чем другая часть подоспеет на помощь.

Выше было описано, что Формион своевременно заметил неправильность построения спартанцев и сумел им воспользоваться с отчаянной, на первый взгляд, отвагой, пройдя почти перед самым носом противника, симулируя намерение его таранить и так далее, и, наконец, собрав свои силы и воспользовавшись ветром, то есть случайностью (возможно конечно, что и учтенной заранее), он нанес один сконцентрированный удар, являющийся наилучшим способом нападения при всех обстоятельствах.

Результатом была полная победа над более чем вдвое сильным неприятелем, который потерял при этом более четверти своих сил (28 %), тогда как у нападавших не было совсем потерь и даже сколько-нибудь значительных повреждений кораблей. Это почти единственный случай в истории войн.

Перед второй битвой спартанцы получили подкрепление, так что численно они почти вчетверо превосходили афинскую эскадру. Но гораздо важнее усиления флота на 43 корабля для них было назначение командиром Бразиды.

Бразид вполне верно оценил положение вещей и наметил совершенно иной план.

1) Он не был намерен ограничиться пассивной защитой, а думал вести наступление.

2) Он учитывал, однако, что имеет в своем распоряжении команду, недостаточно привыкшую к морю и не имевшую боевого опыта, к тому же находящуюся под впечатлением последней неудачи. Это заставило его быть осторожным и избегать сложных построений, а ограничиваться простейшими маневрами.

3) Он хотел не дать неприятелю возможности выбрать место для боя в открытом море, а намеревался сам принудить его сразиться в узком месте у берега, где афиняне не могли использовать своего умения искусно маневрировать, а спартанцы, наоборот, чувствовали себя гораздо увереннее. Для этой цели он прибег к хитрости, о которой уже упоминалось выше: разделив флот на четыре отряда, он двинулся через Риумский пролив к Навпакту. Выбор времени нападения – раннее утро – обеспечивал его неожиданность.

Это была очень обдуманная тактика молодого флота, не имевшего к тому же боевого опыта.

Формион, несмотря на усиление неприятеля, непоколебимо остался на своем посту и встал на защиту пролива так же отважно, как Леонид при Фермопилах, с той только разницей, что вместе того, чтобы погибнуть, как Леонид, он, исключительно благодаря умению пользоваться своими силами, победил вчетверо сильнее врага.

Как и раньше, он хотел встретиться с врагом, подошедшим уже к Панорме, в открытом море, но тщетно побуждал его к этому. Он стал на якорь против врага на расстоянии 2,5-3 мили от него и выжидал целую неделю, пока тот двинется, что, конечно, не способствовало увеличению уважения афинян к спартанцам. Во всяком случае, это служило к ослаблению внимания обеих сторон.

Как бы то ни было, хорошо обдуманный план Бразиды при своей простоте был правильно выполнен и почти вполне удался. Лишь немного запоздал сигнал поворота всех судов на 8 румбов влево, вследствие чего ускользнуло, благодаря своей скорости, большее число афинских кораблей, чем предполагалось. Спартанцы отеснили меньшую половину неприятельской эскадры к берегу и почти захватили ее. Во всяком случае, они с большим успехом выполнили этот маневр. Такого мнения был начальник их эскадры, бросившийся преследовать убежавших афинян, не заботясь о порядке; такого же мнения были и остальные спартанские командиры; в противном случае, они не оставили бы 57 кораблей для овладения посаженными на мель девятью афинскими триремами. Но они не знали своего противника. Формион, потеряв почти половину своей небольшой эскадры, отважился продолжать бой с 11-ю кораблями против 77, то есть при отношении сил 1:7 (кто бы подумал при таких условиях о продолжении боя). Но Формион, обладавший великим свойством полководцев: «*mens aequa in arduis*», сохранил в этом труднейшем положении полное душевное равновесие и проявил свою гениальность. Беглым взглядом он сразу заметил ошибку беспорядочного преследования, которую мог сделать лишь деморализовавшийся противник. Воспользовавшись тем, что силы неприятеля растянулись, он поворачивает и, построившись во фронт, переходит в наступление.

То же самое проделал и командир отставшей триремы. Вдумайтесь в положение: половина эскадры захвачена, другая спасается бегством, преследуемая многочисленным противником; один из кораблей отстает и враг его настигает; о чем бы, казалось, думать всякому среднему офицеру, как не о спасении. Но этот триерарх думал о том, как бы при первой возможности перейти в наступление, что ему и удалось после искусного и рискованного маневра, выполненного у торгового корабля, послужившего прикрытием.

Можно себе представить, как ободряюще подействовал этот маневр на афинян, и как он ошеломил преследовавших.

Интересно проследить душевное состояние опьяненных победой спартанцев в тот момент, когда они увидели, что на них наступают в полном порядке те, которых они считали уничтоженными. Благодаря этому наступлению, Формиону удалось освободить или, вернее, отбить, девять своих потерянных кораблей, за исключением одного, уже отведенного в безопасное место. Эта победа греков над греками же единственная и не имеет себе равных.

Оба этих боя не имели влияния на исход всей войны, хотя и восстановили афинское морское могущество в западных водах; но их главное значение в том, что они показали, как высоко стояло развитие морского дела у афинян. При таких условиях можно считать правильными как настойчивость, так и тактику Формиона, примененную им в таком неравном бою. Успех подтвердил правильность тактики. Формион был серьезным, строгим и несловохотливым человеком, образцом умеренности и добронравия. Едва ли нужно еще что-то писать о его качествах флотоводца, разве что об отчаянности его тактики. Конечно, ее нельзя рекомендовать как образец для подражания, так как она требует гениального флотоводца и достойных его офицеров и команды.

Чем же был вознагражден этот несравненный начальник, который, успешно завершив в 429 г. до н. э. операцию в Акарнании, остался до весны на своем посту, а весной 428 года вернулся в Афины. Какова была его судьба?

В истории трудно найти подходящий пример действий, подобных действиям Формиона при Риуме, с ним может сравниться только защита Аруэ генералом фон Вердером в 1871 году. Когда фон Вердер отбил атаку Бурбаки, у которого силы были почти вдвое больше, покойный император Вильгельм оказал ему высшие почести. И это было так же справедливо, как и разумно; справедливая оценка заслуг перед отечеством есть главнейшая добродетель, которая является залогом безопасности государства. Награждение командира имеет глубокое моральное значение прежде всего для его подчиненных, чувствующих себя тоже награжденными, а затем и для всех боевых сил государства, получающих основание гордиться своим талантливым начальником и храбрыми товарищами.

В Афинах, находившихся под властью демагогов, случилось обратное. Формион был обвинен за свое командование, которое затемняло все бывшие до тех пор победы, и был приговорен к штрафу в 10 000 драхм. Он не обладал состоянием, хотя имел полную возможность обогатиться в бытность свою командующим на войне. Но, будучи строго нравственным, он презирал маммону и остался таким же бедным, каким был до командования. Вследствие того, что он не смог уплатить вышеупомянутой суммы, его лишили прав гражданина; это на него так подействовало, что он вскоре умер. Он оставил по себе в Акарнании настолько хорошую память, что вскоре в Афины прибыло оттуда посольство, приглашавшее его сына в предводители.

Как должна была подействовать такая злостная несправедливость на всех порядочных людей и, главным образом, на флот? Несомненно, в высшей степени деморализующе: лучшие чувства, бывшие основанием воинского духа, ведущего к победе, были втоптаны в грязь. Меньше чем за 15 лет афинский флот, бывший в эпоху Формиона в расцвете своих сил, пришел в упадок. Хорошие суда продолжали строить и вооружать, но хороший дух среди команд, без которого не имеет никакой ценности и самый лучший в материальном отношении флот, был уничтожен демагогией, с презрением относившейся ко всему хорошему и благородному.

Упадок морского могущества Афин

К концу жизни Перикла, когда он уже начал стареть и терять то личное обаяние, которое, наряду с его способностями, так воздействовало на афинян, сильное влияние на народ

приобрели отдельные демагоги. Последнее неоднократно возводили различные обвинения на Перикла и в одном случае даже добились его обвинения; так выразилась благодарность страны, управлению которой он отдал свои силы. Лишь начавшаяся большая война снова поставила на прежнее место этого человека, не имевшего себе равных в Афинах. Но после смерти Перикла (429 г. до н. э.) влияние демагогов, более никем не ограничиваемое, начало усиливаться все больше. Первой их жертвой стал Формион.

В полном соответствии с упадком политическим находился упадок религиозный и нравственный, причем последний и послужил причиной первого. Все возрастающая роскошь, явившаяся результатом необычайно быстрого расцвета Афин после создания делосского морского союза, вытеснила прежнюю простоту жизни, заменившуюся чисто восточной пышностью и изнеженностью; ареопаг, этот блюститель религии и добрых нравов, был лишен своих прав афинянами, не терпевшими больше никакого надзора за собой; свободомыслие и нравственная испорченность, ничем не сдерживаемые, имели следствием противоестественные пороки, в особенности же педерастия. Все эти факторы, усилившиеся с началом войны, сосредоточившей в городе около полумиллиона людей, привели к тому, что общественная совесть и разум во всех классах Афинских граждан сильно поколебались; личный произвол и своекорыстие открыто выступили вперед. Словом, идеалы, сложившиеся в среде народа, были разрушены, и вместе с этим исчезла и бескорыстная любовь к государству. Следствием всего этого явился упадок афинского государства и афинского флота.

Всякое важное решение исходило по-прежнему от общего собрания афинян, однако сами собрания происходили уже не под руководством уважаемых граждан из старых фамилий или же лиц, обладавших выдающимися способностями, удовлетворявших этим путем лишь свое честолюбие и действовавших всегда в интересах государства. Влиянием начали пользоваться отдельные лица низших сословий с узким кругозором и не совсем чистыми намерениями, рабы страстей, имевшие лишь талант народных ораторов – наглядным представителем этих людей может служить Клеон. Справедливость была утеряна, и место ее заняли злоба и жестокость.

Планомерное ведение войны прекратилось, денежная наличность оказалась растроченной, и для получения средств было усилено давление на членов союза, носивших это название лишь номинально, что вызвало среди последних сильнейшее ожесточение. В несколько лет годовой членский взнос, достигавший в начале войны 600 талантов, был увеличен более чем вдвое.

Это побудило еще в 428 г. до н. э. остров Лесбос (Митилена) выйти из делосского союза и вступить в пелопоннесский. В ответ на это Афины, морские силы которых достигли высшей ступени своего могущества, выставили 200 кораблей для защиты берегов, выслали 100 кораблей для ведения войны с Пелопоннесом, эскадру в 51 корабль – для продолжения войны в Халкидике и отряд в 40 кораблей – против Лесбоса.

После упорного сопротивления Митилена была вынуждена голодом к сдаче в 427 г. до н. э. На помощь им из Пелопоннеса была отправлена эскадра в 42 корабля, но под спартанским командованием, следовательно, недееспособная. Она пришла слишком поздно, и не только не произвела внезапного нападения на занятую Афинами Митилену, но даже не остановилась у острова Лесбоса и вернулась в свои воды, ничего не сделав.

Тем не менее, самый факт ее посылки являлся некоторым грозным знаком, так как в первый раз за все существование союза, то есть за 50 лет, пелопоннесские военные суда осмелились появиться в Архипелаге севернее Пелопоннеса.

Но на это предостережение Афины не обратили внимания. Далее последовала кровавая расправа с митиленцами. Афиняне решили умертвить всех мужчин и обратить в рабство женщин и детей, но на следующий день у них проснулась еще не совсем утерянная совесть; было вынесено новое решение, противоположное первому, и второй триreme, спешно посланной вдогонку отправленной накануне, удалось (во время перехода гребцы ели, не оставляя весел)

прийти в Митилену раньше, чем первое решение было приведено в исполнение¹. Тем не менее, было убито уже более 1000 лесбосцев. Такая ужасная жестокость является показателем одичания, проявившегося среди общего огрубения нравов.

К указанному времени война стала охватывать все большую и большую площадь. В том же 427 г. до н. э. афиняне послали эскадру к Сицилии, где ионийские и дорийские колонии постоянно вели войны то между собой, то с карфагенянами. С этого времени эскадру стали посылать туда ежегодно. Кроме того, Афины перенесли военные действия и в Понт. Со своей стороны спартанцы, постоянно предпринимавшие то тут, то там опустошительные набеги на Аттику, послали под начальством Бразид сухим путем через Фессалию и Халкидику войско с тем, чтобы захватить тамошние афинские колонии (Амфиполь) и заставить их отпасть от союза.

Следует упомянуть об одном событии, имевшем важное значение для войны. В 425 г. до н. э. афинская эскадра в 40 кораблей отправилась из Афин через Коркиру в Сицилию. Одному из предводителей, преемнику Формиона при Навпакте, Демосфену, за год до этого сражавшемуся неудачно в Этолии, было разрешено предпринять что-нибудь против пелопоннесских берегов. Он составил весьма разумный план, но не сообщил его никому в Афинах. План этот заключался в том, чтобы овладеть в Мессении высокой поднимающейся на 150 м из моря и окруженной со всех сторон водой скалистой горой, где раньше был расположен древний Пилос (у северного входа в Наваринскую бухту).

Занятие этой горы нужно было для того, чтобы: а) обладать прочным опорным пунктом с превосходной гаванью на неприятельской территории; в) опустошать из этого пункта страну; с) пробудить мессенцев к восстанию против Спарты, что было бы весьма для нее чувствительно.

В пути Демосфен поделился своим планом с остальными начальниками, но последние отнеслись к плану отрицательно. Но случайность благоприятствовала Демосфену. Дурная погода привела флот в Пилосскую гавань и задержала его там на целую неделю. Личный состав скучал от безделья, и частью от этого, частью же шутки ради, оказал Демосфену помощь в укреплении возвышенности. Когда погода улучшилась, флот двинулся дальше, а Демосфен остался здесь со своими пятью кораблями.

Сведения об этом, дошедшие до спартанцев привели последних в беспокойство; они отозвали из Аттики войско, а из Коркиры (война, с которой тянулась уже несколько лет) – флот, насчитывавший 60 кораблей. Они решили запереть выходы из гаваней Пилоса, достигающие один 1170, другой – 90 метров ширины, расположив поперек них корабли; кроме того, на прилегающий к бухте заросший лесом остров Сфакторию (около 2,5 миль длиной и 460-1000 м шириной), представляющий собой хребет в 100 м высотой, спартанцы высадили сильный отряд из 420 гоплитов с соответствующим числом илотов (всего около 3000 человек, считая по 7 илотов на каждого гоплита). Вслед за этим они одновременно повели нападение на новое укрепление, как с суши, так и с моря (в продолжение двух дней), причем при штурме был ранен Бразид.

К этому времени подспела афинская помощь в виде 50 трирем, которые ворвались через оба открытых входа в гавань и атаковали пелопоннесскую эскадру; при этом они вывели из строя много спартанских кораблей и захватили пять. Этим пока и ограничился успех афинян, так как спартанские сухопутные войска защитили остальные триремы. Но с этого момента Афины овладели морем и спартанцы на острове Сфактория были совершенно отрезаны и оказались в очень тяжелом положении, так как на острове не было ничего для их пропитания, и они едва могли достать пресную воду.

Афиняне блокировали остров самым тщательным образом; днем две триремы безостановочно обходили остров, держась на контркурсах; ночью же все суда отряда становились вокруг острова на якорь, оставляя лишь в случае бурной погоды открытой обращенную к морю сторону. Спартанцы приложили все усилия к тому, чтобы снабдить своих людей припасами; они

посылали ночью, за высокое вознаграждение, людей в маленьких челноках, которым приходилось описывать большую дугу в открытом море, чтобы пристать с морской стороны к острову, совершенно неприступному с восточной стороны. Когда последним не удалось пробраться, были посланы через пролив пилосцы, имевшие при себе по мешку с провизией. Тем не менее, люди на острове очутились в самой острой нужде. Тогда прибывшие эфоры путем целого ряда уступок добились перемирия на время посылки в Афины уполномоченных для ведения переговоров, впредь до прекращения которых спартанцы обязались сдать свои корабли, так что даже уполномоченные должны были отправиться в Афины на афинской триреме. Взамен этого, спартанцам было разрешено доставлять на остров ежедневно, под афинским надзором, определенное количество провианта, соответствующее числу блокированных воинов.

Посольство прибыло в Афины и просило о мире на выгодных для Афин условиях, тем не менее, на общем собрании кожевнику Клеону удалось добиться отклонения спартанских предложений. Поэтому продолжавшееся 20 дней перемирие было нарушено, причем афиняне, воспользовавшись первой попавшейся отговоркой, не только не вернули спартанцам их 60-ти кораблей, но послали еще 20 своих к острову. Они произвели внезапную высадку, превосходя численно неприятеля, причем их легковооруженные воины с метательным оружием имели на скалистой почве значительное преимущество перед гоплитами. Спартанцам с большими потерями удалось стянуться к высокому утесу, на котором было устроено укрепление. Но легковооруженные афиняне окружили этот утес и, одновременно с атакой с фронта, вскарабкались на возвышенность с тыла. После того, как 128 гоплитов были убиты, оставшиеся в живых 292 сдались в плен – событие, еще ни разу не имевшее место у спартанцев и прямо противоположное героизму Леонида.

С момента внезапного появления афинского флота в гавани и морской битвы до окончательного сражения на Сфактерии прошло 72 дня. Пленные были отправлены в Афины и содержались в качестве заложников на случай вторжения спартанцев в Аттику. Пилос остался укреплением афинян, и, опираясь на него, они опустошили весь округ, многие из илотов перебежали на их сторону. Это последнее обстоятельство больше всего задело спартанцев. К тому же, продолжая предприятие Демосфена, афиняне завладели в 424 г. до н. э. островом Киферой (или Цитерой), и оттуда стали производить опустошительные набеги по всему побережью Лакедемона. Это был самый верный образ действия для государства, владеющего морем.

Спартанцы много раз отправляли послов с просьбой о мире, но им ничего не удавалось сделать до тех пор, пока в битве при Амфиполе, в 422 г. до н. э., Клеон не был разбит Бразидом и не лег на поле битвы.

В апреле 421 г. до н. э. последовал мир (мир Никия), заключенный на 50-летний срок. Спартанцы вернули Амфиполь и города в Халкидике, афиняне очистили Пилос и некоторые другие места, занятые ими в Пелопоннесе и выпустили на свободу плененных на Сфактерии.

Однако этот мир был только кажущимся. Члены союза, Коринф и Фивы, остались недовольны его условиями и продолжали войну, в которой вскоре оказались замешанными и Афины и Спарта, хотя они и не действовали непосредственно друг против друга.

Хотя заключенный Никием мир в период с 421 по 415 гг. до н. э. оказался призрачным, все же Афины не вели войн в крупном масштабе, поэтому государству, благодаря его морскому могуществу и дани союзников быстро удалось собрать сумму в 7000 талантов. Народонаселение, уменьшившееся вследствие войны и чумы, также быстро возросло.

Отношения между Афинами и Спартой становились все напряженнее, соперничество обоих государств не прекращалось. Умеренные круги стояли за мир, более честолюбивые сильно мечтали о владычестве Афин. Открытой, прямой войны афиняне не хотели, но как только появилась надежда на завоевание крупных заморских областей, увлеченный демагогами народ не смог устоять, им овладело желание завоевать Сицилию, чтобы этим путем увеличить

свое могущество, а вместе с тем получить и средства для распространения господства Афин над всей Грецией.

Во главе правления в это время находились Никий и Алкивиад. Никий, происходивший из древнего рода, прекрасно воспитанный, не обладал выдающимися способностями; малодушный и суеверный, он был, однако, самым богатым человеком в Афинах, что и дало ему возможность продвинуться, к тому же он был неплохим оратором от природы. Видя разгул демагогов, преследование и осуждение всех выдающихся людей, он стал чрезмерно осторожным. Поэтому, в противоположность Клеону, он каждый раз отклонял предлагавшееся ему место главнокомандующего, хотя и имел военное образование. К тому же он был уже в возрасте и слаб здоровьем. Он был сторонником мира и приложил немало стараний к заключению мира, названного по его имени.

Алкивиад, напротив, в 415 г. до н. э. еще только перешагнувший через 30-летний возраст, был сыном своего времени. Происходя из хорошего рода, обладая блестящими дарованиями и редкой физической красотой, он вел распутный образ жизни, был рабом своих страстей и не имел каких-либо правил. Он, вероятно, стремился к тому, чтобы ввести в Афинах самодержавие и добился бы этого, если бы был тверже и последовательней. Афины за время ужасного правления Клеона и других, ему подобных, дошли до такого состояния, что как и французская республика в 1800 году, легко подчинились бы произволу самодержца.

Сицилийская катастрофа

В 416 г. до н. э. из Эгесты (западная Сицилия) в Афины прибыло посольство с просьбой о помощи против Селина, причем оно заявило, что город обладает большими сокровищами и готов пожертвовать ими для целей войны. Это произвело впечатление на жадный к стяжанию и наслаждению народ. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, в Эгесту были посланы уполномоченные, которым были показаны сокровища храма на горе Эрикс (не принадлежавшего Эгесте). По их возвращении афинский народ, под влиянием страстной речи Алкивиада и вопреки убедительным предостережениям Никия, решил отправить для завоевания Сицилии крупную экспедицию. Никто при этом не имел точного представления о величине и свойствах этого острова.

Алкивиад надеялся отличиться в большом походе и расположить к себе войска, а его многочисленные враги желали его удаления из Афин, чтобы за его спиной повредить ему. Характерной чертой общего разлада и отсутствия планомерности было то, что командование одновременно поручили сразу трем стратегам: прежде всего Никию, всячески противившемуся этому, Алкивиаду и испытанному воину Лисимаху.

Был вооружен громадный флот и снаряжено такое же войско, – все это было не только лучшим, но еще блистало необычайной пышностью и роскошью. В середине лета 415 г. до н. э. флот с праздничной торжественностью отплыл из Афин к Коркире, где была назначена встреча с союзниками. Весь флот состоял из 134 трирем и двух родосских 50-весельных судов (всего 27 000 человек); войско насчитывало 5100 гоплитов, 1300 легковооруженных, и 30 человек конных на особом транспортном судне. Кроме того, имелся громадный обоз (транспортный отряд): 30 судов-мастерских, имевших на палубе мастеровых всех родов, 100 особых кораблей с припасами всякого рода для войска, флота и торговли. В общем, получалась громадная экспедиция, в которой участвовали не менее 36 000 человек. Флот был разделен на три части.

Экспедиция двинулась к мысу Левка (Апулия), а затем прошла в Тарент и дальше в Региум. Афиняне рассчитывали, что к ним присоединятся эти греческие колонии, но последние боялись, и поэтому афиняне почти всюду встретили отказ.

В Региуме экспедиции встретились с тремя кораблями, высланными вперед на разведку; они дошли до Эгесты и вернулись к флоту с известием, что там, вместо обещанных богатств,

в наличие оказалось всего 30 талантов. Боевой дух был настолько утерян в афинском флоте, что известие: «денег немного» – вызвало уныние и упадок настроения. Никий был против того, чтобы продолжать операцию без денег; Алкивиад считал необходимым привлечь сперва в число союзников другие сицилийские города; Лисимах стоял за то, чтобы идти на Сиракузы, наиболее сильный город неприятеля, и неожиданно напасть на него, воспользовавшись тем, что он не готов к войне. Но когда с Лисимахом никто не согласился, он присоединился к мнению Алкивиада.

В этом наглядно сказалась дурная сторона наличия трех командующих одновременно. Единственно правильный совет – наступать прямо и смело – не был принят. Но только этот способ действия мог обеспечить успех.

Алкивиад со своими судами отправляется в Мессану, но получил отказ в поддержке. Тогда, взяв десять кораблей с Наксоса, он послал их в Сиракузскую бухту исследовать место для высадки, но это оказалось неосуществленным; весь план расстроился вследствие того, что Катана неожиданно оказала сопротивление.

Вслед за этим флот прошел мимо Сиракуз, направляясь вокруг м. Пахинус (м. Пассаро) в Камерун, чтобы заручиться согласием этого города, но последний пожелал остаться нейтральным; тогда флот снова двинулся к Катане, по дороге опустошил Сиракузскую область, причем войска на берегу понесли потери от местной конницы.

В Сиракузах первоначально ничего не знали об этой экспедиции. Лишь по получении точных известий о том, что она направляется вдоль италийских берегов, сиракузяне обеспокоились и начали готовиться к военным действиям. Медлительность огромных неприятельских сил и успех собственной кавалерии вернули сиракузянам мужество.

По прибытии в Катану афинский флот застал там корабль «Саламиния», присланный из Афин с тем, чтобы доставить туда Алкивиада и его товарищей, привлеченных к суду по обвинению в оскорблении Гермеса. Перед уходом флота в Афинах были разрушены статуи Гермеса. По закону, совершивший святотатство должен был предан смерти, а за обнаружение преступника полагалось крупное вознаграждение. Виновные не были найдены, но преступление приписали Алкивиаду. Противники Алкивиада обвинили в этом его и его товарищей и добились его возвращения в Афины. Алкивиад вынужден был перейти на «Саламинию», но в Турисе (Фурии) скрылся вместе с товарищами, так как знал, что их осуждение предрешиено. Задержать их не удалось, и судно вернулось в Афины без них.

Наконец, все силы были собраны вместе, обстановка выяснена; однако афиняне не пошли прямо на Сиракузы, а двинулись Мессинским проливом вдоль северных берегов острова в поисках союзников. В Гимере был получен отказ; тогда афиняне напали на Малую Гиккару и жителей ее продали в рабство за 120 талантов. К этому присоединились еще 30 талантов из Эгесты, таким образом, денег набралось достаточно. Затем войско сухим путем вернулось в Катану, причем по дороге произвело неудачное нападение на Гиблу (восточнее Сиракуз, недалеко от них).

Тем временем наступила зима, и афиняне все-таки решили предпринять что-нибудь против Сиракуз. Они спровоцировали сиракузян к нападению на свой лагерь у Катаны, но когда те выступили в поход, афинские войска сели на корабли и направились в Сиракузскую бухту, высадились на правом берегу Анапуса, укрепили возвышенность Даскон и устроили стоянку для войска и флота.

Сиракузяне, напуганные этим, спешно вернулись назад, но были разбиты афинянами, превосходившими их своим вооружением, и лишь действия сиракузской конницы спасли их от полного поражения. Таким образом, у афинян оказались существенные преимущества перед противником, но вместо того, чтобы его преследовать, Никий приказал афинскому войску на следующий же день сесть на корабли, вернуться в Катану и вновь расположиться там лагерем.

Он оправдывал это тем, что: 1) наступала зима; 2) у него нет конницы. К следующей весне он рассчитывал приобрести союзников, конницу, хлеб и деньги.

Жители Сиракуз, по совету Гермократа, начали серьезно и планомерно готовиться к войне; они организовали войско, позаботились об оружии, выстроили стену на Эпиполее (крутой горе, постепенно понижающейся к Сиракузам), укрепили гору Олимпейон на Анапсе и защитили место высадки рядами забитых свай; наконец, они отправили посольство в Спарту и Коринф с просьбой о помощи.

Последовавшие военные действия настолько несущественны, что их можно опустить. Никий и Ламах послали корабль в Афины, чтобы получить конницу и т. д. и, кроме того, – что примечательно – один корабль в Карфаген и один к этрускам с просьбой о помощи.

Сиракузские послы прибыли в Коринф, где нашли Алкивиада и его товарищей. Он добрался из Туриса (Фурии) до Пелопоннеса на торговом судне и прибыл в Спарту с тем, чтобы всеми силами побудить ее к войне с Афинами, причем подал советы, как действовать против своего отечества, чтобы нанести ему наибольший вред.

Спартанцы решили действовать согласно советам Алкивиада:

- 1) Возобновить войну против Афин;
- 2) Поддержать Сиракузы.

Однако ограничились они самыми незначительными действиями. В 414 г. до н. э. они даже не вступали в Аттику, но только поддерживали врагов Афин на отдаленной Халкидике, а в Сиракузы не отправили ни войска, ни флота, а лишь полководца, хотя и самого лучшего, которого имели, а именно Гилиппа. Но он оказался для Сиракуз гораздо ценнее, чем целое войско.

Весной 414 г. до н. э. Афиняне, согласно требованиям Никия, отправили в Катану 250 конницы и деньги. Теперь, когда там было все необходимое, дело должно было продвинуться вперед.

В начале лета войско на судах направилось к Сиракузам, чтобы напасть на город, но афиняне не вошли в бухту, как ожидали сиракузяне, а высадились по эту сторону города у Лаиона, всего в 1200 м от Эпиполеи. Первые высадившиеся воины устремились кверху и овладели высотами без всякого сопротивления, так как сиракузское войско в это время находилось на месте первой высадки афинян, на берегу бухты к югу от устья Анапса, то есть от Эпиполеи в расстоянии в четыре раза большем, чем неприятель в момент высадки (по-видимому, высадка была произведена очень быстро). Когда же они узнали о высадке, то немедленно бросились на высоты, но, придя в беспорядок, были разбиты и потеряли около 300 человек.

Афиняне устроили укрепление на вершине возвышенности у северного склона Лабдалона, затем начали располагаться лагерем. Они решили отрезать от суши город, имевший большое народонаселение. Благодаря своему господству на море; они уже достигли того же со стороны воды; не имея подвоза, город должен был скоро сдаться. Вблизи от Эпиполеи, почти у городской стены, они воздвигли крестообразный форт и от него обе стороны начали строить стены, сперва на север по направлению к морю, а затем на юг, к бухте. Корабли они расположили в безопасном месте у полуострова Тапса (Магнизи), причем построили укрепление на узком перешейке, соединявшем его с сушей.

К этому времени к ним присоединились 400 всадников от Эгесты. Они не только сравнялись с сиракузянами, превосходившими афинян своей конницей, но и оказались много сильнее последних.

Сиракузяне, обескураженные этим внезапным энергичным наступлением и успехами Афин, сделали попытку путем вылазки помешать постройке осадных стен, но были разбиты, и даже в конном бою оказались побежденными, и не смогли удержать за собой поля сражения. Тогда они попробовали препятствовать постройке афинянами осадных стен путем поперечных стен; когда это не удалось на Эпиполее, они перенесли попытку вниз к южным стенам.

Это послужило поводом к битве в низменности Анапуса, во время которой был убит Ламах. Но в этот момент афинский флот подоспел из Тапса и начал угрожать флангу неприятеля, вследствие чего последний отступил.

С потерей Ламаха и за болезнью Никия афиняне оказались совершенно без дееспособных полководцев; тем не менее, постройка осадных стен подвигалась вперед очень быстро (в этом деле афиняне проявили редкую способность) и уже была близка к окончанию. К тому же афиняне перерезали городской водопровод. Их собственная армия и флот были обеспечены подвозом из Италии на торговых судах, так как море было свободно.

При виде успехов афинян, колебавшиеся до сих пор колонии примкнули к ним, и даже этруски прислали два 50-весельных корабля им на помощь. Все эти обстоятельства совершенно лишили сиракузян присутствия духа; в городе начались беспорядки; борьба партий кончилась тем, что демократы, сторонники мира, одержали верх, Гермократ был вынужден сложить с себя полномочия предводителя, а к Никию были отправлены парламентареры для переговоров о сдаче. Уже казалось, что Сиракузам остается только сдаться, как дело вдруг приняло совсем иной оборот.

Гилипп в июне 414 г. до н. э. прибыл на о. Левкадию и узнал там, что Сиракузы уже полностью отрезаны. В распоряжении у него было всего два коринфских корабля (спартанцы не дали ни одного своего), к ним присоединились еще два левкадских. Но, несмотря на такие ничтожные силы и казавшееся безнадежным положение, он все-таки направился в Италию – он хотел спасти то, что еще можно было спасать. Он даже не стал дожидаться еще 15 трирем, еще не полностью вооруженных (опять-таки не спартанских), – они должны были следовать за ним позднее. По выходе из Туриса (Фурии), Гилипп был отнесен в море штормом, повредил свои триремы, но не сбился с пути, а вернулся в Тарент, исправил суда и двинулся дальше в Локры.

Никий слышал о приближении Гилиппа, но человек, у которого было всего четыре корабля, казался ему не заслуживающим особого внимания. Когда тот двинулся дальше, Никий, чтобы перехватить его, отправил всего 4 триремы в Региум, но они пришли слишком поздно. Гилипп уже прошел Мессинский пролив и направился вдоль северного берега в Гимеру, дружественную Спарте.

Здесь он, как спартанец, вытащил свои корабли на сушу, вооружил их экипаж, и собрал вспомогательное войско от Гимеры, Селина и других городов – всего около 2000 человек гоплитов, легковооруженных и всадников. С ними он двинулся в июле 414 г. до н. э. к Сиракузам.

В конце 414 г. до н. э., когда Гилипп приближался к городу, который вел в это время переговоры о сдаче, туда пробралась одна из прибывших коринфских трирем, находившаяся под командой способного командира Гонгила (по-видимому, путь от коринфского залива до Сиракуз она прошла без остановок). Он внушил сиракузянам мужество и, сообщив сиракузянам о приближении Гилиппа, побудил их одновременно с его нападением произвести вылазку. Этим удалось отвлечь внимание афинян от Гилиппа, и тот первый же натиск направил на плохо защищенный Лабдалон – ему удалось овладеть возвышенной позицией, потерять которую можно было, лишь совершив оплошность. Затем он проник в город через отверстие в не совсем еще законченной северной осадной стене.

Одновременно с этим сиракузяне добились успеха, хотя и очень незначительного на море: им удалось захватить вошедшую в бухту и неосмотрительно ставшую там на якорь афинскую трирему.

Обстановка внезапно изменилась – эти небольшие успехи и прибытие Гилиппа вдохнули новый дух в сиракузян. Правда, при первой же вылазке они потерпели поражение, и в этом была вина Гилиппа, который так неудачно выбрал место, что конница не могла действовать; но вторая вылазка была более удачной: они потеснили афинян и выстроили поперечную стену на Эпиполее, лишив афинян возможности отрезать город.

Наконец прибыли еще 12 коринфских трирем. Никий выслал против них двадцать трирем, но тем удалось ускользнуть. Тогда Никий, считавший, что он уже близок к цели, отказался от надежды завладеть Сиракузами, нападая с суши; он увидел, что владычеству Афин на море, от которого зависела связь с родиной, угрожает опасность, и поэтому решил перенести центр тяжести войны на море.

Как воздействовать с моря на Сиракузы, он и сам не представлял; он не был человеком, способным к определенным решениям, но боялся в то же время отказаться от предприятия, сознавая, что в таком случае будет казнен в Афинах. Поэтому он перевел суда, которые до того стояли между Дасконом и Анапусом, южнее в бухту, образованную Племмерионом, и защитил их с суши свайным заграждением, а с моря – рядом торговых кораблей, прочно установленных на якорях. Входы в этом заграждении закрывались тяжелыми подвижными балками, на концах которых имелись «дельфины», то есть тяжелые приспособленные для внезапного опускания свинцовые грузы с заостренной книзу стороной, так что они могли пробивать неприятельские суда. Корабли находились за заграждением, но не на берегу, а, вопреки обыкновению, на якорях, хотя это и было неблагоприятно для их содержания. Это было сделано с тем, чтобы в случае приближения сиракузских кораблей быстро можно было посадить на триремы людей и приготовиться к бою. Команды жили на берегу в лагере.

В то же время Никий для защиты входа в бухту распорядился укрепить Племмерион тремя фортами, одним большим и двумя маленькими, в которых хранилась военная касса и склады провианта для армии и флота, а также такелаж для 40 трирем, который в данное время был не нужен на судах.

Хотя новое место имело перед прежним много преимуществ, оно все-таки имело тот недостаток, что не только пресной воды, но и дров не имелось поблизости, и их приходилось приносить издалека. Между тем, сиракузская конница, треть которой была расположена в укреплении на Олимпейоне, делала окрестности небезопасными и наносила вред отдельным отрядам, отправлявшимся на фуражировку. Вследствие этого, афиняне потеряли многих морских офицеров и матросов, из числа гребцов многие перешли на неприятельскую сторону, так что личный состав оказался сильно ослабленным.

Одновременно с этим в Сиракузах Гилипп, который опытным взглядом увидел, что в данное время вопрос войны должен был решиться на море, взялся за восстановление морского могущества Сиракуз с той энергией, которую он умел вложить во всякое дело. И в большой и в малой гаванях были основаны верфи, собран строевой лес, построены новые триремы, исправлены поврежденные, причем учителями в судостроении явились коринфяне; их триремы послужили ядром флота, который, будучи перевооружен и снабжен командным составом, стал затем – и все это на глазах афинян – быстро обучаться.

Для защиты верфей и якорных кораблей от неприятельского нападения сиракузяне устроили заграждение из свай, причем сваи были частью вбиты отвесно и несколько возвышались над водой, частью же были забиты под водой наклонно, с тем, чтобы повредить наскочившее на них судно.

В течение зимы Гилипп объехал Сицилию чтобы завербовать союзников, что ему удалось везде, за исключением мелких городов, тогда как Никий просидел в своем лагере в бездействии.

К концу 414 г. до н. э. обе стороны отправили в Грецию послов с просьбой о помощи. Никий, не доверяя своим послам, отправил собственноручное письмо, в котором представил положение вещей в самом мрачном виде: афиняне оказались окруженными со всех сторон стенами и конницей; корабли испорчены, морских офицеров слишком мало, командный состав ослаблен, дисциплина расшатана; вся Сицилия против Афин, и к тому же ожидаются подкрепления от Пелопоннеса, – необходимо прислать помощь, иначе последует сдача. В конце письма

он настойчиво просил об отставке по болезни. В общем, получалась печальная картина для предводителя большой армии, находящейся в опасном положении.

Но Афины, вернее демагоги, в непонятном ослеплении, а может быть руководимые другими чувствами, поступили по-своему. Решили послать помощь, но просьбу об отставке отклонили. В конце года, то есть в середине зимы, в Сиракузы был послан Эвримедон с 10 кораблями и 120 талантами. Вскоре, однако, в Афинах узнали, что коринфяне готовят для Сицилии сильные войска и флот; тогда в Навпакт была отправлена эскадра в 20 судов с тем, чтобы преградить неприятелю путь в западное море. За Эвримедоном в январе 413 г. до н. э. последовал, с 65 кораблями и 1200 гоплитами, Демосфен, а третья эскадра, 30 кораблей под командованием Харикла, была отправлена в Аргос. Опасность со стороны Сиракуз сознавалась настолько мало, что обоим командирам было приказано сперва совместно опустошить берега Пелопоннеса, а затем дальше идти одному Демосфену, Хариклу же вернуться обратно.

Но спартанцы, вяло действовавшие в истекшем году, теперь, после настойчивых просьб со стороны Сиракуз и других городов, перешли в наступление. Весной они напали на Аттику, опустошили Декелейю, кроме того, отправили из Талмариона (Матанин) 900 гоплитов в Сицилию; коринфяне также отправили 700, но из Киллены, так как Рионский пролив был заперт. Их эскадра в 25 судов недалеко от Навпакта встретила с афинской.

Тем временем, в Сиракузах Гилипп вместе с поставленным, благодаря ему же, на первое место Гермократом, прилагал все усилия к тому, чтобы сделать боеспособным сиракузский флот; они предполагали напасть на афинский до прибытия подкрепления из Аттики или, по крайней мере, вынудить его к бою. Оба упорно отстаивали свою точку зрения, основываясь на том, что все дело может решиться лишь морским сражением, что афиняне, которых так все боятся на море, не были прирожденными моряками, но стали таковыми потому, что их вынудили к этому персы. Наконец, в июне 413 г. до н. э. все было готово, и было решено повести нападение одновременно на суше и на море.

Гилипп повел сухопутные войска ночью на Племмерион окружной дорогой, нисколько не опасаясь, что может быть замеченным, так как сиракузская конница господствовала над всей областью вне афинского лагеря. Утром, с наступлением рассвета, одновременно вышли из большой гавани 35 трирем, а из малой – 45.

Афиняне, зорко следившие за всем, быстро посадили людей на 60 трирем и выслали их навстречу неприятелю: 25 трирем против 35 из большой гавани и 35 против 45 сиракузских, вышедших из малой гавани. Последняя группа сошлась при входе в бухту, первая посреди бухты, и бой начался. Афинское войско собралось на берегу и стало наблюдать за битвой; гарнизон фортов Племмериона, увидав, что бой на море происходит совсем близко от него, у входа в гавань, занялся исключительно тем, что происходит на воде. В это время неожиданно появился Гилипп со своим войском и внезапно овладел большим фортом, а затем двумя малыми. Части гарнизона удалось спастись на судах или добраться до афинского лагеря, тем не менее, афиняне потеряли массу людей и Гилиппу удалось завладеть военной кассой и всеми громадными запасами афинян, сложенными в форте.

Когда сражавшиеся у входа в гавань афинские триремы увидели взятие Племмериона, они, будучи сильно стеснены численным преимуществом сиракузян, бросились назад к заграждению; в это время сиракузяне, еще новички в морском бою, сделали ошибку, пустившись за ними в погоню. Они вскоре нарушили порядок, многие их суда столкнулись, поломали весла и получили повреждения. Этим сейчас же воспользовались афиняне. Они дружно напали на сиракузские суда, пустили значительное число их ко дну, остальных же обратили в бегство и преследовали вплоть до малой гавани. Перед большой гаванью битва имела тот же исход – победа осталась на стороне афинян, несмотря на превосходство неприятельских сил и на упадок духа, вызванный взятием Племмериона. Афиняне потеряли только три корабля, тогда как у сиракузян были потоплены 11 судов и три захвачено.

Тем не менее, выигрыш сиракузян за этот день превысил потери. Что касается достигнутого на суше результата, то взятие Племериона можно считать событием большой важности, так как с этого момента в их владении оказались оба берега у входа в гавань, достигающего всего 1040 м. Как со стороны города, так и около Племериона, сиракузяне расположили свои суда, в целях защиты последнего, а также и с тем, чтобы отрезать афинянам выход в море. Сиракузские войска, расположенные в укреплениях, из которых Гилипп уничтожил самый маленький форт, а два других укрепил, были не только не удобными соседями для морского лагеря афинян, но и постоянной угрозой. И так как за афинским флотом, стоявшим в глубине бухты, велось постоянное наблюдение, сиракузяне почувствовали себя почти хозяевами моря – во всяком случае, оно было совершенно свободно для них, чем они и воспользовались немедленно, выслав в Италию эскадру из 11 судов, чтобы помешать снабжению афинян. Она встретила с афинским транспортным отрядом, перевозившем, между прочим, деньги для осаждающих, и уничтожила большое число неприятельских транспортов; кроме того, она сожгла значительное количество судостроительного леса, заготовленного в Колонии для Афин. Наконец, она встретила транспорты с тремястами беотийских гоплитов, отправленных весной из Тенара, взяла их в плен и доставила на своих судах в Сиракузы. Афинскому отряду в 20 кораблей, встретившемуся около Мегары (близ Гапсуса, к северо-западу от него), удалось захватить лишь одно судно, десять остальных благополучно вернулось в Сиракузы.

Но все-таки после битвы афиняне еще оставались хозяевами бухты; вскоре, они сделали попытку прорваться сквозь свайные заграждения перед большой гаванью и уничтожить расположенные за ними суда. С этой целью они устроили на одном из крупных торговых кораблей башню, на которой установили метательные машины и снабдили судно горизонтальным бруствером, то есть щитом для прикрытия на палубе людей от неприятельского метательного оружия. Это судно они подвели вплотную к свайному заграждению и, удерживая метательным оружием неприятеля на значительном расстоянии, заложили со шлюпок стропы на сваи, торчавшие из воды, и частью вытащили их из грунта с помощью шпилей, частью же обломали; наклонные сваи были спилены водолазами. Им удалось, несмотря на противодействие неприятеля, разрушить большую часть заграждения, однако ночью или в то время, когда погода помешала нападению, сиракузяне вбили новый ряд свай; поэтому афинянам не удалось ничего предпринять против кораблей и верфей.

В то же время, то есть весной 413 г. до н. э., назначенная в помощь Никию афинская эскадра с войском под командованием Демосфена собралась около Эгины, а затем у пелопоннесских берегов соединилась с отрядом Харикла в 30 кораблей с аргивийскими гоплитами. Затем флот двинулся дальше вдоль лакедемонского побережья, опустошая его по пути, причем был занят один плохо защищенный пункт, подобный Пилосу, и там оставлен гарнизон. Харикл остался там на некоторое время, а затем вернулся с аргивийцами домой; Демосфен же двинулся дальше к Коркире, присоединяя к себе по дороге войска и корабли ионических островов.

По пути он получил просьбу о помощи от командовавшего афинской эскадрой у Навпакта (Конон); располагая лишь 18 кораблями, тот просил о подкреплении, так как коринфяне выступили против него с 25 кораблями. Демосфен послал ему в помощь 10 трирем. Конона (по видимому) вслед за тем сменил другой начальник (Дифил), приведший с собой еще 5 кораблей, и уже он двинулся против коринфян, силы которых достигали 30 кораблей. Коринфяне (под начальством Полианта) расположились на берегу Ахайи у Ериней, почти на 2 мили восточнее Риона в неглубокой бухте, упираясь в ее берега флангами, защищенными, таким образом, сухопутными силами. Сначала их флотоводец не был расположен принять бой, памятуя о поражениях в прежних боях, где афиняне превосходили своими силами, здесь же они тоже были сильнее. Но потом, решившись, он в строе фронта двинул флот на афинян, ожидавших его перед бухтой.

В этой битве впервые проявило свое действие изобретенное коринфянами нововведение в кораблестроении. В то время как триремы были вообще насколько можно легкой постройки, коринфяне укрепили нос и установили там далеко выдающийся вперед с сильными креплениями упорные балки вроде имевшихся на парусных судах кат- и фиш-балок, но только установленных по диаметральной плоскости триремы. Назначением этих балок было не дать тарану неприятельского судна коснуться своего носа и в то же время врезаться в нос неприятеля. В этом бою афинянам, применявшим тактику тарана, удалось пустить ко дну только 3 триремы коринфян, тогда как последние, хотя и не уничтожили ни одного неприятельского судна, нанесли семи афинским триремам – и большей частью помощью ударных балок – настолько сильные повреждения, что сделали их совершенно небоеспособными.

Затем флоты разделились: коринфяне пошли в бухту, афиняне вернулись к Навпакту, поэтому битва не имела решающего значения. Коринфяне решили, что успех был на их стороне в этой битве, в которой число афинских кораблей было весьма значительно, и воздвигли знак победы, – впрочем, не без основания, если принять во внимание, насколько выросла их боеспособность по сравнению с боями, бывшими всего шестнадцать лет тому назад при Формионе, когда их флот, превосходивший неприятельский сперва в два, а затем и в семь раз, был разбит и обращен в бегство. Но свою прямую задачу проводить вспомогательное пелопоннесское войско в Сиракузы коринфская эскадра, конечно, не выполнила.

Из Коркиры Демосфен с флотом, к которому присоединился вернувшийся из Сиракуз Эвримедон, направился в Италию – обычным путем к мысу Левка, а затем вдоль побережья. По пути он повсеместно собирал войска, сухопутные силы двигались по берегу рядом с ним, и потому он сильно задержался, хотя дошедшее до него известие о битве под Сиракузами и говорило о том, что положение становится опасным. Таким образом, сиракузяне имели достаточно времени, чтобы привести в порядок свои суда, увеличить их число, обучить эскадру, и до прибытия подкрепления еще раз вынудить афинский флот к бою.

По совету коринфянина Аристона, они снабдили свои триремы описанными выше упорными балками и сделали тараны короче и крепче. В бухте шириной всего 1900 метров лобовая атака имела тем большие преимущества, что здесь нельзя было так маневрировать, как на широком пространстве открытого моря, где есть место для разворота и разбега, и где Формион, правильно маневрируя, стяжал себе славу. Здесь афиняне были вынуждены сражаться в тесноте, и тут-то выступила их собственная слабость и сила их врага.

Никий совсем не был склонен к тому, чтобы принять новый бой до прибытия Демосфена; но сиракузяне стали вести себя все более вызывающе по отношению к афинянам, высмеивали их, как трусов, и производили нападения на заграждение их судов. Наконец, у остальных афинских начальников терпение лопнуло, и афиняне вышли на бой.

Гилипп и на этот раз намеревался повести нападение одновременно с суши и с моря; сам он стал во главе войска, нападавшего со стороны шедшей к бухте осадной стены, а другой полководец со стороны Олимпейона; в это же время сиракузский флот, вновь достигший численности 80 кораблей (14 потерянных трирем были заменены новыми), двинулся на афинский. Афиняне успели посадить людей на 75 трирем (в прошлый раз на 60) и двинулись ему навстречу. В этот день, как на суше, так и на море все свелось к результатам первой битвы, то есть больше к демонстрации и перестрелке, хотя все-таки 1 или 2 корабля у афинян были потоплены.

Следующий день не внес изменений в положение обеих сторон. Тогда сиракузяне, по совету Аристона, прибегли к хитрости, заготовив заранее на берегу обед для всех судовых команд (около 16 000 человек). Предобеденное время прошло, как и в предыдущий день, в ожидании. С наступлением обеденного времени сиракузяне вернулись к себе в гавань, дали командам быстро пообедать и через короткое время вышли в полном порядке, готовые к бою. Афиняне, только что приступившие к обеду, были застигнуты врасплох быстрым непри-

ятельским наступлением. Поспешно посадив людей на суда, они вышли на встрече врагу, но были атакованы сиракузянами прежде, чем успели выстроиться в боевой порядок. В завязавшейся битве последним удалось нанести удар в нос многим афинским кораблям; многочисленные стрелки, находившиеся на сиракузских кораблях, перебили у афинян много народу. Еще больше афинян было выведено из строя сиракузскими шлюпками, которые, окружив неприятельские корабли и проходя под веслами афинских трирем, копьями наносили раны людям, сидевшим на веслах. Таким образом, сиракузяне одержали победу и принудили афинян к отступлению за заграждение. Во время преследования сиракузяне так разгорячились, что прорвались в ворота заграждения; два их корабля были пробиты «дельфинами» и затонули, а один был захвачен при посредстве заградительных балок. Этим и ограничились потери сиракузян, тогда как у афинян было пущено ко дну 7 кораблей, и многие оказались настолько поврежденными, что стали совершенно небоеспособными. Кроме того, потеря в людях была у афинян очень значительна.

Таким образом, афиняне были первый раз побеждены на море врагом, превосходившим его лишь небольшим числом судов.

Теперь победители-сиракузяне обладали не только берегом по обе стороны входа в бухту, но и самим входом, и могли препятствовать подвозу припасов, столь необходимых для афинян.

Со стороны суши сиракузяне, благодаря стараниями Гилиппа, получили значительные подкрепления – с переменой счастья изменилось отношение к ним большей части городов острова; почти все, за исключением Агригента, пожелавшего и впредь остаться нейтральным, послали вспомогательные войска – гоплитов и легковооруженных, или же конницу. Город Гела, кроме того, прислала еще пять трирем.

Афинское войско, запертое в своем лагере, куда сиракузская конница не допускала подвоза припасов (а из ближайших окрестностей давно уже ничего нельзя было достать), оказалось, наравне с корабельными командами, в стесненном положении. Кроме того, с наступлением летней жары усилилась болотная лихорадка в болотистой Анапской низменности.

Повторные неудачи во всех предприятиях и длительная бездеятельность лишили бодрости афинское войско, и оно упало духом – словом, цель к которой с большим трудом и большими жертвами стремились Гилипп и сиракузяне, была достигнута.

Когда гибель уже казалась афинянам неизбежной, внезапно в бухту беспрепятственно вошел уже давно и тщетно ожидавшийся афинянами флот Демосфена. Он состоял из 80 трирем с войском, насчитывавшим до 5000 одних только гоплитов и транспортов с деньгами, оружием, осадными машинами и боевыми припасами.

С приходом флота Демосфена положение дел совершенно изменилось. Испуганные сиракузяне стали считать окончание войны, казавшееся при прежнем положении вещей столь близким, теперь отодвинутым на долгое время.

Напротив того, у афинян снова поднялся дух при виде свежих и внушительных боевых сил. Тем временем Демосфен, как только осмотрелся, пришел к выводу, что необходимо немедленно решиться на что-нибудь; он намеревался использовать моральное впечатление, произведенное на обе стороны прибытием флота, и энергично напасть на врага. Никий же, наоборот, высказывался за выжидательный образ действий. Он имел сведения из Сиракуз, что там утомлены войной, что Гилипп всеми ненавидим, что средства у сиракузян истощены и они отягчены долгами – словом, и здесь вопрос о деньгах имел решающее значение.

Другие предводители, однако, присоединились к мнению Демосфена, и было произведено несколько небольших вылазок, имевших целью своего рода упражнение для войска. В этих вылазках была произведена попытка разрушить, при помощи привезенных осадных машин, сиракузские поперечные стены, которые препятствовали завершению осадных стен с юго-западной стороны. Но осадные машины были сооружены и сиракузянами, и нападение афинян было отбито.

Тогда Демосфен со всем войском предпринял ночное нападение на Эпиполею. В начале оно имело успех, и несколько отрядов сиракузян были разбиты, но при дальнейшем наступлении на город афиняне пришли в расстройство, и беотийские гоплиты, нападавшие сомкнутым отрядом в темноте, пришли в замешательство. Афиняне уже не отличали врагов от своих и были частью сброшены с крутого обрыва, частью обращены в бегство. Одними только убитыми они потеряли 2500 человек.

Этот повторный успех снова вернул уверенность сиракузянам, до того не отваживавшимся на нападение ни с суши, ни с моря. Неутомимый Гилипп снова предпринял путешествие по городам острова, чтобы побудить их к новому набору войск, а Сиракузы послали даже эскадру в 15 кораблей под начальством Сикана для покорения Агригента, где разгорелась борьба партий. Афиняне же, наоборот, снова пали духом, увидев, что прежнее опасное положение не улучшилось, к тому же усилилась болотная лихорадка (уже наступил август 413 г. до н. э.).

Теперь Демосфен решительно настаивал на отступлении, пока оно еще возможно морским путем: ведь гораздо правильнее было бы сражаться со спартамцами в Декелейе, а не изнурять себя беспечно здесь, вдали от родины. По крайней мере, нужно было поскорее выйти из теперешнего несчастного положения и выбраться из узкой бухты в Катану или Тапс, где флот мог бы сражаться в открытом море. Поэтому он настаивал на скорейшем уходе.

Эвримедон присоединился к этому мнению, но Никий, из боязни ответственности перед афинским народом считал, себя не в праве отступать без его согласия. Он закрыл глаза на все окружающее и не побоялся открыто заявить, что лучше умереть, сражаясь, чем быть на родине обвиненным правящими демагогами и приговоренным к смерти.

Своими упорными возражениями Никий вызвал вторичное промедление, чем дал Сикану время вернуться со своей эскадрой из Агригента, а Гилиппу – войти с новыми вспомогательными войсками в Сиракузы. В числе этих войск находились отплывшие весной из Тенара спартанские гоплиты (о беотийских было уже сказано выше), которые сбились с пути у Ливии, а потом с помощью греческих моряков из Кирены дошли до Неаполиса (перед Карфагеном), там легли на ОНО и прибыли в Селин. С этими новыми силами можно было ожидать немедленного наступления и с суши и с моря.

В виду этих обстоятельств и все усиливавшейся болотной лихорадки, уносившей во множестве людей, Демосфен и Эвримедон, без согласия Никия, приготовились к отступлению, которого настоятельно требовали войско и флот.

Когда все уже было готово к отплытию, люди посажены на суда, вечером 27-го августа 413 г. до н. э. наступило полное лунное затмение. Оно привело в ужас большую часть совершенно изнервничавшихся афинян, а больше всех суеверного Никия, прорицатель которого незадолго перед тем умер. Было решено отложить отплытие еще на «трижды девять дней», то есть на месяц. Это было равносильно смертному приговору для всей огромной армии, состоявшей из 50 000 человек.

Сиракузяне, хорошо осведомленные обо всем, что происходило в афинском лагере, поспешили воспользоваться этим промедлением, чтобы окончательно погубить врага. Произведя небольшую вылазку, они, день спустя после нее, напали по обычной манере Гилиппа всеми силами одновременно с суши и с моря на афинян. Против 76 сиракузских кораблей афиняне выставили 86, так что один афинский фланг имел превосходство по сравнению с противоположным вражеским. Эвримедон, командовавший этим крылом, хотел фланкировать врага и обойти с тыла, но, будучи мало знаком с глубинами бухты, сел на мель с 7-ю кораблями и оказался отрезанным от главных сил. Атакованный сиракузскими кораблями, он решил искать спасения на берегу, но тот оказался занятым сиракузскими войсками, и Эвримедон пал в битве, потеряв свои семь судов и их команды.

Этот эпизод произвел удручающее впечатление на сражавшиеся вблизи афинские корабли; теснимые сиракузянами они обратились в бегство. За ними в полном беспорядке последовал и остальной флот. Но не всем кораблям удалось достичь безопасного места за заграждением; большинство их было загнано к берегу.

Следивший за всем Гилипп поспешил к этому месту, намереваясь напасть на афинян с берега, но навстречу ему бросились тарентские союзники, и ему пришлось отступить. Тогда сиракузяне приготовили брандер из старого купеческого судна, наполнив его смолой, хворостом другими горючими материалами, зажгли его и пустили по ветру на приставшие к берегу афинские корабли. Но прием этот не удался; афиняне и тут выказали себя искусными моряками. Они вышли на шлюпках навстречу брандеру, потушили огонь и отвели брандер на буксире в сторону.

Но все же афиняне потеряли 18 кораблей и, кроме Эвримедона, еще 2000 человек, а сиракузяне одержали блестящую победу над сильной морской державой.

Эта битва была первой, в которой афиняне были не только побеждены, но и совершенно разбиты более слабым по численности врагом. Она была определяющим поворотным пунктом в пелопоннесской войне и вместе с тем поворотным пунктом величия афинского морского могущества, равно как и величия самих Афин.

Ближайшим следствием этой битвы было полное падение духа у афинян, у сиракузян же, наоборот – подъем и уверенность в победе. Последние теперь только и думали об уничтожении врага – цель, которой Гилипп поставил себе уже давно и для достижения которой он уже, без сомнения, давно выработал определенный план.

Было немедленно приступлено к заграждению входа в бухту, который имел от южного конца Ортигии до маленького скалистого островка севернее Племериона в длину немногим более 1000 метров. Поперек входа были поставлены на якорях триремы, купеческие суда и шлюпки, соединенные между собой переходными досками и настилами. В три дня было закончено это огромное сооружение – первое заграждение бухты, о котором упоминается в истории. Сиракузский флот держался с внутренней стороны заграждения (в большой гавани), вполне готовый к бою на тот случай, если враг попытается прорвать заграждение.

Однако афиняне не сделали ни одной попытки помешать постройке заграждения (не потому ли, что очень упали духом?), хотя им должно было быть ясно, что этой постройкой у них отрезан последний выход. Только тогда, когда начал ощущаться недостаток съестных припасов, Никий избрал для спасения тот путь, от которого так упорно отказывался, когда тот еще был открыт.

Войско покинуло свой лагерь в Анапской низменности и собралось на месте стоянки команд флота, кое-как там укрепившись. Пришлось приготовить к плаванию такое число судов, чтобы принять всех людей. Из имевшихся налицо 200 трирем и множества транспортов можно было снарядить только 110 трирем из-за недостатка весел. Носовые части были поспешно укреплены против упорных балок сиракузян и снабжены, кроме того, крепкими железными абордажными крюками. В случае столкновения эти крюки крепко удерживали протараненный корабль, и последний легко мог быть взят на абордаж. В преддверии такого боя на триремы посадили много гоплитов и стрелков, причем сделать это пришлось бы все равно, так как надо было забрать с собой всех людей. Если бы удалось прорваться через заграждение, то корабли должны были бы немедленно уходить как можно дальше; в противном случае решено было сжечь корабли и отступить на сушу.

Сиракузяне в свою очередь приняли контрмеры. Имея сведения, как и обо всем, об абордажных крюках, они обили носовые части своих судов шкурами для того, чтобы крюки соскальзывали, не захватывая корабля. Кроме своих 76 трирем, они вооружили много мелких судов, годных для боевых целей. Они выстроили свои силы в одну длинную линию перед заграждением поперек входа, вплоть до северной стороны бухты.

Афиняне со своими 110 судами пошли в бой и полным ходом бросились к оставленному в заграждении проходу. Им удалось прорвать неприятельскую линию, но они не смогли перескочить через цепи, связывавшие два соседних корабля в заграждении. Тут они оказались в центре всего сиракузского флота и принуждены были отказаться от дальнейших попыток прорваться через заграждение. Вскоре в тесной бухте завязался беспорядочный и ожесточенный бой. Обе стороны сражались с величайшим упорством и ожесточением.

Войска обеих сторон следили за боем с берега, жители Сиракуз наблюдали со стен города. У обеих сторон было потеряно много кораблей, пущенных ко дну таранными ударами, не меньшее число было разбито упорными балками и взято в абордажном бою; неоднократно 3-4 корабля сваливались вместе.

После долгой кровавой битвы афинские корабли, сражавшиеся под стенами города, не выдержали, несмотря на свое значительное численное превосходство, и обратились в бегство. Не всем афинским кораблям удалось скрыться за своим заграждением, и многие из них, преследуемые врагом, бежали к берегу, где их команды были спасены войском. Афиняне потеряли не менее 50 кораблей, сиракузяне же 26 или 28. Потери афинян людьми достигали, по меньшей мере, 8000-10 000 человек.

Глубокое отчаяние овладело афинянами, совершенно утратившими дисциплину; никто не давал себе труда укрыть уцелевшие корабли или даже предать земле тела убитых, что раньше почиталось первой и священной обязанностью. Демосфен настаивал на том, чтобы с рассветом следующего дня сделать внезапную попытку снова пройти через заграждение. Но афинские моряки были настолько деморализованы, что отказывались идти на свои суда.

В виду всего этого было решено покинуть флот и произвести отступление по суше, и то не сразу, а после некоторого промедления, оказавшегося впоследствии роковым. Корабли должны были быть сожжены, а припасы, каких нельзя взять с собой, уничтожены. Но к выполнению всего этого приступили лишь два дня спустя, благодаря чему сиракузянам удалось захватить еще 50 трирем. Больные и раненые были брошены, и, наконец, на третий день после битвы началось отступление. Отступало 40 000 человек, и к тому же без обоза.

Но благодаря предусмотрительности и энергии Гилиппа, который хорошо использовал задержку в отступлении, было сделано все для того, чтобы ни один человек не мог уйти. Афиняне повсюду были опережены, и путь в гористой, неровной местности был всюду им прегражден. Теперь они подвергались непрерывным нападениям со стороны войск Гилиппа.

В начале Никий рассчитывал пройти в Катану, обойдя Сиракузы, но, вследствие принятых Гилиппом мер, это оказалось невозможным. Тогда он попытался пройти в южном направлении. Но вскоре из-за трудности снабжения пришлось разделить войско на две части, что облегчило неприятелю задачу задержать дальнейшее продвижение. Через 6 дней, измученные непрерывными сражениями и лишениями, потеряв всякую способность сопротивляться, оба отряда афинского войска вынуждены были, наконец, сдаться на милость победителя – Никию на коленях пришлось просить Гилиппа прекратить избиение его людей.

По Диодору, в эти дни пало 18 000 человек, по Плутарху – еще более. Из взятых в плен, Демосфен и Никий были лишены жизни, неафиняне были проданы в рабство, а афиняне и около 7000 союзников из Сицилии и Италии были посажены в глубокие и холодные ямы в каменоломнях, где большая часть их, незащищенная от непогоды и лишенная самых элементарных забот (выдавался лишь половинный рацион, полагавшийся рабу), погибла от голода и грязи.

Так окончилось это задуманное в крупном масштабе предприятие – величайшее из всех дотоле предпринимавшихся цивилизованными нациями. Факт полного уничтожения всех афинских сил является единственным в своем роде в военной истории. Последствия вытекают не из материальных потерь - хотя они и были велики, Афины все же были в состоянии быстро выставить свой флот. Но моральное впечатление, созданное уничтожением афинского флота

под Сиракузами после непрерывных и упорных сражений, оказало влияние и на вновь восстановленные силы афинян. Чары афинского морского могущества были разрушены.

Весьма интересно, не только с исторической, но и с военной точки зрения, рассмотреть причины, которые привели к тому, что морская сила, не знавшая дотоле на море соперничества и смело и уверенно всего лишь 16 лет тому назад вступавшая в борьбу с противником, превосходящим ее по численности в два и в четыре раза, теперь, в течение каких-нибудь нескольких месяцев, пришла в такой упадок, что, несмотря на значительно превосходство сил, была полностью разгромлена. В чем причина того, что те, кто еще недавно считались первыми моряками в мире, из страха перед врагом, еще недавно очень незначительным, не только не решились вступить на палубу своих кораблей, но даже отказывались повиноваться своим начальникам?

Главные причины неудачи предприятия лежат не во внезапном изменении государственного строя, а в постепенной перемене форм землевладения и государственного аристократического строя Солона, вытеснявшегося неограниченным народовластием, что и завершилось безусловным проведением принципа равенства всех граждан.

В нем лежит полное непризнание того естественного положения, по которому люди созданы природой совершенно различными. Равенство всех в государстве ведет к господству таких, которые, лстя толпе, умеют тем или иным способом подкупить ее, либо импонировать ей; и история учит, что люди всегда достигали власти при участии беспощадного эгоизма и произвола.

Самыми худшими тиранами являются достигшие власти демагоги – право и закон для них не имеют никакого значения, граждан они подвергают пыткам, зрелища воспрещаются. Счастье для государства, если такой человек сумеет сделаться единодержавным, как Цезарь, Кромвель, Наполеон и др.

Но неизбежно приходит в упадок то государство, где не найдется такого человека и где демагогия властвует продолжительное время.

Все это особенно поучительно для флота. Флот есть столь нужное и трудное, постоянно требующее величайшего и равномерного попечения дело, что, когда колеблется управление государством, прежде всего это отражается на флоте. Это весьма убедительно показывает французская революция; даже гений Наполеона был не в состоянии за 15 лет привести в боевую готовность французский флот, совершенно расстроенный господством террора. Поэтому всякий, имеющий отношение к флоту, должен быть заинтересован в сохранении существующего порядка вещей, в консервативной политике. Господство демагогов действует деморализующе на военные силы.

Наиболее ярким примером тому является экспедиция в Сиракузы. Решением поставить во главе ее трех имевших одинаковые полномочия вождей было не соблюдено простейшее условие для успешного ведения войны, по которому абсолютно необходимым является единство руководства всеми военными действиями. Разделение ответственности вызвало нерешительность и полумеры в действиях флота и армии.

Сказалось влияние и того, что командование было против воли навязано старому, больному Никию и что в товарищи ему был дан – с целью удаления из Афин – бесхарактерный Алкивиад, пользовавшийся дурной славой и не имевший доверия у благоразумной части граждан. Имел значение также выбор деятельного, но не обладавшего вследствие бедности влиянием Ламаха, который и занял поэтому подчиненное положение. Разделение власти между тремя лицами ошибочно само по себе; выбором же этих трех предводителей была предрешена неудача всей экспедиции.

Пагубное влияние всеобщего равенства и свободы обнаруживается далее в унижении всего высокого и благородного, в падении добрых нравов, в грубом материализме, господство которого проникло в народ и было особенно сильно среди так называемых высших «10 000». О высоких благородных целях у афинян уже не было речи: маммона подавила все идеалы.

Характерно и то, что такой ничтожный, лишенный высоких стремлений человек, каким был Никий, мог играть ведущую роль лишь потому, что был богат.

Переходя теперь к рассмотрению военной стороны экспедиции, мы увидим, что она распадается на три периода.

1) С ухода экспедиции прошел год, в течение которого ничего положительного не было сделано, лишь неприятель был предупрежден, что побудило его вооружиться.

2) На второй год, наконец, начались энергичные действия; Ламах уже почти был близок к цели, но тут произошла перемена в положении, благодаря Гилиппу и коринфской эскадре. Затем – остановка и переход Сиракуз к действию.

3) Начало этих действий; удары непрерывно следовали один за другим до тех пор, пока, несмотря на прибытие сильных афинских подкреплений, не наступил конец – через три месяца враг был уничтожен.

Первый год был потерян безрезультатно, что указывает на отсутствие правильных воззрений на войну; война является мерилем сил; перерывы в военных действиях часто бывают вызваны непреодолимыми препятствиями, бывают и преднамеренными (Гилипп потратил 9 месяцев, чтобы укрепиться и снарядить флот). Но если хорошо снаряженная крупная армия высылается с определенной целью, то в случае выжидательных действий она всегда что-то проигрывает. При подобных условиях единственно правильным является возможно быстрое устремление к цели, без потери времени.

Если выдающийся полководец, каким был Алкивиад, к тому же имевший боевой опыт, не присоединился к мнению Ламаха на военном совете в Региуме, то вполне можно предположить, что личный интерес побуждал его говорить против своей совести – это предположение вполне допустимо, так как Алкивиад не имел никаких нравственных правил.

Что непосредственное решительное нападение на Сиракузы, пока там еще не успели приготовиться, привело бы к цели, показало годом позже произведенное нападение.

Недостатки в тактической области обнаруживаются в выборе места для лагеря в Анапской низменности вместо здорового, неприступного Эпиполеяского плоскогорья, а равным образом и в выборе стоянки для флота в бухте, которую следовало бы переменить с того момента, как Сиракузы стали сильны на море, так как бои в бухте для афинян были неблагоприятны.

В области морской тактики особенно замечательно коринфское изменение носа корабля для боя «штевнем к штевню», упорные балки, рассчитанные для сражений в узких фарватерах. Удивительна безрезультатность афинских тактических приемов, что показывает бой Дифила (у Навпакта). Корабли те же самые, материал наилучший, но предводитель и команды совершенно другие.

В этой войне были применены новшества частью в береговых боях, частью же в собственно прибрежной войне. Сюда надо отнести:

1) Поставленные сиракузянами, частью под водой, свайные заграждения, служившие для защиты кораблей и верфи.

2) Устроенные с той же целью афинянами судовые заграждения с запирающимися воротами, шлагбаумами и дельфинами.

3) Абордажные крюки, употреблявшиеся еще со времен Перикла. Здесь же были применены крюки особого рода, в виде руки с когтями.

4) Брандеры, сохранившиеся до новейшего времени; они могут причинить значительный вред, но присутствие духа и быстрые действия атакуемых по большей части делает их безопасными.

5) Заграждение бухты сиракузянами.

Такое разнообразие боевых и оборонительных средств указывает на значительные успехи техники; особенного внимания заслуживает выполнение в три дня и вполне достигшее своей

цели заграждение бухты длиной 1000 метров, указывающее вместе с тем на предусмотрительность, смелость и способность руководителей. Это заграждение сделало осаду достопамятной для военно-морской истории.

Следует также отметить силу случая на войне, как например, это имело место во время полного лунного затмения 27 августа; событие это является убедительным доказательством того, какое влияние на войну оказывает степень культурности данного народа.

Конечно, может случиться, в особенности же с флотом, что шторм (случай), морское течение и т. п. могут серьезно помешать, принести вред, а подчас и погубить предпринятое, но здесь имело место не материальное воздействие, а исключительно нравственное, распространившееся при наличии суеверия на всех. То, что эвление это имело место при совершенно ясном небе, ночью и перед самым отплытием афинского флота, оказало роковое действие. Таким образом, случай является здесь причиной гибели большой военной силы и оказывает существенное влияние на исход войны.

Решающее значение имеет также и моральный элемент. Что может сделать деятельный офицер, даже лишенный руководства, показывает поступок коринфянина Гонгила, командира первой триремы, которая одна вошла в Сиракузы в то время, когда город уже готов был сдаться афинянам.

Но более всего выделяется Гилипп – предводитель, который может служить великим примером. Вместо флота и войска Спарта послал его одного на помощь сильно стесненным Сиракузам. Он должен был отыскать в Коринфе корабль, и беспрепятственно дошел до Левкадии, так как афиняне не успели заблокировать Рионский проход. В Левкадии Гилипп получил сведения, что Сиракузы заперты со всех сторон и что положение дел там безнадежно. Но даже не видя возможности спасти Сиракузы, он решил использовать в Италии и Сицилии все, что только могло помочь делу родины.

Сколько-нибудь значительных военных сил у него не было, кроме четырех союзных кораблей, и с этими силами он выступил против гораздо более сильного врага. Гилиппа не могли сбить с толку ложные известия, равным образом не смутил и шторм, повредивший его корабли и отнесший его из Туриса (Фурии) в море; он твердо шел к своей цели. Слишком осторожный, чтобы идти в Сиракузы, он, учитывая возможность быть пойманным бдительными афинянами, прошел вдоль северного берега, вытащил корабли на берег, превратил корабельные команды в сухопутных воинов и с этим маленьким войском пошел навстречу сильному неприятелю. Ему удалось внезапно напасть на Лабдалон, вступить в город и помешать афинянам сомкнуть осадное кольцо. Когда же сиракузяне в первой же схватке были разбиты, он взял вину на себя, чтобы не лишить их бодрости духа. Вот пример выдающегося ума и самоотверженности.

Принимая во внимание положение вещей и соотношение сил, следует признать достойной самой высокой оценки исключительную, почти граничащую с дерзостью, смелость Гилиппа. И успех оказался на его стороне, ибо счастье помогает смелым. *Ardentem fortuna juvat!*

Лишь только город был обезопасен со стороны суши, он прекращает сухопутные операции и помышляет только о выступлении против врага на море, хотя оно и не является его стихией, и руководство морскими операциями не находится в его руках (знание, смелость, пренебрежение своей личностью в интересах дела – редкое величие души).

Не давая себе ни на минуту отдыха, он пускает в ход все, что только нужно; заботится, при участии коринфян, об устройстве верфи и о защите ее от вражеских нападений, об изыскании денежных средств и материалов для постройки судов, равно как и о самой их постройке и вооружении, об обучении судовых команд.

Все это было приведено в исполнение за 9 месяцев, в течение которых он удерживался от военных действий с целью настолько собраться с силами, чтобы сиракузяне уверенно могли вступить в бой с сильным неприятельским флотом.

Как мы видели раньше, сиракузяне, хотя и сражались превосходно, были побеждены в этом бою, но лишь потому, что слишком горячо принялись за преследование. Тем не менее, Гилиппу, глубоко продуманным и отлично выполненным взятием Племерииона, удалось уравновесить проигрыш захватом этого форта.

Для лучшей охраны входа в бухту он располагает корабли и с внешней ее стороны, посылает эскадру в Италию для захвата афинских транспортов и, снова приведя флот в боевую готовность, наносит афинянам удар за ударом. В каждом из четырех сражений, происходивших на протяжении следующих 3 месяцев, успех выпадает на долю сиракузян; наконец, неприятелю отрезаны пути к отступлению и с моря и с суши, и это приводит его к окончательной гибели.

Гилипп проявил во всех областях неутомимую деятельность, твердость характера, предусмотрительность и энергию, решительность и дерзкую отвагу, редко встречаемые в столь высокой степени. Особенно выдающимися его качествами являются способность овладеть не только любым положением, но и владеть самим собой, самоотвержение, подчинение своих личных интересов интересам дела; благодаря всему этому, он доводит каждую поставленную себе цель до самого конца. Как уже было сказано, Гилипп доходил до жестокости и умел ненавидеть, но был бескорыстен и неподкупен.

Резкую и печальную противоположность ему представляет собой Никий, знатный, важный и нелишенный способностей человек, обладавший личным мужеством и военным опытом, имевший немало успехов, но мелочный, суеверный, а, главное, не имевший нравственного мужества и избегавший ответственности.

Следует отметить еще одно резкое различие между обоими полководцами в области военной: Никий выступает в поход с большим, прекрасно вооруженными и снабженными всем необходимым войском, и все время просит и получает с родины сильные подкрепления деньгами, кораблями, людьми и военными припасами; все это не дает ему ни одного положительного результата, все предприятие постыдно погибает. Гилипп же, наоборот, все (кроме 12 коринфских трирем и 1600 посланных вслед гоплитов) делает и достигает сам, и с этими разнохарактерными, частью импровизированными силами достигает блестящего успеха.

Поражение Афин

С уничтожением Сиракузами афинских боевых сил закончились военные действия между Спартой и Афинами в Сицилии, но еще продолжились в Греции.

Узнав о поражении Афин, Хиос, Самос, Византий и другие союзники отпали от них и примкнули к пелопоннесскому союзу. Они уже давно тяготились ярмом афинской демагогии и только ждали подходящего случая. Но самый город Афины был все еще настолько богат и могущественен, что мог выставить новый флот.

Вследствие отпадения от Афин этих союзников разыгралась война на востоке, на берегу Малой Азии от Византии до Родоса; в то же время в Аттике Декелейя в продолжение долгого времени все еще оставалась занятой, город был совершенно отрезан от сообщения с сушей, и вся область подверглась сильному опустошению.

Внутренние неурядицы в Греции привели к тому, что обе стороны домогались благосклонности и золота персидских сатрапов, которые 50 лет тому назад покорно просили Афины о мире. Алкивиад, расчеты которого не оправдались в Спарте, снова перешел на сторону афинян; приговоренный некогда к смерти как государственный изменник, этот человек, причинивший Афинам столько вреда, был теперь принят с распростертыми объятиями и поставлен

во главе флота; все это является показателем бесхарактерности как самого Алкивиада, так и афинского народа.

Далее произошел ряд морских столкновений – Пелопоннес, которому Сицилия прислала в помощь эскадру, стал снова силен на море – в Пропонтиде, Геллеспонте и у малоазийского побережья; эти сражения оканчивались попеременно победой то одной, то другой стороны.

Можно отметить только, что в Афинах господство террора зашло так далеко, что после сражения в сентябре 406 г. до н. э. у Аргинуз (между о. Лесбосом и материком, ближе к последнему, где 155 афинских кораблей сражались против 125 пелопоннесских, из которых уцелели лишь 43) одержавшие победу афинские предводители, против которых был возбужден процесс, сопровождавшийся самым низким крючкотворством, были приговорены к смерти.

Решительный исход имела битва при Эгоспотамах (маленький ручей во Фракийском Херсонесе, впадающий в Дарданеллы). Битва эта, хотя и происходила между флотами, не может, однако, быть названной морской битвой, так как здесь спартанцу Лисандру, при поддержке Кира младшего, удалось внезапно напасть на весь афинский флот в 170 кораблей, стоявший, за исключением небольшого отряда, на якоре, и перебить или взять в плен весь личный состав, находившийся на берегу. Удалось спастись всего какому-нибудь десятку кораблей. Афинский командующий Конон, помятуя награду предводителям в битве при Аргинузах, не осмелился вернуться в Афины и бежал на о. Крит. Пленные, в числе 3000 человек, были убиты вместе со всеми офицерами. После этого Афины уже не были в силах воссоздать новый флот. Осажденные с суши, они оказались отрезанными и с моря; порты были блокированы, подвоз, от которого всецело зависел город, был закрыт, и Афинам через несколько месяцев пришлось под воздействием голода согласиться на все требования Спарты: они должны были выдать все свои корабли и получили право держать только двенадцать; они принуждены были разрушить длинные стены, соединявшие город с гаванью, и ограничить сферу своего влияния лишь Аттикой (таким образом, делосский союз прекратился) и присоединиться к пелопоннесскому союзу. Так окончилась война, продолжавшаяся 27 лет, и вместе с тем окончилось могущество Афин и значение для морской истории их морских сил, хотя в материальном отношении флот Афин впоследствии достиг еще большей высоты, чем прежде (к 330 г. до н. э. Афинский флот насчитывал 392 триремы и 18 quadrirem, через шесть лет число quadrirem возросло до 48, кроме того введены в строй были еще семь пентер).

Глава III. Карфаген и Рим

События, предшествовавшие первой Пунической войне

Еще одной крупной морской державой был Карфаген; особенный интерес представляет борьба Карфагена с Римом за мировое господство.

Карфаген был одной из самых древних финикийских колоний и был основан, вероятно, еще в XIII в. до н. э. В 814 г. до н. э. город был восстановлен Дидоной (Элиссой) и другими выходцами из Тира, и в сравнительно короткое время достиг цветущего состояния. Характер финикийян (хананеян) уже был обрисован: они имели исключительную склонность к мореплаванию и в этой области сделали чрезвычайно много; в самые отдаленные времена они уже ходили через Гибралтарский пролив в Англию и в Гвинейский залив, а впоследствии и кругом Африки. Однако эти путешествия не преследовали каких-либо идеальных целей: основания новых поселений, увеличения могущества своей страны или приобретения новых познаний, как это делал Геродот для просвещения своих современников и потомков – эти цели были чужды финикийцам. Руководили ими исключительно торговые интересы; только с этими целями они основали многочисленные фактории, которые, впрочем, они легко покидали, не

оказывая серьезного сопротивления при наступлении на них более воинственных народов, так как ни военной подготовки, ни воинского духа у них не было. Финикийский флот выступил в качестве фактора в морской войне только тогда, когда страна утратила свою независимость, и действовал этот флот на службе и по приказанию пришлых владык, в интересах совершенно чуждых родной стране.

Многочисленные финикийские колонии, как и сами финикийцы, с течением времени были покорены другими народами, и история не сохранила о них никаких сведений; единственной колонией, ставшей независимым государством и достигшей значительного могущества был Карфаген.

Своим развитием Карфаген в значительной мере обязан был исключительно благоприятному географическому положению, вблизи оконечности далеко выдававшегося в Средиземное море выступа Африканского материка, который вместе с Сицилией и Южной Италией делит это море на две части. Местоположение Карфагена представляло следующие выгоды:

1. Занятое им место давало возможность преградить сообщение с западом.
2. Богатые Сицилия и Сардиния лежали в непосредственной близости от него.
3. Имелась превосходная гавань.
4. Страна была населена, хотя и воинственным, но кочевым, неорганизованным в государственном смысле народом, который вследствие этого и не представлял значительной военной силы.
5. Все это создавало для финикийцев позицию, дававшую возможность господствовать на Средиземном море, или, по крайней мере, в средней и западной его части. В этом и ныне заключается значение обладания Тунисом и Бизертой.

Однако естественные преимущества географического положения не были единственной причиной того, что Карфаген, один из сотен финикийских торговых поселений, возвысился до степени могущественного государства и господствующей морской державы; было много других колоний, которые также занимали прекрасное географическое положение; решающим фактором в этом случае были скорее умственные и нравственные преимущества карфагенян; судя по семейству Барка, к которому принадлежали Гамилькар и Ганнибал, нужно думать, что вместе с Дидоной из Тира в Карфаген переселились некоторые особенно выдающиеся семьи; этим объясняется быстрый упадок Тира и столь же быстрое возвышение Карфагена, который вскоре занял господствующее положение в западной части Средиземного моря и стал во главе всех финикийских колоний, лежавших к западу от Карфагена.

Уже в древнейшие времена на Сицилии, так же как и на Сардинии и на Балеарских островах, существовали финикийские поселения. В VII веке в Сицилии и в западной части Средиземного моря появились греки, которые в 628 г. до н. э. основали на западной стороне острова, поселение Селин, вытеснили финикийцев и заняли Лилибеум на западной его оконечности; в это же время фокеяне основали Массалию и, таким образом, и торговле и владычеству Карфагена в Западном море стала грозить опасность захвата греками. Около 600 г. до н. э., финикийцы, главным образом карфагеняне, вопреки своему обыкновению, стали оказывать грекам противодействие, и это приостановило дальнейшее развитие греческой колонизации и даже несколько оттеснило греков с занятых ими позиций. В отношении отдаленной Массалии дело ограничилось стеснением ее мирной торговли, что же касается Сицилии, то греки были совершенно изгнаны из Лилибеума, и с тех пор между обоими народами на острове возникла только изредко прерывавшаяся ожесточенная борьба за обладание им, и борьба эта с переменным успехом продолжалась почти 400 лет. Главным центром греческого влияния на острове были Сиракузы, являвшиеся в то же время единственной значительной силой на море. Энергичный натиск Карфагена не ограничился одной Сицилией, но распространился и на остальные острова западной части Средиземного моря, с Мальтой включительно, на Испанию и на все северное побережье Африки, начиная от Египта и до самого Атлантического океана. Греки,

основавшие колонии и в Ливии, были оттуда изгнаны, туда вообще не допускался никто из иностранцев. Про оба залива Сырта были распушены страшные рассказы, и внутренняя страна была так тщательно изолирована от всякого внешнего влияния, что финикийский язык в ней сохранился до V в. н. э., тогда как как он уже совершенно исчез во всех других местах и даже на самой родине своей.

На западе Карфаген подчинил себе все финикийские поселения до Зеленого мыса и в Испании и обложил их данью. Независимость был сохранена только за теми городами в Африке, которые были основаны выходцами из Тира, как, например, Утика, который был древнее самого Карфагена, и за некоторыми другими (в этом выразилось чувство почтения к одной общей родине).

По обычаю финикийян, Карфаген до этого времени выплачивал земельную аренду тому африканскому племени, на земле которого город был выстроен; теперь это было прекращено: все окрестности города были подчинены Карфагену, земли захвачены и перекуплены отдельными жителями; обработка земли стала производиться при помощи рабов, число которых у некоторых богачей доходило до 20 000 человек.

Таким образом, Карфаген в VI в. до н. э. сделался могущественной сухопутной и морской державой, простиравшейся от Киренаики до Атлантического океана; средством для такого развития послужил, главным образом, военный флот, превосходивший всех своих соперников; об этом флоте более точных сведений не имеется, так как никаких карфагенских письменных памятников не сохранилось. Войско, как это обычно бывает у торговых народов, состояло из наемников всевозможных национальностей (это делалось преднамеренно). Западная часть Средиземного моря находилась под властью Карфагена до Галльского моря, где ему приходилось вступать в состязание с кораблями из Массалии, и до Тирренского моря, на котором господствовали этруски. С последними Карфагену не раз приходилось сталкиваться, но против греков они действовали сообща, так же, как и против фокеев в сражении при Алерии на Корсике в 636 г. до н. э. Корсика осталась во власти этрусков, Сардиния подпала под власть Карфагена. Этруски вели морскую торговлю и занимались морским разбоем не только на Тирренском, но и на Адриатическом море, так как успели обосноваться и в устьях реки По; здесь этруски и иллирийцы также имели преимущество перед греками, самой северной колонией которых был Эпидамн.

Карфагеняне умели основательно использовать свое могущественное положение на море: всем другим народам было запрещено плавание на тех морях, на которые простиралось их господство, а вся иностранная торговля была, насколько возможно, сосредоточена в Карфагене. Таким образом, создавалась монополия, дававшая громадные выгоды; к тому же карфагеняне, опытные в финансовых делах, выступали посредниками при заключении иностранных государственных займов. Все это привело к тому, что с V в. Карфаген стал самым богатым городом в мире.

В течение долгого времени соперником Карфагена являлись Сиракузы на острове Сицилия. В 480 г. до н. э. карфагеняне заключили союз с Ксерксом, который рассчитывал, что своим нападением на Сицилию они отвлекут силы греческих колоний и не позволят им прийти на помощь метрополии, и предприняли атаку на город, но были совершенно разбиты при Гимере, в день Саламинского сражения. Четыре раза карфагенянам удавалось завладеть всем островом до самых Сиракуз, но у стен города все их атаки терпели неудачу.

Сиракузы сдерживали в определенных границах и этрусков: Мессинский пролив был для них закрыт, а в 474 г. до н. э. они были разбиты в большом сражении у Киме; несмотря на это, они еще в течение долгого времени сохраняли господство на морях к западу и к востоку от Италии.

Между тем, в средней Италии, в Риме, зародился новый соперник этих трех морских держав, которому суждено было привести их к гибели, несмотря на то, что римляне, как и

спартанцы, с которыми они вообще имели много сходства, никогда не чувствовали склонности к морю. В этом отношении очень знаменательной является фраза Катона, который сказал, что одним из трех своих поступков, в которых он раскаивается, является тот случай, когда он однажды сел на корабль, хотя имел возможность пойти пешком. У римлян было отличное войско, и внутренняя организация их была превосходна; у них существовала обязательная воинская повинность в возрасте от 17 до 45 лет, а служить считалось почетным, причем, в службу эту не допускались вольноотпущенники, рабы и понесшие наказание за преступление. Римляне придавали большое значение телесным упражнениям и вели суровую жизнь. История развития Рима представляет громадный интерес, но изложение ее завлекло бы нас слишком далеко, а потому мы посвятим ей только несколько слов.

Период управления царей, начавшийся после основания Рима и продолжавшийся приблизительно 240 лет, относится к области легенд, причем, твердо установленным можно считать только то, что Рим в этот период, после долгой борьбы, завоевал себе первенство среди городов Лациума. После изгнания Тарквиния (511 г. до н. э.) началось покорение этрусков, которое с переменным успехом продолжалось более 240 лет. Большой помощью Риму в этой борьбе послужило то обстоятельство, что в это же самое время этруски подвергались постоянным нападениям со стороны кельтских народов, пришедших из-за Альп, и на море – со стороны Сиракуз, и притом, не только на Тирренском море, но и на Адриатическом, где Дионисий Сиракузский в начале IV в. до н. э. отнял у них острова Исса (Лиссу), Анкону и Гатрию. Со взятием Пирги, служившей гаванью для Сера, морское могущество Этрурии было сломлено.

Неоднократные нашествия кельтов (галлов), из которых только одно, в 390 г. до н. э., под начальством Бренна, затронуло и Рим, миновали его, хотя и захватывали весь полуостров у самой Кампании; Риму эти нашествия послужили на пользу, так как они ослабили италийские народы, с которыми Рим находился в почти непрерывной войне.

Начиная с 500 г. до н. э. Рим начал завоевывать латинские города, бывшие до тех пор независимыми, причем они не подвергались такому жестокому и унижительному обращению, как члены Делосского союза со стороны Афин. Города эти получали права римского гражданства, что крепко привязало их к Риму; окончательное подчинение их Риму произошло 160 лет спустя, а подчинение городов Кампании еще через 11 лет, после взятия Капуи, в 329 г. до н. э.

Вслед за тем Рим, могущество которого значительно возросло, принялся за покорение самнитов; война эта продолжалась 37 лет, до 290 г. до н. э., но благодаря присущей римлянам настойчивости и превосходству их военного искусства, была доведена до победоносного конца. После этого вся средняя Италия оказалась под властью Рима, и только юг, так называемая (вследствие множества греческих колоний) Великая Греция, оставался независимым. Таким образом, римляне пришли в непосредственное соприкосновение с древнейшим культурным народом – греками.

Греция к этому времени уже давно сошла с высоты своего могущества. После Пелопоннесской войны, истощившей до крайности обе стороны, Спарта в течение 33 лет (404-371) владела вновь приобретенной гегемонией; затем, после победы Эпаминонда у Левктр, гегемония эта перешла к Фивам, которым, однако, удалось удержать ее только в течение девяти лет (371-362). После этого постепенно стало возрастать влияние Филиппа Македонского, который после победы у Херонеи, 3 августа 338 г. до н. э. стал полным властелином в Греции. Подвиги его сына, Александра Великого, сделали Македонию первой державой мира, и положение это она продолжала занимать в Европе и после его смерти, среди развалин его колоссального царства. И вот, наряду с Грецией и Карфагеном, в качестве третьей мировой державы, на сцену выступил Рим.

Разрушение Персидской империи и последовавшие вскоре после того распадение еще более обширного царства Александра Великого повлекло за собой как бы разложение наро-

дов, создало благоприятную почву для появления всяких искателей приключений, чему способствовало и повсеместное использование наемных войск.

Удивительной личностью того времени был Агафокл, родившийся в 361 г. до н. э. в Региме, по ремеслу горшечник. В юности он пришел в Сиракузы, сделался солдатом и отличился в войне. Благодаря одному богатому покровителю, он быстро выдвинулся, в особенности с тех пор, как после смерти покровителя женился на его вдове. Со временем ему удалось добиться того, что в 317 г. до н. э. его выбрали предводителем войска, и тогда, при помощи шайки демократического сброда, он захватил власть, казнил 4000 богатых и уважаемых граждан, еще 6000 отправил в изгнание и начал править самовластно. Ему в значительной степени удалось осуществить намерение покорить всю Сицилию, но при этом он был вовлечен в войну с карфагенянами, которые разбили его у Гелы и осадили в Сиракузах.

Тогда у него родился план, который и дал повод рассказывать здесь о нем. Рассчитывая отвлечь карфагенян от Сиракуз, он решился атаковать их в Африке. В 310 г. до н. э. ему удалось прорвать карфагенскую блокаду и высадиться в Африке, где он так искусно и удачно повел войну, что через три года карфагеняне владели уже почти только одним своим городом. Нельзя не признать, что план осажденного военачальника прорвать блокирующий флот и из тесно обложенного города предпринять крупную заморскую экспедицию в далекую неприятельскую страну, по своей смелости и оригинальности должен считаться единственным в своем роде: от обороны он перешел к самому дерзкому наступлению против неприятельской столицы.

Первая цель его – отвлечь карфагенян от Сиракуз – была достигнута; однако взять Карфаген и добиться каких-либо прочных результатов ему не удалось, так как войскам его не хватало моральных качеств: они были вероломны, коварны и в высшей степени жестоки. Агафоклу пришлось возвратиться в Сиракузы, которые тем временем подверглись нападению со стороны Агригента. Он освободил Сиракузы, провозгласил себя царем, заключил мир с Карфагеном и царствовал благополучно еще в течение 16 лет, пока не был отравлен своим внуком. Смерть его совпала с временем утверждения владычества Рима в средней Италии.

Присущее римскому народу стремление к расширению своего владычества вскоре привело к нарушению мира с Великой Грецией. В 285 г. до н. э. Рим вступил в войну против Лукании и Бруциума, а через два года римская эскадра, состоявшая из 10 кораблей, вошла в Тарент – самый большой и важный город и лучшую гавань Великой Греции.

Это было первым выступлением римлян на море. Обыкновенно считают, что до первой Пунической войны у них вовсе не было флота, но это является заблуждением; Рим стоит недалеко от моря, Лациум имеет длинную береговую линию, и это само по себе должно привлекать римлян к морю, и действительно уже в 633 г. до н. э. ими была заложена гавань в Остии, у римлян и у других итальянских приморских городов был большой торговый флот. Римляне не любили моря, не были моряками от природы, однако спокойное, обстоятельное и разумное отношение к делу привело их к убеждению, что пренебрегать морем нельзя. Насколько слабы были римляне на море доказывается тем, что еще в 349 году греческий (сиракузский) флот грабил берега Лациума. Вероятно, вследствие этой слабости Рим заключил с Карфагеном договор о торговле и мореплавании, в котором ярко отражается превосходство более сильного на море города: римлянам запретили плавать за пределами Гермейской области, а производить торговлю в карфагенских гаванях им разрешалось только под правительственным надзором; зато карфагеняне получили право свободной торговли, им лишь запрещалась постройка крепостей и не разрешалось производить разбой в глубине страны (побережье, следовательно, было отдано им во власть).

Таков же был и договор с Тарентом: римляне не имели права плавать дальше мыса Лациниум. Защита побережья была организована только после того, как Рим захватил значительную береговую полосу от Этрурии и Лукании; прибрежные жители были освобождены от службы в войсках, но зато обязаны были поставлять суда для торгового мореплавания, причем в Кам-

паний это были греческие суда. Впрочем, к концу IV века был уже сформирован и римский флот – были назначены *duumviri navales* (морские дуумвиры) на эскадру, которая должна была блокировать с моря Нуцерию в Кампании, уже обложенную с суши. В 207 г. до н. э. на Корсику должна была отправиться эскадра из 25 кораблей, но Карфаген воспротивился этому, а римляне были настолько слабы на море, что вынуждены были заключить договор, еще более ограничивающий их в правах.

В 283 г. до н. э. римская эскадра отправилась в Тарент, что противоречило договору и само по себе было крайне подозрительно, так как Рим находился в войне с Бруциумом; поэтому неудивительно, что приход эскадры вызвал сильное возбуждение. Тарентцы были так возмущены, что напали в гавани на эскадру, убили ее начальника, захватили 5 кораблей, экипаж которых был также уничтожен; остальным кораблям удалось уйти. Очевидно, что руководство эскадрой, поставившее ее в такое опасное положение, было крайне неумелым.

Таким образом, возник повод для войны, которого, по-видимому, преднамеренно искал Рим. Тарент в 280 г. призвал Пирра из Эпира, который, хотя и происходил из царского рода, но вследствие бурно проведенной юности и общей неурядицы, сделался искателем приключений. Эпир казался ему слишком ничтожным поприщем для его честолюбивых замыслов, а потому он отозвался на приглашение Тарента, рассчитывая положить основание мировой монархии. Он двинулся в Тарент с большим войском (25 500 человек; были у него и слоны); таким образом, греческая фаланга столкнулась с римским легионом. У Гераклеи Пирр одержал победу, так как был лучше подготовлен и, кроме того, для римлян были новостью и фаланга и слоны; затем, он одержал вторую победу у Аускулума, но при этом понес громадные потери. Он двинулся на Рим, к которому подошел на близкое расстояние. Пирр рассчитывал, что местные жители присоединятся к нему, но его расчеты не оправдались. В то же время он получил призыв из Сиракуз, которые были осаждены карфагенянами и приглашали его к себе на царство. Тогда он бросил на произвол судьбы итальянских греков, своих сородичей и товарищей по оружию, и отправился искать счастья в Сицилию.

Рим и Карфаген заключили союз против Пирра: в случае нападения на одного из союзников, другой должен был идти к нему на помощь; Карфаген обязывался, в случае надобности, доставить транспортные суда и выставить военный флот; каждый из союзников должен был содержать свою сухопутную армию.

Пирр без сопротивления высадился в Сицилии, освободил от осады Сиракузы, обложенные с суши и с моря; все греки присоединились к нему, и ему удалось завоевать весь остров до самого Лилибеума, который ему, однако, взять не удалось за неимением флота. Отсутствие флота мешало ему также сообщаться с Тарентом и Эпиром, вследствие чего он приступил в Сиракузах к постройке флота, который был готов к 276 г. Между тем, среди греков возникли раздоры, которых Пирр не сумел уладить, и вместо того, чтобы взять Лилибеум, он возвратился обратно в Тарент, покинув своих соотечественников и Сиракузы.

По пути он выдержал сражение с карфагенским флотом, который следил за ним; в сражении этом он потерял много кораблей, с остальными добрался до берегов Италии и снова возобновил войну против Рима. В 275 г. он был разбит римлянами у Беневентума, после чего предоставил Великую Грецию ее судьбе и возвратился в Эпир, оставив в Таренте своего ставленника Милоса. Несколько лет спустя Пирр был убит в сражении у Аргоса.

Римляне осадили Тарент, но за неимением флота, не могли его взять до тех пор, пока в 272 году не подошел на помощь карфагенский флот, который очень быстро добился решительных результатов. Город не мог более держаться, и тарентцы хотели сдать его карфагенянам, но Милос (ставленник Пирра) сдал цитадель римлянам, в руки которых попал и весь город. Карфагенскому флоту пришлось уходить ни с чем, так как результаты получились как раз обратные тому, чего он добивался. Флот этот действовал в интересах римлян и вызвал немедленную сдачу города, который римляне уже долгое время тщетно осаждали, и который им, при их

неумении вести осадную войну, никогда не удалось бы взять с суши – этот случай ясно показывает, какое решающее влияние может иметь наличие флота. И, несмотря на это, римский сенат еще обращался в Карфаген с жалобами на действия начальника карфагенского флота.

Тарент был вынужден скрыть свои стены, выдать корабли и оружие, и это было большим выигрышем для Рима, так как Тарент был самым большим и богатым городом в Великой Греции, а вместе с тем и во всей Италии. Он же был единственной хорошей гаванью на южном берегу и вообще в Италии.

В том же году окончательно покорились Риму самниты, пытавшиеся вновь восстать в надежде на Пирра, а также луканцы и бруттийцы. Таким образом, в чужой власти оставался только Региум; в этом городе уже за несколько лет перед тем взбунтовался состоявший из наемников римский гарнизон, завладел городом, который превратил в разбойничье гнездо. Совершенно то же самое произошло и в Мессане, лежавшей против Региума по другую сторону пролива, где основались мамертинцы – банда наемных солдат, когда-то состоявших на службе у Агафокла. Случаи эти доказывают полное государственное и общественное разложение того времени: шайки бездомных солдат продавались для каких угодно целей тому, кто предлагал наибольшую цену, а когда не находилось нанимателя, они принимались за разбойничье ремесло.

Несмотря на продолжительную осаду, римляне не могли взять Региума; тогда на помощь им в 270 году пришел Гиерон Сиракузский. Гиерон, отпрыск благородной семьи, обладавший многими достоинствами, отличившийся на войне и всеми любимый, был провозглашен в Сиракузах царем. Региум, несмотря на отчаянную храбрость защитников, не мог устоять против одновременной атаки войска и флота. Оставшиеся в живых мамертинцы были отведены в Рим, подвергнуты наказанию плетьюми и казнены.

Таким образом, вся Италия (нынешняя Верхняя Италия в те времен причислялась к Галлии – *Gallia Cisalpina*) была подчинена римлянам; постоянными войнами они, сперва очень медленно, а за последние 50 лет – чрезвычайно быстро, распространили свое владычество, завоевали цветущие области с инородным населением. Можно было думать, что на этом они, если не навсегда, то, по крайней мере, на некоторое время, остановятся, тем более, что во всех направлениях границы их подошли к морю, к которому они никогда не чувствовали склонности.

Однако и на этот раз оправдалась поговорка о том, что аппетит растет во время еды: властолюбие римлян не знало пределов, а Сицилия лежала так близко, что они не могли удержаться от соблазна завладеть ею, тем более, что плодородие и богатство ее являлось для них постоянной приманкой. Правда, она лежала по другую сторону моря, но отделена была только узким проливом; не подлежало сомнению, что переправа через этот пролив поведет к войне с могущественным на море Карфагеном, но римляне не отступали перед неприятелем. Римляне успели хорошо познакомиться с карфагенянами, с которыми им пришлось уже не раз вступать и в дружественные и в неприязненные отношения; до войны, однако, дело еще ни разу не доходило. Итак, римляне переправились через море и вступили в борьбу с господствовавшей на море державой, не задумываясь о тех средствах, при помощи которых борьба эта могла быть доведена до успешного конца.

Их противником было могущественное государство, вытянувшееся вдоль всего северного берега Африки, все существование которого было основано на морской торговле; для охраны этой торговли и для дальнейшего развития заморских торговых связей, государство это содержало сильный флот, который безраздельно господствовал на морях, так как его единственный соперник – Сиракузы – был слишком ослаблен внутренними неурядицами и постоянными войнами, чтобы оказать какое либо сопротивление.

Карфаген имел и большую армию – вся она состояла из наемников, всех наций, с которыми Карфаген состоял в торговых отношениях. Солдаты служили только ради собственной

выгоды: и государство, им платившее, и цели, ради которых они сражались, были для них совершенно безразличны.

Для содержания армии и флота требовались крупные денежные средства, доставлявшиеся мировой торговлей. Народ, исповедовавший жестокую и чувственную религию, всецело был предан поклонению золотому тельцу, со всеми вытекающими отсюда последствиями: высшие классы предавались роскоши и распутству, питали друг к другу постоянное недоверие и беспощадно давили низшие классы; покоренные народы держались в тяжелом угнетении, которое заставляло их мечтать о той минуте, когда они будут в состоянии сбросить ненавистное иго и получить свободу, или, по крайней мере, перейти под власть более милосердного господина.

Постоянная подозрительность отрицательно сказывалась и на командовании войсками. Военачальники выбирались народом из числа граждан; вследствие партийных происков выбор часто падал далеко не на наиболее подходящих лиц. Однако и эти выборные вожди не пользовались свободой действий; к ним были приставлены для наблюдения представители от сената, в числе 30 человек; им даже не предоставлялось права выработать план ведения войны, который составлялся особой комиссией из ста судей; комиссия эта, кроме того, постоянно вмешивалась в ход операций, смещала военачальников и привлекала их к ответственности. Вследствие этого происходила постоянная смена командования, причем, нередко случалось, что неудачливый военачальник подвергался жестокой казни на кресте. Эти казни особенно неблагоприятно отражались на успешном ведении войны, также как и взаимные отношения между начальниками и наемными солдатами, не связанными между собой ни взаимным доверием, ни расположением. Ни у государства, ни у военачальников не было никаких оснований, кроме денежных расчетов, беречь людей, так как ценою золота они могли иметь их сколько угодно, а потому нередко случалось, что начальники бросали своих людей на произвол судьбы или жертвовали ими для своего собственного спасения. Интересно отметить, что у карфагенян всегда были особые начальники для флота и для сухопутной армии, между тем, как у греков и римлян в этом отношении никаких различий не делалось.

Карфагенский флот в те времена состоял, главным образом, из пентер (квинкверем), а также из трирем, которые еще сохранились в употреблении. Тетреры (квадриремы) и пентеры – «четырёхрядные» и «пятирядные» суда, начал строить около 400 г. до н. э. Дионисий Сиракузский. Первые, вероятно, были придуманы незадолго до этого карфагенянами, вторые же, возможно, были его собственным изобретением. Название этих и прочих «многорядных» судов (политер) вовсе не значит, что они имели по четыре, пять и более рядов весел с каждого борта (подобные многоэтажные монстры не могли бы держаться на воде). Если на классической триреме V в. до н. э. каждое весло приводилось в движение одним гребцом, то на этих судах на одно весло могло приходиться по два-три и более гребца (на европейских галерах XVII-XVIII вв. на одно весло иногда приходилось и по 8 гребцов). Гребцы на пентере располагались по-прежнему в три ряда (два транита, два зигита и один таламит), своими линейными размерами пентера практически ничем не отличалась от триремы (в Афинах в IV в. до н. э. они хранились в тех же самых ангарах), она имела меньшее число весел, но они были длиннее – пара гребцов создавала большее усилие, но и пространства им требовалось больше, поэтому пришлось увеличить промежутки между банками. Весла таламитов, занимавших нижние банки, были, соответственно, короче. Уменьшение числа весел давало еще одно преимущество – сокращалась потребность в квалифицированных гребцах, достаточно было иметь по одному такому на каждое весло.

Корабли нового типа быстро получили признание – к середине IV в. до н. э. тетреры (квадриремы) и пентеры (квинквиремы) были приняты на вооружение флотом Сидона; Александр использовал их при осаде Тира в 332 г., Дионисий II Сиракузский (367-344) строил уже и «шестирядные» военные корабли. Первые крупные и высокие пентеры были построены Деметрием Полиоркетом, человеком богато одаренным техническим талантом, которому (то есть

вообще грекам) и подражали карфагеняне в постройке своих судов. Деметрий, который уделял исключительное внимание различным новшествам в области военной техники, не был изобретателем политер, однако многое сделал для их усовершенствования. Он первым начал строительство гигантских, вооруженных метательными машинами военных кораблей. Эти «дредноуты» прошли испытание в битве с флотом Птолемея I при Саламине Кипрском в 306 г. до н. э. – первый случай в истории, когда морское сражение было выиграно исключительно благодаря корабельной артиллерии. Традиционная морская тактика, где основная ставка делалась на скорость и маневренность, таранные удары и абордажный бой, была им полностью пересмотрена. Плавающие батареи Деметрия (в сражении участвовали 10 «шестирядных» и 7 «семирядных» судов) не дали египетскому флоту приблизиться для таранного удара, прижали его к берегу и уничтожили (Диодор, 20.49.4).

После битвы при Саламине Деметрий успел построить еще несколько гигантских кораблей. Часть из них, вероятно, были двухкорпусными (катамаранами), экипаж достигал 4000 человек, на соединявшей корпуса широкой платформе умещалось большое количество солдат и метательных машин. Деметрий сохранил часть этого флота и после поражения при Ипсе и снятия осады с Родоса (305 г.). Родосцам, правда, досталось несколько брошенных им «левиафанов». При том, что практически все его, и его отца Антигона, владения были потеряны, наличие флота позволило Деметрию через некоторое время вновь вступить в борьбу за наследие Александра Великого в союзе с Селевком Никатором. Договор между двумя монархами был подписан на борту его «тринадцатирядного» флагманского корабля (Плутарх, Деметрий, 43). Заняв македонский престол, Деметрий к 288 г. до н. э. довел численность своего флота до 500 – все это были самые крупные и совершенные военные суда того времени.

Македонян, по-видимому, не очень интересовали военно-технические эксперименты Деметрия. По их просьбе Пирр и Лисимах (правитель Фракии и злейший враг Деметрия) вторглись в Македонию с запада и с востока, изгнали Деметрия и разделили между собой его царство и его флот (Плутарх, Пирр, 12.7). Лисимах сам увлекался строительством «дредноутов» – его «Леонтофор» (катамаран, на борту которого помещалось 1800 гребцов и 1200 солдат) был явным подражанием одному из гигантских кораблей соперника. Флот Лисимаха перешел по наследству к Птолемею Керавну, который с бывшими кораблями Деметрия и «Леонтофором» разбил в 280 г. до н. э. Антигона Гоната, сына Деметрия Полиоркета. Пирр привел несколько доставшихся ему «дредноутов» в Сицилию, намереваясь использовать их против карфагенян. Обслуживание их обходилось очень дорого, они требовали огромного количества гребцов. Когда Пирр попытался набрать их среди сицилийских греков, по просьбе которых, собственно, он и ввязался в войну с Карфагеном, это вызвало их недовольство и привело к распаду союза (Плутарх, Пирр, 23.3). Планы Пирра перенести войну в Африку, на территорию противника, рухнули (Диодор, 22.8.5). При отступлении Пирра из Сицилии в 274 г. его флот, как уже было сказано, был атакован карфагенянами – с половинным экипажем его гигантские корабли были не столь эффективны против их быстроходных судов. Карфагенянам удалось потопить некоторые из них, кроме того они захватили «семирядный» флагманский корабль Пирра. В 260 г. до н. э., в сражении при Миле, он достался римлянам (Полибий, 1.23.1-7). Возможно, что знакомство с его конструкцией в какой-то мере определило дальнейшее развитие римского флота – с 257 г. до н. э. римляне начинают строить более крупные, чем прежде, военные суда. Верфи Родоса и Сиракуз также производили морских гигантов – правда, это в основном не военные суда, а сухогрузы, предназначавшиеся для перевозки зерна. Построенная Архимедом по заказу Гиерона «Сиракузия», первоначально военный корабль, была превращена в гигантский сухогруз. Увлекались строительством морских гигантов и Птолемеи, которым принадлежит абсолютный рекорд в этой области. «Сорокорядный» катамаран Птолемея IV (222-205), впрочем, не предназначался для боя – в реальном морском сражении от этого неповоротливого гиганта едва ли могло быть много пользы. Основными же линейными судами эллинистических и рим-

ского флотов в III-I вв. до н. э. оставались пентеры (квинквиремы), тетеры (квадриемы) и триеры (триемы).

Марквардт, в своем сочинении «Государственное устройство» (Romische Staatsverwaltung) приводит такие размеры:

1) пентеры: 51,2 метра длины; 5,5-8 метров ширины; гребцов 310 человек; 18 солдат; 47 офицеров и рабов, всего 375 человек экипажа.

2) триеры: 45,4 метра длины; 4,3-5,5 метра ширины; гребцов 174 человека; 10 солдат; 41 офицеров и рабов, всего 225 человек экипажа.

В противоположность карфагенянам, римляне были простым, здоровым, земледельческим народом, который сам возделывал свою землю; с детства они были приучены к строгому порядку и послушанию и гордились правом носить оружие и защищать родной город; вся армия состояла из воинов одной национальности, имела определенную организацию и одинаковые боевые приемы и, благодаря постоянным войнам, приобрела большой боевой опыт; начальники и солдаты привыкли друг к другу и были связаны взаимным доверием. Вожди (консулы), хотя тоже менялись ежегодно, но это были, в большинстве случаев, опытные в военном деле люди.

Все это обеспечивало превосходство римского войска над карфагенским. Однако, главного, что было необходимо для войны с Карфагеном, – флота – у римлян не было; поэтому самым важным городом в Сицилии для римлян была Мессана, находившаяся в руках мамертинцев. В 270 году, когда был взят Региум, Гиерон начал осаду Мессаны, предварительно разбив скопища мамертинских наемников. После пятилетней войны доведенные до крайности мамертинцы обратились с просьбой о помощи к римлянам; правда, последние находились в союзе с Гиероном, оказавшим им помощь при взятии Региума. Казалось совершенно невозможным, чтобы римляне, соблюдая хотя бы малейшее политическое приличие, обманули доверие Гиерона и вступили против него в союз с разбойничьей шайкой; однако властолюбие и перспектива завладеть важным городом одержали верх: они обещали мамертинцам свою помощь. Во внутренней своей жизни римляне блюли строгую нравственность, зато во внешней политике не было такого средства, которое им показалось бы слишком низким, если оно сулило выгоды.

В 264 году римляне собрали в Неаполе и Таренте корабли из греческих городов и снарядили в Региуме авангард той армии, которую предполагалось переправить в Мессану, как вдруг пришло известие, что Карфаген выступил в качестве посредника между Гиероном и мамертинцами, занял цитадель Мессаны, а карфагенский флот под командой Ганнона находится в гавани города; в виду этого мамертинцы благодарили римлян за обещанную им помощь и отказывались от нее. Все это, однако, не остановило консула Гагия Клавдия, который решил переправиться на Сицилию. Первая попытка переправы была отбита карфагенянами; они захватили несколько римских кораблей, но, чтобы не давать повода к войне, отослали их назад. Гагий Клавдий, однако, упорствовал. Вторая попытка удалась, Клавдий подошел с войском к Мессане и начал переговоры с мамертинцами; Ганнон был также приглашен к участию в этих переговорах, но тут же был предательски захвачен в плен и принужден отдать своим войскам приказ очистить цитадель. Таким коварным путем римляне овладели Мессаной.

Первая Пуническая война 264-241 гг. до н. э.

Ганнон отправился назад в Карфаген, где был казнен. Карфагеняне объявили войну Риму, заключили союз с Гиероном и отправили армию и флот к Сиракузам, которые были обложены ими с моря и с суши. Несмотря на это, второму консулу, который пришел с главными силами в Региум, удалось темной ночью переправиться в Сицилию; осада Сиракуз была снята и римляне победоносно двинулись против карфагенян.

Осенью римляне беспрепятственно переправили свою армию назад в Италию, а весной 263 года снова доставили в Сицилию вдвое более сильное войско и одержали над карфагенянами и Гиероном блестящую победу; после этого Гиерон отказался от союза с карфагенянами и перешел на сторону Рима; так же поступили и все греческие города на острове. Римляне продолжали победоносную войну, так что во власти Карфагена оставалось только несколько укрепленных гаваней – Панормус, Дрепанум и Лилибеум.

Карфагенский флот не сумел помешать переправе римских войск на остров и обратно в Италию, но действовал успешно в других местах; он произвел набеги на итальянское побережье, разорил его и причинил громадные убытки; однако, еще больший ущерб причинил упадок, а частью и полное прекращение морских сношений и торговли – римляне на собственном опыте убедились в значении господства на море.

С присущей им смелостью и решимостью они пришли к заключению о необходимости бороться с карфагенянами и на море, для чего необходим был большой флот. Они не стали сами изобретать и изготовлять все, что нужно было для флота – такое самонадеянное решение потребовало бы массы времени и громадных денег. По своему обыкновению перенимать все пригодное и полезное от других народов они заимствовали все, что касалось постройки и снаряжения кораблей от наиболее искусных моряков того времени – греков, иллирийцев и карфагенян; однако заимствования эти делались не механически – каждое из них приспособлялось к их собственным потребностям. Нельзя не признать основательности такого принципа, в особенности для вновь возникающей морской державы: следуя примеру других более опытных моряков и не считая за стыд учиться у них и пользоваться результатами их опыта, можно сберечь много денег, которыми иначе пришлось бы расплачиваться за науку.

Случайно в руки римлян попала потерпевшая крушение карфагенская пентера, и они воспользовались ею в качестве модели для постройки таких кораблей. При громадных средствах, которыми они располагали и при свойственной им энергии, дело было быстро налажено, и уже к началу 260 года до н. э. они построили флот, состоявший из 100 пентер и 23 трирем.

Находка в 1971 г. у берегов Сицилии остатков карфагенского корабля середины III в. до н. э. позволила предположить, каким образом античные государства могли в сравнительно короткие сроки строить десятки и даже сотни судов (римляне в 260 г. до н. э. построили свои 100 квинкверем за два месяца): на его корпусе имеются многочисленные вырезанные или нанесенные краской пометки – буквы финикийского алфавита. Эти пометки служили руководством при сборке. Производство отдельных стандартных деталей корпуса, очевидно, было поставлено «на поток». Готовые секции оставалось только доставить на верфь и собрать; особой подгонки, при их стандартных размерах, они не требовали. Такой «конвеерный» метод избавлял от необходимости вручную подгонять каждую доску, сокращал число занятых одновременно стапелей. Примечательно, что среди поднятых с финикийского корабля вещей, помимо керамики, остатков такелажа и балластных камней, оказались сосуды с листьями гашиша (*cannabis sativa*) – его, вероятно, давали гребцам перед боем. Рядом с остатками корабля были найдены обломки тарана, принадлежавшего, вероятно, другому судну. Вопрос о том, было ли найденное судно военным, или же это был скоростной военный транспорт, имевший много общего с боевой галерой, пока остается открытым.

Для работы на веслах были назначены рабы и вольноотпущенники и граждане низших классов; обучение их было начато еще до того, как были готовы корабли, для чего были выстроены соответствующие подмости; люди были расписаны по судам и по местам на судне, и их начали обучать движениям весел в такт; как только суда были спущены на воду, обучение продолжалось уже на воде. В качестве солдат на суда были посажены легионеры.

Качеством своей «морской пехоты» римляне превосходили карфагенян, зато во всех других отношениях они им значительно уступали: корабли их были гораздо тяжелее и тихоходнее, частью вследствие того, что уступали карфагенским по своей конструкции, частью потому, что

были выстроены из совершенно сырого леса; на этот недостаток римляне впоследствии обратили серьезное внимание. У карфагенян гребцами были рабы, которые всю свою жизнь проводили на этой работе и приобрели в ней такой навык и такую выносливость, что сравняться с ними было невозможно; во всяком случае, римские рабы и вольноотпущенники, исполнявшие эту работу, далеко уступали им в этом отношении.

Карфагенянам пригодилась их опытность старых мореплавателей, как в отношении эволюций и маневров, так и в отношении навигации; применять свою практику в бою у них было мало случаев, так как уже давно против них не выступало сильного, опытного в морской войне неприятеля. Вместе с тем у них не было врожденного таланта к ведению войны, в особенности в крупном масштабе. Тактические же навыки существовали у них, по-видимому, только в самых общих чертах. Как бы то ни было, мореходный опыт принес им, несомненно, очень большую пользу, а недостаток этого опыта у римлян послужил причиной тех больших потерь, которые они понесли. Зато в тактическом отношении им удалось восполнить недостаток морского опыта своим ясным взглядом на дело и практической сметкой.

Успех в таранном бою, который в те времена был во всеобщем употреблении и решал участь сражений, был обусловлен быстротой хода судов, их поворотливостью и искусством командира (конечно, при соответствующем высшем командовании); все эти условия складывались в пользу карфагенян.

Поэтому римляне решили использовать единственное преимущество, которое они имели перед карфагенянами – своих легионеров, лучших в мире солдат. На море оно могло быть применено только в абордажном бою, а для того, чтобы иметь возможность, вопреки общепринятому способу сражаться, перейти к такому бою, они снабдили свои корабли совершенно неизвестным до тех пор приспособлением – опускаемыми мостками для абордажа. Эти мостки носили странное название «воронов» (*corvi*); впрочем, римляне, по-видимому, называли их также «железной рукой» (*manus ferrata*).

Относительно устройства этих мостков, которые у Полибия описаны довольно неясно, существуют разногласия; наиболее вероятным представляется нижеследующее: на носу судна, на одинаковом расстоянии от форштевня и обоих бортов, стоял вертикальный столб толщиной в 23 сантиметра, который на 7,75 метра выступал над палубой и в верхней части своей был снабжен блоком, через который был пропущен толстый канат; столб снизу упирался в киль и мог вращаться вокруг вертикальной оси. Самые абордажные мостки состояли из 11-метрового помоста, шириной в 1,2 метра, на котором были набиты поперечины, а по обеим сторонам устроена на высоту колен стенка или перила; внутренний конец помоста был прикреплен на высоте одной ступени от палубы к вертикальному столбу при помощи сквозного болта, на котором он мог вращаться, как на шарнире; на высоте блока к помосту был прикреплен упомянутый выше канат, при помощи которого помост мог подниматься и опускаться, наподобие подъемного моста. Чтобы иметь возможность устанавливать помост почти вертикально, а также и для того, чтобы плотно прилегать к столбу, в нем был сделан паз в $\frac{3}{2}$ метра длины; тем не менее, помост даже при полном подъеме сохранял несколько наклонное положение, так что при отпускании каната он сам по себе падал; на внешнем (верхнем) конце помоста был прикреплен тяжелый железный придаток, имевший в верхней своей части широкую и толстую форму и кольцо для привязывания, а в нижней части – острую и слегка изогнутую; в разрезе этот придаток представлял некоторое сходство с вороньим клювом, что, вероятно, и дало повод назвать все устройство «вороном».

До встречи с неприятелем помост этот оставался поднятым, а затем поворачивался в сторону неприятельского судна: при столкновении с ним или при сближении на такое расстояние, что помост мог быть перекинут на неприятельскую палубу, канат опускался и помост падал; «вороний клюв» пробивал палубу, или, по крайней мере, настолько глубоко впивался в нее, что благодаря своей искривленной форме крепко в ней держался. В то же время солдаты по

двое бросались через этот мост; первые двое держали щиты перед собой, а следующие пары ставили их на боковые стенки: тогда на неприятельском корабле начинался рукопашный бой, в котором римляне не имели себе равных. Кому принадлежала идея этих мостков – неизвестно, но успех применения этого изобретения связывается с именем Гая Дуилия.

По преданию, решающему сражению предшествовали две предварительные стычки. Оба консула, по-видимому, бросили жребий, кому из них командовать флотом, а кому войсками, находившимися в Сицилии; первое досталось Гнею Корнелию Сципиону, второе – Гаю Дуилию. Сципион не захотел ждать, пока будут готовы главные силы флота, и с 17 кораблями (которые не были снабжены абордажными мостками) отправился вдоль итальянского берега и благополучно прибыл в Мессану; карфагенский адмирал Ганнибал, стоявший с флотом в Панормусе, распустил ложный слух, будто бы жители Липары ждут только прибытия Сципиона, чтобы стать на сторону Рима; слух этот заманил Сципиона к Липаре, где на следующее утро на него напала превосходившая его силами карфагенская эскадра и захватила его со всем отрядом в плен; за это Сципион получил прозвище «ослица» (*asina*).

После этого Ганнибал с 50 кораблями, как можно предполагать, двинулся навстречу главным силам римского флота, которые шли вдоль итальянского берега, но при этом не принял никаких мер предосторожности; вследствие этого, а также и несчастной случайности, карфагенская эскадра, стоявшая, по-видимому, на якоре и, во всяком случае, не готовая к бою, была захвачена врасплох подошедшим в боевом порядке римским флотом и потеряла несколько кораблей.

Как бы то ни было, главные силы римского флота благополучно пришли в Мессану. Здесь Гай Дуилий, передав командование войсками трибунам, принял главное начальство над флотом (возможно, что до этих пор он никогда в жизни не ступал на корабль) и, со свойственной римским военачальникам твердой решимостью, двинулся со 130 кораблями вдоль северного берега острова, на запад, к Панормусу, навстречу своему могущественному морскому сопернику. Со своей стороны карфагеняне уже шли навстречу ему; столкновение произошло у мыса Миле (Милаццо); карфагенский флот насчитывал 120-130 судов и состоял почти исключительно из пентер, а флагманский корабль был той самой гептерой (септиремой), которую карфагеняне захватили у Пирра.

Командовал карфагенским флотом тот самый Ганнибал, беззаботность которого незадолго перед тем привела к потере значительного числа кораблей; урок этот, однако, не сделал его умнее; карфагеняне, в течение целых столетий почти безраздельно господствовавшие на море и давно уже не встречавшие равного себе противника, считали себя в полной безопасности; это привело их к чрезмерной самоуверенности и к пренебрежению даже самыми простыми тактическими правилами: они полагали, что одно их приближение должно устроить и обратить в бегство неприятеля; такое пренебрежение противником почти всегда бывает наказано, чему настоящий случай служит наглядным примером.

И на этот раз Ганнибал не выслал вперед разведчиков; флот его шел в беспорядке; когда показались римляне, он, имея около 30 кораблей, находился далеко впереди главных сил, и вместо того, чтобы дать последним подойти или хотя бы выстроить в боевой порядок суда, которые были с ним, он с безрассудной смелостью бросился на неприятеля.

Мы неоднократно высказывали мнение, что отвага есть самое важное условие на войне, в особенности в морской войне; смелость является необходимым элементом наступления и всякого крупного успеха; там, где нет этой смелости, надо уметь ее возбудить. У солдат и у младших офицеров смелость никогда не может быть чрезмерной, так как она направляется и держится в известных границах старшими начальниками; даже безрассудная смелость, то есть та, которая действует без надлежащей обдуманности, заслуживает снисхождения. Но в отношении самостоятельного военачальника дело обстоит совершенно иначе: чем выше он постав-

лен и чем крупнее вверенные ему силы, тем менее он имеет права пренебрегать тщательным взвешиванием всех наличных обстоятельств.

Ганнибалу навстречу шел Дуилий со спокойной решимостью, явившейся результатом его отваги; и, действительно, нельзя было не признать большой смелости за Дуилием, который с только что созданным флотом шел в бой с неприятелем, для которого море составляло его родную, никем не оспариваемую стихию. Однако Дуилий делал это в сознании своей силы, рассчитывая на хладнокровие и строгую дисциплину командиров своих судов и на искусство своих воинов, которые, благодаря новым абордажным мосткам, могли сражаться так же, как они привыкли это делать на суше. Он заранее тщательно взвесил свои шансы против неприятеля, искусного в морском деле, но самонадеянного и имевшего плохих начальников. Карфагеняне заметили на приближавшихся к ним в сомкнутом строю (в каком именно – неизвестно) римских кораблях неуклюжих «воронов». Они, хотя и были удивлены, не приняли никаких мер против них, а ограничились одними насмешками. Однако когда корабли столкнулись нос к носу, римляне тотчас же пустили их в ход. С какой бы стороны карфагеняне ни атаковали – штевень против штевня или проходя вплотную вдоль борта противника с целью обломать ему весла – тяжелые абордажные мостки падали на их палубу и пробивали ее острым крюком; по этим мосткам на их корабли, удерживаемые «вороном» тотчас же устремлялись многочисленные легионеры, защищенные от метательных снарядов стенками, щитами и шлемами.

Карфагеняне были совершенно поражены этим неожиданным способом атаки; в рукопашном бою их солдаты далеко уступали римлянам, которые, кроме того, значительно превосходили их численностью; они были не в состоянии долго сопротивляться, и вскоре все 30 кораблей, с которыми Ганнибал произвел первую атаку, были захвачены, в том числе и флагманский корабль. Адмиралу едва удалось на шлюпке бежать к своим главным силам.

Однако он все-таки не хотел признать сражения проигранным. Так как атака с носа оказалась неудачной, он приказал своим кораблям, превосходившим неприятеля в быстроте и поворотливости, окружить римлян, чтобы атаковать их с бортов или с кормы; римляне, однако, оказались настолько искусными, что сумели парировать этот прием, и атакующий везде встречал угрожающего «ворона», который мог поворачиваться в обе стороны приблизительно на 300 градусов. Понеся значительные потери, Ганнибал, не имея больше никакой надежды на успех, прекратил бой и начал отступать, чему Дуилий со своими тихоходными кораблями не мог помешать.

Карфагеняне потеряли не менее 50 кораблей, 3000 убитых и 7000 пленных; потери римлян были ничтожны. Таким образом, Дуилий в первом же сражении одержал полную блестящую победу, причем не следует упускать из виду, что ему благоприятствовал и случай (не считая того, что ему помог сам Ганнибал, который, имея быстроходные корабли, не уклонился от боя при неблагоприятных для него условиях), так как погода была хорошая и море спокойно.

Вследствие победы при Миле Дуилий получил возможность усилить свою армию экипажами с кораблей, освободить от осады Эгесту, которой грозила серьезная опасность, и снова оттеснить карфагенян в их укрепленные гавани; однако, гораздо важнее этих практических результатов был моральный эффект его победы. Первая в мире морская держава, народ-мореплаватель, который в те времена занимал приблизительно такое же место, как в XIX в. Англия, флот, царивший на всех морях и далеко превосходивший все другие флоты, обладавший укрепленными гаванями на всех значительных пунктах, колониями, рассеянными по всему известному тогда миру, поддерживавший обширнейшую морскую торговлю и потому обладавший громадными богатствами, обеспеченный от атаки с суши, – при первом же столкновении был разбит в его собственной стихии противником, совершенно неизвестным до тех пор на море и обладавшим гораздо более слабым флотом. Подобно тому, как престиж афинского флота был подорван четырьмя последовательными сражениями в сиракузской бухте, так и морское могущество Карфагена было опрокинуто одним ударом.

В этом отношении сражение у Миле заслуживает особого внимания. Объяснения нужно искать не в тактике флота, то есть не в построении и не в применении боевых сил, а в способе действия одного корабля против другого. Афиняне в последнем своем сражении также рассчитывали на абордажный бой, приняв во внимание усвоенный сиракузянами способ атаки с носа. Однако успеха они не имели, так как сиракузяне, благодаря хорошей осведомленности, вовремя узнали об их приготовлениях и приняли необходимые меры (мокрые кожи) против заготовленных ими абордажных крюков. Напротив того, у Миле изобретение римлян явилось совершенно неожиданным для неприятеля, который в своем самомнении совершенно не заболтался о том, что делал противник.

Главнейшая задача тактики – обеспечение перевеса в силах в решительном пункте – достигается в тактике флотов численностью кораблей, а в бою корабля против корабля – действием подавляющей массы; в данном случае действие это при помощи «воронов» было достигнуто более искусными и более многочисленными легионерами, действовавшими притом совершенно неожиданно.

Пример сражение при Миле показывает, какое решающее значение может иметь техника для морского боя, и как необходимо внимательно следить за ее успехами во всех странах. В военном искусстве не существует точно определенных условий, которые обеспечивали бы успех: у Риума тихоходные суда с менее опытными экипажами и с неумелыми вождями окружили опытный в таранном бою неприятельский флот и были разбиты, а у Миле, при совершенно сходных условиях, такие же суда одержали блестящую победу.

В Риме вполне оценили значение победы у Миле; Дуилию, помимо других почестей, был назначен триумф, то есть торжественный въезд в Рим; для увековечения победы была воздвигнута колонна, украшенная корабельными носами (*columna rostrata*), которая, пролежав много столетий под развалинами древнего Рима, в 1565 году была снова извлечена на свет Божий и, вместе с древней надписью, цела до сих пор. В новейшее время Дуилию была оказана почесть тем, что один из крупных итальянских броненосцев получил название «Duilio».

Ганнибал в Карфагене спас свою жизнь при помощи хитрости. «Должен ли я бы атаковать?» – «Да». – «Соответственно этому и получились результаты». Этот вопрос от имени Ганнибала был задан его посланником в карфагенском сенате, причем предварительно он красноречиво изобразил положение Ганнибала, очутившегося во главе старого, издревле владевшего морем флота, в присутствии наглого новичка с тихоходными, неуклюжими кораблями, хотя и снабженными какими-то неведомыми машинами.

Одержав победу на море, римляне получили свободный выбор способа дальнейшего ведения войны, а именно: они могли или 1) настолько ослабить Карфаген, отняв у него Сицилию, Сардинию и Корсику, чтобы вынудить его заключить мир, или же 2) атаковать сам Карфаген, и тем принудить его к заключению мира, если не совсем его подчинить.

Неизвестно по каким соображениям сенат остановился на первом стратегическом плане. Римляне предприняли поход на Корсику, взяли штурмом Алерию и завоевали весь остров. Нападение на Сардинию в 258 году окончилось неудачей; в следующем году оно было повторено, но также не дало результата. На Сицилии тоже не было одержано новых побед: укрепленные города – Панормус, Дрепанум и Лилибеум противостояли атакам; в то же время у карфагенян появился искусный предводитель – Гамилькар Барка.

Происходили случайные бои, которые, однако, не имели большого значения; таков был бой, происшедший в 257 г. до н. э. у мыса Тиндара, недалеко к западу от Миле. Римляне стояли в бухте и заметили проходивших мимо в беспорядке карфагенян; консул спешно подготовил суда к бою и с первыми 10 кораблями бросился на неприятеля, но был им окружен; суда его были потоплены, и лишь он один спасся благодаря тому, что его корабль был особенно хорошо вооружен; ему на помощь вышли главные силы его флота и атаковали карфагенян, потопили 8 судов и захватили в плен 10; обе стороны приписывали победу в этом сражении себе.

При таком способе ведения войны нельзя было ожидать решительных результатов; между тем морская торговля римлян пришла в упадок, и убытки, которые они терпели, превышали убытки карфагенян. Тогда, наконец, они решили последовать примеру Агафокла, переправиться в Африку и идти прямо на Карфаген.

Однако они не хотели браться за это предприятие, подобно Агафоклу, с ничтожными силами. А потому была собрана громадная армия, во главе которой были поставлены два консула: Луций Манлий Вульзон и Аттилий Регул. Флот состоял не менее, как из 330 военных судов – в основном это были пентеры, и лишь флагманские корабли обоих консулов были гексерами (шестерками); кроме того, было множество транспортных судов. С этим флотом римляне весной пошли не прямо на юг через открытое море, что было кратчайшим путем к Карфагену, а, не будучи опытными в навигации, направились вдоль берегов Италии к Мессане. Отсюда они также не пошли вдоль северного берега Сицилии, так как им пришлось бы проходить мимо карфагенских гаваней (Панормуса и других), а направились вокруг мыса Пахинуса, вдоль южного берега острова. У устья реки Гимеры, недалеко от Экномоса, они нашли сорокатысячную армию, готовую к походу, и посадили ее на суда, главным образом, военные, так что на каждую пентеру, кроме 300 человек гребцов, приходилось еще 120 легионеров; таким образом, экипаж флота, не считая транспортных судов, насчитывал 140 000 человек.

Карфагенский флот весной отправился в Лилибеум. Карфагеняне были уже осведомлены о приготовлениях римлян; флот их состоял из 350 кораблей со 150 000 человек экипажа (последняя цифра должна считаться преувеличенной, так как у них на судах не было никакой армии, а при обычной численности экипажа в 375 человек, получается всего только 131 000). Они узнали о выходе римского флота, пошли ему навстречу и встретились с ним у Экномоса. Если не считать Саламинской битвы, на этот раз были собраны самые крупные боевые силы, которые когда-либо участвовали в морском сражении, а именно: 680 кораблей и 290 000 человек (или, по другим данным, 650 кораблей и 270 000 человек).

Римляне разделили свой флот на четыре эскадры по числу легионов, причем четвертая эскадра была сильнее трех первых и состояла из 90 судов, в то время, как остальные имели каждая по 80; первой и второй эскадрами командовали консулы. При построении боевого порядка консулы задались целью, во-первых, не дать карфагенянам воспользоваться своими преимуществами в быстроте хода и в умении маневрировать; во-вторых, прикрыть транспортный флот.

Возлагать на военный флот задачу прикрывать транспортный флот в походе через море в неприятельскую страну прежде, чем господство на море будет вполне обеспечено, должно в принципе считаться ошибочным, так как морской бой заключается в движении и в наступлении, а потому командующий флотом должен иметь возможность беспрепятственно распоряжаться движениями всех своих судов. Между тем, необходимость охранять транспортный флот мешает этому, и таким образом создается противоречие между наступления и необходимостью придерживаться, хотя бы отчасти, оборонительного образа действий.

Консулы пытались примирить эти два требования, для чего им пришлось отказаться от быстрых передвижений и от таранного боя, в чем в те времена, собственно, и заключалась энергичная атака; они выбрали такое построение, которое дает возможность проявить наибольшую наступательную силу при движении вперед, а вместе с тем дает наилучшую защиту против таранной атаки. Они построили свои эскадры клином, внутри которого был поставлен транспортный флот; арьергард расположился позади, что создавало, вопреки тогдашней практике, глубокое построение.

Оба флагманские корабля находились во главе клина, причем к ним примыкала уступами с правой стороны первая, а с левой стороны – вторая эскадра; с тыловой стороны клина шла третья эскадра в строе фронта, ведя на буксире транспортные суда; все построение замыкалось четвертой эскадрой, находившейся также в строе фронта, параллельно и позади третьей эскадры. В виду того, что число кораблей в четвертой эскадре было больше, чем в остальных,

концы ее с обеих сторон выдавались за линию транспортов, а правым флангом она, во избежание обхода, примыкала к берегу. Целью этого построения, очевидно, было намерение прорвать клином середину неприятельской линии, воспользоваться перевесом сил, который получался вследствие глубокого построения, и нанести в месте прорыва решительный удар; резерв должен был тем временем охранять все построение от атаки с тыла, а третья эскадра – прикрывать транспорты или, в случае надобности, отвести их в безопасное место.

Построение это казалось выгодным во многих отношениях: 1) оно имело выгоды массивности и глубины, в противоположность обычным длинным и тонким линиям строя фронта; благодаря этому достигалось лучшее сосредоточение сил, 2) оно обеспечивало римлянам перевес сил в пункте атаки, 3) построение уступами лучше всего обеспечивало от атаки таранами, и, наконец, 4) транспортный флот был сравнительно хорошо прикрыт.

Однако это были только кажущиеся преимущества, то есть такие, которых нельзя было долго удерживать за собой. В построении этом имелось много серьезных слабых сторон, а именно: а) построение это было чересчур искусственным, так как почти невозможно сохранить порядок в строю уступами из 75-80 кораблей, даже при хорошей погоде, спокойном море и при очень искусных экипажах; б) весь флот вынужден был сообразовать скорость своего хода с шедшими на буксире транспортными судами и в) свобода движения отдельных кораблей, а также дивизионов и других более мелких подразделений, была связана.

Построение это имело наступательный характер, но малая скорость и недостаток гибкости, необходимой в морском бою, противоречили этому характеру (помещение транспортов между третьей и четвертой эскадрами). Это обстоятельство, а также оставление части флота в резерве, доказывает, что авторами этого построения были люди опытные в сухопутной войне, но не понимавшие морской войны.

Карфагеняне, флот которых был также разделен на четыре эскадры, выстроили из них развернутый фронт (в виде полумесяца), причем их правый фланг (третья эскадра), состоявшая из самых быстроходных судов, далеко выдавался в сторону открытого моря за расположение римлян. Четвертая эскадра на крайнем левом фланге шла в кильватерной колонне в строе пеленга, вблизи и вдоль берега.

Как только вершина массивного римского клина подошла к карфагенскому центру, карфагенский адмирал Гамилькар приказал этому центру (первая и вторая эскадры) повернуть и отойти назад. Консул Регул, человек горячий и упрямый, бросился за ними с первой эскадрой, причем в пылу преследования скоро развил полный ход; другой консул последовал его примеру. Таким образом они отделились от третьей эскадры, которая, имея на буксире транспорты, не могла поспеть за ними; вместе с тем соблюдать строй пеленга было трудно, а потому порядок в строю нарушился; вследствие этого хитро задуманное искусственное боевое построение римлян было расстроено уловкой карфагенского адмирала; флот римлян разделился на две части, а строй обеих эскадр, преследовавших неприятеля, был нарушен.

Гамилькар, увидя, что цель его достигнута, и находя, что расстояние между обеими частями неприятельского флота настолько велико, что дает возможность разбить их порознь раньше, чем они успеют подать друг другу помощь, сигналом приказал своему центру сделать поворот кругом и атаковать преследовавших его и уже расстроенных при преследовании римлян с фронта, охватывая их в то же время с фланга и с тыла. Тут завязался горячий бой, главным образом с первой римской эскадрой, к которой вскоре пришла на помощь и вторая. Как только бой перешел на близкую дистанцию, римляне пустили в ход своих «воронов».

Тем временем левый фланг карфагенян продолжал идти вперед и вместо того, чтобы атаковать римлян во фланге, выстроил развернутый фронт и бросился на третью римскую эскадру; эскадра эта тотчас же бросила буксиры, дала транспортам укрыться под берегом в бухте около Финтиаса и приняла бой.

Почти в то же время правый фланг карфагенян (третья эскадра), обойдя неприятельский флот по дуге, подошел к четвертой римской эскадре, успешно атаковал ее во фланг и в тыл, и погнал ее к берегу, в ту бухту, где укрылись транспорты; здесь, однако, римлянам удалось оправиться, выстроить развернутый фронт, и, хотя с большим трудом, отразить карфагенян при помощи «воронов»; последние не решались подойти к римлянам нос к носу. Третья римская эскадра тоже была вынуждена отступить перед неприятелем и укрылась под берегом, так как бой в открытом море давал карфагенянам слишком большие преимущества.

Таким образом бой шел в трех различных, отделенных друг от друга, местах; боевой порядок римлян был совершенно расстроен, но число кораблей с обеих сторон во всех трех местах было приблизительно одинаковое.

Карфагеняне действовали ловко и, по-существу, правильно, но сделали ту ошибку, что ни на одном месте не обеспечили себе такого перевеса сил, который склонил бы победу на их сторону раньше, чем подоспеет к римлянам помощь; а главное – они за четыре года не нашли никакого способа парировать действие «воронов». При таких обстоятельствах решающее значение приобрело искусство в одиночном бою корабля с кораблем, а в этом отношении римляне, благодаря численности и искусству своих легионеров, стояли значительно выше карфагенян.

После продолжительного боя карфагенский центр обратился в бегство, и таким образом освободил первую и вторую римские эскадры, из которых последняя пострадала очень мало. Командовавший ею консул Луций, человек обстоятельный, занялся сбором многочисленных призов, захваченных Регулом, между тем, как последний, видя, что вторая эскадра и транспортный флот подвергаются большой опасности в бухте у Экномоса, тотчас же развернулся, чтобы идти и на помощь и атаковал с тыла нападавшие карфагенские корабли, которые в начале боя входили в состав правого фланга. Командовавший этой эскадрой Ганнон вовремя заметил опасность и обратился в бегство в открытое море, где и спасся почти со всеми своими кораблями. Левый фланг карфагенян, сражавшийся с третьей римской эскадрой, поступил иначе: командовавший этим флангом, которому выступ берега, вероятно, закрывал поле зрения, увлеченный боем не заметил, что Регул, а затем и другой консул, приближаются к нему с тыла, и потерял при последовавшей атаке втрое превосходивших его сил не менее 50 кораблей. Только немногим кораблям удалось уйти из окружавшего их кольца и бежать полным ходом вдоль берега.

Победа была одержана римлянами уже раньше, но крупный материальный успех достался им именно в этом месте; они потеряли 24 корабля, которые все потонули, и ни один не достался неприятелю; потери людьми составили около 10 000 человек. Карфагеняне потеряли около 100 кораблей (64 были захвачены вместе с экипажем, более 30 потоплено) и до 40 000 человек.

Карфагенский флот возвратился в Карфаген; он был настолько ослаблен, что уже не мог противостоять римлянам; последним тоже пришлось идти в гавань для исправления повреждений; они вернулись в Мессану, произвели починки, но не отказались от предпринятой экспедиции и вскоре беспрепятственно высадили около Кульпеи значительную армию. Началась война в Африке.

При описании хода сражения уже отмечены наиболее существенные моменты, имеющие значение с точки зрения военной науки; поэтому нам остается только отметить, что римское построение, при всех своих бросающихся в глаза недостатках, тем не менее в некоторых отношениях исходило из правильных и новых в морской тактике соображений. Здесь мы в первый раз встречаемся 1) с глубоким построением, иным, чем кильватерная колонна, 2) с взаимной поддержкой против таранной атаки и 3) с прорывом неприятельской линии посредством клина.

Надо отдать справедливость смелости этих идей, хотя они и были заимствованы из сухопутной тактики и применены к действиям на море без основательного знакомства с последними. Дальнейшего развития эти идеи не получили, но, тем не менее, сражение у Экномоса представляет интерес для истории морской тактики.

Поход римлян в Африку шел успешно, в руки их попали многие города, и если бы они продолжали решительное наступление, то, вероятно, взяли бы и самый Карфаген, но сенат отозвал одного из консулов с флотом и половиной армии назад; с ними было отослано в Рим не менее 20 000 рабов. Регул остался в Африке только с 15 500 людей и 40 кораблями. Несмотря на это, Карфаген просил мира, но ему было поставлено условием не только отказаться от Сицилии, Сардинии и Корсики, но и выдать свой флот. Принять это условие равнялось бы самоубийству, так как без флота невозможна морская торговля, а без обширной морской торговли Карфаген терял всякое значение; поэтому война продолжалась, но не так, как велась до тех пор; карфагеняне напрягли все свои силы и использовали новые средства.

Гамилькар Барка был вызван из Сицилии, кроме того, в первый раз за большие деньги были приглашены греческие наемники, во главе которых находился искусный военачальник, спартанец Ксантипп; была создана сильная кавалерия и заведено 100 слонов. Вопреки обычаю, главное командование в 225 г. было поручено Ксантиппу, который, благодаря превосходству своих сил и своей тактики, разбил Регула близ Туниса и взял его в плен; только 2000 римлян удалось бежать в Кульпею.

Тогда сенат снова отправил весь свой могущественный флот из 350 кораблей в Африку; карфагеняне выступили им навстречу, но у Гермейского мыса были полностью разбиты в большом сражении, о котором подробных сведений не имеется; в сражении этом они будто бы потеряли 114 кораблей. Вместо того, чтобы возобновить с новыми силами войну в Африке, римляне сами очистили последний удобный для высадки укрепленный пункт – Кульпею: гарнизон был посажен на суда и увезен обратно. Это отступление из Африки является совершенно необъяснимым.

У южного берега Сицилии, у Камарина, флот был застигнут непогодой; римские военачальники не обратили внимания на советы бывших при них опытных моряков, следствием чего была гибель около 280 кораблей и более 100 000 человек; это было самое крупное кораблекрушение, известное в истории.

Римляне немедленно выстроили новый флот, состоявший не менее чем из 220 кораблей; к работе этой, а также и к поставке людей на суда, были принудительно привлечены жители прибрежных городов и областей, причем, применялось жестокое насилие.

В 254 году римляне отправили флот из 300 кораблей против Панормуса, который был взят, также как и остальная часть северного берега Сицилии, до Терм, находившаяся между Панормусом и Гимерой. В этом месте карфагеняне перед этим имели некоторый успех – после оставления римлянами Кульпеи они отправили на остров большую армию со 140 слонами. Надо сказать, что карфагеняне с ужасающей жестокостью обошлись с отпавшим от них населением в Африке – 3000 старейшин были распяты на крестах.

В следующем году к берегам Африки был отправлен римский флот, имевший целью разграбить и опустошить эти берега; однако флот этот, вследствие неопытности капитанов, потерпел аварию в Малом Сырте и вернулся назад в Панормус; отсюда консулы, снова вопреки советам моряков, захотели идти прямо в Остию, но поднялась буря, во время которой погибло 150 судов и около 60 000 человек (у мыса Палинура в Лукании).

Громадные усилия, которые пришлось употребить за двенадцать лет войны, совершенно истощили силы и средства, как самого Рима, так и его морских союзников; сенат также не хотел более рисковать на море, и поэтому решил отказаться от постройки флота и от морской войны и содержать только 60 кораблей для защиты берегов, перевозки войск и конвойной службы; таким образом, он предоставил Карфагену полное господство на море, что было равносильно отказу от победы в войне, от которой зависело не только владение морем, но и вообще мировое господство. Решение это было следствием не проигранных сражений, но следствием недостаточной опытности в морском деле. С развитием знаний и техники человек все более и более подчиняет себе стихии, но сделаться вполне независимым от них ему никогда не удастся, что

каждый день доказывается авариями и потерями; поэтому и не следует пренебрегать морским опытом; флот, который старается держаться поближе к берегу, скоро делается неспособным к службе в открытом море.

Тем решительнее повели римляне сухопутную войну в Сицилии: они взяли Термы и другие города; в 251 году консул Метелл разбил карфагенян в большом сражении и захватил у них 120 слонов, что, вместе с другими успехами римлян, заставило карфагенян просить мира, но римляне настаивали на требовании оставить крепость Лилибеум, чтобы окончательно вытеснить карфагенян из Сицилии; на этом переговоры о мире были прерваны.

Римляне решили овладеть Лилибеумом силой и начали осаду, но вскоре увидели, что пока крепость свободно сообщается по морю с внешним миром и получает снабжение всем необходимым, им не удастся ее взять. Поэтому, когда морские союзники их несколько оправились, они решили построить новый флот. При той энергии, с которой они, по своему обыкновению, взялись за это дело, флот (200 судов) был вскоре готов, и в 250 году римляне осадили Лилибеум и с моря: с суши он уже был осажден; это была первая большая осада, которая продолжалась девять лет.

Лилибеум был сильно укреплен, вход в гавань, вследствие отмелей, был очень сложен и возможен только для знакомых с местностью людей или при помощи лоцманов; в виду этого римлянам было невозможно войти в гавань и атаковать город, но, отрезав город с моря, они могли вынудить его к сдаче, тем более, что город имел большое население и гарнизон, состоявший из 10 000 наемных солдат. Осадные работы римлян шли успешно, и в короткое время до полудюжины башен крепостной стены были разрушены; тем не менее, город упорно оборонялся; позади атакованной стены была выстроена другая, а работы римлян очень затруднялись вследствие постоянных вылазок. Со временем дух осажденных стал падать, вожди и солдаты уже поговаривали о сдаче. В это время явилась помощь.

Карфагеняне в течение долгих лет беспрепятственно распоряжались на море, уничтожали неприятельскую торговлю и широко развивали свою; поэтому у них было время и средства на то, чтобы выстроить и содержать большой флот, но вследствие полного отсутствия прозорливости в военных делах они, как только римляне отказались от морской войны, совершенно перестали заботиться о своем флоте; если бы не это, они имели бы возможность атаковать и разбить стоявший перед Лилибеумом римский блокадный флот, на что теперь у них не оказывалось достаточно сил. Кроме того, вследствие блокады Лилибеума они не получали оттуда никаких известий, хотя могли с большой вероятностью догадываться о положении дел в нем. Поэтому они спешно снарядили 50 кораблей, посадили на них 10 000 солдат, погрузили большие запасы продовольствия и вручили начальство над ними опытному морскому военачальнику Ганнибалу, которому приказали как можно скорее выходить в море на помощь осажденному городу.

Ганнибал пошел к Эгатским островам и стал ожидать благоприятного ветра, не будучи замечен римлянами, которые пренебрегали разведкой на море; затем он направился полным ходом в Лилибеум, прорвал застигнутый врасплох блокадный флот, который не решился преследовать его из опасения перед мелями, находившимися в проходе и близости от него, и без боя, совершенно спокойно, вошел в гавань; это был первый пример прорыва морской блокады, и пример этот служит доказательством отваги и искусства карфагенского военачальника. Позднее такие прорывы повторялись довольно часто, а во время войны Северных и Южных штатов сделались обычным делом и обратились в своего рода искусство. Такие прорывы удавались чаще, чем можно и должно было бы ожидать, но необходимыми условиями для их успешности являются смелость и хладнокровие предводителя, способность его принимать быстрые решения и точное знание, как кораблей, так и фарватера. Совокупность этих условий встречается нечасто, а для приобретения их необходима долгая практика.

С вновь прибывшими подкреплениями и с прежним гарнизоном, всего 20 000 человек, комендант крепости Гамилькар сделал на другое утро вылазку для уничтожения осадных сооружений; однако римляне ожидали этого и отразили карфагенян, хотя и с большими потерями. Ганнибал, выгрузив все доставленные припасы, в одну из следующих ночей воспользовался береговым бризом и вышел из гавани; он снова без боя прошел через блокирующий флот и направился в Дрепанум (Трапани), отстоявший оттуда на расстоянии всего 14 морских миль.

Карфагеняне опять в течение долгого времени не получали из Лилибеума никаких известий, которыми они очень интересовались; тогда другой Ганнибал, носивший прозвище Родосского, человек благородного происхождения, и притом опытный и искусный моряк, предложил один, на своем собственном корабле прорвать блокаду и привезти известие из Лилибеума. Никто не хотел верить ему, но он надеялся на свой корабль, который, по-видимому, отличался особенной быстротой хода и имел хорошую команду; вместе с тем он рассчитывал и на свое превосходное знание местности, причем в извилистом и трудном проходе гавани Лилибеума у него были свои приметы на берегу и, кроме того, записка, в которой был указан курс, которого следовало держаться. Он также сперва пошел на один из Эгатских островов, Эгузу (Фавиньяно), находившийся в 9-ти морских милях от Лилибеума, а затем воспользовался попутным морским бризом и один, вполне благополучно, днем прошел мимо пораженного блокадного флота.

Командовавший этим флотом консул был вне себя от дерзости прорвавшего блокаду и, чтобы не дать ему возможности ускользнуть на обратном пути, он поставил на ночь десять своих самых быстроходных кораблей у входа в гавань; корабли эти подошли к гавани настолько близко, насколько позволяла глубина воды и, держась на веслах по обе стороны входа, стали ждать выхода Ганнибала. Сам консул стоял невдалеке для наблюдения. Однако это несколько не испугало Ганнибала; он даже не считал нужным дожидаться наступления темноты, а пустился в путь на глазах у всех; благодаря значительному превосходству в скорости и отличному знанию местности, ему и на это раз удалось вполне благополучно проскочить мимо сторожевой эскадры: по сравнению с быстротой его хода римские корабли как будто стояли на месте. Пройдя мимо неприятеля и отплыв на некоторое расстояние, Ганнибал имел дерзость остановиться, поднял весла и начал издеваться над римлянами; затем он ушел в море, причем, ни один римский корабль не пустился за ним в погоню. Эти рейсы он повторил еще несколько раз, после чего его примеру последовали и другие, что принесло громадное облегчение осажденным в Лилибеуме, которые уже не чувствовали себя совершенно отрезанными от родины.

Римляне понимали, какое значение для осажденного города имела поддержка сообщения по морю, и потому пытались запереть выход из гавани, засыпав его или забив в нем сваи, как это делали Северные Штаты, когда пробовали загородить фарватер Чарльстона затоплением судов, сваями и т. п. Вследствие илистого дна и течения сделать это в главном фарватере не удалось, кроме одного только места, имевшего песчаное дно; на этом месте ночью сел на мель пытавшийся выйти в море корабль – двойник того, на котором ходил Ганнибал, построенный на той же верфи, по тем же чертежам. Он был захвачен римлянами. Они посадили на него лучших людей, выбранных из всего флота и, кроме того, большое число легионеров, и стали подстерегать прорывавших блокаду. Вскоре Ганнибал ночью снова благополучно вошел в гавань; в Лилибеуме захват корабля-двойника замечен не был, так что и Ганнибал ничего не знал об этом. Тем более он был испуган, увидев этот корабль, который пустился его преследовать. После долгой погони он увидел, что экипаж другого корабля превосходит его экипаж и нагоняет его. Он решил принять бой, но значительное число легионеров одержало верх над его людьми и, таким образом, и этот быстроходный корабль попал в руки римлян. С этими двумя кораблями, превосходившими все другие своей быстроходностью, римлянам удалось положить конец деятельности прорывателей блокады, подобно тому, как это удалось сделать

Северным Штатам, которые в 1864 году начали строить специально для этой цели быстроходные пароходы.

Лилибеуму приходилось сдаться от голода. Делу не могло помочь и то, что осажденным удалось поджечь часть римских осадных машин; поджог был сделан во время сильного ветра, вследствие чего все они сгорели; восстановить их в короткое время у римлян не было возможности, вследствие чего они отказались от активной осады города и ограничились его обложением; они окружили весь город валом и рвом, так что ввоз или вывоз из него стал совершенно невозможным. Однако в 249 году командование римскими войсками приняли новые консулы, а вместе с тем произошла и некоторая перемена обстоятельств.

Судовые экипажи принимали деятельное участие в осаде и при этом понесли значительные потери; обстоятельство это было известно карфагенянам, в том числе и адмиралу Адгербалу, стоявшему с флотом в Дрепануме. Для пополнения экипажей к Лилибеуму было прислано сухим путем 10 000 матросов, которых консул Публий Клавдий Пульхер, принявший главное командование в Сицилии, распределил по всем кораблям. Публий Клавдий рассчитывал воспользоваться моментом, пока Адгербал еще не узнал, что римский блокадный флот снова пополнил свои экипажи и приобрел (как он полагал) полную боеспособность, и уничтожить неприятельский флот внезапной атакой его в Дрепануме. С этой целью он вышел ночью со 123 кораблями (некоторые авторы называют гораздо большую цифру) из Лилибеума, рассчитывая пройти вдоль берега в кильватерной колонне и на рассвете войти в гавань Дрепанума, отстоявшую всего в 14 морских милях; однако, как это часто случается при ночных экспедициях с малонадежными и плохо обученными войсками, если заранее не обдуманы тщательно все местные условия, отряд сильно запоздал. Кроме того, Клавдий сделал промах, поставив свой флагманский корабль в самом хвосте длинной колонны, так что лишился возможности иметь общее наблюдение и фактически выпустил управление эскадрой из рук.

Вследствие этого, хотя наступление римского флота действительно озадачило Адгербала, он, тем не менее, успел посадить людей на суда; он стал во главе своего флота, и, чтобы не быть атакованным в тесном месте, повел его в кильватерной колонне из гавани, вдоль тянувшихся к западу отмелей и островков, в открытое море; затем он повернул влево и пошел к югу, вдоль берега, параллельно шедшей к северу римской кильватерной колонне, и прошел мимо всей этой колонны до последнего ее корабля. Тем временем корабль, возглавлявший колонну, не руководимый консулом и следуя полученному ранее приказанию, вместо того, чтобы атаковать карфагенян или идти за ними, стал входить через узкий проход в тянущуюся к востоку гавань. Клавдий заметил, наконец, что рассчитанный им удар не удался и что карфагенский флот, вместо того, чтобы оказаться запертым в гавани, грозит обойти и атаковать его в море, приказал повернуть кругом и выстроиться против неприятеля в боевом порядке; но тут, при попытке выйти из тесной гавани через узкий проход, в то время, как другие корабли продолжали еще входить в нее, произошло большое замешательство, вызванное тем, что на веслах работало большое число новых неумелых людей. Корабли сталкивались друг с другом так, что некоторые из них еще до начала сражения вышли из строя. Между тем, корабли еще не вошедшие в гавань стали выстраиваться развернутым фронтом у самого берега, очень отлого спускавшегося в море, причем, корма их оказались так близко к берегу, что при малейшем движении назад корабли должны были неминуемо сесть на мель; выходившие из гавани корабли, насколько было возможно пристраивались к этому фронту. Раньше, чем закончилось это построение, Адгербал повернул свои корабли одновременно на 8 румбов (90 градусов) влево и атаковал римлян.

Сближение противников произошло, таким образом, штевнями; если бы строй был в полном порядке и при нормальных обстоятельствах, римляне имели бы возможность отразить неприятеля посредством abordажных мостков, как это случилось ранее при такой же обстановке; но на этот раз обстоятельства сложились для них неблагоприятно. Во-первых, правый

фланг их находился в беспорядке, и некоторые корабли уже были повреждены, что повлияло на их способность маневрировать; во-вторых, способность маневрирования и всех остальных римских кораблей была неудовлетворительной вследствие того, что на веслах было много новых, совершенно неумелых людей; в-третьих, римские корабли были лишены возможности приходить друг другу на помощь, и каждый из них должен был сражаться на своем месте, так как при движении вперед они подвергались неприятельской атаке со всех сторон, а при движении назад рисковали сесть кормой на мель; для того же, чтобы сделать обход сзади, не хватало места; и, наконец, в-четвертых, не было на лицо надлежащего руководства, так что с самого начала возникла растерянность среди людей.

Карфагеняне, наоборот, имели позади себя свободное море, могли беспрепятственно передвигаться и, по мере надобности, могли сосредотачивать свои силы; они могли войти в промежутки между неприятельскими кораблями и атаковать один корабль двумя или тремя судами одновременно с разных сторон. Таким образом, им представлялась возможность использовать свою подвижность; кроме того, во главе их, в лице Адгербала, стоял искусный адмирал, который умел их воодушевить. Вследствие этого сражение вскоре приняло неблагоприятный для римлян оборот: несколько кораблей, которые выдвинулись вперед для атаки, были потоплены, другие сели на мель или наткнулись на скалистые островки; больше всего пострадал правый фланг, против которого карфагеняне бросили основные силы.

Консул Клавдий, увидев, что сражение проиграно, бросился бежать на своем корабле (он был на левом фланге) вдоль берега к Либибеуму; с ним вместе удалось уйти приблизительно 30 кораблям, все остальные были уничтожены или захвачены в плен – всего 93 корабля и 40 000 человек экипажа, а по другим сведениям, даже 137 кораблей, экипаж которых должен был доходить до 50 000 человек. Это было единственной морской победой карфагенян в этой продолжительной и преимущественно морской войне, длившейся 24 года; но зато эта победа была и самой решительной, так как сами карфагеняне ни в одной битве не теряли более трех четвертей своих кораблей.

Выводы, которые можно сделать из этого сражения очевидны:

- 1) было неправильно идти в бой, имея в составе экипажей большую часть новобранцев;
- 2) так же неправильно было предполагать, что корабли с такими экипажами будут в состоянии точно рассчитать ночью свое движение, чтобы произвести атаку на рассвете; с людьми, недавно поступившими на службу, необходимо было соблюдать осторожность в расчетах;
- 3) было ошибкой выстраивать для такой атаки многочисленный флот в кильватерную колонну, которая неизбежно должна была ночью расстроиться; головной части пришлось одной начинать атаку, и она легко могла быть разбита раньше, чем подоспеет арьергард.

Особенного же внимания заслуживает плохое руководство флотом. С первого взгляда очевидно, что командующий флотом, занявший со своим кораблем место в самом конце походной кильватерной колонны, голова которой должна была начать атаку, сделал грубейшую ошибку. Он потерял возможность следить за общим ходом дела, не мог в непредвиденных случаях отдать никакого распоряжения, флагманский корабль его уже не являлся руководящим для всего флота, а, наоборот, сам должен был следовать за движениями остальных судов; одним словом, он совершенно выпустил из рук управление флотом. В данном случае командовавший авангардом получил, очевидно, приказание ввести голову колонны в гавань Дрепанума и атаковать карфагенские корабли, которые предполагалось захватить врасплох и без экипажа. Вследствие значительного запоздания карфагенский флот успел выйти из гавани еще до того, как в нее вошла головная часть атакующей колонны; таким образом, объекта атаки уже не было на предполагаемом месте, но у командовавшего головой колонны не хватило сообразительности или решимости, а, может быть, и того и другого вместе, самому сделать соответствующие изменения, то есть начать преследовать уходившего неприятеля; он продолжал механически выполнять полученное первоначально приказание, несмотря на то, что приказание уже совер-

шенно не соответствовало положению дела; получить же новые указания он не имел возможности, так как командующий флотом находился далеко позади; действительно, он так и не получил своевременно этих указаний. Отсюда и произошло замешательство в узком проходе в гавань, аварии и беспорядок на правом фланге.

Проигрыш этого сражения должен был быть приписан, главным образом, плохому руководству флотом, которое выразилось, прежде всего, в том, что командующий флотом занял совершенно неподобающее ему место, а затем и в отсутствии надлежащего соглашения между ним и командующим передовой частью эскадры. Вопрос о месте, которое является наиболее подходящим для адмирала, чрезвычайно важен, и мы вернемся, может быть, к нему впоследствии, здесь же ограничимся общим замечанием: наиболее подходящим местом для адмирала является то, с которого он лучше всего и вернее может руководить действиями флота.

Успехи карфагенян на море не ограничились победой у Дрепанума; после этой победы Адгербал отправил одного из начальников эскадр, Картолона, со 100 кораблями в Лилибеум для уничтожения остатков блокадного флота. Чтобы выполнить как следует эту задачу, а не так, как это сделал Клавдий, Картолон подошел на рассвете к Лилибеуму, захватил несколько римских кораблей, другие (вероятно, стоявшие на мели) поджог и, таким образом, открыл осажденному городу сообщение с морем; вслед за тем, услышав о приближении нового римского флота, он ушел, следуя вдоль южного берега.

В то время, как Клавдий ушел к Лилибеуму, второй консул 249 года, Луций Юний, с большим транспортным флотом для снабжения припасами армии, осаждавшей этот город, был под сильным прикрытием в Мессану; здесь к нему присоединились другие корабли, так что весь флот состоял из 120 военных и почти 800 транспортных судов. Из Мессаны они пошли в Сиракузы, где надо было взять еще запасы зерна. В виду спешности дела, к Лилибеуму были отправлены вперед квесторы с половиной транспортного флота и эскадрой пентер. Картолон подстерег их и настиг недалеко от Энмоса, но квесторы были уже предупреждены высланными вперед разведочными судами, и, считая себя слишком слабыми, чтобы принять сражение, успели укрыться в бухте небольшого дружественного римлянам городка – Финтиаса. Они немедленно добыли имевшиеся в городе метательные машины, установили их на скалистых выступках, окружавших бухту, и, таким образом, устроили для защиты флота береговую батарею.

Картолон атаковал эту батарею, но встретил серьезное сопротивление, и убедившись в силе оборонительных сооружений, удовольствовался захватом нескольких кораблей, а затем стал для наблюдения на якорь, недалеко к востоку от города. Он организовал наблюдение за всем происходящим при помощи разведочных судов, от которых вскоре узнал о приближении со стороны мыса Пахинуса консула Юния со второй половиной флота. Чтобы не быть вынужденным сражаться сразу с обеими частями флота, которые вместе превосходили его численностью (120 кораблей против 100), он немедленно снялся с якоря и пошел навстречу Юнию, который ничего не знал о положении квесторов у Финтиаса. Он встретил его у Камарина и, так как Юний тоже не желал вступать в бой, вынудил его стать на якорь у скалистого берега. Римляне всегда избегали открытого моря, карфагеняне как моряки, наоборот, стремились к нему. Атаковать римлян на этом месте Картолон считал неудобным и стал на якорь посередине между обоими римскими флотами, так что мог наблюдать за ними и получать от своих разведочных судов сведения о том и о другом. Между тем, появились признаки приближавшейся неблагоприятной погоды, и ветер задул с юго-запада. Опытные в морском деле карфагеняне оставались на месте, пока опасность еще не угрожала, а затем своевременно снялись с якоря и ушли в открытое море; пользуясь попутным ветром, они обогнули мыс Пахинус и стали в безопасности у восточного берега. Оба римских флота, ничем не защищенные от бури, были выброшены на берег и погибли; не спасся ни один корабль, причем, пошло ко дну более 900 судов, на которых было, вероятно, до 60 000 человек экипажа.

После этих ужасных потерь сенат снова решил прекратить морскую войну, но за это время римские арматоры начали заниматься каперством, как прибыльным делом; правительство поощряло их и оказывало им поддержку, снабжая их кораблями. Тогда они стали предпринимать крупные разбойничьи походы с сильными эскадрами, причем не ограничивались захватом призов и подрывом карфагенской торговли, но делали даже высадки на неприятельских берегах. Они опустошили часть Африканского берега, обложили контрибуциями или сожгли многие города, в их числе значительный приморский город Гиппон; таким образом, неприятелю был нанесен большой ущерб. Тот факт, что не только отдельные римские каперы, но даже целые эскадры могли нарушить безопасность плавания после того, как римское правительство прекратило войну, служит новым доказательством неспособности карфагенского правительства к ведению морской войны и вообще к военному делу. В битве у Дрепанума карфагеняне не понесли сколько-нибудь значительных потерь, а на южном берегу при уничтожении бурей громадного римского флота не потеряли ни одного корабля; таким образом, в их распоряжении был сильный военный флот, а также необходимые средства для увеличения его по мере надобности; не было у них недостатка и в искусных военачальниках: Адгербал показал себя при Дрепануме решительным, а вместе с тем осторожным и энергичным адмиралом, который умел держать в руках свой флот и своих подчиненных; Картолон также толково и дельно выполнил данные ему поручения.

Имея такие средства и пользуясь превосходством своих кораблей в быстроте хода, карфагеняне могли бы установить такой контроль на море, что даже отдельные капер едва ли решился бы выйти в море, не говоря уже о целой эскадре, которая грабила далекий Африканский берег. Между тем, карфагеняне пренебрегали своим флотом, тогда как отрезав все морские сообщения и разоряя побережье, они могли бы нанести римлянам такой вред, что в течение года принудили бы их к миру. Это было тем более возможно, что в течение целых семи лет (248-241 гг. до н. э.) на море не появлялось никакого римского флота. Ведение войны в Сицилии и ее окрестностях взял на себя Гамилькар Барка (молния). Он стал вести войну по новому, независимо от Карфагена, поскольку сам стал добывать при помощи флота необходимые для этого средства. Он воспитал собственную армию и вселил в нее свой дух. Сперва он направился в южную Италию, разорил и обложил контрибуцией берега Локриума и Бруциума; затем, он пошел в Панормус и занял возвышенность Геиркте (Monte Pellgrino), находившуюся на западном конце бухты и спускавшуюся в нее крутым обрывом; возвышенность эта представляла плато длиною в две морских мили и высотой от 345 до 400 метров, посередине которой имелась вершина, высотой в 620 метров, представлявшая отличный наблюдательный пункт; на этой возвышенности Гамилькар, опираясь на свой флот, держался почти три года. Отсюда он постоянно угрожал с моря и с суши Панормусу, который находился на расстоянии всего двух километров; римлянам приходилось быть постоянно настороже, и они были вынуждены поставить у подошвы горы свой отряд. С этим отрядом у карфагенян происходили почти ежедневные стычки, причем употреблялись всевозможные хитрости; однако до решительного сражения Гамилькар дела не доводил, а прогнать его с горы римляне не могли.

Эскадра Гамилькара производила набеги на берега Южной Италии до самого Неаполя и даже севернее его, доставляла припасы для армии и поддерживала сообщение. Тем временем, осада Лилибеума с суши продолжалась, но так как сообщение с морем было свободно, то город продолжал держаться. По-видимому, с целью быть ближе к нему, Гамилькар очистил возвышенность Геиркте, пошел к Дрепануму и неожиданно захватил город Эрикс, стоявший на горе того же имени, на высокой крутой террасе. Вершину горы, имевшую около 790 метров высоты так же, как и подошву ее, занимали римляне и, таким образом, Гамилькар был ими почти совершенно окружен, имея для сообщения с морем и флотом только трудную кружную дорогу. Тем не менее, ему удалось удержаться и здесь в течение двух лет, ведя непрерывные бои и причиняя римлянам большой вред. Эскадра его за это время, по-видимому, потеряла

свое боевое значение; во всяком случае, она уже не играла никакой роли в приближавшейся развязке. Так тянулась война до 242 года, причем Рим нес большие потери; взять Лилибеум с суши было невозможно, а против Гамилькара и его прекрасно организованной армии римляне тоже ничего поделать не могли. Такое положение дела продолжалось семь лет без всякого изменения, и только каперская война на море шла своим чередом. Несмотря на это, сенат не хотел возобновлять крупных операций на море, хотя и было вполне очевидно, что развязки можно добиться только там; к тому же и казна была пуста. Тогда арматоры, которые занимались каперством и другие богатые римляне предложили дать в распоряжение государства флот, который мог бы положить конец войне, подрывавшей торговлю и причинявшей неисчислимые потери государству; при этом они ставили единственное условие, чтобы в случае победы расходы им были возмещены. Нельзя не удивляться такой крупной жертве, которая, хотя и приносилась в собственных интересах, но, тем не менее, служит доказательством высокого патриотизма. С обычной энергией римляне принялись за осуществление нового плана, причем, основываясь на 18-летнем опыте, повели дело более искусно и с большим знанием дела, чем в прежнее время. За образец был взят корабль Ганнибала Родосского; по этому образцу было выстроено 200 быстроходных пентер, с которыми в начале лета 242 года консул Гай Лутаций Катул отправился в Сицилию.

Карфагеняне с обычной преступной беспечностью нисколько не думали о том, что делается у неприятеля; они даже отозвали стоявшую обычно у Дрепанума эскадру, в которой в этот момент не было настоящей нужды, и поэтому, когда Катул подошел к Дрепануму, он не нашел там никакого неприятеля и мог немедленно установить блокаду, как этой гавани, так и Лилибеума; вместе с тем оказался отрезанным и подвоз припасов Гамилькару, находившемуся в Эриксе. Катул тотчас же распорядился выстроить укрепления вокруг Дрепанума, которые в то же время защищали его со стороны Эрикса, и начал осаду города. Вместе с тем он неустанно упражнял свой флот, который вскоре очень усовершенствовался и, в ожидании атаки карфагенян, озаботился организацией разведки.

Карфагеняне тем более были поражены известием о появлении нового римского флота, что считали себя в полной безопасности; они поспешно собрали все суда, какие только могли, чтобы снабдить припасами Гамилькара, Дрепанум и Лилибеум, которые очень скоро начали ощущать недостаток во всем. К началу 241 года они собрали около 250 судов, из которых, впрочем, часть была купеческими кораблями; но офицеров, солдат и рабов для работы на веслах не хватало, так как заранее никто ни о чем не позаботился. Между тем, опасность грозила неминуемая – не оставалось ничего другого, как посадить на суда совершенно необученных людей. Затем на все корабли, в том числе и на военные, было погружено, сколько было возможно, всяких припасов. С этим флотом, который скорее можно было назвать вооруженным конвоем, в начале марта 241 года вышел в море из Карфагена Ганнон, которому было поручено командование им.

Подобные случаи повторялись и в наши дни: транспортный флот выходил в море, на котором господство не было завоевано, и двигался прямо на неприятеля без предварительной разведки, без какой-либо хитрости и уловки – просто прямо вперед. Такое случалось и во время японо-китайской, и испано-американской, и русско-японской войны. Японские транспортные флоты с войсками совершали свои походы гораздо раньше, чем японцы разбили и заблокировали китайский флот. Американцы тоже отправили армию в С. Яго, не обеспечив себя достаточно от возможного нападения испанского флота. Что же касается до похода Рождественского, то, конечно, флот Рождественского не может быть назван транспортным флотом. В литературе, правда, неудача Рождественского часто связывалась с его заботой о транспортах (базой при себе).

Ганнон отлично сознавал свою слабость и потому предполагал сперва идти в Дрепанум, выгрузить там с военных кораблей запасы, взять на борт Гамилькара, которого римляне

очень боялись, с его храбрыми и искусными солдатами, и затем уже атаковать блокадный флот у Лилибеума. Предварительно он зашел в Гиеру (Maritima), чтобы выждать благоприятного ветра.

Однако Ганнон ошибся в своем мнении о Катуле. Последний своевременно узнал о выступлении Ганнона и собрал весь свой флот у острова Эгузы, посадив на него лучших солдат. В то время как показались карфагеняне, дул благоприятный для них свежий западный бриз, который вызвал настолько сильное волнение, что у Катула возникло сомнение в возможности сражаться при таких условиях; однако, основываясь на полученных сведениях о плохом состоянии неприятельского флота, он все-таки решился на бой; к тому же, выйдя в море он убедился, что благодаря усиленным упражнениям командиры судов могли отлично держать их в руках и действовать в бою. Он выстроил флот в линию между Эгузой (Фавиньяно) и Форбантией (Бранцо) и двинулся навстречу приближавшимся под парусами при свежем бризе карфагенянам, преграждая им путь.

Случай благоприятствовал на этот раз Ганнону и давал ему еще лишний шанс на успех; он имел возможность:

а) воспользоваться свежим бризом и прорваться через римский флот, с трудом подвигавшийся на веслах по беспокойному морю, как это сделал Ганнибал, прорвавшийся при благоприятном ветре через флот, блокировавший Лилибеум;

б) послать вперед свои транспортные суда, а самому медленно следовать за ними в боевой готовности и помешать римлянам преследовать их;

в) наконец, попытаться обойти римский строй по дуге и, воспользовавшись преимуществом хода под парусами, постараться уйти от неприятеля.

Адгербал, наверное, избрал бы одно из этих решений, но Ганнон не обладал его талантом. Он знал, что его корабли далеко уступают в боеспособности римским, ему едва удалось выстроить в порядке свой флот раньше, чем он подошел к римлянам, тем не менее он распорядился убрать паруса и со своими неопытными гребцами – рабами и солдатами, принял бой на веслах.

В исходе сражения сомнений быть не могло; дело решилось при первом же столкновении; в результате 50 карфагенских кораблей было пущено ко дну, 70 захвачены вместе с экипажами; остальные 130 спаслись благодаря тому, что перед самым столкновением поставили паруса и ушли в сторону; так как ветер дул к северу, они направились назад в Гиеру.

Катул возобновил блокаду Лилибеума и Дрепанума. Надежды на выручку уже никакой не было, и гарнизонам обоих городов, а также армии Гамилькара приходилось сдаваться от голода. Тогда карфагеняне дали Гамилькару неограниченные полномочия на переговоры о мире, который был вскоре заключен между двумя искусными и благородными предводителями – Гамилькаром и Катулом. Впрочем, в Риме мирным условиям был придан еще более суровый характер. Карфаген обязался:

1) очистить Сицилию и не вести войны с Гиероном;

2) уступить Корсику, Сардинию, Мальту и все другие острова, расположенные между Сицилией и Африкой;

3) уплатить в течение десяти лет 3200 талантов контрибуции.

Так окончилась, победой сухопутных сил над морскими, 24-летняя война, как это было и в Пелопоннесской войне. Карфаген в 264 году так же господствовал над западной частью Средиземного моря, как Афины в 431 году над восточной его частью; он содержал многочисленный военный флот, не имевший себе равного, обладал множеством колоний, которыми правил самовластно и сурово, монополизировал в своих руках всю морскую торговлю, приносившую ему несомненные богатства; море служило ему такой же защитой, как Афинам служили защитой их неприступные стены, и победить его можно было только на море. Сходство обеих войн, продолжавшихся с переменным успехом в течение почти одинакового периода

времени, заключается в том, что и та и другая война закончилась решительным поражением господствовавшей на море державы, причем, поражение это было достигнуто довольно легко в сражении, не представляющем особенного тактического интереса.

Для решения вопроса, неизбежно ли поражение морской державы в борьбе с сухопутной, необходимо подробнее рассмотреть условия, в которых находилась та и другая сторона, а также действия обеих сторон в стратегическом и тактическом отношениях.

Римляне были крепко сплоченным, суровым, храбрым и воинственным народом, неуклонно проводившем завоевательную политику; в непрерывных войнах, продолжавшихся в течение целых столетий, они покорили всю Италию, победили Пирра, причем, им не приходилось прибегать к дальновидным стратегическим планам; враждебные армии просто шли друг на друга и затем сражались; весь вопрос заключался в тактике, и в этом отношении римляне приобрели громадный опыт, который касался, однако, исключительно сухопутной тактики. С морем, как театром войны, они едва были знакомы и не чувствовали к нему влечения.

В виду этого, успев по беспечности карфагенян переправиться в Сицилию, они попытались добиться решительных результатов войной на суше, и только после того, как им не удалось добиться этого в течение четырех лет, они решились начать морскую войну и немедленно, с удивительной энергией, привели это решение в исполнение.

Правильно оценив тот единственный пункт, в котором они превосходили своего противника, они изобрели и энергично пустили в ход прием, при котором превосходство это могло получить наилучшее применение; это и дало им блестящую победу в первом же сражении; однако вместо того, чтобы, по своему обыкновению, тотчас после этой победы наступить прямо на горло врагу, они применили прием, обычный в морской войне, и хотели принудить противника к сдаче, напав на его отдаленные владения.

Эта стратегия в течение еще четырех лет не давала положительного результата, и тогда только они решились нанести врагу прямой удар всеми силами, несмотря на то, что для этого приходилось, не владея морем, посадить армию на суда и переправить ее на неприятельскую территорию, что само по себе являлось недопустимым риском; все это удалось им настолько, что впереди уже виден был верный успех, как вдруг, по совершенно необъяснимым причинам и без видимых оснований, они отозвали назад большую часть своей армии и флота, после чего остаток первой был уничтожен неприятелем.

Вместо того, чтобы исправить ошибку и, удвоив усилия, добиться победы, они, одержав новую крупную победу у неприятельских берегов, оставили последний свой опорный пункт на этих берегах, который мог служить удобным местом для высадки армии. Потерпев затем большие потери не от неприятеля, а от собственного незнакомства с морским делом и от упрямства своих предводителей, они окончательно отказались от морской войны и ограничились сухопутной войной в Сицилии; таким образом, они снова возвратились к тому способу действий, который шесть лет тому назад сами признавали неэффективным, и опять получили тот же отрицательный результат.

Тогда они снова начали строить флот; дело пошло лучше, Лилибеум был осажден, но тут смена командования все испортила. Бестолковые действия нового консула Клавдия Пульхра против карфагенского флота у Дрепанума и неумелость другого консула у Камарина погубило их обоих, после чего римский сенат уже не захотел иметь больше дела с флотом, однако, мира не заключил. Таким образом, в ведении войны наступило относительное затишье, продолжавшееся не менее семи лет, во время которого противники продолжали ослаблять друг друга и на море и на суше.

Этот недостаток решимости и последовательности был совершенно противен характеру римлян, и потому вызвал неудовольствие народа; дело дошло до того, что торговля и вообще всякий обмен были окончательно подорваны и никакой надежды на улучшение дела не было. Сильнее всего, конечно, страдали интересы арматоров и крупных купцов, а также и всех тех,

кто жил морской торговлей или извлекал из нее выгоды. Это привело к взрыву присущего каждому римлянину глубокого патриотизма: арматоры, крупные коммерсанты и т.п. принесли громадные жертвы и предоставили в распоряжение государства большой, снаряженный флот, чтобы закончить войну, исход которой мог решиться только на море.

Настроение это, конечно, повлияло и на выбор консула Катула. Таким образом, Рим был обязан счастливым окончанием этой войны не сенату или народному собранию, а беспримерному патриотическому подъему, который претворился в великий подвиг. К благоприятному окончательному результату привели основные черты римского характера: твердость, решимость, настойчивость, верный взгляд на дело и практическая сметливость, затем – воинская доблесть, любовь к отечеству и искусство военачальников.

Из изложенного выше видно, насколько в начале войны в Риме отсутствовало правильное понимание приемов ее ведения, и как понимание это постепенно вырабатывалось; то обстоятельство, что от этих приемов римляне впоследствии снова отказались и даже несколько раз совершенно прекращали морскую войну, что затянуло войну еще на полтора десятилетия, должно быть объяснено природным отвращением к морю и к морскому делу и вытекающим отсюда полным непониманием его.

Флот был для римлян только крайним средством, к которому они относились, если можно так выразиться, как к неизбежному злу; вследствие этого флот никогда не был предметом гордости, и к нему всегда относились, как к пасынку; служба во флоте всегда ставилась ниже службы в армии, офицерами были большей частью не римляне или итальянцы, а итальянские греки. Римляне всегда держались подальше от воды, и в этом заключалась причина, по которой римский флот немедленно приходил в полный упадок, как только исчезала непосредственная нужда в нем.

Тем более приходится удивляться тому, что римляне несколько раз, с затратой колоссальных средств, создавали большие флоты, и что они с первого же раза сумели искусно применить их в бою, несмотря на то, что командовали ими неопытные, менявшиеся каждый год консулы. Исходя из тактики сухопутного боя, они с самого начала, вопреки существовавшим до того времени обыкновениям, стали применять массивное, глубокое построение, которое в связи с абордажной тактикой вполне соответствовало их целям. Неудача, постигшая у Дрепанума римскую кильватерную колонну, объясняется неумелым командованием нового консула, действовавшего против опытного Адгербала. Как раз обратное можно сказать про линию развернутого фронта в последнем сражении у Эгатских островов.

Для римлян гораздо более опасным врагом, чем карфагеняне, было непонимание морского дела их собственными военачальниками; потери их от кораблекрушений во много раз превосходили потери в боях. Если бы римляне с самого начала стали на правильный путь, и, оценив значение морской силы, создали флот на тех же основаниях, как и сухопутную армию, с постоянными экипажами для него и особым римским корпусом офицеров, то со временем в этом флоте развилось бы понимание морской стратегии и тактики, и война могла бы закончиться гораздо скорее.

Несмотря на свою постоянно меняющуюся, часто не соответствовавшую обстоятельствам, а иногда и совершенно ошибочную стратегию, несмотря на неповоротливую тактику и на ужасные катастрофы, которым не раз подвергался их флот, римляне, тем не менее, одержали победу над великой, старинной морской державой; обстоятельство это могло бы повести к заключению, что морская держава вообще не может успешно вести войну против сухопутной; но такое заключение было бы неправильно: причина конечного успеха римлян заключалась в том, что их стратегия и тактика, изобретенные и применяемые новичками в морском деле, несмотря на крупные недостатки, все-таки должны считаться блестящими по сравнению с тактикой и стратегией карфагенян.

Этот поразительный факт может быть объяснен только тем, что карфагеняне совершенно не обладали правильным пониманием основ могущества своего государства, значения господства на море и значения военного флота, стоящего на высоте современных требований и правильного применяемого к делу.

Их корабли, их моряки, их рабы-гребцы были лучшими в мире; в течение столетий они были господами на море и жили в глубоком убеждении, что это есть непреложный факт; только этим, и их врожденным нерасположением к войне, может быть объяснена неспособность к военному делу и та полная беспечность, с которой они к нему относились.

Благодаря широкому развитию судоходства они имели возможность расширить свой кругозор и приучиться более сознательно смотреть на то, что делалось на свете, но они оставались слепы к надвигавшейся все ближе опасности, грозившей им из Рима. В то время, как римляне гигантскими шагами расширяли свою власть на суше, карфагеняне своими торговыми договорами 348 и 306 годов все более и более стесняли их на море, но при этом совершенно упускали из вида, что в международных отношениях поддерживать стеснительные для другого народа постановления можно только открытой силой; таким образом, они провоцировали войну, но при этом ничего не сделали для ее подготовки.

После покорения Бруциума карфагенянам следовало всеми средствами (в которых недостатка у них не было) стараться завладеть Мессаной и сделать ее неприступной, чтобы затруднить римлянам переправу в Сицилию; однако они медлили и ограничивались полумерами. Затем им следовало во что бы то ни стало помешать переправе римской армии на этот остров; средство для этого – флот – у них имелось, но, несмотря на опыт, который они пережили 20 лет тому назад в войне с Пирром, они и этим пренебрегли: сообщение римлян с Сицилией происходило так же свободно, как если бы она соединялась с материком.

Они не давали себе труда интересоваться тем, что делалось у их противника как перед войной, так и во время войны, пока она продолжалась; поэтому они ничего не знали о таких крупных и важных событиях, как постройка и снаряжение новых флотов в 260, 249 и 242 годах; каждый раз это являлось для них полной неожиданностью и вынуждало их к спешным и торопливым мерам противодействия. В тактическом смысле постановления осведомительного дела также была совершенно неудовлетворительна (кроме Карфагена в 249 году).

Они не сумели решительно и последовательно действовать своим флотом, иначе ущерб, нанесенный римлянам, был бы гораздо значительнее. Правда, они подорвали римскую торговлю, разорили в нескольких местах побережье, но, например, о блокаде Остии и речи не было; при громадном протяжении береговой линии Италии они могли причинить римлянам несравненно больший вред, что особенно удобно было сделать, заняв на продолжительное время укрепленные пункты на берегу или на островах вблизи берега.

Самой же крупной ошибкой было то, что карфагеняне начинали энергично действовать только тогда, когда им угрожала непосредственная опасность, а как только неприятель переставал им угрожать, они снова утрачивали всякую энергию и бездействовали. Они не использовали ни первого трехлетнего, ни второго семилетнего перерыва в морской войне для усиления своего флота и более энергичного ведения войны; мало того, как только они перестали опасаться атаки неприятеля с моря, их собственный флот немедленно пришел в полный упадок; все это были непростительные ошибки, за которые проигрыш войны должен считаться заслуженным и справедливым возмездием.

Впрочем, в тактическом смысле и карфагеняне не упускали случая действовать наступательно, что объясняется тем, что у них, как у старых моряков, наступательная тактика всопалась в плоть и кровь. Однако в первом же сражении у Миле они проявили ту же преступную беззаботность, вытекавшую из пренебрежения к неприятелю, как и в области стратегии: с тридцатью передовыми кораблями, не выстроив их даже в боевой порядок, карфагенский адмирал двинулся прямо против четверо сильнейшего неприятеля, который при первой же

стычке захватил все эти корабли благодаря abordажным мосткам и многочисленным легионерам. Сделанная впоследствии попытка окружить римлян и атаковать их сразу со всех сторон не увенчалась успехом, так как римляне, избегая маневрирования, выстроили свои корабли по окружности. Ганнибал считал тогда сражение проигранным и оставил поле битвы за римлянами; если бы он этого не сделал, Дуилий мог бы оказаться в очень тяжелом положении, так как во время движения всем его кораблям невозможно было бы держаться носом в сторону неприятеля. Впрочем, сторона, захваченная врасплох, часто теряет мужество и преждевременно признает себя побежденной.

Замечательно, что карфагеняне за все время долгой войны не придумали никакого средства против «воронов», что служит доказательством полного отсутствия технической изобретательности и искусства; сами они не применяли этого приспособления, по-видимому, потому, что на это у них не хватало мужества и доверия к своим солдатам.

О неудовлетворительной тактике при Экомосе и о неправильной тактике у Эгузы уже было сказано; здесь мы добавим только несколько слов по поводу тактики, примененной карфагенянами в 249 году, когда они одержали единственную победу за все время этой долгой морской войны. Адгербал, как и Картолон, проявили большую осторожность и присутствие духа, а первый, кроме того, и большую энергию; это были прекрасные морские вожди, которые умели держать в руках боевую силу и в тактическом смысле действовали очень успешно. Однако имена их уже не упоминаются в связи с дальнейшими событиями: по всей вероятности, наградой им была черная неблагодарность, как это случалось с победоносными вождями и в Афинах во время господства демагогов. Ксантипп, уничтоживший армию Регула и спасший Карфаген, несомненно, по тем же причинам должен был вернуться на родину.

Может показаться невероятным, чтобы такое положение дел могло сложиться в крупном морском государстве; однако, новейшее время дает подобный же пример и, притом, у морской державы, которую никак нельзя упрекнуть в недостатке воинственности и которая, наоборот, справедливо гордится славным военным прошлым. Мы говорим об Англии и ее флоте. Сделавшись после 1815 года владычицей на всех морях, и гордая достигнутыми успехами, она стала с пренебрежением смотреть на все другие флоты и несколько не беспокоилась достигнутыми ими техническими успехами и не обращала внимания на те тактические и стратегические изменения, которые создались благодаря этим успехам; это повело к тому, что одно время она во всех отношениях стояла позади других держав: Франция опередила ее с колесными пароходами, Соединенные Штаты первые применили винт, затем Франция первая выстроила паровой линейный винтовой корабль (в Крымской войне). Этими фактами, к счастью для Англии, ей был дан сильный толчок, однако косность ее была так велика, что она только с крайней медлительностью последовала примеру других (во Франции появился первый броненосный фрегат, таран, артиллерия, крейсера). Лишь через два десятилетия после того, как все эти «пугала» (scares) вошли в употребление, Англия принялась за усовершенствование и увеличение своего флота.

Еще большую отсталость обнаружила она в стратегическом и тактическом отношениях; в первый раз большие маневры были произведены в 1850 году, до тех пор царил полная бездеятельность и полная неопределенность в отношении применения флота как в войне в целом, так и в отдельных сражениях. Отсюда вывод о необходимости постоянной напряженной работы.

Вторая и третья Пунические войны 218-202 гг. до н. э.

Необходимо сказать несколько слов по поводу второй Пунической войны, так как Мэхэн касается ее в предисловии к своему капитальному труду «Влияние морской силы на историю». Он говорит: «Победившая сторона могла установить свое господство на море». Этого нельзя утверждать так безусловно – необходимо при этом уделить внимание внутреннему положению

Карфагена и его неспособности использовать свои морские силы. Первая Пуническая война и ее последствия обессилили Карфаген: он понес громадные потери людьми и деньгами и еще заплатил 3200 талантов контрибуции; правда, богатая торговля и обширная территория Карфагена обеспечивали достаточные доходы и возможность неограниченно снабжать свой флот людьми, но ничего этого он не сделал и почти не пользовался своим флотом.

Вторая Пуническая война не была войной Карфагена, а войной Ганнибала и его брата, сыновей Гамилькара Барки. Гамилькару удалось прекратить возникшую в 240-237 гг. чрезвычайно опасную войну против наемных солдат и спасти Карфаген; тем не менее, соотечественники его возненавидели, так как боялись его; он был главой антиримской военной партии и решил создать армию, равную римской, с целью отвоевать Сицилию. Он оправился вместе со своим зятем Газдрубалом в Испанию, где до тех пор существовали только фактории, покорил большую часть ее, основал собственное, почти независимое государство, которому дал прекрасную организацию, вместе с тем он создал и превосходную армию. Армия эта состояла не из наемников, но была набрана из местных жителей, которые долгой службой и строгим воспитанием были приучены к военному делу и были вполне преданы своему вождю. Но флота у него не было.

Когда Ганнибал в 219 г. до н. э., после смерти Гамилькара, был избран предводителем, то располагал уже армией свыше 100 000 человек, но карфагенский флот был в жалком состоянии и частью даже не имел такелажа. Ганнибал, талантливый военачальник, в противоположность своим соотечественникам, не был моряком и, по-видимому, подобно римлянам, даже чувствовал отвращение к морю.

В виду благоприятного политического положения он решился немедленно начать войну и притом войну наступательную, рассчитывая атаковать Римскую империю в самой Италии, покорить и уничтожить Рим. Он самовольно, не испросив согласия Карфагена, начал войну, напав на Сугунт, лежавший на восточном берегу Испании и находившийся под покровительством Рима, что вызвало недовольство партии мира на родине. Этими партийными несогласиями в значительной степени объясняется исход войны, так как патриотизм у карфагенян был развит очень слабо, партийная же ненависть всегда проявлялась очень сильно.

У римлян в это время, вследствие особых обстоятельств, имелся сильный флот, который, однако, был занят в Адриатическом море войной с Иллирией. К западу от Италии у римлян почти не было никакого флота, а у берегов Испании – совсем никакого, о чем карфагеняне, искусные моряки, владевшие быстроходными кораблями, по всей вероятности, были осведомлены.

Если подумать о продолжительности и трудностях похода через Пиренеи и через Альпы, на который Ганнибал употребил около трех месяцев и во время которого он потерял 33 000 человек из 59 000, то есть значительно больше половины, причем, упущены были и все выгоды неожиданного нападения, то нельзя не признать, что этот поход не находит себе никакого оправдания, и что результат его при таком гениальном полководце мог, и должен был быть совершенно иным.

Затем нельзя не упомянуть и о последующей посылке подкреплений. Римляне держали эскадры для охраны берегов Италии, Сицилии и Сардинии, но ни одна из них не была настолько сильна, чтобы лишить карфагенян возможности попытаться захватить господство на море; однако, как и в первую Пуническую войну, карфагеняне ничего не сделали, и за всю войну, продолжавшуюся 17 лет не произошло ни одного боя за овладение морем. Со своей стороны, и римляне недостаточно внимательно следили за тем, чтобы не допустить подвоза подкреплений; так, после битвы при Каннах в 216 году подкрепления карфагенянам были подвезены прямо в Локры, и римские корабли не помешали этому – Гамилькар беспрепятственно высадил на берег 4000 человек и много слонов. Не было причины не повторить такой посылки и впоследствии. После сражения при Каннах у карфагенян наступил краткий период вооду-

шевления, но, вслед за тем, партийные распри и ненависть к Ганнибалу снова стали тормозить энергию наступления.

Отсюда ясно, что не морское владычество Рима, флот которого в начале войны находился слишком далеко, привел к победе его во второй Пунической войне, а исключительно ошибочная стратегия Ганнибала и Карфагена, которые неумело вели войну и не понимали, какую громадную помощь, в особенности в начале войны, может оказать флот.

Во всяком случае, при тогдашнем положении дела (у берегов Испании имелось только небольшое число римских кораблей), если бы Ганнибал перевез 60 000 своих старых солдат морем в окрестности Рима или хотя бы в Северную Италию, едва ли он потерял бы 33 000 человек, как это случилось при переходе через Альпы.

Со своей стороны римляне с большим успехом использовали внутренние линии морских сообщений с Испанией для перерыва коммуникаций Ганнибала; выполнили они это очень легко, так как Карфаген решительно ничего не предпринимал и без боя отдал море в распоряжение Рима. А затем, когда карфагеняне опомнились и стали действовать на море, то делали это так вяло и нерешительно, что для римлян не представляло никакого труда с ними справиться. Все тыловые сообщения Ганнибала оказались в руках неприятеля, так как Рим господствовал и на Тирренском море и владел гаванями на северном берегу Сицилии, причем за все время второй Пунической войны это господство на море ни разу не было вырвано из его рук. Зато южнее Сицилии и до южной Испании Рим не владел морем, но линия реки Эбро находилась у него в руках, вследствие чего Ганнибал с Газдрубалом были отрезаны друг от друга, и, несмотря на то, что последний в течение семи лет войны в Испании разбил обоих Сципионов, сообщение с южной Италией восстановить не удалось. В конце концов, Газдрубал все-таки перешел через западную часть Пиренеев и пробил себе путь в Верхнюю Италию, и тогда положение Рима сделалось более чем критическим.

И на это раз, благодаря господству Рима в Тирренском море, которого Карфаген никогда и не пытался у него оспаривать, Публий Сципион Младший имел возможность отправить морским путем свои лучшие войска в Верхнюю Италию, навстречу Газдрубалу; римские войска соединились и уничтожили сперва армию Газдрубала в битве при Метавре, чем, в сущности говоря, и была решена участь войны; так как Карфаген уже не мог собрать войска в достаточном числе, и Ганнибалу приходилось оставить Южную Италию.

Итак, единственная крупная попытка доставить Ганнибалу подкрепления была сделана его братом Газдрубалом, но он не обладал талантом Ганнибала; распоряжение было им получено в 212 году, а выступил он в поход только в 208, когда было уже поздно; ему пришлось перезимовать в Галлии, и только в 207 году он пришел (также с большими потерями) в Верхнюю Италию и тут, вместо того, чтобы спешить к Ганнибалу, занялся осадой Плацентии на реке По. Благодаря этому, римляне успели собрать подавляющие силы и уничтожить его. Газдрубал тоже имел полную возможность избежать похода сухим путем.

Позже, когда положение дел было еще значительно менее благоприятно для карфагенян, из Гадеса вышел на Балеарские острова младший брат Ганнибала, Майо, перезимовал там, и весной 205 года переправился с армией в 12 000 человек пехоты и 2000 кавалерии в Геную. Вслед затем карфагеняне прислали ему еще 6000 человек пехоты, 800 человек кавалерии и 7 слонов с тем, чтобы он скорее шел на соединение с Ганнибалом. Эти подкрепления беспрепятственно прибыли на место назначения, причем, остается неизвестным, почему они не были отправлены прямо, кратчайшим путем. Можно подумать, что это делалось нарочно, со злым умыслом, так как Ганнибал уже продержался в Бруциуме в течение 11 лет собственными средствами против сильнейшего неприятеля и в это время терпел недостаток во всем. Наконец, в 203 году он сам организовал переправу из Кротона (в Бруциуме) в Африку с двадцатичетырехтысячной армией на кораблях, которые он сам собрал, так как из Карфагена их не прислали;

он прибыл на место не подвергшись нападению, несмотря на то, что, как утверждает Мэхэн, римляне владели морем.

Впрочем, карфагенские транспорты не всегда проходили благополучно: иногда они встречались с римскими эскадрами, которые на них нападали; нужно, однако, заметить, что эскадры эти никогда не бывали большой силы – не более 60-ти кораблей (силы римлян были разбросаны), и более сильный флот легко мог бы одержать над ними верх; к тому же карфагенские транспорты ни разу не были уничтожены, а только несли потери, которые иногда влекли за собой замедление в достижении цели.

После сражения при Каннах вся Нижняя Италия отпала от Ганнибала; в Сиракузах после Гиерона власть перешла к его наследнику Гиерониму, который в 214 году присоединился к Ганнибалу. Римляне решили немедленно выступить против него, для чего снова довели численность своего флота до 150 пентер, из которых 100 предстояло выстроить вновь; часть этого флота немедленно ушла в Сицилию, где консул Марцелл отрядил 60 кораблей для блокады Сиракуз.

Для правильной осады Сиракуз обстоятельства были очень неблагоприятны – в свое время и афиняне потерпели неудачу у крепких стен этого города. С тех пор укрепления Сиракуз были усилены, кроме того, в Сиракузах находился Архимед, технические и военные таланты которого громаднейшие услуги защите города.

Римский флот получил приказание Марцелла очистить при помощи стрелков из лука подступы к стенам, а затем обстрелять с ближайшей дистанции сами стены тяжелыми метательными машинами и пробить в них брешь. Кроме того, Марцелл приказал сделать нечто вроде плота (самбука) из восьми крепко связанных между собой судов, на котором была построена деревянная башня, поднимавшаяся выше городских стен; сиракузянам, однако, удалось забросать приближавшиеся с высокими штурмовыми лестницами римские корабли тяжелыми камнями, свинцом и железом и настолько повредить их, что они должны были отступить.

Плутарх утверждает, что Архимед при помощи своих машин с такой точностью метал громадные тяжелые камни, что они каждый раз попадали в намеченную цель; с таким же успехом действовали и построенные им меньшие метательные машины. Рассказывают, что он метал против кораблей тяжелые снаряды, снабженные крюками и канатами, при помощи которых корабли притягивались к стенам и приподнимались кверху за нос или за корму, и снова опускались, что причиняло им повреждения. Упоминают и об успешном применении им зажигательных зеркал.

Карфагенскому флоту неоднократно удавалось доставлять осажденному городу военные припасы и провиант, прорывая блокаду римского флота, благодаря чему Сиракузы держались против Марцелла свыше двух лет. Римляне лишь однажды одержали победу у мыса Пахинуса (мыс Пассаро), принудив транспортный флот, состоявший из 130 кораблей, бежать в Тарент.

В 207 году римскому флоту, разорившему окрестности Утики, которая находилась к северо-востоку от Карфагена, удалось одержать победу над неприятельским флотом, состоявшим из 70 кораблей, причем 4 корабля были уничтожены и 17 захвачены.

Затем, в 204 году Сципион отправился в Африку с 40 военными кораблями и транспортным флотом, состоявшим из 400 кораблей, на котором было посажено 40 000 человек пехоты и 2700 всадников; он высадился на берег, но взять Карфаген не мог; тогда, в ожидании наступления зимы, он вытащил свои корабли на берег и окружил их валом.

Таким образом, война эта вовсе не доказывает господство римлян на море, а только неумение карфагенян вести морскую войну; ничто не мешало им выстроить большой флот и вести войну до конца, но на это у них не хватало смелости.

Римляне ходили по морю с такой уверенностью, как будто у карфагенян не было вовсе никакого флота: они возили войска в Испанию, Галлию, Сардинию, в Адриатическое море, три раза в Африку, и ни разу неприятель не атаковал их на море. Карфагеняне также неоднократно

перевозили по морю большие транспорты с войсками. Карфагенский флот только однажды, в состоянии крайней необходимости, произвел атаку на римлян незадолго до падения Карфагена, но и то не на море, а в гавани Утики, где стоял флот Сципиона, окруженный четырьмя рядами транспортных судов, соединенных между собой цепями и брусьями; особенного успеха атака эта не имела. Битва при Заме положила конец войне; условия мира были крайне тяжелыми: Карфаген должен был выдать все свои военные корабли, кроме десяти, и лишился права вести какую-либо войну без разрешения римского сената.

Таким образом, карфагеняне в течение всей второй Пунической войны ни разу не захватили в свои руки стратегической инициативы на море, что особенно бросается в глаза при сравнении с успешными действиями Ганнибала, который вел на суше самую смелую наступательную войну, какую только знает мировая история.

Конечный исход войны мог бы быть совершенно иным, если бы Карфаген вовремя воспользовался теми стратегическими уроками, которые в таком изобилии и с такой ясностью преподнесла ему только что закончившаяся за 20 лет перед тем первая Пуническая война. Несомненно, и Рим тогда действовал бы иначе. Во всяком случае, положение его было не раз более чем критическим, даже без участия карфагенского флота.

Во время первой Пунической войны римскому народу, вопреки консервативной партии, крепко державшейся за старину, удалось добиться создания флота, при помощи которого Карфаген и был окончательно побежден. Во второй Пунической войне у Рима уже не было необходимости создавать флот, так как Карфаген почти совершенно отказался от прежних энергичных действий на море. Рим господствовал на море, и, владея внутренними линиями сообщения между Италией и Испанией, мог на всех направлениях отражать карфагенян, действовавших по внешним линиям, не взирая на всю энергию их наступления. В то время, как римляне имели возможность успешно вести войну в Испании, Ганнибал был покинут в южной Италии почти без всякой поддержки, и не потому, что Рим завоевал безусловное господство на море, а только потому, что Карфаген вообще ничего не делал для морской войны, хотя и имел к этому полную возможность.

Затем, в третьей Пунической войне (мы здесь несколько забегаем вперед) Карфаген совершенно не использовал флота, и римляне получили возможность атаковать его в самой его столице, для чего даже не потребовалось господства на море, так как войска могли беспрепятственно быть переправлены в северную Африку. Упадок, вернее гибель, морского могущества Карфагена и был главной причиной, по которой Рим вышел победителем из борьбы за мировое владычество.

Уже во время второй Пунической войны, Карфагеном на море было сделано очень немного, а к тому времени, когда Карфагену была навязана третья война, он, по-видимому, окончательно утратил все старые морские традиции. Карфагенянам даже не пришла в голову мысль о необходимости отразить неприятеля на море, чтобы не дать ему возможности утвердиться в Африке, где испытанной тактике римлян заранее можно было предсказать успех. По-видимому, на них нашло какое-то оупение, вследствие которого они не хотели видеть надвигающейся опасности; они допустили высадку в Африке 30-тысяной армии и думали, что им удастся купить мир, дав римлянам заложников и выдав им все свое оружие и военное снаряжение.

С каждым разом римляне требовали все большего, пока, наконец, не объявили, что Карфаген должен быть разрушен, а жители его переселены на другое место, отстоящее от моря, по крайней мере, на две мили. «*Carthaginem esse delendam*» – «Карфаген должен быть разрушен») – слова, которые постоянно повторял в своих речах Марк Порций Катон. То, чего не могли сделать ни хладнокровное размышление, ни энергия, сделало теперь отчаяние. Карфагеняне самым предательским образом были обезоружены римлянами и лишены всего военного снаряжения. Но тут они с величайшей энергией принялись производить новое вооружение; они

разрушали свои дома, чтобы пустить в дело дерево и железо для этой надобности, и когда римские консулы, давшие карфагенянам некоторое время на размышление, начали атаку, они нашли на стенах защитников, снабженных всеми средствами обороны.

Карфагеняне проявили такое отчаянное мужество, что иногда доводили римлян до крайне опасного положения; им по временам приходилось отказываться от наступления и сосредотачивать внимание на защите своего флота от нападения брандеров. Положение дел изменилось только с назначением нового консула, Сципиона Эмилиана. Чтобы отрезать Карфагенянам подвоз припасов, он устроил поперек полуострова, на котором находился Карфаген, укрепленный лагерь, а гавань запер при помощи широкой каменной дамбы.

Однако через несколько дней после окончания постройки дамбы, к величайшему изумлению римлян, из военной гавани Карфагена по вновь прорытому каналу вышел прямо в море флот, состоявший из 50 трирем и множества мелких судов. Флот этот мог бы нанести сильный удар ничего не ожидавшему и неподготовленному римскому флоту, однако карфагеняне ограничились тем, что сделали несколько демонстративных рейсов, причем осыпали римлян насмешками. Когда на третий день они начали атаку, римляне уже успели приготовиться; произошло решительное сражение, после которого карфагенские суда ночью столкнулись в узком входе в гавань, а римляне атаковали их с тыла и разбили.

Карфаген, от которого оставалось почти только груда развалин, попал, наконец, в руки победителя, Сципиона Африканского Младшего. Величайшая морская держава в западной части Средиземного моря окончила свое существование; Рим вышел победителем из борьбы и стал всемогущим не только на суше, но, за отсутствием сколько-нибудь значительного соперника, и на море.

Войны с Македонией и Сирией

Почти сразу после окончания второй Пунической войны римляне оказались втянутыми в войну с Филиппом V Македонским. В Восточном Средиземноморье в это время доминировали три крупнейших эллинистических государства, созданные наследниками Александра Великого: Египет Птолемеев, которому принадлежали также Кирена, Кипр, значительная часть Сирии и некоторые острова Эгейского архипелага; империя Селевкидов, включавшая северную Сирию, южную часть Малой Азии и все восточные провинции бывшей империи Александра; Македония, где правила династия Антигонидов, претендовавшая на гегемонию в материковой Греции – македонский царь формально считался главой лиги греческих государств.

Прежние контакты Рима с Восточным Средиземноморьем ограничивались обменом посольств и некоторыми совместными усилиями в борьбе с пиратством в Адриатическом море. После победы над Пирром Рим заключил союз с Птолемеем II (в 273 г. до н. э.), но союз этот был, скорее, формальностью, признанием Римской республики как одной из «мировых держав», и ни одну из сторон ни к чему не обязывал. Предпринятые Римом во второй половине III в. до н. э., после первой Пунической войны, меры по борьбе с иллирийскими пиратами затрагивали интересы как римской, так и греческой торговли, поэтому римский сенат направил в 228 г. послов в Афины и Коринф, чтобы доложить о результатах кампании в Адриатике. Начало второй Пунической войны не время отвлекло внимание римлян от восточных проблем, однако заключение в 215 г. (вскоре после поражения римской армии при Каннах) союза между Ганнибалом и Филиппом V не осталось ими незамеченным. Римляне подозревали, что македонский царь намеревается, воспользовавшись их военными неудачами, повторить кампанию Пирра и захватить Южную Италию.

В 214 г. римский адмирал Валерий Левиний высадил десант на побережье Иллирии, чтобы заставить Филиппа рассредоточить свои силы, а в 212 г. заключил антимакедонский союз с Этолийской лигой (одним из союзов греческих государств, во главе которого стояли

этолийцы) и с пергамским царем Атталом. Этолийцы и до этого были во враждебных отношениях с Македонией, а Аттал рассчитывал, при помощи римлян, расширить свое маленькое царство за счет македонских владений в Эгейде. Первая Македонская война вяло тянулась до 205 г. и не принесла каких либо существенных выгод ни одной из сторон. Филипп сохранил за собой часть адриатического побережья (у устья Апса), но вынужден был отказаться от претензий на главенство в лиге греческих государств.

Не имея возможности расширить свое влияние в Адриатике, он в 203 г. до н. э. вступил в союз с селевкидским царем Антиохом III, построил сильный флот и атаковал островные владения Птолемеев. Воспользовавшись малолетством Птолемея V, Филипп захватил несколько принадлежавших Египту островов в Эгейском море (202-201 гг.). Его варварские методы ведения войны (продажа в рабство населения целых городов, нападение на торговые суда нейтральных стран) настроили против него многие греческие государства, в том числе Афины и Родос. Родосцы, существовавшие, в основном, за счет морской торговли, сильно пострадали от действий македонского флота. Им без особого труда удалось убедить Аттала вновь вступить в войну с Македонией, однако морская кампания 201 г. у западных берегов Малой Азии не принесла ожидаемых результатов: флот союзников понес большие потери в сражениях у Хиоса и Ладе, и Аттал решил усилить антимакедонскую коалицию, возобновив союз с Римом. Его посольство в Рим в 201 г. сопровождала родосская делегация.

У римлян не было особого повода для войны с Македонией Филипп соблюдал условия договора 205 г., кроме того, республика еще не оправилась от последствий второй Пунической войны. Послам, тем не менее, удалось, хотя и не сразу, уверить римский сенат в том, что союз Филиппа с Антиохом непосредственно угрожает римским интересам; римляне, к тому же, еще не забыли, как Филипп воспользовался их поражением при Каннах. В 200 г. консул Публий Сульпиций Гальба убедил сенат объявить войну Македонии под тем предлогом, что Филипп напал на союзников Рима. Македонскому царю был послан ультиматум с требованием возместить убытки родосцам и Пергаму и отказаться от вмешательства в отношения между греческими государствами. Участие римлян во второй Македонской войне, вероятно, не отвечало в тот момент интересам Римской республики, да и формального повода к ней, кроме просьбы недавних союзников, тоже не было. Аттал вступил в нее исключительно из корыстных интересов, единственной реально заинтересованной стороной были родосцы, пострадавшие от пиратских действий македонского флота и потерявшие несколько баз на побережье Малой Азии. Римлян, однако, насторожили военные успехи Филиппа на востоке; после Пирра и Ганнибала, перспектива еще одного вторжения в Италию не казалась им невозможной. В 201 г., еще до прибытия посольства союзников, получив известие о действиях македонского флота, римляне перевели один из своих флотов из Сицилии к берегам Иллирии. Македонский флот, правда, тоже понес большие потери при Хиосе и Ладе, и, самое главное, Филипп, в отличие от Аттала и родосцев, не имел возможности восстановить его в короткое время, но в ходе кампании ему удалось захватить Перею, прибрежную область Карики (всего в 20 милях от Родоса), что представляло потенциальную угрозу и для родосцев и для Пергама. Там был оставлен македонский гарнизон, сам же Филипп с остатками флота прорвал блокаду союзников и вернулся в Грецию, где вступил в войну с Афинами. Афиняне обратились за помощью к Египту, Пергаму и Родосу. Союзники предоставили в их распоряжение свой флот, однако им нечего было противопоставить македонской армии, поэтому родосцы убедили афинян последовать их примеру и просить помощи у Рима. Афины по-прежнему считались культурной столицей цивилизованного мира – если послы Аттала и родосцев сперва не смогли добиться от римлян определенного ответа, то появление афинского посольства в Риме сделало свое дело, и Рим вступил в войну.

Родосцы тем временем захватили несколько морских баз Филиппа на Эгейских островах и блокировали его гарнизоны на Самосе и Паросе, а македонский царь предпринял энергичные действия во Фракии. Не надеясь добиться абсолютного превосходства на море, он рассчи-

тивал проложить дорогу в Азию, к оставленным там гарнизонам, вдоль фракийского побережья и заодно лишить противника морских баз во Фракии. Морские базы Египта (Эн, Элей, Алопеконнес, Каллиполис и Мадит) были захвачены им без особого труда, сопротивление оказал только Абидос, куда Аттал успел ввести около 300 солдат. Филипп блокировал город. Репутация македонского царя, уничтожавшего или поголовно продававшего в рабство население захваченных им городов, была такова, что жители Абидоса, осознав безнадежность своего положения, предпочли покончить с собой и поджечь город, нежели сдаться. Родосцы, за отсутствием наземных войск, не могли оказать помощи Абидосу или препятствовать продвижению македонян во Фракии. Поэтому они сосредоточили свои усилия на борьбе с флотом Филиппа и его союзников, критских пиратов, в Эгейском архипелаге. При этом значительную часть флота им приходилось держать у карийского побережья – македонский гарнизон в Перее создавал непосредственную угрозу Родосу.

С падением Абидоса и захватом проливов македонянами прекратилось поступление зерна из Причерноморья в Грецию (в то время – основной источник продовольствия и для Аттики и для Родоса). Второй важный источник хлеба – Египет – тоже был ненадежен, поскольку египтяне были заняты войной с Антиохом III на юге Палестины, к тому же явно ее проигрывали. Антиох захватил большую часть их морских баз и верфей в Леванте и увеличил свой флот за счет трофейных египетских судов.

Тем временем в Иллирии высадилась римская армия под командованием П. Сульпиция Гальбы. Римский флот, насчитывавший 75 кораблей (сюда, вероятно, вошла и ранее отправленная к берегам Иллирии эскадра), избрал в качестве основной базы о. Коркиру. 20 трирем были направлены для патрулирования побережья Аттики. К ним присоединились 4 родосские квадриемы и несколько афинских афрактов – этого было достаточно, чтобы отпугнуть македонян, совершавших рейды на побережье с укрепленной базы в Халкиде.

Против этой базы, вероятно, по инициативе родосцев, имевших богатый опыт по борьбе с пиратскими базами на Крите, вскоре была проведена очень смелая операция. Воспользовавшись тем, что македонские войска на Эвбее рассредоточились и не ожидали нападения, объединенная римско-родосская эскадра вошла ночью в пролив Эврип и незадолго до рассвета высадил десант в бухте Халкиды. Римляне ворвались в город и подожгли македонские продовольственные склады и арсенал, родосцы же тем временем освободили политических заключенных, лидеров антимакедонских партий. Возможности удержать Халкиду не было, поэтому союзники ограничились разрушением укреплений и уничтожением складов, а затем отступили. Разгром Халкиды был серьезным ударом для репутации македонского царя. Выйдя из себя, он вторгся в Аттику, попытался взять Афины штурмом, и едва при этом сам не был убит снарядом из афинской катапульты. Штурм Элевсина также закончился для него неудачей – наличие флота позволило союзникам вовремя перебросить туда подкрепления. Выместив свою злобу на храмах и гробницах Аттики, Филипп отступил на север через Беотию.

В 199 г. к берегам Аттики прибыл основной римский флот под командованием Апустия. К нему присоединился пергамский флот, базировавшийся на Эгине, и 20 родосских квадрирем под командованием Акесимброта. Союзный флот захватил о. Андрос, где Аттал построил свою вторую островную базу, в дополнение к эгинской. Попытка захватить о. Кинф (Кикладский архипелаг) не удалась. Присоединившиеся к союзникам далматинские пираты совершили набег на юго-западное побережье Эвбеи, затем объединенный флот захватил крепость Орей на Эвбее, крейсировал вдоль побережья Фракии, совершал высадки на Херсонесе и осаждал Аканф, после чего вернулся на эгинскую базу. Во всех этих действиях принимали участие, в основном, римские и пергамские суда – родосцам было поручено следить за македонским флотом, поэтому они расположились у мыса Зеласиум, недалеко от Деметриады, военно-морской базы македонян. Македонский же флот не предпринимал активных действий – он в это время переоснащался в Деметриаде, а постоянная угроза со стороны родосцев не позволяла ему ее

покинуть. Филипп осознавал эту потенциальную угрозу, поэтому постарался опустошить все близлежащие острова (Перарет и Скиаф), которые противник мог бы использовать в качестве опорных пунктов для нападения на Деметриаду. Впрочем, бездействие Гераклеида, командовавшего македонским флотом, в конце концов вызвало недовольство Филиппа – он был впоследствии смещен и арестован.

Падение Орея закрыло для македонян пролив Эврип, изолировало Коринф, их главный опорный пункт на юге, и одновременно побудило этолийцев к активным действиям против Македонии. Задача союзников – запереть Филиппа в Македонии – была наполовину выполнена. С другой стороны, неожиданное вмешательство Антиоха III, угрожавшего Пергамскому царству, не позволяло Атталу и родосцам целиком сосредоточиться на войне с Македонией, а половина родосского флота вынуждена была сопровождать транспорты с зерном и патрулировать пролив между островом и континентом.

Зимой 199/8 г. командующим римским флотом был назначен Квинт Фламинин. Первой предпринятой им операцией был штурм Эретрии, еще одного македонского форпоста, всеми силами союзного флота. Установленные на судах метательные машины пробили брешь в стене крепости. Гарнизон попытался начать мирные переговоры с Атталом, но Фламинин опередил их, предпринял ночной штурм и захватил город. Гарнизон Кариста, другой эвбейской крепости, капитулировал добровольно, был обезоружен и переправлен в Беотию. После этого союзный флот направился к Коринфу. Блокировать город не удалось – Филипп сумел перебросить туда подкрепления и припасы на легких лембах, для чего, впрочем, ему пришлось снять экипажи с части своих боевых кораблей. Взять эту сильную крепость штурмом не представлялось возможным. Аттал убедил Фламинина снять осаду, и римский флот вернулся на зиму на свою базу в Коркиру. Сохранив за собой Коринф, македоняне могли использовать его как базу для нападения на идущие в Грецию римские транспорты. Неудача под Коринфом отчасти компенсировалась успешными переговорами с Ахейской лигой, в Аргосе же, напротив, к власти в это время пришла про-македонская партия.

Сложившуюся к зиме 198/7 г. ситуацию Филипп использовал для предварительных переговоров с командованием союзников. Встреча произошла в Локриде, куда македонский царь прибыл в сопровождении всего нескольких легких судов. В первый день он отказался сходить на берег, несмотря на данные ему гарантии безопасности, ссылаясь на присутствие этолийцев, и за все время переговоров единственный раз покинул корабль для личной встречи с Фламининим. Переговоры зашли в тупик. Филипп готов был вернуть родосцам Перею, но хотел при этом сохранить за собой захваченные гавани, что лишало его уступку всякого смысла.

Родосцы же к 197 г. уже перебросили в Перею около восьмисот ахейских гоплитов (наемников) и сотню кавалерии. К ним присоединился родосский адмирал Павсистрат, примерно еще с 2000 солдат, и они разбили македонян в битве при Алабаунде. Павсистрат освободил Перею, хотя ему не удалось воспрепятствовать отступлению македонских гарнизонов в Баргилию и захватить Стратонику. Все это родосцы осуществили без поддержки римлян, при том, что значительная часть их кораблей продолжала действовать в составе союзного флота у берегов Греции.

Тем временем в восточных водах появился флот Антиоха III – около ста катафрактов (тяжелых боевых кораблей) и двухсот более легких судов (в их числе так называемые керкуры – быстроходные транспорты). Селевкидский монарх намеревался, прежде всего, захватить оставшиеся птолемеевские базы на юго-западном побережье Малой Азии. Неизвестно, входило ли в его намерения оказание военной помощи его прежнему союзнику Филиппу, которому Фламинин в это самое время пытался всеми силами навязать решающее сражение – в любом случае, союзникам следовало воспрепятствовать такой возможности. Появление большого сирийского флота у берегов Малой Азии затрагивало, прежде всего, интересы Родоса, и родосцы немедленно предъявили селевкидскому царю ультиматум с требованием не выхо-

доть за пределы мыса Хелидонии в Киликии (смелый поступок, за который они удостоились многочисленных похвал со стороны римских историков). Антиох III был опытным политиком и хорошим стратегом, конфликт с Родосом (при том, что с севера ему угрожал Пергам, а с юга – Египет), при его зависимости от морских коммуникаций, ему был в тот момент совершенно не нужен, и он поспешил успокоить родосцев, заодно напомнив им о прежней дружбе между ними и его предками. Дальнейшего развития этот инцидент в то время не получил, и до открытого конфликта дело не дошло, тем более что поражение Филиппа V при Киноскефалах изменило баланс сил, укрепления Родоса пострадали в начале 196 г. от землетрясения, а флот Антиоха – от бури и мятежа. Антиох продолжал заигрывать с родосцами, захватывать прибрежные города и продвигаться к Геллеспонту – его план «восстановления империи Александра» мало чем отличался от потерпевших крах замыслов Филиппа V. Возможно, что он надеялся даже на союз с Родосом – ему нужен был сильный флот, а его собственным морякам не хватало боевого опыта.

Тем временем военные неудачи заставили македонян пойти на уступки. Мир был подписан в 196 г. в Никее. Филипп должен был уступить свои владения в Малой Азии и вывести гарнизоны из опорных пунктов на проложенной им дороге на восток. Римляне конфисковали весь его военный флот, кроме гигантского «шестнадцатирядного» флагмана, построенного еще Деметрием Полиоркетом. Последнее условие было внесено в договор римским сенатом уже после переговоров между македонским царем и Фламинином, возможно, по наущению родосцев, стремившихся окончательно освободить море от македонян. Родос получил практически все, чего добивался, Аттал же, по условиям договора, терял новоприобретенные морские базы в Эгейском море – декларированная Фламинином «свобода Греции» требовала возвращения отвоеванных у Македонии островов их прежним владельцам. Правда, Пергам сохранил свою базу на Эгине и остров Андрос, где прежде была египетская морская база. Вероятно также, что в качестве компенсации ему досталась часть захваченных в Коринфе легких военных судов. В том же 196 г. Аттал скончался, а его наследник, Эвмен II, не решился требовать пересмотра условий договора.

Интересы римлян и Антиоха III тем временем должны были неминуемо столкнуться, и многие греческие государства, в том числе и Родос, ждали этого момента. Антиох уже захватил Эфес, превратив его в мощную военно-морскую базу, и закрепился на Геллеспонте, восстановив Лисимахию на европейском берегу пролива. Римляне намекали Антиоху, что они готовы не обращать внимания на его действия в Азии, если он сам воздержится от вмешательства в дела европейской Греции, что, конечно, совсем не устраивало Пергам и Родос, но Антиох в конце концов не смог удержаться от соблазна.

Вывод римских войск из Греции немедленно породил целый ряд конфликтов. Спартанский тиран Набид, сторонник македонян, перед тем разгромленный союзниками, нарушил условия мирного договора, восстановил свой флот (у него было три катафракта и несколько лембов), начал войну с Ахейской лигой, захватил несколько прибрежных крепостей и осадил Гитеум на побережье Лаконии, который удерживал ахейский гарнизон. Ахейцы намеревались сперва снова призвать на помощь римлян, но Филопомен убедил их попробовать справиться с Набидом собственными силами, для чего оснастил одну из трофейных квадрирем, бывший флагман македонского флота. Этот ветхий корабль (ему было не менее 80 лет) развалился на куски при первом же столкновении с флотом Набида. Последний, однако, не сумел воспользоваться плодами этой победы (если не считать захвата Гитеума), а его армия вскоре была полностью разгромлена ахейцами. Набид попытался привлечь на свою сторону Этолийскую лигу и успел втянуть этолийцев в войну прежде, чем сам был убит заговорщиками. Этолийцы, как одни из самых активных участников борьбы с Македонией, рассчитывали при разделе македонского наследства на ощутимые территориальные приобретения – они надеялись включить в свою лигу всю Фессалию, но не получили почти ничего. Разочаровавшись в союзе с римлянами

и ввязавшись в войну с бывшими союзниками, они решили пригласить в Грецию Антиоха, дабы он «освободил страну от римского деспотизма». Антиох не удержался и принял приглашение, возможно, желая просто подразнить римлян. В 192 г. он высадил в Деметриаде свой авангард, 10 000 солдат, занял Халкиду и вторгся в Фессалию. Его флот, которым командовал Поликсенид, родосский изгнанник, насчитывал 200 транспортов и корабли сопровождения – 40 катафрактов и 60 легких военных судов. Греки приняли Антиоха довольно холодно – они еще не разочаровались в дарованной Римом «свободе». Этолийцы также раскаивались в своем необдуманном поступке – между ними и Антиохом начались трения, каждый пытался использовать другого в своих собственных интересах. Филипп Македонский, вместо того, чтобы поддержать Антиоха, принял сторону римлян и соблюдал условия договора 196 г. Римляне же восприняли вторжение Антиоха в Грецию как непосредственную угрозу, как попытку селевкидского царя создать плацдарм для последующего вторжения в Италию. Известие о том, что Ганнибал нашел приют при дворе Антиоха, еще более усилили их опасения.

Родосцы, несмотря на свой смелый ультиматум, не предприняли каких либо активных действий против селевкидского флота. Они сосредоточили весь флот у Родоса и заняли выжидательную позицию. Атаковать транспорты Антиоха не имело смысла – если его сил и было недостаточно для завоевания Греции, то Родосу они могли доставить много неприятностей.

Рим начал спешно готовиться к войне. В Грецию в 191 г. была отправлена 20-тысячная армия во главе с консулом, Марком Ацилием Глабрионом. Он действовал вполне успешно, заставив Антиоха отступить из Фессалии и выбив его из Фермопильского прохода (воспользовавшись тем самым обходным путем, по которому персидский отряд зашел в тыл к спартамцам в 480 г. до н. э.). При отступлении Антиох потерял значительную часть своей армии и был вынужден вернуться в Азию, куда за ним намеревались со временем последовать и римляне.

Далеко не столь удачны были действия римского флота, которым командовал Гай Ливий Салинатор, сменивший на этом посту Атилия. Флот в это время был укомплектован, в основном, старыми судами, ветеранами второй Пунической войны (им было от 25 до 15 лет), новые корабли давно не строились. Сенат немедленно принял решение о строительстве ста новых судов, но эта программа так и не была выполнена. Римляне не смогли отбить Халкиду, неудачно пытались блокировать в Деметриаде часть сирийского флота, понесли потери при Эвбее (при этом попал в плен сын Сципиона Африканского). Ливий делал все возможное, чтобы привлечь к морским операциям флоты союзников – ему удалось сосредоточить у берегов Аттики 81 катафrakt и 24 легких судна (сюда входили отряды из Региума и Локр и 6 карфагенских катафрактов). Пергамский царь Эвмен II прибыл в Пирей с тремя кораблями – известия о военных приготовлениях Антиоха в Азии, что создавало угрозу Пергаму, не позволяли ему выделить больше.

Антиох все еще надеялся предотвратить перенесение военных действий в Азию, блокировав дорогу через Фракию. Лисимахия была превращена в северную морскую базу сирийского флота, отборный отряд быстроходных судов патрулировал Эгейский архипелаг. Поликсенид же тем временем переоснащал флот в Эфесе. Эфесская база, находившаяся как раз между Родосом и Пергамом, должна была препятствовать соединению союзных флотов. Родос, в свою очередь, располагался между Эфесом и левантийскими верфями Антиоха, поэтому обе стороны должны были опасаться соединения флотов противника и уничтожения собственных флотов по частям, до того, как они успеют объединиться.

Основной задачей, поставленной перед римским флотом, была охрана и снабжение той армии, которая должна была двинуться в Азию по суше, вдоль фракийского побережья. Эвмен, обеспокоенный прежде всего судьбой собственного царства, предложил Ливию решить эту задачу, перебросив флот через Делос к пергамской военной базе на Элее, откуда удобно было охранять и Геллеспонт и Пергам. Ливий, вопреки всем ожиданиям, согласился на этот смелый ход. Его неожиданный рывок через Эгейское море вынудил Поликсенида покинуть район

пролива и убедил родосцев в том, что римляне действительно готовы сражаться в восточных водах. Родосский флот (27 кораблей) под командованием Павсистрата немедленно отправился к Самосу, рассчитывая соединиться там с римским флотом. С этого союзного острова, имевшего две укрепленные гавани, родосцы могли также следить за судами, выходящими из гавани Эфеса.

Ливий, похоже, больше заботился не о том, чтобы объединиться с флотом союзников, а о том, чтобы скорее добраться до Элеи. Однако противный ветер отнес его флот в сторону, и он, вместо того чтобы соединиться с родосцами, пристал к Хиосу, где заодно решил пополнить запасы.

Поликсенид, очевидно, каким-то образом получил известие о выходе в море родосского флота. Намерения союзников – объединить силы для совместных действий – были для него совершенно очевидны, и он решил навязать сражение одному из флотов прежде, чем им удастся это сделать. Поликсенид вышел из Эфеса и направился к Фокее, затем оттуда неожиданно повернул к Эритрее, намереваясь встретить противника у Кисской гавани. Каким-то образом, возможно ночью, римский флот разошелся с ним по пути от Хиоса. Эвмен тем временем вернулся из Элеи со всем своим флотом (24 катафракта и многочисленные легкие суда). Объединенный флот подошел к Фокее, но Поликсенида к тому времени там уже не было.

Причиной, заставившей его покинуть Фокею, вероятнее всего были полученные им известия о местонахождении родосского флота. Поликсенид готов был допустить соединение римлян и пергамцев, чтобы успеть дать бой своим бывшим соотечественникам, встретив их на пути от Самоса. Кисская бухта как нельзя лучше подходила для этого. Но, к его изумлению, вслед за ним к Киссу подошел римско-пергамский флот, боевым качествам которого Поликсенид давал не самую высокую оценку.

Точное соотношение сил и потери противников в битве при Киссе нам неизвестны (Тит Ливий явно занижает потери союзников, сводя их к трем карфагенским триремам). Поликсенид, очевидно, не был знаком римской тактикой превращения любого морского сражения в огромную рукопашную свалку, поэтому его изящные маневры не произвели на противника должного впечатления. Потеряв какое-то количество судов, он предпочел отступить и укрылся в Эфесской гавани, где был заперт объединенным союзным флотом. На зиму флоты рассредоточились по своим базам – римский флот нашел приют в Кане, вспомогательной базе Пергама. Антиох тем временем спешно достраивал заложенные в предшествующем году новые корабли – Ганнибала, выполнявшего при нем роль неофициального военного советника, он отправил с этой целью в Финикию, где находились его главные верфи – а Поликсенид ремонтировал флот в Эфесе. Антиох надеялся начать кампанию на море и объединить свой флот прежде союзников.

Весной 190 г. родосцы отправили на север 36 кораблей под командованием Павсистрата, а Ливий вышел со всем своим флотом и частью флота Эвмена к Геллеспонту, где намеревался разрушить ряд укреплений противника и расчистить дорогу для римской армии – несколько преждевременно, поскольку ей предстояло воспользоваться этим маршрутом не раньше чем через год. Родос остался без поддержки союзников, один на один против всего сирийского флота. Поликсенид воспользовался этим, и решил заманить родосский флот в ловушку. Он сделал вид, что готов предать Антиоха и предложил Павсистрату через посредника передать Родосу ту часть сирийского флота, которой он командовал, в обмен на прощение и право возвратиться на Родос. В качестве гарантии Поликсенид подписал письменное обязательство в присутствии доверенных лиц Павсистрата. Павсистрат поверил ему. Родосский флот в это время базировался на Самосе, в гавани Панорма, откуда продолжал следить за Эфесом. Ливий и Аппиан сообщают, что истинные планы Поликсенида были выданы Павсистрату одним из плененных эфесян, но тот не придавал этой информации должного значения или не успел ее проверить. Поликсенид действительно вытащил большую часть своих судов на берег около Эфеса,

якобы для ремонта, и этим усыпил бдительность Павсистрата. У него было 70 катафрактов и несколько десятков легких судов против 27 родосских кораблей, кроме того он заключил союз с пиратом Никандром, который должен был ночью высадить своих людей у Панорма.

Сирийский флот появился у входа в бухту на рассвете. Для родосцев это было полной неожиданностью, однако они быстро оправились от шока. Расположенные по обеим сторонам бухты береговые батареи – снятые с судов метательные машины – открыли огонь по сирийским судам. Было еще темно, когда пираты Никандра напали на родосцев с суши. Те, вероятно, приняли их за гоплитов Антиоха и пришли в полное замешательство. Павсистрат попытался вырваться из бухты с оставшимися кораблями – к тому времени около двадцати его судов уже были захвачены противником на берегу, либо у выхода из бухты. Его собственный флагман был окружен и протаранен тремя сирийскими квинкриремами, сам Павсистрат погиб в самом начале прорыва. Выйти из бухты удалось только пяти родосским и двум союзным косским кораблям, которые прорвали строй противника, отпугнув его огненными снарядами (изобретением Павсистрата).

Поражение родосского флота заставило Ливия прервать бесполезную геллеспонтскую экспедицию, тем более что его корабли нуждались в ремонте, а людям не хватало продовольствия – поддерживаемые Антиохом пираты перехватывали шедшие из Италии транспорты с припасами. К тому же в Фокее, где Ливий оставил четыре корабля, произошел переворот, инспирированный сторонниками Антиоха, вдохновленными известием о поражении родосцев в бухте Панорма. Ливий продолжил к Фокее слишком поздно, и ограничился разорением окрестностей города.

Родосцы на удивление быстро восстановили свой флот, построив 20 новых quadrirem и укомплектовав их экипажем. Командовать флотом был назначен Эвдам. Родосский флот соединился с римским у Самоса, причем по пути туда римляне едва не были перехвачены Поликсенидом – ему помешала только плохая погода. Затем союзный флот подошел к Эфесу, где вновь укрылся флот Поликсенида, и Ливий высадил часть войск на берег, намереваясь пополнить запасы продуктов. Но его фуражиры были атакованы эфесским гарнизоном и вернулись ни с чем.

К тому моменту, когда Ливия сменил на посту командующего флотом Луций Эмилий Регилл, родосский флот уже был почти полностью восстановлен. Родосцы встретили Регилла в Пирее, откуда он направился на Хиос, оставив у берегов Греции 18 кораблей для борьбы с пиратами, угрожавшими римским транспортам. Союзные флоты вновь объединились на Самосе, где состоялся военный совет, продемонстрировавший полное непонимание римлянами основ морской стратегии и отсутствие у них какого либо определенного плана действий, кроме как вступить в бой с флотом противника, ежели таковой им встретится. Уже освобожденный от командования Ливий предложил затопить несколько нагруженных песком транспортов у входа в гавань Эфеса, и таким образом запереть там сирийский флот. Поскольку трудно было надеяться на то, что противник будет равнодушно наблюдать за проведением этой громоздкой операции, а потом ничего не предпримет для расчистки прохода, этот фантастический план был отвергнут. Родосцы предлагали захватить Патару, укрепленный город на азиатском берегу, до войны принадлежавший Родосу. Там имелась хорошо защищенная гавань, и оттуда можно было бы перехватить идущий с юга для соединения с Поликсенидом финикийский флот Антиоха. Регилл согласился с планом, но отказался разделять свой флот, выделив для этой операции только две квинквиремы под командованием Ливия. Всего, вместе с четырьмя родосскими quadriremами и двумя афрактами, удалось набрать 11 кораблей, что было явно недостаточно. Неожиданная высадка у Патары не удалась – корабли задержались из-за плохой погоды, и элемент неожиданности был утрачен. Союзникам удалось отбить нападение сделавшего вылазку гарнизона, но для штурма крепости сил не хватало. Ливий отпустил родосцев и отправился назад в Грецию, а затем в Италию, не заходя на Самос. Регилл,

раздасадованный неудачей, предпринял ряд совершенно бессмысленных действий. Он увел весь флот с Самоса, предоставив Поликсениду полную свободу, совершил несколько рейдов на побережье и подошел к Лориме, ближайшему к Родосу порту на материке. Его собственные трибуны осуждали его действия, предвидя, что противник наверняка воспользуется сложившейся ситуацией. Сирийцы действительно ей воспользовались. Селевк, сын Антиоха, атаковал сперва пергамскую морскую базу в Элее а затем двинулся на Пергам. Эвмен, как только получил известие о приближении врага к своей столице, немедленно вернулся в Пергам и увел свои корабли, а римляне и родосцы вынуждены были последовать за ним хотя бы для того, чтобы не дать противнику уничтожить по пути весь пергамский флот.

Антиох подошел к Элее со всей своей армией и предложил собравшимся там союзникам начать переговоры о мире. Трудно сказать, почему он упустил столь выгодный для себя момент – взятие Элеи или Пергама поставило бы под удар планы римского вторжения в Азию, а флот Поликсенида мог бы запереть весь союзный флот в гавани Элеи (чего весьма опасались родосцы, и чего не хотели понять римляне). Регилл постарался затянуть переговоры, ссылаясь на то, что он не уполномочен подписывать какие либо соглашения до прибытия консула (тем более, что вместе с консулом должна была прибыть и армия). Антиох ни на чем не настаивал, но и не предпринимал никаких действий под Пергамом. Поликсенид также не воспользовался ситуацией и оставался в Эфесе.

Регилл тем временем предпринял еще одну неудачную попытку захватить Фокею. К концу 190 г. престиж его, как главнокомандующего объединенными силами, упал настолько, что союзники предпочли действовать самостоятельно. Эвмен оставался в Элее, а Эвдам, забрав с Самоса 13 родосских квадрирем и две квинквиремы с Коса и Книда, вернулся на Родос. К моменту его возвращения уже было получено известие о выходе в море флота Ганнибала – за два дня до прибытия Эвдама против него были отправлены 13 родосских квадрирем под командованием Памфилида. Эвдам поспешил на юг вслед за ним и застал Памфилида у Мегисте, где принял командование объединенным родосским флотом.

Родосцы встретили Ганнибала у мыса Сиде. Несмотря на то, что они высылали вперед разведочные суда, встреча была неожиданной – оба флота шли в походном строю. У родосцев были тридцать две квадриремы и четыре триремы. Флот Ганнибала включал тридцать семь больших судов, в том числе три «семерки» и четыре «шестерки», и десять трирем. Ганнибал первым перестроил свой флот из походного порядка в боевой. Сам он находился на левом фланге, его правым флангом, ближе к берегу, командовал Аполлоний. Чтобы предотвратить окружение родосского флота и дать ему время перестроиться, Эвдам решился на смелый шаг – его флагман и четыре корабля сопровождения покинули строй и атаковали левый фланг противника. Родосцы имели преимущество в скорости и маневренности, их команды были лучше обучены, и сама конструкция их квадрирем давала им преимущество при лобовой таранной атаке. В первые же минуты боя одна из сирийских «семерок» на правом фланге была выведена из строя таранным ударом и захвачена, несколько вражеских кораблей лишились весел – более маневренные родосцы обламывали их таранами, прорываясь сквозь строй противника. Через некоторое время правый фланг сирийцев дрогнул и обратился в бегство. Эвдам был почти окружен отрядом самого Ганнибала, но спас свой корабль, дав сигнал флоту собраться вокруг флагмана (родосцы разработали надежную систему сигналов – Эвдам продолжал давать сигналы кораблям резерва и Памфилиду, командовавшему центром, даже в тот момент, когда его собственный отряд уже вырвался вперед и атаковал левый фланг Ганнибала). Подоспевшие с левого фланга, уже обратившие противника в бегство родосские суда едва не окружили самого Ганнибала, и тот вынужден был дать сигнал к отступлению. Его искалеченный гигантский флагман был взят на буксир афрактами, двадцать наименее поврежденных сирийских кораблей прикрывали отход. Родосцы замерли, наблюдая это великолепное зрелище, однако сил преследовать противника у них уже не было, а их собственный флагман тоже получил

большие повреждения. Флот Ганнибала был потрепан настолько, что уже не смог выйти в море до самого конца войны.

Эвдам вернулся на Самос, куда была доставлена и трофейная «семерка». Он оставил Хариклита с несколькими судами у острова Мегисте – на тот случай, если Ганнибал снова попытается прорваться на север. Регилл тем временем планировал еще одну экспедицию в Геллеспонт, и Эвдаму стоило большого труда убедить его от нее отказаться – находившихся там кораблей Эвмена было вполне достаточно, а перед союзниками стояли более насущные проблемы – непредсказуемый Поликсенид, укрепившийся в Эфесе, и перебои в снабжении. Регилл получил известие, что транспортные суда с грузом вина из Италии задерживаются, но что жители Теоса заготовили пять тысяч амфор вина для флота Антиоха. Решив перехватить этот ценный груз, он отправился на Теос, по пути встретил пятнадцать легких пиратских судов, союзников Антиоха, и, преследуя их, едва не посадил весь свой флот на рифы у Мионесса, где укрылись пираты. От этих пиратов, вероятнее всего, Поликсенид и узнал о местонахождении римского флота. Регилл остановился в бухте Герастика недалеко от Теоса. Поликсенид хорошо знал это место, очень похожее на гавань Панорма. Он укрыл свой флот неподалеку, за островом Макрида, намереваясь запереть вход в бухту десятью судами, а затем высадить десант и окружить противника. Эвдам, по словам Ливия, уже указывал Региллу на неудобство выбранного им места для стоянки, когда при выходе из бухты два корабля едва не столкнулись и поломали друг другу весла. К счастью для римлян, прежде чем Поликсенид успел приступить к выполнению своего плана, Регилл перевел флот к Теосу. Римские солдаты как раз грузили захваченное вино на суда, когда был замечен вышедший из-за Макриды флот Поликсенида. Римляне бросились к кораблям. Регилл сумел навести какое-то подобие порядка, приказав каждому выходившему из гавани кораблю выстраиваться в линию вслед за флагманом. Предусмотрительные родосцы, которые не стали приставать к берегу ввиду вероятной близости неприятеля, дали ему дополнительную возможность выйти в море и перестроиться. У римлян было 58 судов, у родосцев – 22, против 89 кораблей Поликсенида, в их числе три «шестерки» и две «семерки». Пока римляне выстраивали свой флот, Эвдам изменил курс, зашел союзникам в тыл и вышел к их правому флангу, предвидя, что Поликсенид, используя численное превосходство, попытается здесь охватить их фланг. Регилл, как истинный римлянин, двинулся прямо на врага, и когда Поликсенид, как и ожидалось, попытался атаковать неприкрытый правый фланг римлян, он наткнулся на своих бывших сограждан, вооруженных огненными снарядами Павсистрата. Эвдам немедленно атаковал вражеский флагман, несколько сирийских судов были подожжены в самом начале боя. Римляне, как обычно, постарались поскорее сблизиться с противником и превратить морской бой в рукопашную схватку. Они прорвали центр вражеского строя, но их фланги, открытые для вражеской атаки, пришлось прикрывать родосцам. Римские абордажные команды захватили тринадцать вражеских кораблей, еще двадцать девять были потоплены или сожжены родосцами. Потери родосцев составили один корабль, захваченный противником, когда его якорь при столкновении застрял в обшивке более крупного сирийского корабля, два римских корабля получили сильные повреждения. В разгар боя Поликсенид покинул строй с захваченным у родосцев кораблем и направился к Эфесу. Увидев это, корабли его правого фланга, еще сохранявшие боевой порядок, поспешно бежали.

Война на море закончилась – практически лишившись флота, Антиох вынужден был отказаться от своих владений за Геллеспонтом, и римская армия смогла беспрепятственно переправиться в Малую Азию – родосский флот также принимал участие в этой операции. Регилл, по-видимому, пытался отослать родосцев домой, не желая делиться славой, но они настояли на своем присутствии в Геллеспонте, благодаря чему об их вкладе в победу над Антиохом стало известно в Риме. Потерпев поражение при Магнезии в 189 г. до н. э. Антиох вынужден был согласиться с условиями мира, продиктованными Римом. Поликсенид бежал,

опасаясь мести бывших сограждан, а Ганнибал, подозревая, что одним из условий мирного договора будет его выдача римлянам, перебрался в Вифинию.

Римляне высоко оценили помощь родосцев в этой войне, установив в их честь в Риме памятную стелу с перечислением их заслуг. И в Македонской, и в Сирийской войнах Родос выступал не просто как союзник римлян. Родосцы вели свою собственную войну, в которую оказались втянуты еще до вмешательства римлян в дела Греции и Восточного Средиземноморья, и в которой отстаивали свои интересы: прежде всего, собственную безопасность, не говоря уже о безопасности морской торговли, составлявшей основу всей их экономики. Родосский флот, довольно внушительный для такой небольшой островной республики (состав его колебался в пределах 30-40 боевых кораблей, главным образом quadrirem, не считая малых судов), был прекрасно организован и хорошо оснащен (даже малые суда имели на вооружении, по крайней мере, одну метательную машину); родосцы в описываемое время были, по-видимому, лучшими в Средиземноморье моряками, а Родос являлся одним из важных центров изучения навигации, картографии и астрономии (недаром многие античные картографы проводили нулевой меридиан через Родос). Родосской республике, возникшей на обломках империи Александра, с самых первых лет существования пришлось отстаивать свою независимость от притязаний Антигонидов, Птолемеев, а затем и Селевкидов, имевших крупнейшие и оснащенные самой передовой техникой того времени флоты. Только благодаря наличию флота родосцы смогли противостоять огромным эллинистическим империям, экономический потенциал и людские ресурсы которых во много раз превосходили их собственные. Основными же задачами, которые стояли перед родосским флотом и в мирное время, были охрана морских торговых путей и борьба с пиратами. Здесь у родосцев было много общих интересов с римлянами, которые уже в III в. до н. э. вели обширную морскую торговлю и тоже несли убытки от морского разбоя. Не следует, поэтому, рассматривать союз между Родосом и Римом как проявление какой-то исключительной политической дальновидности родосцев (благодаря оказанной римлянам помощи они добились некоторых привилегий, сохраненных ими и после вхождения Родоса в состав Римской Империи) – союз этот диктовался, прежде всего, наличием общих врагов и общих интересов.

Глава IV. Господство Рима на Средиземном море

Войны против пиратов

Карфаген, сильнейшая морская держава в западной части Средиземного моря, был окончательно низвержен, но для римского флота далеко еще не наступило время предаваться отдыху, несмотря на то, что он сделался безусловным господином на всех морях. Теперь Риму пришлось вести войны в отдаленных странах, куда войска его могли добраться только морем; значение флота стало постоянно возрастать, так как ему приходилось энергично содействовать всем операциям сухопутной армии; вместе с тем ему же приходилось то здесь, то там выполнять функции морской полиции, так как морской разбой стал принимать опасные размеры.

Благодаря этому обстоятельству римский флот, требовавший неустанных забот, по временам достигал очень высокой степени развития, что ставило его на один уровень с сухопутной армией. Наряду с крупными боевыми кораблями строились легкие суда, предназначенные для рассылки приказаний и для разведочной службы.

На верхней палубе крупных боевых судов устанавливались метательные машины; некоторые корабли снабжались двух- и трехэтажными башнями, в которых помещались лучники для обстреливания палуб неприятельских кораблей. На судах устанавливались и другие боевые машины, имелись зажигательные снаряды, были и особые брандерные суда (Эффективное

зажигательное устройство было придумано родосским адмиралом Павсистратом в 191 г. до н. э. На установленной на носу корабля длинной балке крепился железный контейнер с горючим веществом, вероятно, какой-то смеси смол и масел. При соприкосновении с вражеским кораблем контейнер переворачивался, зажигательная смесь выливалась на палубу. Положение контейнера регулировалось протянутой с носа цепью). Одновременно с усовершенствованием кораблей шло устройство гаваней, из которых некоторые были укреплены и могли запирались цепями.

В войне с Митридатом, царем Понтийским, принимало участие около 500 римских кораблей, но особенное значение флот приобрел в войне против морских разбойников. По мере того, как флоту все чаще приходилось принимать участие в военных действиях, у него стала вырабатываться более определенная уставная тактика; так, например, на походе корабли шли большей частью в двух колоннах, которые при сближении с противником склонялись вправо или влево и затем, сделав поворот на 90 градусов, шли на неприятеля развернутым боевым фронтом, в одну или две линии, причем в первом случае корабли второй линии вступали в промежутки первой линии и, таким образом, образовывали один общий фронт.

Постепенно вырабатывалась и система передачи приказаний; как и в сухопутных войсках, сигнал к атаке подавался большей частью красным флагом. Одновременно с подъемом этого флага на корабле главнокомандующего, все находившиеся на этом корабле трубачи начинали трубить в трубы; одновременно гребцы издавали боевой клич или иногда затягивали боевой гимн.

При атаке каждый корабль намечал себе противника, которого и старался захватить; позднее старались в первую очередь обломать неприятелю весла; таким образом, обычным видом боя была общая схватка (*melee*). При прорыве неприятельской линии противники, если не переходили сразу же к абордажному бою, обстреливали друг друга, а затем корабли пытались атаковать друг друга с кормы. Для лучшего нанесения удара часто увеличивали расстояние посредством таранения. Преимущества тактики «волчьей стаи», когда несколько легких быстроходных судов одновременно атакуют неповоротливый «дредноут», стали очевидны уже к концу III в. до н. э. Распространение зажигательных снарядов давали легким судам дополнительные преимущества. Тактику одиночного боя приходилось применять при морской полицейской службе.

Получившие пробоины и давшие течь корабли далеко не всегда шли ко дну; балласта, инвентаря, снаряжения, вооружения и припасов на борту было немного, поэтому корабли большей частью оставались на воде. После сражения поврежденные корабли обыкновенно брались на буксир и отводились домой.

Транспортные суда, нагруженные по большей части водой и провиантом, ходили, в основном, под парусами; гребцов на них было мало, так что военным кораблям часто приходилось брать их на буксир.

В то время, как в западной части Средиземного моря римляне вели войну с Карфагеном, на востоке шли постоянные войны между потомками военачальников Александра Великого, из которых каждый выкроил себе из громадных владений великого завоевателя особое царство, не имевшее большей частью даже определенных границ. Войны эти порождали всевозможные беспорядки, что повело к усилению морского разбоя, так как пиратство практиковалось в древние времена всеми мореходными народами, и только впоследствии было подавлено организованными флотами морских держав. Центром морского разбоя сделались Киликия, находившаяся между Сирией и Малой Азией, на границе двух царств.

Широкому развитию морского разбоя способствовало то обстоятельство, что две главные морские державы того времени Карфаген и Коринф были в одном и том же 146 г. до н. э. разрушены римлянами; множество людей, согнанных со своих мест, среди них и люди благородного происхождения, опытные и искусные в морском деле и в морской войне, занялись

морским разбоем. В Киликии образовалось хорошо организованное пиратское государство, которое содержало большую армию и флот, и постепенно приобретало все большую силу.

Государство, разрушившее упомянутые выше морские державы и покорившее все прилегающие к Средиземному морю земли, унаследовало от этих держав только господство на суше, но не на море. Морское дело было заброшено, что дало морским разбойникам возможность действовать с почти безграничной свободой; они не только захватывали купеческие суда, но грабили побережье и острова, облагали города контрибуциями, захватывали в плен уважаемых граждан, за которых затем требовали выкуп. Римлянам пришлось войти с ними в непосредственное соприкосновение при покорении Малой Азии во времена Суллы; в это же самое время распался большой флот Митридата Понтийского, причем, многие офицеры и матросы этого флота поступили на службу к пиратам.

В каком положении находился в то время римский флот можно судить по тому, что в 87-76 гг. до н. э. Сулла послал одного из своих самых энергичных офицеров, Лукулла, на восток, чтобы собрать флот; Лукулл объехал все страны, на пути в Египет едва не попал в руки пиратов, и только в гаванях Сирии, Кипра и на Родосе ему удалось собрать довольно сильную эскадру, с которой он и принял участие в войне.

Морские разбойники продолжали действовать все с большей дерзостью и грабили даже берега Сицилии и Италии: они, например, подошли к Сиракузам, укрепились около бухты и оттуда стали делать набеги вглубь острова. Города, которые не хотели сдаваться, или платить контрибуцию, они брали штурмом, с острова Липары они брали постоянную дань в качестве выкупа, обеспечивавшего этот остров от разграбления. Подвоз припасов в Рим (житницами Рима были Сицилия, Сардиния и Африка) был настолько затруднен вследствие грабежей, что в городе цены страшно поднялись и ему стал угрожать голод. Пираты дошли до самой Остии и уничтожили стоявший в гавани, снаряжавшийся против них римский военный флот.

Это переполнило чашу терпения. Дело шло не только об оскорблении, нанесенном Риму; римская чернь, к тому времени уже ставшая почти всемогущей, вследствие воздорожания хлеба на себе самой почувствовали влияние морского разбоя, и тогда пришлось приступить к решительным мерам.

Флот и армия уже неоднократно посылались римлянами для уничтожения морских разбойников, но сколько-нибудь заметного успеха достигнуто не было. Только проконсул Сервилий, человек энергичный, в течение трех лет (с 78 по 76 гг.) вел против них упорную и кровопролитную войну и впервые добился некоторых существенных результатов; он разбил их на море, взял штурмом целый ряд принадлежавших им гаваней, городов и крепостей в Ликии, Памфилии, Киликии и Исаурии, уничтожил множество их кораблей, за что был награжден триумфом и прозвищем «Исаурийского». Однако разбои искоренены не были, так как постоянной морской полиции по-прежнему не существовало.

Вследствие этого уже в следующем году против пиратов была выслана новая экспедиция, причем начальнику ее, Марку Антонию (отец Марка Антония), были даны такие полномочия, какие до тех пор не давались ни одному римлянину: «власть над всеми морскими берегами, состоящими под римским владычеством»; по этим полномочиям можно лучше всего судить о том значении, какое приобрели морские разбойники. Однако Марк Антоний думал больше о своем обогащении, чем о выполнении порученного ему дела: он в течение пяти лет вел войну, но никаких результатов не достиг и даже сам потерпел поражение на море от критян, с которыми и заключил мир.

Это был момент наибольшего развития сил морских разбойников. В 70 г. до н. э. у них было более 1000 прекрасно построенных и вооруженных кораблей, под властью их находилось около 400 городов, причем, главной гаванью их был Корацезиум, находившийся на границе Киликии и Памфилии, а в горах Тавра, тянувшихся позади этого города, у них было множество укрепленных горных замков.

Перерыв в доставке провианта создал в Риме настолько серьезное положение, что в 67 году народный трибун Габиний, несмотря на энергичное противодействие сената, провел в народном собрании закон, носивший его имя (*lex Gabinia*), согласно которому для подавления морского разбоя назначалось особое лицо, облеченное самыми широкими полномочиями, превосходившими даже те, которые даны были Марку Антонию: ему была дана неограниченная власть на всем Средиземном море, включая и Понт, и над всеми его берегами на расстоянии 75 километров вглубь страны; в его распоряжении был дан флот в 500 кораблей, армия из 120 000 человек пехоты и 5000 всадников, право распоряжаться по своему усмотрению государственной казной, всеми капиталами и другими средствами в провинции. Полномочия эти давались на три года, причем, ему было предоставлено право самому выбрать всех своих подчиненных.

Такая власть противоречила всем традициям, и облечение ею одного лица можно рассматривать как переход к монархии; республика, в которой мог пройти такой закон, должна была считаться подготовленной к единовластию. Конец Римской республики был, в известном смысле, вызван морской войной.

Деятельность Помпея

Лицо, которому предполагалось дать такие полномочия, названо не было, но это не мог быть никто иной, как Гней Помпей, звезда которого в то время находилась в полном блеске и поднималась все выше; он и был назначен сенатом на эту должность и блестяще оправдал павший на него выбор.

Война против морских разбойников не представляет интереса в тактическом отношении, зато в стратегическом смысле она имеет существенное значение. План Помпея заключался в том, чтобы в корне уничтожить разбой на всем Средиземном море, а не только бороться с ним, как это до тех пор делалось, в его основном гнезде – на южном берегу Малой Азии и на Крите. Достичь этого, сосредоточив все свои силы на одном месте было невозможно, так как власть неприятеля не ограничивалась одним или несколькими пунктами, а распространялась на все Средиземное море.

Поражение неприятеля в каком-нибудь одном пункте имело бы значение только на короткое время и только для одного этого пункта, так как разбойники быстро рассеялись бы в разные стороны и снова принялись бы за свое дело в другом месте или вернулись бы на старое, как только победитель оттуда удалится. Поэтому Помпею пришлось отказаться от общепринятого в стратегии основного правила «держатъ силы вместе» и сделать противоположное тому, что делали его предшественники; это было совершенно правильно, так как в данном случае дело шло не о войне на море. Помпей решил атаковать морских разбойников во всех их притонах, по возможности одновременно, но при этом не только разбить их, но и окружить так, чтобы не дать им возможности спастись бегством. Для выполнения этого плана в его распоряжении имелись достаточные силы, по крайней мере, для одной половины Средиземного моря, так как он, по-видимому, даже не воспользовался всеми данными в его распоряжение силами. К тому же морские разбойники далеко не могли считаться равносильным противником для отлично вооруженного римского флота, причем, и организация их не обладала достаточной гибкостью, чтобы в течение долгого времени противостоять в серьезной борьбе мировой державе. Однако способ, каким Помпей распорядился своими силами, и необыкновенная быстрота, с которой он коренным образом разрешил порученную ему задачу, заслуживают полного внимания, вследствие чего ниже и приводится краткое описание его действий.

Помпей разделил Средиземное море на тринадцать районов и в каждый из них назначил достаточно сильную эскадру с соответствующим количеством войск; отряды эти должны были обыскать и очистить от пиратов весь берег и острова. Сам он оставил себе эскадру из 60 лучших

кораблей под своим непосредственным начальством, с которой стал крейсировать в открытом море, чтобы иметь возможность прийти на помощь в наиболее опасных местах.

Он начал свою деятельность в западной половине Средиземного моря; одной эскадре был поручен восточный берег Испании, другой – южный берег Франции и т.д.; сам он остался в Тирренском море и крейсировал между Италией, Сицилией и Сардинией. Все эскадры так быстро и настойчиво взялись за выполнение порученного им дела, что в течение 40 дней это громадное пространство было совершенно очищено от разбойников. Морская торговля снова пошла обычным порядком, продовольствие подвозилось в Рим в изобилии, и цены на зерно упали до обыкновенного уровня. Это произвело, конечно, громадное впечатление.

Тогда Помпей перешел к восточной части Средиземного моря; он снова распределил эскадры по всем берегам и островам, а сам направился против главного разбойничьего гнезда – Корацезиума. До тех пор разбойники не осмеливались оказывать сопротивлением сильным римским эскадрам, но тут взялись за оружие и, после упорной битвы, были разбиты. Тогда Помпей без сопротивления высадил свои войска и принялся за разрушение укрепленных разбойничьих замков. Значительные силы, которыми располагал Помпей, и его настойчивость, произвели сильное впечатление на разбойников. К скорейшей сдаче их побудило и то, что Помпей обещал сдающимся жизнь и свободу, тогда как прежде римляне распинали всех захваченных ими разбойников. Имея такой выбор, большинство их предпочло сдаться, причем, очень многие были выданы своими же товарищами. Таким образом, и восточная часть Средиземного моря в семь недель была очищена от морского разбоя.

У разбойников было частью взято, частью выдано ими самими около 400 судов, в том числе 90 военных кораблей; кроме того, вероятно, до 900 судов было уничтожено; принадлежавшие разбойникам гавани были захвачены, верфи уничтожены, 120 укрепленных замков разрушено; было убито, по-видимому, до 10 000 разбойников и около 20 000 взято в плен; кроме того, захвачена была громадная добыча и освобождено много пленников, в том числе много знатных римлян, которых уже давно считали погибшими. Захваченных пленных Помпей расселил по опустошенным городам Малой Азии.

Таким образом, Помпей менее чем в три месяца выполнил возложенную на него задачу. В его распоряжение были даны громадные силы, значительно превосходившие силы противника, а потому может показаться, что выполнить задачу было очень легко; так обыкновенно смотрят на всякий, даже величайший военный успех – повторяется история с колумбовым яйцом; каждый задним числом полагает, что необходимость предпринятых мер была очевидна сама собой, на деле же из многих тысяч людей обыкновенно находятся только единицы, обладающие тем верным взглядом, который подсказывает правильное решение. Как бы просты и очевидны ни казались меры, предпринятые Помпеем, однако никто из его предшественников, из которых одному тоже были даны чрезвычайные полномочия, не догадался их применить.

Подобные случаи повторялись не раз и в позднейшее время. Буканиры (флибустьеры) в свое время образовали в Вест-Индии такое же пиратское государство; ближайшим же примером являются Берберийские государства на северном берегу Африки; они в течение столетий практиковали свое разбойничье ремесло, против них время от времени принимались экспедиции Карлом V и Людовиком XIV. В XIX столетии Алжир подвергался бомбардировке англичан и североамериканцев, но искоренен морской разбой был только тогда, когда Франция в 1830 году завоевала Алжир. Помпею же потребовалось менее трех месяцев на очищение всего Средиземного моря.

Независимо от удачного составления общего плана войны, стратегический талант Помпея особенно выразился в его умении сохранить в тайне намеченный план действий и свои приготовления, а затем – в быстроте действий, которая обеспечила неожиданность его атаки. Особенного внимания заслуживает одновременная решительная атака неприятеля на всех пунктах, благодаря чему у него была отнята возможность укрыться или собрать свои широко

разбросанные силы для решительного сопротивления; наконец, надо отдать справедливость той быстроте и уверенности, с которыми он вел все операции.

В течение своей богатой событиями жизни, Помпею пришлось совершить немало значительных дел: он командовал армиями и одержал не одну победу на суше, но самой блестящей страницей его истории является, несомненно, его руководство флотом во время этой морской войны, которую он с неожиданной быстротой и полным успехом довел до конца.

Тем временем, как уже говорилось выше, кораблестроение сделало дальнейшие успехи. Корабли стали строиться крупнее и выше, причем их снабжали метательными машинами, для защиты которых, а также сражающихся, стали делать высокие борта и даже ставить башни: кроме тяжелых снарядов для разрушения бортов, стали входить в употребление и зажигательные снаряды; были сделаны усовершенствования для более удобного действия в абордажном бою. Для особых целей начали строить специальные суда, например, маленькие быстроходные корабли. Сражение обыкновенно начиналось с дальней дистанции и только потом переходило в абордажный бой; таран потерял большую часть своего значения, и таранить стали только тогда, когда к этому представлялся исключительно благоприятный случай. Применение Римом своего флота для поддержки сухопутной армии выдвинуло много специальных задач, которые флоту приходилось выполнять.

Развитие судостроения отразилось и в другой области, например, в постройке роскошных кораблей. Парадный корабль Птолемея Филопатора имел более 400 футов длины, а высота его от киля до палубы равнялась 80 футам. Приделанные в виде украшения фигуры животных имели 18 футов высоты; корабль имел семь башен, самые длинные весла были в 55 футов длины и для противовеса были залиты свинцом. На корабле было 4000 гребцов и более 3000 остального экипажа, всего более 7000 человек.

У других больших царских кораблей особое внимание было обращено на роскошную отделку: помещения для пиршеств имели мозаичные полы, были устроены павильоны, обширные сады, роскошные жилые помещения; везде было кедровое дерево, слоновая кость, позолота, мраморные колонны.

В Сиракузах такой корабль был у Гиерона II, выстроенный для него Архимедом; мачта его состояла из одного куска, для чего было вырублено самое высокое дерево в Бруцииуме. На корабле было множество залов для празднеств, молитвенных залов и роскошных жилых покоев; кроме того, на нем были купальни, даже паровая баня, дюжина стойл для лошадей, большие резервуары для воды; кругом палубы стояло восемь башен. Главная катапульта, построенная Архимедом, могла метать камни весом до 150 фунтов на расстояние в 400 футов: железная изгородь защищала от абордажа; у корабля было 4 больших деревянных и 4 железных якоря. Гиерон впоследствии подарил этот корабль египетскому царю, так как он с трудом входил в гавани Сицилии.

На дне озера Неми в горах Альбани (в окрестностях Рима) были найдены остатки одного такого роскошного корабля; большая часть этих остатков находится в настоящее время в музее Диаклетиановых терм в Риме, где можно любоваться необыкновенно прочной постройкой корпуса и видеть отдельные части вооружения. На этом корабле также были сады, расположенные в виде террас с храмами и беседками, и громадные залы. Этот корабль, по-видимому, постоянно стоял на якоре, на маленьком озере, тогда как упомянутые выше два громадных корабля могли передвигаться, и даже пересекали море.

Такие колоссальные постройки могли иметь значение для обороны, но для наступления они, конечно, совершенно не годились.

Роскошные корабли меньших размеров, встречались гораздо чаще; такие корабли имелись даже у морских разбойников и отличались легкостью и быстротой хода. Особые требования, которые предъявлял к кораблям разбойничий промысел, также принесли свою долю пользы судостроению. Так, например, Агриппа впервые познакомился с судами, носившими

название «либурн» (*liburna*) и оказавшими ему впоследствии значительную пользу, у одного разбойничьего племени на Иллирийском берегу.

Глава V. Битва при Акциуме

Агриппа как морской вождь

Во всемирной истории обыкновенно очень мало говорится о морских войнах, но одно морское сражение, тем не менее, всегда упоминается – сражение при Акциуме в 31 г. до н. э. Обойти это сражение молчанием невозможно, так как с тех пор, как стоит мир, ни одно сражение, сухопутное или морское, не имело такого значения. Сражение это на целые столетия предредило судьбы всего известного тогда мира, сосредоточив власть над ним в руках одного человека, Октавиана Августа, и дав начало всемирной Римской империи, которая просуществовала более четырех столетий (до 395 г. н. э.), когда Феодосий разделил ее на восточную и западную Римскую империю. По сравнению с этим сражением, не только все другие битвы, но даже целые войны отступают на второй план, так как ни одна из них не имела даже приблизительно такого громадного и такого продолжительного влияния на судьбы человечества.

Чтобы объяснить себе этот факт, нужно припомнить тогдашнее крайне запутанное положение дел, которое мы попробуем обрисовать в кратких чертах, обратив особенное внимание на значение более близкого знакомства римлян с морем.

В течение почти пяти столетий, которые потребовались римлянам на покорение Италии, они, несмотря на длинную береговую линию своей страны и на то значение, которое со временем приобрела их морская торговля, держались почти совершенно в стороне от моря. До тех пор они всегда придерживались, как во внутренних делах, так и во внешних сношениях, хотя и эгоистической и агрессивной, но, в общем, прямой политики; но как только они пришли в постоянное соприкосновение с морем, что, впрочем, в первое время выразилось только в переправе через узкий Мессанский пролив, они тотчас же начали отступать от своих прежних принципов. Они совершенно справедливо подвергли публичному телесному наказанию, а затем казнили наемников, которые предательством и убийством завладели Региумом и, как морские разбойники времен Помпея, жили, главным образом, грабежом; между тем, несколько лет спустя они заключили союз с мамертинцами, которые решительно ничем не отличались от этих разбойников.

Римляне, то есть сенат, руководивший политической жизнью страны, ради материальных выгод изменил тем основным нравственным принципам, на которых создавалось римское государство, и без которых оно никогда не достигло бы своего величия. Этот дурной пример оказал влияние не только на внешние сношения Рима, но отразился и на самом римском народе, и это был первый шаг, который сделал Рим на пути к нравственному падению.

Война на море потребовала постройки и вооружения громадного флота, точнее, по вине самих римлян, ничего не смысливших в морском деле, – нескольких больших флотов одного за другим; это вынудило римлян отказаться еще от одного из основных принципов своей политики – мягкого обращения с находившимися в зависимости от них союзниками, которое привязывало их к Риму. Они стали с крайней суровостью угнетать своих морских союзников и довели их до такого истощения, что натолкнули их на мысль о восстании и отпадении от Рима. Это было одной из главнейших причин того, что вторая Пуническая война затянулась на такое продолжительное время, что, в свою очередь, повлекло за собой жестокое наказание восставших и огрубение нравов самих римлян.

Большие контрибуции, полученные с Карфагена и других побежденных стран, а также увеличившиеся вследствие расширения государства морские сношения породили роскошь и

легкомысленный образ жизни, вместо существовавшей до тех пор простоты и строгости нравов; зло это особенно распространилось с тех пор, как проконсулы стали возвращаться в Рим с огромными богатствами, награбленными за один только год управления колониями, число которых постоянно возрастало (то же самое наблюдалось у чиновников в английских Ост-Индских колониях). Весь мир обеднел, так как богатства стекались в Рим, где процветала величайшая роскошь и испорченность нравов: вера и верность исчезли, все стало продажным, и везде воцарился золотой телец.

Понятно, что при таких условиях стала разрушаться и прежняя государственная организация. В городе, достигшем колоссального размера, увеличивалось число рабов, пролетариат делался все многочисленнее, и резкая разница между богатыми и бедными классами с каждым днем возрастала. Это открыло широкое поле для деятельности демагогов, возникли внутренние смуты. Отдельные выдающиеся люди, как например Марий и Сулла, стали мечтать о единовластии и ввергли государство в кровавую междоусобную войну. Вместе с тем начались массовые изгнания и убийства политических противников, от которых было желательно избавиться, или даже просто богатых людей, состояние которых желательно было захватить. Стало опасным играть какую-нибудь политическую роль.

Закон Габиния давал Помпею возможность захватить единовластие, но у него не хватало решимости воспользоваться этим законом и, закончив в короткий срок войну с морскими разбойниками, он сложил с себя предоставленную ему громадную власть; так же поступил он и еще раз, при другом подобном же случае. Однако, несколько лет спустя, в 60 году, он принял участие в захвате власти вместе с Цезарем и Крассом; это разделение власти продолжалось, впрочем, только около десяти лет, после чего Цезарь, превосходивший его своей энергией, одержав в 48 году победу при Фарсале, захватил всю власть в свои руки.

Вслед затем, Цезарь в августе месяце того же 48 года отправился в Александрию, чтобы урегулировать спорный вопрос о престолонаследии; он взял с собой 5000 человек на десяти военных кораблях, которые были встречены египтянами враждебно. Под начальством некоего Ахилла была сделана попытка отрезать сообщение Цезаря с морем и запереть его вместе с кораблями, для чего египтяне блокировали оба выхода из гавани.

Однако Цезарь быстро одолел неприятеля; он прорвался через линии египтян, оттеснил их в устья Нила и там сжег их корабли. Затем он занял остров Фарос, лежавший против новой александрийской гавани, восстановил морское сообщение и вытребовал из Сирии, Родоса и Крита новые боевые силы.

Тем временем египтяне закончили свои зимние приготовления: в Ниле стояли наготове 27 больших кораблей (в том числе 5 пентер) и множество других судов. Цезарь мог выставить против них 15 крупных судов (в том числе также 5 пентер) и 19 меньших военных кораблей. Тем не менее, он вышел в море и немедленно выстроил боевую линию впереди гавани; египтяне, отделенные от него рифом, лежавшим перед старой гаванью Александрии, также изготовились к бою, но ни тот ни другой из противников не хотел перейти по одному из узких проходов, имевшихся в этом рифе, на другую сторону для атаки неприятеля, так как опасался очутиться при проходе этого дефиле в невыгодном тактическом положении.

Тогда командир четырех кораблей, пришедших с Родоса, предложил пройти через средний проход; Цезарь с главными силами быстро последовал за ним, неожиданно атаковал египтян и, несмотря на значительно более слабые силы, после долгого и упорного боя одержал полную победу. Только немногим неприятельским кораблям удалось под прикрытием выставленных на берегу лучников укрыться в гавани; большая часть кораблей была захвачена или уничтожена Цезарем.

Со времени начала первой Пунической войны и до того времени, когда Рим достигладычества над миром, то есть над всеми прилегающими к Средиземному морю странами, прошло почти двести лет. Несмотря на это, ни на западе, ни на востоке не было ни одного государ-

ства, которое могло бы явиться для него сколько-нибудь серьезным соперником; объясняется это тем, что никто не оценивал того влияния, какое может оказать флот при целесообразном его употреблении, никто не сознавал значения господства на море.

Римляне совершили все свои великие завоевательные походы на суше и пользовались флотом только в случаях крайней нужды для перевозки войск или же для какой-нибудь другой определенной цели, например, при осаде. Если бы они целесообразно пользовались флотом, то могли бы завоевать те же страны с гораздо меньшими усилиями, тогда как без его помощи силы их истощались затяжными или постоянно возобновлявшимися войнами, так что иногда им требовалось значительное время для восстановления этих сил.

Первым римлянином, оценившим значение морского владычества, был Секст Помпей. Это случилось после того, как он потерпел неудачу в сухопутных войнах (битвы при Тапсе в 46 г. и при Мунде в Испании в 45 г. до н. э.). Когда после убийства Цезаря Октавиан, Антоний и Лепид поделили между собой весь мир, Помпей создал флот в западной части Средиземного моря, с которым в 41 году он разбил флот Октавиана у скал Сциллы. В следующем, 40 году до н. э., он получил полную свободу действий на море, так как Октавиан должен был заняться усмирением опасного восстания, поднятого в Италии женой Антония, развратной Фульвией, которая по собственной инициативе пыталась его свергнуть. Помпей воспользовался этим случаем, опустошил побережья Италии, прервал морскую торговлю и отрезал подвоз припасов к Риму. В следующем году он вошел в союз с Антонием, который незадолго перед тем заключил триумвират с Октавианом и Лепидом, и когда Антоний с большим флотом пришел в Италию, то Октавиан был вынужден согласиться на все требования Антония и Помпея, которые являлись полными хозяевами на море. Благодаря этому Помпею удалось заставить признать себя независимым властителем Сицилии, Корсики и Пелопоннеса, причем со своей стороны он обязался снабжать Рим зерном; таким образом, он воспользовался своей властью на море, и так как Рим не мог существовать без привозного зерна, то Октавиан оказался в полной зависимости от Помпея.

Такое положение дела было невыносимо для властителя громадного государства, и Октавиан, как только создал флот, который считал равносильным флоту Помпея, немедленно нарушил заключенный с ним договор.

Морское военное дело тем временем изменилось в том отношении, что стало проявляться стремление задействовать в бою более значительные массы, чему примером служит переход от трирем к пентерам. В связи с этим переходом и благодаря успехам техники начали придавать большое значение громоздким метательным машинам, между тем, как раньше довольствовались лучниками, расположенными на палубах и площадках на мачтах. Корабли начали строить гораздо прочнее и с высокими бортами, на палубе стали устанавливать тяжелые метательные машины, а также башни (деревянные сооружения, на которых помещались легкие метательные машины, стрелки из лука, пращники и копейщики).

Доказательством отвращения римлян к морю может служить то обстоятельство, что у обоих противников флота командовали не сами военачальники и не благородные римляне, а вольноотпущенники, которые раньше считались низшим классом и употреблялись только для работы на веслах.

Прежде всего, Октавиан без объявления войны приказал внезапно отобрать у Секста Помпея Сардинию и Корсику; после этого произошел бой между флотами, в котором флот Октавиана потерпел поражение, а затем был уничтожен бурей. Таким образом, снова возникла опасность, что Риму будет отрезан подвоз припасов, что легко могло привести Октавиана к гибели; поэтому необходимо было создать как можно скорее новый флот и найти для него искусного вождя; таким был Марк Агриппа, друг и товарищ детства Октавиана, которого он вызвал из Галлии.

Выдающаяся многосторонняя талантливость Агриппы доказывается тем, что в 20 лет он уже выступал публично в Риме обвинителем против Кассия, убийцы Цезаря, в 22 года отличился в войне против Фульвии, а в 25 лет с успехом командовал армией в Галлии и Германии. Отсюда он был вызван в Рим, чтобы принять начальство над новым флотом для действий против Секста Помпея. Дион Кассий называет Агриппу лучшим человеком своего времени; во всяком случае он, несомненно, был единственным римлянином, обладавшим талантом к ведению морских войн.

Агриппа застал флот еще неготовым, и всеми мерами стал торопить его постройку, соблюдая, однако, полную и разумную осмотрительность; так для защиты от удара таранов неприятельских кораблей, которые превосходили его корабли быстротой хода и поворотливостью, он приказал устроить на своих судах защитный пояс, состоявший из крепких брусьев, укрепленных на корабельных корпусах на высоте ватерлинии.

Все римские военачальники, действовавшие до тех пор (в течение двух с четвертью столетий), удовлетворялись бы быстрой постройкой флота и немедленно выступили бы из Остии против неприятеля, но Агриппа понимал, что флоту необходима операционная база, то есть безопасная гавань с защищенным рейдом, расположенная ближе к театру войны, к Сицилии. Отсутствие такой гавани вызывало постоянную необходимость продолжительных переходов вдоль берегов Италии, у которых не было ни одного укрытого места, что вызывало большую потерю времени и было, отчасти, причиной тех кораблекрушений, которым неоднократно подвергался римский флот после многочисленных сражений, разыгравшихся в этих местах, начиная со сражения у Миле в 260 году и до сражения у Кум в 37 году; дальность расстояния, конечно, отражалась и на скорости исправления поврежденных судов.

Для этой цели Агриппа приказал прорыть в двух местах узкую полосу, отделявшую залив Байи (Поцуолли) от Лукринского озера (между Неаполем и Кумами) и прорыть от него канал до Аверинского озера; таким образом, получилась гавань с двумя входами, с защищенной бухтой, служившей ей рейдом; гавань эту он назвал портом Юлия. Здесь были собраны, вооружены, снабжены экипажами и начали свои упражнения корабли, строившиеся по всему побережью. Для пополнения экипажей Октавиан освободил 20 000 рабов, при условии службы на судах; тогда Агриппа начал неустанно упражнять своих людей, пока они уже не оставляли желать ничего лучшего.

Весной 36 года флот был готов к действию. План войны заключался в том, чтобы переправить у Мессаны армию в Сицилию и был разбить флот Секста Помпея. Октавиан вышел в море вместе с Агриппой, но у мыса Полинура флот был застигнут сильной бурей, свирепствовавшей во всей средней части Средиземного моря; на этот раз не погиб ни один корабль, но многие из них потерпели серьезные аварии, так что Агриппа воротился назад в порт Юлия для починок.

Та же буря настолько повредила флот из 70 кораблей, посланный Лепидом из Африки на помощь Октавиану, что о нем впоследствии уже больше не упоминается, а также принудила другой флот – 120 кораблей, посланных Антонием из Египта, искать спасение в Греции.

Как только Агриппа закончил исправление своих судов, он пошел к Липарским островам, занял самый южный из них (Термесса или Гиера) и устроился там для наблюдения за неприятельским флотом, стоявшем в Миле, напротив этого острова, в 12-15 морских милях. Флот этот находился под начальством вольноотпущенника Демохара, между тем, как сам Секст Помпей стоял с эскадрой у Мессаны, чтобы помешать переправе Октавиана с армией в Сицилию.

Оба флота в течение долгого времени стояли, наблюдая друг за другом, и лишь пробовали свои силы в небольших стычках; наконец, Агриппа решился действовать. После рекогносцировки он решил атаковать неприятеля и двинулся на него со всем своим флотом, выстроенным в развернутом фронте. Неприятель, по-видимому, только и ждал этого, и тотчас же вышел ему навстречу с таким же намерением и в таком же строю.

На этот раз с обеих сторон сражались римские флоты и поэтому никакого глубокого или сложного боевого построения не было, а был просто тот строй, который издавна был в употреблении у всех мореходных народов, которые никогда не занимались изучением тактики.

Число кораблей, участвовавших в бою, неизвестно, но перевес в численности был на стороне Агриппы; корабли его были больше и тяжелее, отчасти, вследствие поясной брони, но зато они были менее быстроходными, чем корабли Помпея. На палубе у них были башни, различные метательные машины, и экипаж их был более многочислен. Таранный удар их, при их большей массе, был сильнее неприятельского. Неприятельские корабли были меньше и легче, а потому быстроходнее и поворотливее, вследствие чего более пригодны для атаки тараном и для обламывания весел и руля; однако действию их тарана отлично противостоял защитный пояс, а сами они, вследствие более легкой конструкции, были менее устойчивы против таранного удара; для абсордажного боя, в виду меньшей численности их экипажа и меньшей высоты бортов, они также были менее приспособлены.

Таким образом, на стороне Агриппы было не только превосходство в численности кораблей, но и в оборонительной их силе и в силе вооружения. Несмотря на это, исход сражения долго был сомнителен; командиры кораблей Помпея искусно воспользовались своим преимуществом в маневрировании и успели вывести из строя несколько кораблей Агриппы, но против их попыток таранить, что являлось самым опасным приемом, броневые пояса оказались превосходной защитой. С другой стороны, Агриппа и его помощники достигли значительных результатов, когда им удалось пустить в ход таран, но еще больше они нанесли вреда противнику всевозможными метательными снарядами: камнями, бревнами, стрелами, копьями, которые они бросали на неприятельскую палубу со своей более высокой палубы и с еще более высоких палубных башен; кроме того, у них были абсордажные крюки и более сильные экипажи.

Наконец, Агриппе удалось пустить ко дну неприятельский флагманский корабль. Демонахар со своим экипажем вплавь перебрался на другой корабль (между сражающимися кораблями ходили шлюпки с эскадры Помпея, чтобы подбирать плавающих), но, тем не менее, он вынужден был начать отступление, при котором он, по-видимому, почти не подвергся преследованию – сведения по этому поводу разноречивы. Агриппа потерял только пять кораблей, а противник его – тридцать и был вынужден покинуть поле сражения. Таким образом, Агриппа одержал победу в первом же своем морском бою.

Приблизительно в то же время, когда происходил бой при Миле, Октавиан со своими легионами переправился в Тавромениум, к югу от Мессаны, и благополучно высадил войска. Его эскадра, вероятно, на обратном пути в Региум была атакована эскадрой Помпея и полностью разбита; почти все корабли были потоплены, захвачены или сожжены; сам Октавиан едва спасся в шлюпке. Столь могущественному и прославленному впоследствии императору удивительно не везло на море.

Три легиона, высадившиеся у Тавромениума под командой Конифиция, сильно пострадали от войск Секста Помпея; надежды на подкрепления из Италии не было никакой, а после уничтожения эскадры гибель их была неминуема; однако Агриппа, который тем временем захватил несколько городов на северном берегу Сицилии, чтобы закрепиться на острове, получил вовремя известие о печальном положении этих легионов. Он тотчас выслал им на помощь еще три легиона, которые освободили их и вместе с ними присоединились к Агриппе. Последний занял маленькие города Тиндар и Миле и, таким образом, обеспечил для Октавиана место высадки, куда тот и переправился со значительной армией, причем к северу от Мессаны безопасность переправы обеспечивалась флотом Агриппы.

Противостоять такой силе Секст Помпей, конечно, не мог, но так как избежать развязки все равно было невозможно, то Помпей предпочел перенести ее на море, на котором находился центр тяжести его сил. Таким образом, в том же году, вероятно, в октябре месяце, произошло

второе морское сражение почти на том же месте, где и первое; сражение это, по имени лежащего недалеко к востоку от Миле местечка, носит название сражение у Навлоха.

Флот Помпея, который стянул сюда все свои силы, состоял из 300 судов; командовал им, кроме Демохара, еще другой вольноотпущенник, Аполлофан. Флот Агриппы был, по-видимому, доведен до той же численности, причем, экипаж его состоял не менее, как из 120 000 человек, что значительно превышало численность экипажей Помпея; таким образом, сражение это является одним из самых крупных, которые когда-либо разыгрывались на море; вместе с тем сражение это было одним из самых упорных, кровопролитных и решительных по своим результатам. Корабли, участвовавшие в этом сражении, были, вероятно, того же устройства, как и те, которые сражались несколько месяцев тому назад у Миле, но за этот промежуток времени корабли Агриппы были еще лучше оборудованы метательными машинами и были снабжены новым орудием, изобретенным Агриппой – абордажным снарядом, который состоял из бревна, длиной в три метра, обитого железом, чтобы его нельзя было перерубить, и снабженного на обоих концах крепкими кольцами; к переднему кольцу был прикреплен абордажный якорь, а к заднему – несколько канатов. Этот снаряд бросался при помощи большой метательной машины на неприятельский корабль, который затем удерживался посредством канатов и притягивался к борту своего корабля; конечно, дальность, на которую можно было метать этот снаряд, была невелика, но она все же была больше той, на которую можно было забросить руками абордажный крюк. Кроме того, в этом же сражении были впервые пущены в ход зажигательные копья и стрелы, обмотанные паклей и пропитанной дегтем.

Флот Секста Помпея, двигавшийся с востока (из Мессаны) и флот Агриппы, шедший с запада, были оба выстроены развернутым фронтом и, судя по большому числу кораблей, вероятно, в две линии. Рано утром с оглушительными боевыми криками они бросились друг на друга. Зазвучали рога и, как только флоты сошлись на расстоянии выстрела, заработали метательные машины, затем на близкой дистанции начали стрелять пращники и лучники, бросать копья и горящие дротики. Затем началась общая свалка, причем, противники старались таранить друг друга, обламывать весла или брать неприятеля на абордаж.

Корабли Помпея шли так тесно, что не могли воспользоваться своей быстроходностью и поворотливостью, между тем, как новые абордажные снаряды оказались очень удобными в тех случаях, когда обыкновенные абордажные крюки не могли достать до неприятеля, тем более что у помпеянцев не было пик с кривыми ножами на конце (*sensae*), при помощи которых можно было бы перерезать канаты. Старинный римский способ сражаться на море – абордажный рукопашный бой, в связи с навесной стрельбой зажигательными снарядами и на этот раз решил участь сражения и, конечно, в пользу более высоких и имевших более сильные экипажи кораблей Агриппы.

Агриппа, кроме того, приказал своему левому крылу, которое в сторону открытого моря выдавалось за неприятельскую линию, атаковать неприятеля во фланг и охватить его; вероятно, он воспользовался для этого и частью судов своей второй линии; таким образом, помпеянцы были атакованы и с тыла, почти окружены и прижаты к берегу; они даже не пытались произвести какой-нибудь маневр или перехватить в свои руки инициативу боя с того момента, как началась общая свалка.

Как это обыкновенно бывает в тех случаях, когда слабейший ставит все на карту в неравном бою, сражение закончилось полным поражением помпеянцев; из всех их кораблей только семнадцати удалось бежать в Мессану; 28 было пущено ко дну, многие сожжены, остальные сели на мель и были захвачены; паника была так велика, что Аполлофан с совершенно исправными кораблями сдался Агриппе, несмотря на то, что имел полную возможность спастись бегством; Демохар с отчаяния сам лишил себя жизни. Флот Агриппы потерял, будто бы, только три корабля, пробитых таранами.

Секст Помпей не принимал участия в этом решительном сражении и наблюдал за ним с берега; с полным поражением флота для него было все потеряно, так как армия Октавиана была сильнее его армии, и, кроме того, ему угрожал Лепид. Поэтому он бежал морем, притом так поспешно, что даже не оставил никаких распоряжений своей армии; он отправился в Малую Азию и там попал в руки одному из военачальников Антония, который заключил его в Милете в тюрьму, где он вскоре умер.

Армия его, оставшаяся без руководителя, перешла на сторону Лепида, который с большим войском переправился из Африки в Лилибеум и двинулся на Мессану, чтобы тоже принять участие в дележе наследства Секста Помпея. В распоряжении у него оказалось 22 легиона, и тогда он предъявил своему сотоварищу по триумvirату, Октавиану, свои права на владение Сицилией. Обстоятельства принимали такой оборот, что Октавиану приходилось снова начинать войну за обладание совершенно необходимым для Рима островом. Обе могущественные армии стояли в боевой готовности друг против друга, но Октавиан нашел способ покончить дело ценой денег, а не кровью; как и все в те времена, продажны были и солдаты и офицеры Лепида. Конечно, для подкупа нужны были громадные деньги; откуда они были взяты – неизвестно, но в результате Лепид неожиданно был покинут своими войсками и оказался один против Октавиана, у которого в распоряжении было уже 45 легионов. Поэтому он стал смиренно просить своего молодого сотоварища по владычеству над миром о пощаде, и тот, правильно оценив его ничтожество и бесхарактерность, даровал ему эту пощаду.

Заслуживает внимания, что Лепид после этого еще в течение 23 лет спокойно прожил в качестве богатого частного лица в Цирцее около Рима. В течение полутора десятилетий он играл важную роль в политической жизни страны и вместе с Антонием и Октавианом распоряжался судьбами мира; во время триумvirата он вместе с ними отправил в изгнание и казнил тысячи знатнейших и богатейших римлян (в их числе был и Цицерон); после того он был неограниченным властителем громадного царства и даже мечтал о его расширении, причем, по-видимому, у него зарождалась и мысль о господстве на море; теперь же он довольствовался ничтожным и праздным существованием обеспеченного рантье, которое он, по милости Октавиана, вел в течение еще нескольких десятилетий. При этом ни один из потомков убитых им людей ни разу не нарушил его благополучного существования. В Риме уже не было речи о справедливом возмездии или о каких-либо нравственных принципах: общая распущенность и жажда наслаждений были характерным признаком того времени; даже наиболее выдающиеся люди не имели достаточно самоуважения и мужества, чтобы прилично окончить свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.